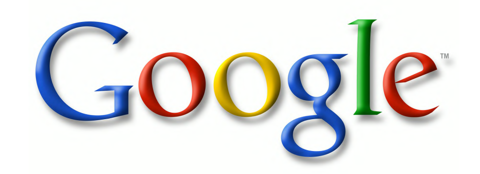

СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

(1883—1902)

Проф. С. Ѳ. Платоновъ

СТАТЬИ
по
РУССКОЙ ИСТОРІИ

(1883—1902)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1903

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

Въ настоящій сборникъ вошло все написанное авторомъ по русской исторіи, кромѣ двухъ его диссертацій, предисловій къ изданнымъ имъ текстамъ историческихъ памятниковъ и тѣхъ рецензій, въ которыхъ нѣтъ самостоятельныхъ научныхъ наблюденій автора.

Вся ученая дѣятельность автора связана съ С.-Петербургскимъ университетомъ, въ которомъ онъ былъ студентомъ и состоитъ профессоромъ. Своей almae matri посвящаетъ онъ настоящій сборникъ.

С.-Петербургъ,
10-го марта 1903 года.

ЗАМѢТКИ ПО ИСТОРІИ МОСКОВСКИХЪ ЗЕМСКИХЪ СОБОРОВЪ.

(1883).

Въ нашей ученой литературѣ за послѣднее двадцатипятилѣтіе можно насчитать до 20-ти статей, посвященныхъ земскимъ соборамъ, что свидѣтельствуетъ, конечно, о томъ, съ какимъ значительнымъ интересомъ относится наша наука къ этому любопытнѣйшему явленію въ жизни Московскаго государства. Казалось бы, что въ такой массѣ статей весь матеріалъ, предлагаемый источниками, уже исчерпанъ, всѣ темныя частности вопроса выяснены, на сколько то позволяло состояніе источниковъ, и новаго сказать о вопросѣ уже нечего. Но это не совсѣмъ такъ. Вчитываясь въ богатую по объему литературу вопроса, знакомый съ предметомъ легко можетъ замѣтить, что большинство статей о земскихъ соборахъ не стоятъ—и даже не стояли въ моментъ своего появленія — на должной научной высотѣ. Этого нѣтъ надобности и доказывать. Съ другой стороны, писавшіе о земскихъ соборахъ ученые не исчерпывали всего того матеріала, какой даютъ для исторіи соборовъ наши археографическія изданія. До-

статочно сказать, что до сихъ поръ совершенно оставались въ сторонѣ «Дворцовые Разряды» и «Книги Разрядныя», которыя, строго говоря, должны стоять на одномъ изъ первыхъ мѣстъ для исторіи соборовъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича по сравнительному обилію данныхъ для нашего предмета. Далѣе, много частностей вопроса, несмотря на то, что о нихъ шла уже рѣчь, остаются нерѣшенными и темными. Въ видѣ примѣра можно указать на вопросъ о томъ, были-ли наши соборы собраніями сословными или же нѣтъ. Источники съ достаточной ясностью говорятъ и о сословности древне-русскаго представительства и о сословномъ характерѣ совѣщаній на соборахъ. В. И. Сергѣевичъ съ достаточной убѣдительностью сгруппировалъ эти данныя въ своей превосходной статьѣ о соборахъ. Между тѣмъ, уже послѣ выхода въ свѣтъ труда В. И. Сергѣевича, нѣкоторые ученые высказались противъ его мнѣнія о сословномъ характерѣ земскихъ соборовъ и, должно признать, высказались съ весьма шаткой аргументаціей. Тѣмъ не менѣе, эта аргументація не вызвала до сихъ поръ возраженій. Наконецъ, послѣ появленія (въ 1877 г.) послѣдняго обстоятельнаго обзора земскихъ соборовъ профессора Н. П. Загоскина, напечатаны нѣкоторыя новыя данныя о соборной практикѣ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, въ настоящее время является возможность пересмотра вопроса о земскихъ соборахъ съ надеждой достигнуть, хотя бы въ частностяхъ, нѣкоторыхъ новыхъ результатовъ, положеній, замѣчаній. Нѣсколько такихъ замѣчаній и предлагаются въ нашей статьѣ.

Начать намъ придется съ перваго земскаго собора, созваннаго царемъ Иваномъ Васильевичемъ во дни его

юности. До сихъ поръ не установленъ точно годъ этого собора: Н. М. Карамзинъ повѣствуетъ о соборѣ между 1547 и 1550 гг. (Ист. Гос. Росс., т. VIII, изд. Слениныхъ, стр. 102 и слѣд.); И. Д. Бѣляевъ и В. И. Сергѣевичъ полагаютъ, что соборъ происходилъ въ 1548 г. (*Моск. Унив. Изв.* 1866 — 1867 г., № 4, стр. 241, 251. — Сборн. Госуд. Знаній, II, 5); Н. П. Загоскинъ относитъ соборъ къ 1548—1549 гг. (Ист. права Моск. Государ. I, 214); С. М. Соловьевъ говоритъ, что царь Иванъ могъ обратиться къ народу «не ранѣе 20-го года» своего возраста, а этотъ годъ возраста царя приходится, какъ извѣстно, на время отъ 25-го августа 1549 г. до 25-го августа 1550 г. (Ист. Россіи, т. VI, изд. 4-е, стр. 52). Наконецъ, Е. Е. Замысловскій (Сборн. Гос. Знаній, II, отдѣлъ 2-й, стр. 130) и М. О. Кояловичъ («Три подъема русскаго народн. духа», стр. 6) полагаютъ, что соборъ былъ въ 1550 году. При всемъ этомъ разногласіи любопытно то, что изслѣдователи, кромѣ г. Замысловскаго, не указываютъ тѣхъ мотивовъ, по какимъ они предпочитаютъ тотъ или другой годъ. Отыскивая въ источникахъ точку опоры, которая позволила бы намъ сознательно примкнуть къ какому-либо мнѣнію, мы нашли таковыхъ двѣ: 1) въ Степенной Книгѣ по списку Хрущова, которымъ пользовался Карамзинъ (т. VIII, прим. 182, 184), и отрывокъ изъ котораго напечатанъ въ Собраніи Госуд. Грамотъ и Договоровъ (т. II, № 37), мы читаемъ, что царь Иванъ Васильевичъ «бысть въ возрастѣ 20-году», когда онъ съ воззваніемъ обратился къ народу на Красной площади. Двадцатый же годъ жизни царя приходится, какъ сказано, на 1549—1550 годы. Эту данную, очевидно, и имѣлъ въ виду

статочно сказать, что до сихъ поръ совершенно оставались въ сторонѣ «Дворцовые Разряды» и «Книги Разрядныя», которыя, строго говоря, должны стоять на одномъ изъ первыхъ мѣстъ для исторіи соборовъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича по сравнительному обилію данныхъ для нашего предмета. Далѣе, много частностей вопроса, несмотря на то, что о нихъ шла уже рѣчь, остаются нерѣшенными и темными. Въ видѣ примѣра можно указать на вопросъ о томъ, были-ли наши соборы собраніями сословными или же нѣтъ. Источники съ достаточной ясностью говорятъ и о сословности древне-русскаго представительства и о сословномъ характерѣ совѣщаній на соборахъ. В. И. Сергѣевичъ съ достаточной убѣдительностью сгруппировалъ эти данныя въ своей превосходной статьѣ о соборахъ. Между тѣмъ, уже послѣ выхода въ свѣтъ труда В. И. Сергѣевича, нѣкоторые ученые высказались противъ его мнѣнія о сословномъ характерѣ земскихъ соборовъ и, должно признать, высказались съ весьма шаткой аргументаціей. Тѣмъ не менѣе, эта аргументація не вызвала до сихъ поръ возраженій. Наконецъ, послѣ появленія (въ 1877 г.) послѣдняго обстоятельнаго обзора земскихъ соборовъ профессора Н. П. Загоскина, напечатаны нѣкоторыя новыя данныя о соборной практикѣ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, въ настоящее время является возможность пересмотра вопроса о земскихъ соборахъ съ надеждой достигнуть, хотя бы въ частностяхъ, нѣкоторыхъ новыхъ результатовъ, положеній, замѣчаній. Нѣсколько такихъ замѣчаній и предлагаются въ нашей статьѣ.

Начать намъ придется съ перваго земскаго собора, созваннаго царемъ Иваномъ Васильевичемъ во дни его

ражаясь точно, мы имѣемъ право полагать, что первый земскій соборъ произошелъ *по московскому счету въ 7058 году*, иначе — въ промежутокъ времени между 1-мъ сентября 1549 и 1-мъ сентября 1550 года.

Оставляя въ сторонѣ прочіе земскіе соборы XVI вѣка, какъ достаточно описанные [1]), остановимся на обстоятельствахъ 1612 года, на исторіи второго земскаго ополченія. Н. И. Костомаровъ, послѣдній изслѣдователь смуты XVII вѣка, говоря объ ополченіи 1612 г., сообщаетъ, что у князя Д. М. Пожарскаго было желаніе «окружить себя земскимъ соборомъ, правильно выбраннымъ, который бы имѣлъ право рѣшать судьбу всей земли» («Смутное время», т. III,

---

[1]) Впрочемъ, умѣстнымъ здѣсь будетъ упомянуть о земскомъ соборѣ 1566 года. Вмѣсто одной приговорной грамоты этого собора (Собр. Г. Гр. и Дог. I, № 192 и Прод. Др. Росс. Вивл. VIII, стр. 1—42) будущій историкъ долженъ принять къ свѣдѣнію и еще одинъ документъ, чрезвычайно интересный. Это—такъ называемая Александро-Невская Лѣтопись, извѣстная и Карамзину, и Соловьеву, но напечатанная очень недавно («Русск. Историч. Библіотека», III, ст. 161—294). Она никѣмъ еще не разслѣдована относительно состава и происхожденія, но, безъ сомнѣнія, составляетъ надежный источникъ по массѣ доброкачественнаго матеріала. Это — лѣтопись оффиціальнаго характера, по строю своему любопытная тѣмъ, что являетъ собою переходную ступень между лѣтописью и позднѣйшими разрядами. Собственно о соборѣ 1566 г. въ ней заключается много частностей, дополняющихъ соборный протоколъ. Такъ, лѣтопись говоритъ, что соборъ происходилъ въ личномъ присутствіи царя и его родни; далѣе объясняетъ, почему на соборѣ не было митрополита, указываетъ точно день соборнаго засѣданія (28-го іюня) и проч. Кромѣ того, любопытныя указанія объ этомъ соборѣ приводятся А. П. Барсуковымъ въ его трудѣ «Родъ Шереметевыхъ» (т. I, 286), но неизвѣстно, откуда онъ ихъ почерпнулъ.

Соловьевъ; на нее опирается и г. Замысловскій. 2) Другая же данная находится въ предисловіи къ Стоглаву. Въ немъ помѣщена, между прочимъ, рѣчь царя Ивана къ Стоглавому собору, происходившему, какъ извѣстно, въ 1551 году. Царь говоритъ: «*Въ предыдущее лѣто* билъ есми вамъ челомъ и съ бояры своими о своемъ согрѣшеніи, а бояре такоже, и вы насъ въ нашихъ винахъ благословили и простили, а азъ по вашему прощенію и благословенію бояръ своихъ въ прежнихъ во всѣхъ винахъ пожаловалъ и простилъ да имъ же заповѣдалъ со всѣми хрестьяны царствия своего въ прежнихъ во всякихъ дѣлехъ помиритися на срокъ. и бояре мои (и) всѣ приказные люди и кормленщики со всѣми землями помирилися во всякихъ дѣлехъ. да благословилися есми у васъ *тогды же* судебникъ исправити по старинѣ»... (Стоглавъ, изд. 1862 г., Казань, стр. 46—47, и изд. 1863 г., Спб., стр. 38—39). Въ этой картинѣ всеобщаго покаянія, прощенія и примиренія легко можно видѣть указаніе на первый земскій соборъ, который, дѣйствительно, имѣлъ нравственное значеніе. Другой мѣры подобнаго всеобщаго умиротворенія мы за то время не знаемъ. А при такомъ пониманіи вышеприведенныхъ словъ царя для насъ важное значеніе пріобрѣтаютъ слова: въ «предыдущее лѣто». Значитъ, земскій соборъ былъ только однимъ «лѣтомъ» ранѣе собора Стоглаваго и одновременно («тогды же», какъ выражается царь Иванъ Васильевичъ), когда составлялся Судебникъ, то-есть въ 1550 г. Этотъ выводъ совершенно совпадаетъ съ показаніемъ Степенной Книги Хрущова, что царь Иванъ созвалъ соборъ въ двадцатый годъ своей жизни. Такимъ образомъ, вы-

юности. До сихъ поръ не установленъ точно годъ этого собора: Н. М. Карамзинъ повѣствуетъ о соборѣ между 1547 и 1550 гг. (Ист. Гос. Росс., т. VIII, изд. Слениныхъ, стр. 102 и слѣд.); И. Д. Бѣляевъ и В. И. Сергѣевичъ полагаютъ, что соборъ происходилъ въ 1548 г. (*Моск. Унив. Изв.* 1866 — 1867 г., № 4, стр. 241, 251. — Сборн. Госуд. Знаній, II, 5); Н. П. Загоскинъ относитъ соборъ къ 1548—1549 гг. (Ист. права Моск. Государ. I, 214); С. М. Соловьевъ говоритъ, что царь Иванъ могъ обратиться къ народу «не ранѣе 20-го года» своего возраста, а этотъ годъ возраста царя приходится, какъ извѣстно, на время отъ 25-го августа 1549 г. до 25-го августа 1550 г. (Ист. Россіи, т. VI, изд. 4-е, стр. 52). Наконецъ, Е. Е. Замысловскій (Сборн. Гос. Знаній, II, отдѣлъ 2-й, стр. 130) и М. О. Кояловичъ («Три подъема русскаго народн. духа», стр. 6) полагаютъ, что соборъ былъ въ 1550 году. При всемъ этомъ разногласіи любопытно то, что изслѣдователи, кромѣ г. Замысловскаго, не указываютъ тѣхъ мотивовъ, по какимъ они предпочитаютъ тотъ или другой годъ. Отыскивая въ источникахъ точку опоры, которая позволила бы намъ сознательно примкнуть къ какому-либо мнѣнію, мы нашли таковыхъ двѣ: 1) въ Степенной Книгѣ по списку Хрущова, которымъ пользовался Карамзинъ (т. VIII, прим. 182, 184), и отрывокъ изъ котораго напечатанъ въ Собраніи Госуд. Грамотъ и Договоровъ (т. II, № 37), мы читаемъ, что царь Иванъ Васильевичъ «бысть въ возрастѣ 20-году», когда онъ съ воззваніемъ обратился къ народу на Красной площади. Двадцатый же годъ жизни царя приходится, какъ сказано, на 1549—1550 годы. Эту данную, очевидно, и имѣлъ въ виду

гл. 3-я, I). Но почтенный историкъ умалчиваетъ, осуществилось ли такое желаніе или нѣтъ, и нигдѣ въ литературѣ на это указаній не находится. А между тѣмъ существуютъ данныя, хотя и не совсѣмъ точныя, но позволяющія высказаться по этому вопросу съ достаточной опредѣленностью.

Сборнымъ пунктомъ второго ополченія былъ Ярославль. По прибытіи туда въ апрѣлѣ 1612 г. князь Пожарскій и всѣхъ чиновъ люди, съ нимъ бывшіе, отправляютъ по городамъ грамоты (Собр. Г. Гр. и Дог. II, № 281; Др. Росс. Вивл. XV, стр. 180; А. Э. II, № 203), въ которыхъ, прося себѣ у городовъ матеріальной поддержки, просятъ въ то же время, чтобы города прислали къ нимъ «изо всякихъ чиновъ людей человѣка по два по три» для «земскаго совѣта» и «совѣтъ свой отписали за руками» о томъ, какъ бы въ такое трудное время не остаться безгосударнымъ, какъ стоять противъ враговъ русской земли, какъ ссылаться безъ царя съ иностранными государями и какъ устроивать впредь государственный порядокъ. Изъ грамотъ видно, такимъ образомъ, что города призывались дать своимъ выборнымъ инструкціи не только объ избраніи царя, но и объ управленіи государствомъ до этого избранія. Стало быть, въ войскѣ Пожарскаго было, дѣйствительно, желаніе вручить управленіе страною представителямъ земщины, а не личному усмотрѣнію немногихъ избранныхъ вождей. Осуществилось ли это желаніе, то-есть, собрался ли въ Ярославлѣ земскій соборъ, мы можемъ догадываться по слѣдующимъ соображеніямъ. Прежде всего, распоряженія тогдашней исполнительной власти, князя Пожарскаго «съ товарищи», дѣлались

ражаясь точно, мы имѣемъ право полагать, что первый земскій соборъ произошелъ *по московскому счету въ 7058 году*, иначе — въ промежутокъ времени между 1-мъ сентября 1549 и 1-мъ сентября 1550 года.

Оставляя въ сторонѣ прочіе земскіе соборы XVI вѣка, какъ достаточно описанные [1]), остановимся на обстоятельствахъ 1612 года, на исторіи второго земскаго ополченія. Н. И. Костомаровъ, послѣдній изслѣдователь смуты XVII вѣка, говоря объ ополченіи 1612 г., сообщаетъ, что у князя Д. М. Пожарскаго было желаніе «окружить себя земскимъ соборомъ, правильно выбраннымъ, который бы имѣлъ право рѣшать судьбу всей земли» («Смутное время», т. III,

---

[1]) Впрочемъ, умѣстнымъ здѣсь будетъ упомянуть о земскомъ соборѣ 1566 года. Вмѣсто одной приговорной грамоты этого собора (Собр. Г. Гр. и Дог. I, № 192 и Прод. Др. Росс. Вивл. VIII, стр. 1—42) будущій историкъ долженъ принять къ свѣдѣнію и еще одинъ документъ, чрезвычайно интересный. Это—такъ называемая Александро-Невская Лѣтопись, извѣстная и Карамзину, и Соловьеву, но напечатанная очень недавно («Русск. Историч. Библіотека», III, ст. 161—294). Она никѣмъ еще не разслѣдована относительно состава и происхожденія, но, безъ сомнѣнія, составляетъ надежный источникъ по массѣ доброкачественнаго матеріала. Это — лѣтопись оффиціальнаго характера, по строю своему любопытная тѣмъ, что являетъ собою переходную ступень между лѣтописью и позднѣйшими разрядами. Собственно о соборѣ 1566 г. въ ней заключается много частностей, дополняющихъ соборный протоколъ. Такъ, лѣтопись говоритъ, что соборъ происходилъ въ личномъ присутствіи царя и его родни; далѣе объясняетъ, почему на соборѣ не было митрополита, указываетъ точно день соборнаго засѣданія (28-го іюня) и проч. Кромѣ того, любопытныя указанія объ этомъ соборѣ приводятся А. П. Барсуковымъ въ его трудѣ «Родъ Шереметевыхъ» (т. I, 286), но неизвѣстно, откуда онъ ихъ почерпнулъ.

чего, конечно, нельзя понимать буквально: не могла же *вся масса* ополченцевъ принимать участіе въ рѣшеніи, напримѣрѣ, дѣлъ чисто-дипломатическаго характера, не всегда удобныхъ для гласнаго обсужденія и недоступныхъ пониманію всякаго ополченца. Мы должны предположить въ данномъ случаѣ у совѣта всей рати извѣстную организацію, по всей вѣроятности, выборную, въ чемъ утверждаетъ насъ до нѣкоторой степени и аналогія съ совѣтомъ въ рати Ляпунова въ 1611 году. Тамъ дѣла рѣшались не вѣчевымъ порядкомъ, а выборными людьми, какъ говоритъ Карамзинъ (т. XII, изд. 1829 г., стр. 310). Если вѣрить лѣтописи, то не только ратные люди принимали участіе въ обсужденіи земскихъ дѣлъ, но и духовенство и посадскіе. Лѣтопись говоритъ, что вскорѣ по прибытіи ополченія въ Ярославль, Пожарскій и К. Launch Мининъ созвали *«всю ратъ свою, властей призваша и посадскихъ людей»* и разсуждали, «како бъ земскому дѣлу было прибыльнѣе»: какой политики держаться относительно Швеціи и бродячихъ казаковъ. Самый предметъ совѣщанія, очень сложный, дѣлалъ неудобнымъ вѣчевое его обсужденіе. Рѣшено было послать въ Новгородъ посольство, чтобы уладить нейтралитетъ Шведовъ, а противъ казаковъ рѣшили воевать (Новый Лѣт., 148—149; Ник. Лѣт. VIII, 181; Лѣт. о мят., изд. 2-е, 243). Въ іюлѣ 1612 г. снова представилась нужда отправить въ Новгородъ пословъ по дѣлу о кандидатурѣ на русскій престолъ шведскаго принца. Лѣтопись говоритъ, что по этому дѣлу «Московскаго... государства *народъ*, митрополитъ Кириллъ и начальники и *вси ратные люди»* написали грамоту въ Новгородъ, что они шведскому

«по боярскому приговору и *совѣту всей земли*», «*по указу всей земли*», «*по приговору всей земли*», какъ объ этомъ говорится въ самихъ грамотахъ Пожарскаго (А. Э. II, №№ 204, 205, 206, А. И. II, №№ 336, 337, 339, 341, 343; Собраніе историко-юридическихъ актовъ И. Д. Бѣляева, *Лебедева*, стр. 45—46, №№ 255 и 257). Это указываетъ намъ, что соборное начало находилось въ большомъ почетѣ въ земскомъ ополченіи 1612 г., если его начальники распоряжались именемъ земскаго совѣта; но отсюда еще нельзя заключать, строго говоря, о дѣйствительномъ существованіи при князѣ Пожарскомъ совѣта выборныхъ отъ земщины. Въ смутное время, до образованія второго ополченія, зачастую злоупотребляли именемъ земщины и ея иниціативѣ приписывали такія дѣла, въ которыхъ она совершенно не участвовала; такъ, напримѣръ, земщинѣ приписывался въ оффиціальныхъ грамотахъ выборъ на царство В. И. Шуйскаго и королевича Владислава, тогда какъ и то и другое было дѣломъ немногихъ власть тогда имѣвшихъ лицъ. И въ данномъ случаѣ упоминаніе въ грамотахъ общаго земскаго совѣта, повторяемъ, еще не давало бы намъ права дѣлать выводъ о дѣйствительномъ его существованіи въ 1612 году,—еслибы о немъ не упоминали еще и лѣтописцы. Они вообще мало и кратко говорятъ о земскихъ соборахъ, но за то на ихъ сообщенія въ этомъ дѣлѣ — mutatis mutandis—можно болѣе положиться, чѣмъ на нѣкоторыя торжественно - риторическія окружныя грамоты той эпохи. Въ лѣтописяхъ же того времени мы нѣсколько разъ встрѣчаемся съ указаніями, что въ Ярославлѣ дѣла рѣшались «всею ратью», «всѣми ратными людьми»

писали выборные земскіе люди, — «послалъ бояринъ князь Дм. Т. Трубецкой да столникъ князь Дмитрей Пожарскій, для твоихъ государевыхъ обиходовъ, отписывать дворцовыхъ селъ... по приговору Кирилла митрополита Ростовскаго и Ярославскаго и всего освященнаго собору и *по совѣту всея земли*» (Дворц. Разр., I, Прилож. № 12). Кто же могъ составлять въ данномъ случаѣ «совѣтъ всея земли», какъ не тѣ люди, которые его составляли въ Ярославлѣ, и когда могли они заботиться о дворцовыхъ припасахъ, какъ не по взятіи уже Москвы отъ поляковъ?

Итакъ, группируя еще разъ всѣ данныя о соборѣ 1612 г., мы видимъ, что, вопервыхъ, князь Пожарскій желалъ окружить себя соборомъ земскихъ представителей (это фактъ достовѣрный); вовторыхъ, въ своихъ распоряженіяхъ власти земской рати постоянно опирались на авторитетъ земскихъ приговоровъ; втретьихъ, лѣтописцы неоднократно говорятъ объ участіи духовенства, служилыхъ и посадскихъ людей въ обсужденіи и рѣшеніи дипломатическихъ и иныхъ дѣлъ, чему мы имѣемъ подтвержденіе въ дипломатической грамотѣ ополченія въ Новгородъ, писанной отъ лица «всѣхъ чиновъ... людей всѣхъ городовъ», а не отъ лица только воеводъ, и, наконецъ, вчетвертыхъ, мы знаемъ документальную данную, что въ 1612 г. въ Москвѣ, до созванія избирательнаго собора 1613 года, происходилъ «совѣтъ всея земли». Какіе же выводы можемъ мы сдѣлать изо всего этого? Прежде всего одинъ непоколебимый, какъ намъ кажется, выводъ: въ земскомъ ополченіи 1612 года—и до и послѣ взятія Москвы—власть не сосредоточивалась въ рукахъ однихъ излюбленныхъ воеводъ, а раздѣлялась зем-

королевичу «всѣ ради», если онъ приметъ православіе (Ник. Лѣт. VIII, 184; Лѣт. о мятеж., 248; Иначе: въ Нов. Лѣт., 150). Эта грамота ратныхъ людей дошла до насъ (Доп. къ А. И., I, № 164). Писана она отъ лица бояръ и воеводъ и отъ «всѣхъ чиновъ всякихъ людей всѣхъ городовъ». Изъ этой грамоты, между прочимъ, ясно видно, что отношенія Новгорода и Ярославля были въ то время настолько сложны, что обсужденіе ихъ не могло происходить на вѣчѣ, а требовало извѣстной организаціи, болѣе дѣлу соотвѣтствовавшей. Наконецъ, о примѣненіи ратью соборнаго начала для рѣшенія дѣлъ мы въ лѣтописи находимъ и еще одно указаніе. Какъ извѣстно, на жизнь князя Пожарскаго сдѣлано было въ Ярославлѣ покушеніе. Виновнаго поймали и повели, какъ выражается лѣтопись, — «*всею ратью и посадскіе люди* къ пыткѣ и пыташа ево, онъ же все разказаше и товарищей своихъ всѣхъ сказа, и ихъ переимаша, они же всѣ повинишася, и *землею жъ* ихъ всѣ разослаша по городомъ, по темницамъ» (Ник. Лѣт. VIII, 186; Лѣт. о мятеж., 250; Нов. Лѣт., 151). Такимъ образомъ и здѣсь мы видимъ соборное рѣшеніе дѣла. Соборное начало примѣнялось ополченіемъ и послѣ взятія Москвы отъ поляковъ. Это видно изъ одной позднѣйшей сравнительно грамоты земскаго собора 1613 года. Соборъ 1613 г., выбравъ на царство Михаила Θеодоровича, вступилъ съ нимъ въ письменныя сношенія и, между прочимъ, въ мартѣ 1613 г. писалъ ему изъ Москвы о томъ, что всякаго рода запасовъ для царскаго дворца въ раззоренной Москвѣ еще не имѣется, хотя о нихъ уже думали и объ ихъ собираніи распорядились уже давно. «... *И до насъ холопей твоихъ*»,

Принято думать, что временное московское правительство позаботилось о созваніи выборныхъ для избранія государя только въ декабрѣ 1612 г. Такъ пишетъ и Соловьевъ (Ист. Р., т. VIII, изд. 1873 г., стр. 441—442) и другіе. Между тѣмъ остается незамѣченною одна важная грамота земскаго ополченія въ Новгородъ (Доп. къ А. И. I, № 166), которая свидѣтельствуетъ намъ, что въ первыя же двѣ недѣли по освобожденіи Москвы, то-есть, въ началѣ ноября, въ Москвѣ уже подумали о созваніи избирательнаго собора и «о обиранье государьскомъ и о совѣтѣ, кому быть на Московскомъ государствѣ, писали въ Сибирь [1]) и въ Астрахань, и въ Казань, и въ Нижней Новгородъ, и на Сѣверу и во всѣ городы Московскаго

при медленности вообще тогдашнихъ сообщеній, затруднялись еще и вслѣдствіе смуты. Такимъ образомъ, одинокое и сомнительное свидѣтельство Гонсѣвскаго остается загадкой, если не предположить, что онъ поймалъ торопецкихъ выборныхъ изъ числа созванныхъ княземъ Пожарскимъ въ Ярославль, затѣмъ послѣдовавшихъ за ополченіемъ въ Москву и оттуда отпущенныхъ ввиду созванія новаго собора для избранія царя.

[1]) Представителей Сибири обыкновенно не замѣтно на земскихъ соборахъ. Въ 1682 г., собирая представителей отъ торговыхъ и посадскихъ людей, московское правительство прямо указало прислать выборныхъ изо всѣхъ мѣстъ тогдашней Руси, *кромѣ Сибири*, что извѣстно намъ документально (Полн. Собр. Зак. II, № 899). Ввиду этого упоминаніе о Сибири въ грамотѣ ополченія получаетъ нѣкоторый интересъ. Желая провѣрить, дѣйствительно ли Сибирь была привлечена къ дѣлу избранія государя, мы обратились къ подписямъ на избирательной грамотѣ собора 1613 г. (С. Г. Г. и Д. I, № 203), но среди нихъ не нашли ни одной подписи за сибирскіе города. Этотъ фактъ врядъ ли можно объяснить случайностію; вѣроятнѣе, что представителей Сибири вовсе не было на соборѣ 1613 года, какъ и на прочихъ.

скимъ соборомъ, составъ коего намъ точно неизвѣстенъ. Мы знаемъ только, что соборъ этотъ состоялъ изъ трехъ главныхъ элементовъ тогдашняго общества: изъ духовныхъ, служилыхъ и тяглыхъ (посадскихъ) людей—обычный составъ московскихъ земскихъ соборовъ. Одного сказать не можемъ, были ли соборные участники *правильными* представителями земщины. Пожарскій звалъ такихъ представителей. Можетъ ли быть, чтобы земля, находившаяся тогда въ порывѣ патріотическаго энтузіазма, не отозвалась на приглашеніе своего вождя и не послала «по два, по три» уполномоченныхъ изъ города, когда посылала цѣлыя дружины и послѣднее достояніе? [1]).

---

[1]) Если мы допустимъ, что въ ополченіи 1612 г. были горожане, главною обязанностію которыхъ было участвовать въ земскомъ совѣтѣ при князѣ Пожарскомъ, то это предположеніе поможетъ намъ, можетъ быть, разгадать одну темную частность въ исторіи тѣхъ лѣтъ. Г. Костомаровъ высказалъ предположеніе, что послѣ взятія Москвы, которое совершилось около 26-го октября 1612 г., земскій соборъ съѣзжался для царскаго избранія не одинъ разъ, а два: въ концѣ 1612 г., когда дѣла рѣшить не успѣли, и въ 1613 г., когда былъ избранъ Михаилъ Ѳеодоровичъ. Такой фактъ нашъ историкъ почерпнулъ изъ письма Гонсѣвскаго, который осенью 1612 г. участвовалъ въ походѣ Сигизмунда подъ Москву и во время своихъ военныхъ операцій поймалъ нѣсколькихъ дѣтей боярскихъ, «торопецкихъ пословъ»; они, по словамъ Гонсѣвскаго, были на Москвѣ для избранія царя, но, не рѣшивъ ни на чемъ, уѣхали ни съ чѣмъ назадъ и объявили между прочимъ Гонсѣвскому, что избраніе царя назначено на 23-е марта (Смутное время. III, стр. 292). Въ русскихъ источникахъ нигдѣ нѣтъ и намека на двѣ сессіи избирательнаго собора. Простое хронологическое соображеніе говоритъ намъ, что Гонсѣвскій ошибся, что между концемъ октября и февралемъ не могло состояться двухъ собраній выборныхъ, ибо съѣзды ихъ,

источникомъ для исторіи событій того времени, такъ какъ въ нѣкоторой своей части почти буквально списана съ избирательной грамоты Бориса Ѳедоровича Годунова (А. Э. II, № 7), а во второй половинѣ составляетъ вольный пересказъ другихъ современныхъ ей документовъ [1]). Но эта грамота избирательная до-

[1]) Опредѣленіе состава этой грамоты—не наша цѣль; поэтому, въ подтвержденіе нашей мысли о несостоятельности этого памятника, мы ограничимся указаніями на нѣкоторыя только заимствованія въ этой грамотѣ. Въ ней, напримѣръ, начало (родословіе) прямо выписано изъ избирательной грамоты Бориса Годунова (С. Г. Гр. и Д. I № 203.—А. Э. II № 7). Слова Бориса къ земскому собору—изъ той же грамоты собора 1598 г.—вложены цѣликомъ въ уста Михаила Ѳедоровича (С. Г. Гр. и Д, I, № 203, стр. 620, и А. Э. II № 7, стр. 21; со словъ: «Не мните себѣ того»...). Слова иноки Александры приписаны инокѣ Марѳѣ (С. Г. Гр. и Д. I № 203, стр. 628, и А. Э. II № 7, стр. 33—34; со словъ: «И толикъ плачъ и вопль и рыданіе»...). Длинная рѣчь патріарха Іова къ Борису превратилась, съ незначительными измѣненіями, въ рѣчь арх. Ѳеодорита Михаилу Ѳеодоровичу (С. Г. Гр. и Д. I № 203, стр. 622, и А. Э. II № 7, стр. 21—23; со словъ: «не буди противенъ вышняго Бога промыслу»...). Наконецъ, извѣстная сцена народнаго плача и просьбъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, описанная въ избирательной грамотѣ Бориса, цѣликомъ перенесена въ Кострому составителемъ грамоты 1613 г. (С. Г. Гр. и Д. I № 203, стр. 627, со словъ: «Преосвященный архіепископъ... и съ нимъ весь вселенскій соборъ»... и А Э. II № 7, стр. 32—33, со словъ: «Святѣйши же Іовъ Патріархъ и съ нимъ весь вселенскій соборъ»...). Этими примѣрами далеко не исчерпываются всѣ заимствованія грамоты царя Бориса, которая, при этомъ, была не единственнымъ источникомъ для составителя грамоты 1613 г. Онъ имѣлъ въ виду и наказъ собора посламъ, отправленнымъ въ Кострому, откуда заимствовалъ рѣчь арх. Ѳеодорита къ Михаилу Ѳеодоровичу (С. Г. Гр. и Д. № I 203, стр. 616, отъ словъ «Вѣдомо ему, Вел. Государю»..., и ibid. III, № 6, стр. 16, отъ словъ «Вѣдомо тебѣ, Вел. Государю»...) и извѣстительную

государства, чтобъ изо всѣхъ городовъ Московскаго государства, изо всякихъ чиновъ люди, по десяти человѣкъ изъ городовъ, для государственныхъ и земскихъ дѣлъ, прислали... къ Москвѣ» (Доп. къ А. И. т. I, № 166, стр. 294). Приглашенные представители земли съѣхались въ Москву въ январѣ 1613 г. Объ этомъ мы можемъ судить по тому обстоятельству, что въ январѣ, не позднѣе, избирательный земскій соборъ даровалъ князю Трубецкому въ вотчину область Вагу, что и засвидѣтельствовалъ своею грамотою отъ января 1613 г. (Др. Росс. Вивл., т. XV, стр. 201) [1]. Послѣ пререканій, длившихся такимъ образомъ мѣсяцъ, земскій соборъ выбралъ въ цари Михаила Ѳедоровича Романова и остался при немъ поддержать авторитетомъ всей земли молодаго царя въ первые годы его правленія.

Мы не будемъ распространяться о данныхъ для дѣятельности этого собора. Часть ихъ прекрасно разработана А. П. Барсуковымъ во второмъ томѣ его «Рода Шереметевыхъ». Мы же позволимъ себѣ представить лишь немногія соображенія относительно состава собора 1613 г. О составѣ его даетъ намъ свѣдѣнія только избирательная грамота собора (Собр. Г. Гр. и Д. I, № 203). Строго говоря, она не можетъ служить

---

[1]) Несмотря на совершенно спутанныя въ печати хронологическія даты этой грамоты, мы увѣренно относимъ ее къ январю 7121 (1613) года, основываясь на содержаніи грамоты: въ ней походъ Сигизмунда подъ Москву (въ 1612 г.) трактуется, какъ событіе прошедшее (стр. 207), а царское избраніе, какъ событіе еще несовершившееся (стр. 208). Стало быть, грамота писана никакъ не позже 1613 года, хотя въ Др. Росс. Вивліоѳикѣ она и помѣщена подъ 1614 годомъ.

Между тѣмъ изъ этихъ 19-ти лицъ только четверо росписались на избирательной грамотѣ (Дворц. Разр. I, Прилож. № 13, ст. 1085—86, и подписи въ С. Г. Гр. и Д. I № 203). Въ виду этихъ данныхъ, если мы примемъ, что каждый изъ пятидесяти (minimum) представленныхъ городовъ прислалъ на соборъ не девятнадцать человѣкъ, какъ Нижній Новгородъ, а только десять, согласно указанной нормѣ, то получимъ очень солидную цифру 500 городскихъ представителей. Сложивъ эту цифру съ числомъ представителей духовенства и высшихъ московскихъ чиновъ, которыхъ на соборѣ было болѣе двухсотъ, мы получили составъ собора въ семьсотъ слишкомъ человѣкъ,—выводъ гадательный, но не невѣроятный. Многолюдствомъ собора можно отчасти объяснить и тотъ фактъ, что соборъ зачастую засѣдалъ въ самомъ просторномъ помѣщеніи тогдашней Москвы—въ Успенскомъ соборѣ.

Соборы царствованія Михаила Ѳедоровича описаны не разъ, и описаны удовлетворительно. Разряды, которыми доселѣ не пользовались для этихъ описаній, группируютъ въ себѣ почти весь матеріалъ для исторіи соборовъ первой половины XVII вѣка, извѣстный ранѣе по отдѣльнымъ грамотамъ, разбросаннымъ въ различныхъ изданіяхъ. Кромѣ того, разряды даютъ новыя подробности и часто исправляютъ хронологію. Но изложеніе этихъ новыхъ данныхъ неудобно безъ повторенія давно извѣстныхъ вещей, и поэтому мы, оставляя ихъ въ сторонѣ, упомянемъ только о соборѣ 1622 года, который до сихъ поръ не принимался во вниманіе въ спеціальныхъ трудахъ по исторіи соборовъ. Деулинское перемиріе и созданныя имъ отношенія къ Польшѣ не удовлетворяли московскаго пра-

вительства; дипломатическіе раздоры съ Польшей не прекращались, и уже въ 1621 году Москва, пользуясь удобными обстоятельствами, желаетъ объявить Польшѣ войну. Правительство 12-го октября 1621 года доказываетъ земскому собору необходимость войны, и выборные люди обѣщаютъ всѣми средствами поддержать своего государя въ этой войнѣ (Книги Разр., I, ст. 773 и далѣе). Вслѣдствіе такого рѣшенія собора, 14-го октября 1621 г. «съ собора» посланъ былъ въ Польшу гонецъ Борняковъ съ боярской грамотой къ «панамъ Радѣ» (Кн. Раз., I, ст. 826—827). Грамота содержала въ себѣ рѣшительныя представленія и требованія московскихъ бояръ, за неисполненіемъ которыхъ долженъ былъ послѣдовать разрывъ и объявленіе войны Польшѣ. Чрезъ три съ половиной мѣсяца Борняковъ возвратился въ Москву и привезъ съ собой отвѣтный листъ «пановъ Рады», по московскимъ понятіямъ крайне оскорбительный. Предстояла поэтому война. Но московское правительство, прежде чѣмъ ее объявить, снова обратилось къ земскому собору (въ началѣ марта 1622 г., то есть, черезъ пять мѣсяцевъ послѣ собора 1621 г.). На соборѣ были изложены всѣ обстоятельства отношеній къ Польшѣ и, вѣроятно, рѣшено было начать войну. Говоримъ: вѣроятно, потому что о соборѣ 1622 г. дошли до насъ очень неполныя свѣдѣнія—въ окружной царской грамотѣ отъ 14-го марта 1622 г., записанной въ разрядной книгѣ 7130 года (Книги Разр., I, стр. 830—831). Эта царская грамота, ничего не говоря о соборномъ рѣшеніи, повѣствуетъ о соборѣ такъ: «Мы Великій Государь... совѣтовавъ съ отцомъ нашимъ... святѣйшимъ патріархомъ съ Филаретомъ Никитичемъ... *учиняя соборъ* говорили... митрополи-

томъ и архіепископомъ и епископомъ и всему освященному собору и бояромъ нашимъ и думнымъ людемъ и дворяномъ и *всего Московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ*, что намъ великому государю отъ Польскаго короля и отъ Пановъ Радъ такихъ неправдъ и многихъ грубостей и своему Государьскому имени безчестье болши того терпѣти не мочно... И указали есмя *съ собору* боярамъ нашимъ и воеводамъ и дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ всѣхъ городовъ... быти на нашу службу готовымъ тотчасъ, а ожидать о службѣ нашихъ грамотъ». Таковы всѣ существенныя свѣдѣнія о соборѣ 1622 г. Весьма вѣроятно, что этотъ соборъ и соборъ 1621 года, бывшій пятью мѣсяцами раньше, принадлежали къ одной и той же сессіи. Долгія соборныя сессіи были въ обычаѣ тѣхъ лѣтъ. Въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича такія продолжительныя сессіи смѣняли одна другую и составляли постоянный земскій соборъ около молодаго государя. Въ этомъ согласны теперь всѣ изслѣдователи. Но нѣкоторые изъ нихъ полагаютъ, что постоянное пребываніе въ Москвѣ земскихъ выборныхъ прекратилось въ 1619 году, между тѣмъ какъ гораздо естественнѣе предполагать, что постоянные земскіе соборы продолжались до 1622 г. Въ 1619 г. распуская одну сессію выборныхъ, правительство, вмѣстѣ съ этими выборными, рѣшило вызвать имъ на смѣну новыхъ городскихъ представителей, по пяти или шести отъ каждаго города (Книги Разр., I, ст. 615 и 618; С. Г. Гр. и Д. III № 47; А. Э. III № 105). Когда съѣхались эти представители и что они дѣлали, неизвѣстно, но изъ факта ихъ созванія ясно, что сессіей 1619 г. постоянные соборы не кончились. Отъ 1620 года извѣстій о

соборахъ нѣтъ (это строго говоря, еще не доказываетъ, что соборовъ de facto не было въ 1620 г.); за то отъ 1621 и 1622 гг. мы имѣемъ о нихъ свѣдѣнія. Послѣ же 1622 и до 1632 г., въ теченіе десяти лѣтъ, о соборахъ не слышно. Съ большой вѣроятностью можно поэтому думать, что послѣднимъ годомъ постоянныхъ земскихъ соборовъ былъ 1622, а не 1619 годъ [1]).

Переходимъ теперь къ собору 1648—1649 гг., слушавшему Уложеніе царя Алексѣя Михайловича. О внѣшней исторіи этого собора имѣются краткія, противорѣчивыя и научною критикой заподозрѣнныя данныя. Вопреки прямому смыслу такъ называемаго Предисловія къ Уложенію, наука говоритъ, что земскіе выбор-

---

[1]) Изъ прочихъ соборовъ времени Михаила Ѳедоровича интересенъ по своей загадочности какой-то земскій соборъ, бывшій въ патріаршество Іоасафа I, то-есть, въ промежутокъ времени между 31-го января 1634 г. и 28-го ноября 1640 г. (Митр. *Макарія,* Ист. церкви, XI, стр. 77 и 94). Отъ собора дошло до насъ только письменное мнѣніе, поданное духовенствомъ (*Записки Отд. Русск. и Слав. Археологіи Имп. Русск. Археол. Общества,* II, стр. 372—374 и Ист. Россіи *Соловьева*, XI, Дополненія). На соборѣ разсуждалось объ оскорбленіи въ Крыму государевыхъ пословъ и о мѣрѣ къ наказанію Крымцевъ. Трудно точно указать, когда произошло это оскорбленіе пословъ. Нельзя ли здѣсь разумѣть тѣхъ насилій, которымъ подверглись въ Крыму Московскіе послы Коробьинъ и Матвѣевъ въ 1634—35 гг. на обратномъ пути изъ Константинополя, куда они были посыланы (Ист. Россіи *Соловьева,* IX, т., изд. 1875 г. стр. 263—264)? Если же эта догадка справедлива и соборъ происходилъ въ 1634 или 1635 году, то его можно счесть за одно изъ засѣданій соборной сессіи 1632—1634 гг. Объ отношеніяхъ Москвы къ Крыму за это время часто упоминаетъ наказъ 1643 года московскимъ посламъ въ Константинополь (*Врем. М. Общ. Ист. и Др. Р.*, т. IX.); но въ наказѣ нѣтъ свѣдѣній объ оскорбленіи въ Крыму московскихъ пословъ.

ные ста тринадцати русскихъ городовъ (Архивъ ист.-юр. свѣдѣній *Калачева*, т. I, статья *И. Е. Забѣлина*, подписи) не только слушали Уложеніе и подписали его, но и вложили въ него значительную долю собственнаго труда, выработали его, создали. Еще въ 60-хъ годахъ нашего столѣтія замѣчены были въ Уложеніи слѣды законодательной инціативы выборныхъ. Въ 1875 г. на нихъ указывалъ г. Сергѣевичъ (Сборн. Госуд. Знаній, II), а въ 1879 году г. Загоскинъ обстоятельно занялся вопросомъ о дѣятельности выборныхъ по составленію Уложенія («Уложеніе ц. Ал. Михайловича и земскій соборъ 1648—1649 гг.»). Трудами этихъ ученыхъ выяснилось, что въ Уложеніи до 88 статей въ восьми главахъ составлено при участіи или по инціативѣ выборныхъ[1]). Особенно любопытна работа надъ Уложеніемъ г. Загоскина, исчерпывающая всѣ данныя для уясненія занимающаго насъ вопроса. Но и при всѣхъ своихъ достоинствахъ, трудъ уважаемаго ученаго допускаетъ нѣкоторыя исправленія и дополненія, къ изложенію которыхъ мы ниже приступаемъ.

Прежде всего замѣтимъ, что въ число статей, составленныхъ при помощи земщины, должна быть внесена, кромѣ указанныхъ выше, еще и 3-я статья XII главы Уложенія («О судѣ патріаршихъ... людей и крестьянъ»). Она представляетъ собою краткій пересказъ 2-й статьи XIII главы («О монастырскомъ приказѣ») въ примѣненіи къ болѣе ограниченному кругу лицъ.

---

[1]) Глава VIII (статьи 1—7); гл. X (ст. 137, 146, 147, 149, 185, 236); гл. XI (ст. 1—18, 30); гл. XIII (ст. 1—7); гл. XV (ст. 2, 3); гл. XVII (ст. 34, 35, 42—44); гл. XIX (ст. 1—40); гл. XX (ст. 57—58). Объ этомъ у *г. Загоскина* «Улож. ц. Ал. Михайловича», стр. 55, 56.

А извѣстно, что вся XIII глава возникла по иниціативѣ земскаго собора. Далѣе, г. Загоскинъ, отыскивая источникъ первыхъ 34-хъ статей XIX главы («О посадскихъ людѣхъ»), видитъ его въ двухъ челобитьяхъ земскаго собора отъ 25-го октября и 25-го ноября 1648 года, въ которыхъ выборные люди просятъ государя «отписать на себя» промышленныя слободы бѣломѣстцевъ (А. Э. IV № 32). Дѣйствительно, первыя 33 статьи XIX главы ясно вытекаютъ изъ этихъ челобитій. Статья же 34-я приказываетъ городскимъ торговымъ людямъ, которые записаны въ гостиную и суконную сотни, жить непремѣнно на Москвѣ, а не въ ихъ городахъ, и нести тягло съ городскихъ своихъ дворовъ, если они эти дворы не захотятъ продать. Содержаніе этой статьи, такимъ образомъ, не заключается въ содержаніи вышеназванныхъ челобитій, и Н. П. Загоскинъ ошибается, усматривая здѣсь зависимость. Статья 34-я вытекла изъ другаго совершенно челобитья, изъ челобитья гостей и гостиной сотни, поданнаго государю 4-го января 1649 года. (Доп. къ А. И. III № 47). Исторія этой 34-й статьи такова: въ іюлѣ 1648 года, во время московскихъ смутъ, посадскіе люди «разныхъ городовъ» били челомъ, чтобы дозволить ихъ товарищамъ, записаннымъ въ гостиную и суконную сотни, отправлять свою службу не въ чужихъ, а въ своихъ городахъ (А. Э. IV № 28). Правительство эту просьбу исполнило и тѣмъ возбудило неудовольствіе со стороны москвичей, членовъ гостиной сотни и гостей, которымъ отъ новаго порядка вещей тяжелѣе стало служить. Они 4-го января 1649 года подали челобитную, прося возстановленія старыхъ служебныхъ обычаевъ, и правительство, несмотря на то,

что люди черныхъ сотенъ старались этому противодѣйствовать, согласилось на доводы гостей и гостиной сотни и указало взятымъ въ гостиную и суконную сотни людямъ жить по старому на Москвѣ, а не по городамъ. Этотъ-то указъ, отмѣнявшій предписаніе 1648 года, вошелъ въ Уложеніе и составилъ 34-ю статью XIX главы, о чемъ свидѣтельствуетъ позднѣйшая отъ 15-го февраля 1649 г. челобитная тѣхъ же гостей (Доп. къ А. И. III, № 47, стр. 158: «...а по твоему государеву Уложенію велѣно тѣмъ людемъ быти въ гостиной сотнѣ», то-есть, въ Москвѣ). Всѣ документы по этому любопытному дѣлу напечатаны въ «Дополн. къ Акт. Историческимъ» (т. III № 47) и совершенно ясно указываютъ на происхожденіе 34-й статьи иное, чѣмъ полагаетъ г. Загоскинъ.

Въ видѣ дополненія къ очерку дѣятельности земскаго собора 1648—1649 гг. слѣдуетъ упомянуть объ интересномъ дѣлѣ по поводу запрещенія иностраннымъ купцамъ торговать внутри Московскаго государства. Указъ, ограничивающій торговыя права англичанъ, обнародованъ былъ 1-го іюня 1649 г. Возникъ онъ, какъ въ немъ написано, по челобитьямъ «гостей и торговыхъ всякихъ людей», поданнымъ «въ прошлыхъ годѣхъ и въ нынѣшнемъ во 157 (1649) году» (С. Г. Гр. и Д. III № 138). Подъ челобитьями «прошлыхъ лѣтъ» можно разумѣть челобитье торговыхъ людей 1646 года, дошедшее до насъ (А. Э. IV № 13) и заключающее много жалобъ на недобросовѣстные пріемы торговли иностранцевъ. Челобитье же «нынѣшняго 157 года» долго оставалось неизвѣстнымъ, пока не было въ 1879 г. напечатано въ «Сборникѣ князя Хилкова» (№ 82, стр. 238—255) съ приложеніемъ всего дѣлопроизводства по

этому челобитью. Изъ напечатанныхъ документовъ видно, что въ 1648 году торговые люди, вѣроятно, замѣчая безрезультатность своихъ прежнихъ челобитій по дѣлу о торговыхъ иностранцахъ, возбудили это дѣло на земскомъ соборѣ, составлявшемъ Уложеніе, и достигли того, что уже не одни торговые люди, а земскій соборъ во всемъ своемъ составѣ подалъ государю два челобитья, прося запретить иностранцамъ торговлю внутри государства. Одно челобитье было ото всѣхъ служилыхъ выборныхъ, другое — ото всѣхъ тяглыхъ. Государь, выслушавъ просьбу собора, приказалъ со своею думою, чтобы изъ Посольскаго приказа была доставлена «память» о томъ, когда и какія торговыя права получили иноземцы въ Московскомъ государствѣ. Память эта, очень пространная и важная для насъ по массѣ данныхъ, была доставлена 20-го декабря 1648 года на имя князей Одоевскаго, Прозоровскаго и Волконскаго и дьяковъ Леонтьева и Грибоѣдова, то-есть, на имя тѣхъ лицъ, которымъ была поручена редакція Уложенія. Этими лицами память была вознесена къ государю, который прослушалъ ее и затѣмъ подвергъ все дѣло объ иностранныхъ купцахъ на всестороннее обсужденіе земскаго собора. Выборные, какъ служилые, такъ и тяглые, опять категорически высказались о необходимости и возможности запретить иностранцамъ торговлю внутри государства и не пускать ихъ далѣе Архангельска. Ихъ такъ называемая «сказка» очень тонко разоблачаетъ всѣ коммерческія уловки и плутни, употреблявшіяся въ ту эпоху иностранцами Что слѣдовало затѣмъ по этому дѣлу, неизвѣстно, но чрезъ полгода правительство удовлетворило желаніе собора, и такимъ образомъ указъ 1-го іюня 1649 г.

служитъ новымъ примѣромъ проявленія земской иниціативы на соборѣ 1648—1649 годовъ.

Земскій соборъ для составленія Уложенія былъ созванъ на 1-е сентября 1648 года, хотя подготовительныя работы по Уложенію начались въ іюлѣ еще мѣсяцѣ. Когда же соборъ кончилъ свое дѣло кодификаціи? На всѣхъ трехъ (а не двухъ, какъ полагаетъ Н. П. Загоскинъ) первоначальныхъ изданіяхъ Уложенія помѣщено вмѣсто выхода слѣдующее: «совершена сія книга... лѣта 7157 генваря въ 29 день». Такая дата долго заставляла думать, что 29 января 1649 г. Уложеніе было уже напечатано. Г. Загоскинъ a priori подвергъ это сомнѣнію, полагая, что Уложеніе печаталось позже, и въ связи съ этой догадкой высказалъ другую, что Уложеніе окончено было составленіемъ въ концѣ декабря 1648 г. («Улож. ц. Ал. Мих.», стр. 63 и слѣд.). Но въ томъ же году, когда вышло изслѣдованіе г. Загоскина, были напечатаны документы, извлеченные членами Археологическаго института изъ московскихъ архивовъ и опровергающіе предположенія г. Загоскина. На основаніи расходной книги Печатнаго двора 7157 года, хранящейся въ библіотекѣ Синодальной типографіи, оказывается, что Уложеніе впервые печаталось съ 7 апрѣля по 20 мая 1649 года (*Сборникъ Археол. института* II, стр. 21). Составленіемъ же оно было кончено не въ декабрѣ 1648 г., а только 29-го января 1649 г., ибо слова: «совершена сія книга... лѣта 7157 генваря въ 29 день» находятся на подлинномъ столбцѣ Уложенія и, стало быть, показываютъ день окончанія законодательныхъ работъ (*Сборникъ Археол. института* II, стр. 11). Названіе столбца «книгою» («совершена сія книга»...) не должно насъ сму-

щать: здѣсь словомъ «книга» означается не вещество осязаемое, а сводъ. На основаніи приведенныхъ данныхъ можно сказать, что Уложеніе составлялось впродолженіе полугода, а это до нѣкоторой степени измѣняетъ ходячее мнѣніе о баснословной скорости, съ какою будто-бы былъ составленъ нашъ кодексъ. Впрочемъ, и полгода—очень короткій срокъ для такой обширной работы, особенно если взять въ сравненіе продолжительность кодификаціонныхъ работъ въ европейскихъ государствахъ въ нашъ вѣкъ.

Въ заключеніе остановимся на земскомъ соборѣ 1653 года о присоединеніи Малороссіи. Съ этимъ соборомъ — вотъ уже 25 лѣтъ — связано странное недоумѣніе, которое легко разрѣшается исключительно съ помощію напечатаннаго матеріала. Въ обстоятельствахъ созванія этого собора Соловьевъ усмотрѣлъ еще въ 1857 г., что соборы, такъ сказать, вымерли: «осталась одна форма», соблюдавшаяся только по традиціи. Вотъ что̀ писалъ онъ тогда въ полемической статьѣ противъ К. Аксакова: «6-го сентября 1653 г. царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ къ гетману Богдану Хмельницкому ближняго стольника Р. Стрѣшнева и дьяка Бредихина... съ объявленіемъ, что онъ принялъ его (Хмельницкаго) въ подданство, а 1-го октября созванъ былъ соборъ для разсужденія о томъ принимать-ли гетмана въ подданство» («Шлецеръ и анти-историч. направленіе», *Русск. Вѣстн.* 1857 г., апрѣль, стр. 449). Этотъ фактъ рѣшенія дѣла до созванія собора и превращеніе собора въ лишенную смысла церемонію указываютъ, по мнѣнію Соловьева, на вымираніе соборовъ и ихъ безсиліе подать помощь государству. Аксаковъ защищалъ значеніе собора

1653 г. Онъ писалъ въ отвѣтъ Соловьеву, что московское правительство разъ уже (въ 1651 г.) заручилось согласіемъ собора на принятіе Малороссіи, а теперь, въ 1653 году, созывая соборъ послѣ рѣшенія дѣла, ждало отъ него только окончательной нравственной санкціи дѣла (Полн. собр. сочин. *К. С. Аксакова,* т. I, стр. 206—207). Но апріорныя догадки, какъ иногда онѣ ни симпатичны, всегда остаются только догадками, а скепсисъ Соловьева заставлялъ задумываться послѣдующихъ изслѣдователей. Оставалось въ подозрѣніи, имѣлъ ли соборъ 1653 года какой нибудь смыслъ, и совершенно яснымъ казалось, что дѣло было рѣшено до собора и соборъ былъ вовсе не нуженъ. Тѣмъ не менѣе, позднѣйшій изслѣдователь земскихъ соборовъ г. Загоскинъ становится на сторону Аксакова и старается—опять-таки гадательно—доказать, что соборъ 1653 г. имѣлъ значеніе. По мнѣнію Н. П. Загоскина, это ясно и безъ «предположеній» о первомъ соборѣ (1651 г.), на который ссылается Аксаковъ и который, какъ думаетъ г. Загоскинъ, есть ни что иное, какъ фикція, измышленная Аксаковымъ (*Загоскина,* Ист. права Моск. гост., I, стр. 295—296). А надобно замѣтить, что о соборѣ 1651 года есть печатныя извѣстія у Д. Н. Бантыша-Каменскаго въ «Исторіи Малой Россіи» (М. 1822 г., I, стр. 3—4).

И такъ въ литературѣ и до нашихъ дней соборъ 1653 года не объясненъ удовлетворительно, и до сихъ поръ возможно полагать, что польско-малороссійскій вопросъ рѣшенъ былъ до его созванія. А между тѣмъ, недоразумѣніе разрѣшается просто: земскій соборъ занимался польскими и малороссійскими дѣлами съ 25-го *приблизительно мая 1653 г. по 1-е октября,* и

засѣданіе 1-го октября, отъ котораго до насъ дошло три различныхъ редакціи протокола (С. Г. Гр. и Д. III № 157 и П. Собр. Зак. I № 104; Дворц. Разр. III, ст. 369; Акт. Южн. и Зап. Россіи, X, № 2), было послѣднимъ торжественнымъ собраніемъ выборныхъ людей этой сессіи. Стрѣшневъ и Бредихинъ, отправленные въ сентябрѣ, посланы были, очевидно, съ вѣдома собора и, такимъ образомъ, соборъ 1653 г. никакъ нельзя считать пустою формой. Къ такимъ выводамъ пришли мы на основаніи слѣдующихъ данныхъ: 1) Въ X-мъ томѣ «Исторіи Россіи» Соловьева (изд. 1877 г., стр. 312—316) приведены выписки изъ неизданныхъ дворцовыхъ разрядовъ 1654 года о торжественномъ отпускѣ, который данъ былъ 23-го апрѣля 1654 г. царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ князю А. Н. Трубецкому и его войску, выступавшему въ походъ на Польшу. Царь говорилъ въ этотъ день рѣчь московскимъ и городскимъ дворянамъ, шедшимъ на войну, и между прочимъ сказалъ слѣдующее: «*Въ прошломъ году* были соборы *не разъ*, на которыхъ были и отъ васъ выборные, *отъ всѣхъ городовъ дворянъ по два человѣка*; на соборахъ этихъ мы говорили о неправдахъ польскихъ королей; вы слышали это отъ своихъ выборныхъ» и т. д. Въ этихъ словахъ государя для насъ важно извѣстіе о *многихъ соборахъ въ* 1653 (или, вѣрнѣе, въ 7161 году), тогда какъ обыкновенно принимался въ расчетъ одинъ соборъ или одно его засѣданіе 1-го октября. Далѣе, интересно сообщеніе, что на эти соборы 7161 года были вызваны дворяне въ количествѣ *двухъ* человѣкъ отъ города. Это извѣстіе можно сопоставить съ другою данной:

2) Въ III-мъ томѣ «Дворцовыхъ Разрядовъ» (стр. 350—351) подъ 7161 годомъ читаемъ слѣдующее: «Мая во 2 день посланы государевы грамоты въ Замосковные и во всѣ Украинные городы)... велѣно *во всѣхъ городахъ* выслать *изо всякаго города* изъ выбора *по два человѣка дворянъ* добрыхъ и разумичныхъ людей, и выслать къ Москвѣ на указной срокъ, мая къ 20 числу». Немного ниже читаемъ, что въ грамотахъ отъ 15-го мая этотъ «указный срокъ» измѣненъ былъ вмѣсто 20-го мая на 5-е іюня. Ясно, что вызывались въ Москву эти «добрые и разумичные» люди не для чего иного, какъ для земскаго собора, тѣмъ болѣе, что число ихъ—два изъ города—совпадаетъ съ указаніемъ царской рѣчи. Если эта догадка справедлива, то, стало быть, въ концѣ мая или въ началѣ іюня въ Москвѣ уже составился земскій соборъ, которому и было предложено заняться польскими дѣлами. А что эта догадка справедлива, достаточно утверждается слѣдующей данной: 3) въ «Актахъ, отн. къ исторіи Южн. и Западн. Россіи» въ X-мъ томѣ (Примѣчаніе къ № 2-му) читаемъ, что въ московскомъ Архивѣ мин. ин. дѣлъ, въ Польскихъ дѣлахъ (св. № 4, тетр. № 6, на 22 лл.) «находится черновое, съ помарками, рѣшеніе земскаго собора, 25 мая 1653 года, о томъ-же литовскомъ и черкасскомъ дѣлѣ, безъ конца». Къ сожалѣнію, рѣшеніе это не напечатано. Но и одно упоминаніе о немъ для насъ чрезвычайно важно. Очевидно, отсрочка пріѣзда выборныхъ до 5-го іюня состоялась слишкомъ поздно, и выборные, не воспользовавшись ею, собрались къ раньше указанному сроку, 20-му мая, а правительство нашло возможнымъ открыть

соборную сессію не позже 25-го мая. Къ этимъ свѣдѣніямъ о соборѣ 1653 г. необходимо прибавить, что по составу своему онъ несомнѣнно былъ полнымъ: разряды категорически говорятъ, что на соборѣ «изъ столниковъ, и изъ стряпчихъ, и изъ дворянъ, и изъ жильцовъ, и изъ *посадскихъ людей* были *выборные люди*» (Дворц. Разр. III, ст. 369).

Бросимъ теперь общій взглядъ на обстоятельства дѣятельности земскаго собора 1653 года. Онъ былъ созванъ вскорѣ послѣ отправленія въ Польшу посольства князей Репнина и Волконскаго. Два уже года продолжались дипломатическія пререканія между Москвой и Польшей по поводу малороссійскихъ дѣлъ и оскорбленій государевой чести. Отношенія двухъ государствъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе обострялись. Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ апрѣля 1653 г. въ Польшу были отправлены полномочные послы бояре, упомянутые князья Б. А. Репнинъ и Ѳ. Ѳ. Волконскій, для послѣднихъ переговоровъ. Они должны были рѣшительно требовать удовлетворенія государевой чести и наказанія виновныхъ въ умаленіи царскаго титула. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ было приказано сдѣлать представленіе о малороссійскихъ дѣлахъ: сообщить о томъ, что Богданъ Хмельницкій переговаривается съ Москвой о принятіи его въ подданство, и посовѣтовать полякамъ лучше обращаться съ украинцами (*Соловьева*, Ист. Россіи, т. X, изд. 1877 г., стр. 271 и слѣд.). Отправляя пословъ, московское правительство позаботилось одновременно и о созывѣ земскихъ представителей, желая имѣть ихъ подъ рукою, такъ какъ приближалась развязка польско-малороссійскаго во-

что люди черныхъ сотенъ старались этому противодѣйствовать, согласилось на доводы гостей и гостиной сотни и указало взятымъ въ гостиную и суконную сотни людямъ жить по старому на Москвѣ, а не по городамъ. Этотъ-то указъ, отмѣнявшій предписаніе 1648 года, вошелъ въ Уложеніе и составилъ 34-ю статью XIX главы, о чемъ свидѣтельствуетъ позднѣйшая отъ 15-го февраля 1649 г. челобитная тѣхъ же гостей (Доп. къ А. И. III, № 47, стр. 158: «...а по твоему государеву Уложенію велѣно тѣмъ людемъ быти въ гостиной сотнѣ», то-есть, въ Москвѣ). Всѣ документы по этому любопытному дѣлу напечатаны въ «Дополн. къ Акт. Историческимъ» (т. III № 47) и совершенно ясно указываютъ на происхожденіе 34-й статьи иное, чѣмъ полагаетъ г. Загоскинъ.

Въ видѣ дополненія къ очерку дѣятельности земскаго собора 1648—1649 гг. слѣдуетъ упомянуть объ интересномъ дѣлѣ по поводу запрещенія иностраннымъ купцамъ торговать внутри Московскаго государства. Указъ, ограничивающій торговыя права англичанъ, обнародованъ былъ 1-го іюня 1649 г. Возникъ онъ, какъ въ немъ написано, по челобитьямъ «гостей и торговыхъ всякихъ людей», поданнымъ «въ прошлыхъ годѣхъ и въ нынѣшнемъ во 157 (1649) году» (С. Г. Гр. и Д. III № 138). Подъ челобитьями «прошлыхъ лѣтъ» можно разумѣть челобитье торговыхъ людей 1646 года, дошедшее до насъ (А. Э. IV № 13) и заключающее много жалобъ на недобросовѣстные пріемы торговли иностранцевъ. Челобитье же «нынѣшняго 157 года» долго оставалось неизвѣстнымъ, пока не было въ 1879 г. напечатано въ «Сборникѣ князя Хилкова» (№ 82, стр. 238—255) съ приложеніемъ всего дѣлопроизводства по

соборную сессію не позже 25-го мая. Къ этимъ свѣдѣніямъ о соборѣ 1653 г. необходимо прибавить, что по составу своему онъ несомнѣнно былъ полнымъ: разряды категорически говорятъ, что на соборѣ «изъ столниковъ, и изъ стряпчихъ, и изъ дворянъ, и изъ жильцовъ, и изъ *посадскихъ людей* были *выборные люди*» (Дворц. Разр. III, ст. 369).

Бросимъ теперь общій взглядъ на обстоятельства дѣятельности земскаго собора 1653 года. Онъ былъ созванъ вскорѣ послѣ отправленія въ Польшу посольства князей Репнина и Волконскаго. Два уже года продолжались дипломатическія пререканія между Москвой и Польшей по поводу малороссійскихъ дѣлъ и оскорбленій государевой чести. Отношенія двухъ государствъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе обострялись. Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ апрѣля 1653 г. въ Польшу были отправлены полномочные послы бояре, упомянутые князья Б. А. Репнинъ и Ѳ. Ѳ. Волконскій, для послѣднихъ переговоровъ. Они должны были рѣшительно требовать удовлетворенія государевой чести и наказанія виновныхъ въ умаленіи царскаго титула. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ было приказано сдѣлать представленіе о малороссійскихъ дѣлахъ: сообщить о томъ, что Богданъ Хмельницкій переговаривается съ Москвой о принятіи его въ подданство, и посовѣтовать полякамъ лучше обращаться съ украинцами (*Соловьева*, Ист. Россіи, т. X, изд. 1877 г., стр. 271 и слѣд.). Отправляя пословъ, московское правительство позаботилось одновременно и о созывѣ земскихъ представителей, желая имѣть ихъ подъ рукою, такъ какъ приближалась развязка польско-малороссійскаго во-

служитъ новымъ примѣромъ проявленія земской иниціативы на соборѣ 1648—1649 годовъ.

Земскій соборъ для составленія Уложенія былъ созванъ на 1-е сентября 1648 года, хотя подготовительныя работы по Уложенію начались въ іюлѣ еще мѣсяцѣ. Когда же соборъ кончилъ свое дѣло кодификаціи? На всѣхъ трехъ (а не двухъ, какъ полагаетъ Н. П. Загоскинъ) первоначальныхъ изданіяхъ Уложенія помѣщено вмѣсто выхода слѣдующее: «совершена сія книга... лѣта 7157 генваря въ 29 день». Такая дата долго заставляла думать, что 29 января 1649 г. Уложеніе было уже напечатано. Г. Загоскинъ a priori подвергъ это сомнѣнію, полагая, что Уложеніе печаталось позже, и въ связи съ этой догадкой высказалъ другую, что Уложеніе окончено было составленіемъ въ концѣ декабря 1648 г. («Улож. ц. Ал. Мих.», стр. 63 и слѣд.). Но въ томъ же году, когда вышло изслѣдованіе г. Загоскина, были напечатаны документы, извлеченные членами Археологическаго института изъ московскихъ архивовъ и опровергающіе предположенія г. Загоскина. На основаніи расходной книги Печатнаго двора 7157 года, хранящейся въ библіотекѣ Синодальной типографіи, оказывается, что Уложеніе впервые печаталось съ 7 апрѣля по 20 мая 1649 года (*Сборникъ Археол. института* II, стр. 21). Составленіемъ же оно было кончено не въ декабрѣ 1648 г., а только 29-го января 1649 г., ибо слова: «совершена сія книга... лѣта 7157 генваря въ 29 день» находятся на подлинномъ столбцѣ Уложенія и, стало быть, показываютъ день окончанія законодательныхъ работъ (*Сборникъ Археол. института* II, стр. 11). Названіе столбца «книгою» («совершена сія книга»...) не должно насъ сму-

сланъ исполнить соборное рѣшеніе, а не ранѣе, ужъ одинъ этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, что засѣданіе 1-го октября имѣло значеніе и смыслъ: 1-го октября соборъ сошелся безо всякихъ разсужденій и преній утвердить давно выработанное рѣшеніе и этой санкціей закончить свою долгую сессію, которая, какъ мы видѣли, началась еще въ маѣ 1653 года.

1653 г. Онъ писалъ въ отвѣтъ Соловьеву, что московское правительство разъ уже (въ 1651 г.) заручилось согласіемъ собора на принятіе Малороссіи, а теперь, въ 1653 году, созывая соборъ послѣ рѣшенія дѣла, ждало отъ него только окончательной нравственной санкціи дѣла (Полн. собр. сочин. *К. С. Аксакова,* т. I, стр. 206—207). Но апріорныя догадки, какъ иногда онѣ ни симпатичны, всегда остаются только догадками, а скепсисъ Соловьева заставлялъ задумываться послѣдующихъ изслѣдователей. Оставалось въ подозрѣніи, имѣлъ ли соборъ 1653 года какой нибудь смыслъ, и совершенно яснымъ казалось, что дѣло было рѣшено до собора и соборъ былъ вовсе не нуженъ. Тѣмъ не менѣе, позднѣйшій изслѣдователь земскихъ соборовъ г. Загоскинъ становится на сторону Аксакова и старается—опять-таки гадательно—доказать, что соборъ 1653 г. имѣлъ значеніе. По мнѣнію Н. П. Загоскина, это ясно и безъ «предположеній» о первомъ соборѣ (1651 г.), на который ссылается Аксаковъ и который, какъ думаетъ г. Загоскинъ, есть ни что иное, какъ фикція, измышленная Аксаковымъ (*Загоскина,* Ист. права Моск. гост., I, стр. 295—296). А надобно замѣтить, что о соборѣ 1651 года есть печатныя извѣстія у Д. Н. Бантыша-Каменскаго въ «Исторіи Малой Россіи» (М. 1822 г., I, стр. 3—4).

И такъ въ литературѣ и до нашихъ дней соборъ 1653 года не объясненъ удовлетворительно, и до сихъ поръ возможно полагать, что польско-малороссійскій вопросъ рѣшенъ былъ до его созванія. А между тѣмъ, недоразумѣніе разрѣшается просто: земскій соборъ занимался польскими и малороссійскими дѣлами съ 25-го *приблизительно мая 1653 г. по 1-е октября,* и

сланъ исполнить соборное рѣшеніе, а не ранѣе, ужъ одинъ этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, что засѣданіе 1-го октября имѣло значеніе и смыслъ: 1-го октября соборъ сошелся безо всякихъ разсужденій и преній утвердить давно выработанное рѣшеніе и этой санкціей закончить свою долгую сессію, которая, какъ мы видѣли, началась еще въ маѣ 1653 года.

2) Въ III-мъ томѣ «Дворцовыхъ Разрядовъ» (стр. 350—351) подъ 7161 годомъ читаемъ слѣдующее: «Мая во 2 день посланы государевы грамоты въ Замосковные и во всѣ Украинные городы)... велѣно *во всѣхъ городахъ* выслать *изо всякаго города* изъ выбора *по два человѣка дворянъ* добрыхъ и разумичныхъ людей, и выслать къ Москвѣ на указной срокъ, мая къ 20 числу». Немного ниже читаемъ, что въ грамотахъ отъ 15-го мая этотъ «указный срокъ» измѣненъ былъ вмѣсто 20-го мая на 5-е іюня. Ясно, что вызывались въ Москву эти «добрые и разумичные» люди не для чего иного, какъ для земскаго собора, тѣмъ болѣе, что число ихъ—два изъ города—совпадаетъ съ указаніемъ царской рѣчи. Если эта догадка справедлива, то, стало быть, въ концѣ мая или въ началѣ іюня въ Москвѣ уже составился земскій соборъ, которому и было предложено заняться польскими дѣлами. А что эта догадка справедлива, достаточно утверждается слѣдующей данной: 3) въ «Актахъ, отн. къ исторіи Южн. и Западн. Россіи» въ X-мъ томѣ (Примѣчаніе къ № 2-му) читаемъ, что въ московскомъ Архивѣ мин. ин. дѣлъ, въ Польскихъ дѣлахъ (св. № 4, тетр. № 6, на 22 лл.) «находится черновое, съ помарками, рѣшеніе земскаго собора, 25 мая 1653 года, о томъ-же литовскомъ и черкасскомъ дѣлѣ, безъ конца». Къ сожалѣнію, рѣшеніе это не напечатано. Но и одно упоминаніе о немъ для насъ чрезвычайно важно. Очевидно, отсрочка пріѣзда выборныхъ до 5-го іюня состоялась слишкомъ поздно, и выборные, не воспользовавшись ею, собрались къ раньше указанному сроку, 20-му мая, а правительство нашло возможнымъ открыть

Реформа русской жизни, съ такою быстротой и рѣзкостью проведенная Петромъ Великимъ, надолго заслонила отъ взглядовъ потомства до-Петровскую Русь. То, что было до Петра, для многихъ представлялось лишеннымъ всякаго историческаго интереса, и многимъ казалось[1]), что только дѣлами Петра начиналась историческая жизнь въ Россіи. Титаническая личность царя-преобразователя, съ его безпримѣрной энергіей, громадными душевными силами и замѣчательнымъ разнообразіемъ дѣятельности затмевала собой его предшественниковъ — московскихъ государей XVII вѣка, величавыхъ и спокойныхъ, закрытыхъ отъ глазъ толпы строго размѣреннымъ чиномъ московской придворной жизни. Для многихъ послѣдующихъ поколѣній время Петра представлялось эпохой, оторванной отъ всей предыдущей исторіи, а личность Петра—одиноко стоящей въ ряду русскихъ монарховъ XVII вѣка по стремленіямъ и дѣятельности.

Но мало-по-малу воззрѣнія мѣнялись. Въ лицѣ С. М. Соловьева русская наука дошла до убѣжденія, что до-Петровское время и реформа Петра тѣсно связаны между собой, что втеченіе XVII вѣка «обозначились явно новыя потребности государства и призваны были тѣ же средства для ихъ удовлетворенія, которыя были употреблены въ XVIII вѣкѣ, въ такъ называемую эпоху преобразованія»[2]). Изученіе XVII вѣка получило особенный интересъ именно съ точки зрѣнія подготовленія къ реформѣ. Стало ясно, что самъ

---

[1]) Напримѣръ Бѣлинскому, въ его статьѣ по поводу Котошихина. (Соч. т. IV).

[2]) Сочиненія С. М. Соловьева. I. Спб. 1882, стр. 84.

проса, зависѣвшая всецѣло отъ исхода полномочнаго посольства. Выборнымъ, надо полагать, были представлены всѣ обстоятельства дѣла, и они, конечно, еще раньше 1-го октября высказались за принятіе Хмельницкаго и за войну съ Польшей, если только Польша не измѣнитъ политики. Отправленіе Стрѣшнева и Бредихина въ Малороссію состоялось не иначе, какъ съ вѣдома собора, ибо порученіе, имъ данное, было весьма важно: они должны были объявить Хмельницкому, что государь его приметъ подъ свою руку, если посольство Репнина постигнетъ неудача. Стрѣшневъ и Бредихинъ выѣхали 6-го сентября, а въ серединѣ сентября воротился Репнинъ съ извѣстіемъ о полной своей неудачѣ. Тогда 20-го числа послали догнать Стрѣшнева, и ему было велѣно уже прямо объявить Хмельницкому о принятіи его государемъ. Чрезъ десять дней послѣ этого, 1-го октября, состоялось торжественное собраніе земскаго собора, въ праздникъ, послѣ обѣдни, въ Грановитой Палатѣ, въ присутствіи государя (Дворц. Разр. III, ст. 369). Было прочтено витіеватое изложеніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла и была единодушно рѣшена война съ Польшей и принятіе Малороссіи. Прямымъ слѣдствіемъ такого соборнаго рѣшенія былъ царскій указъ боярину В. В. Бутурлину ѣхать къ казакамъ, принять ихъ оффиціально въ подданство и привести къ присягѣ. Указъ Бутурлину былъ объявленъ того же 1-го октября, въ той же Грановитой Палатѣ, гдѣ происходилъ соборъ, и, вѣроятно, на самомъ соборѣ (Дворц. Разр. III, ст. 372). Ужъ одинъ этотъ фактъ, что В. В. Бутурлинъ, какъ тогда говорилось, прямо «съ собора» былъ по-

царя и начаться его инициативой. Если пылкая, энергичная личность Петра сдѣлала его реформу быстрымъ и рѣзкимъ переворотомъ, если впечатлѣнія его дѣтства, бурнаго и не вполнѣ счастливаго, отразились крайностями въ нѣкоторыхъ мѣрахъ Петра, то личностью Алексѣя Михайловича, быть можетъ, слѣдуетъ объяснять многія особенности его эпохи. Поэтому личность царя Алексѣя, дающая очень интересный матеріалъ для психологическаго этюда, представляетъ для насъ не одинъ психологическій интересъ. Царь Алексѣй, какъ образованный человѣкъ своего времени, стоялъ лицомъ къ лицу со всѣми вопросами, трогавшими тогдашнее общество; онъ шелъ навстрѣчу новшествамъ, вводилъ ихъ въ свою частную жизнь и въ то же время оставался въ высшей степени православнымъ и въ высшей степени московскимъ человѣкомъ. И новаторы, и старыхъ воззрѣній люди могли считать его своимъ, но въ сущности царь Алексѣй не принадлежалъ всецѣло ни къ тѣмъ, ни къ другимъ: онъ стоялъ въ серединѣ всѣхъ движеній въ московскомъ обществѣ, но самъ не двигался ни въ какую сторону. Отчасти, быть можетъ, поэтому въ его царствованіе культурный вопросъ не нашелъ своего разрѣшенія, хотя уже чувствовалась близость и необходимость реформы.

Не такова натура была у царя Алексѣя Михайловича, чтобы, проникнувшись одной какой нибудь идеей, онъ могъ энергично осуществлять эту идею, страстно бороться, преодолѣвать неудачи, всего себя отдать практической дѣятельности, какъ отдалъ себя Петръ. Сынъ и отецъ вполнѣ противоположны по характеру: въ царѣ Алексѣѣ нѣтъ той инициативы, какая отли-

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

(Опытъ характеристики).

(1886).

О личности царя Алексѣя Михайловича писано не разъ. Издано много его писемъ и бумагъ, составлена біографія (Хмыровымъ въ «Древней и Новой Россіи» 1875 года), даны характеристики (С. М. Соловьевымъ въ XII т. «Исторіи Россіи» и И. Е. Забѣлинымъ въ «Опытахъ изученія русскихъ древностей и исторіи»). Но изображеніе личности допускаетъ бо̀льшія варьяціи, чѣмъ изображеніе факта. За характеристиками Соловьева и Забѣлина могутъ послѣдовать новыя, основанныя на томъ же матеріалѣ, но дающія иныя точки зрѣнія и новую оцѣнку личности. Болѣе совершенная разработка эпохи дастъ и болѣе вѣрное представленіе о ея дѣятелѣ. Послѣднее слово о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, конечно, еще не сказано и не скоро будетъ сказано. Поэтому мы думаемъ, что представляемый нами очеркъ написанъ не на устарѣлую тему.

замѣнилъ ему отца. Дальнѣйшіе годы жизни Алексѣя Михайловича дали ему много впечатлѣній, много опыта. Занятія государственными дѣлами, необычныя волненія 1648 года, путешествіе въ 1654—1655 годахъ за границы государства, въ сторону, завоеванную у поляковъ, близость къ одному изъ крупнѣйшихъ людей вѣка—Никону—все это развивающимъ образомъ подѣйствовало на личность Алексѣя Михайловича, образовало въ немъ цѣльный и стройный характеръ. Царь возмужалъ и изъ мальчика, доступнаго всякому вліянію, сталъ человѣкомъ очень опредѣленнымъ, съ оригинальной умственной и нравственной физіономіей.

Современники очень любили царя Алексѣя. Самая наружность царя очень говорила въ его пользу. Въ его голубыхъ глазахъ свѣтилась рѣдкая доброта, взглядъ этихъ глазъ никого не пугалъ, но ободрялъ и обнадеживалъ. Лицо государя, полное и румяное, окаймленое русой бородой, было добродушно-привѣтливо и въ то же время серьезно и важно, а полная, даже черезчуръ полная фигура его сохраняла всегда чинную и важную осанку. Но царственный видъ Алексѣя Михайловича ни въ комъ не будилъ страха: не личная гордость создала эту осанку, а сознаніе важности и святости сана; этимъ сознаніемъ царь былъ полонъ.

Симпатичная наружность отражала такую же симпатичную душу. Современники иностранцы, независимые отъ царя Алексѣя люди (Коллинсъ, Рейтенфельсъ, Лизекъ), въ одинъ голосъ говорятъ о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, что это былъ рѣдкій монархъ и человѣкъ: «такой государь, какого желаютъ имѣть всѣ христіанскіе народы, но немногіе имѣютъ». «Гораздо

тихимъ» зоветъ царя и русскій эмигрантъ Котошихинъ. Уже одни согласные отзывы современниковъ заставили бы считать Алексѣя Михайловича свѣтлой личностью; но для нашихъ на него воззрѣній есть матеріалъ болѣе прочный—извѣстные намъ біографическіе факты и литературныя произведенія царя Алексѣя. Онъ очень любилъ писать и писалъ письма, сочинялъ даже вирши, составилъ «Уложеніе сокольничья пути», т. е. подробный наказъ своимъ сокольникамъ; онъ пробовалъ писать свои мемуары (о польской войнѣ), имѣлъ даже привычку своеручно поправлять текстъ и дѣлать прибавки въ оффиціальныхъ грамотахъ, причемъ не всегда попадалъ въ тонъ приказнаго изложенія. Значительная часть его литературныхъ попытокъ дошла до насъ, и притомъ дошло по большей части то, что писалъ онъ во времена своей молодости, когда былъ свѣжѣе и откровеннѣе и когда жилъ полнѣе. Этотъ литературный матеріалъ замѣчательно ясно рисуетъ намъ личность государя и вполнѣ позволяетъ понять, на сколько симпатична и интересна была эта личность. Царь Алексѣй высказывался очень легко, говорилъ безъ обычной въ тѣ времена риторики, любилъ, что называется, поговорить и пофилософствовать въ своихъ произведеніяхъ.

При чтеніи этихъ произведеній прежде всего замѣтно, что у Алексѣя Михайловича живой умъ и чрезвычайно впечатлительная душа. Его все одинаково занимаетъ: и польская война, и болѣзнь придворнаго, и политика, и хозяйство умершаго патріарха Іосифа, и вопросъ о томъ, какъ пѣть многолѣтіе въ церкви, и садоводство, и прелести соколиной охоты, и театральныя представленія, и мелкія ссоры въ люби-

момъ его монастырѣ. Ко всему онъ относится одинаково живо, все дѣйствуетъ на него одинаково сильно: онъ плачетъ послѣ смерти патріарха и доходитъ до слезъ отъ буйства простаго монаха: «до слезъ стало; видитъ Чудотворецъ, что во мглѣ хожу»,—пишетъ онъ монаху по поводу его поведенія. Отъ своей впечатлительности царь Алексѣй могъ легко вспылить, могъ браниться по сове ршенно пустому дѣлу. Но гнѣвъ его такъ же скоро уходилъ, какъ легко приходилъ. Являлось раскаяніе, и, по своей добротѣ, царь не зналъ, какъ мириться съ тѣмъ, кого обидѣлъ. Онъ безъ мѣры ласкалъ старика Родіона Стрѣшнева, послѣ того какъ въ запальчивости обидѣлъ его не одними только словами. Тестя своего Милославскаго государь однажды собственноручно «смирилъ» за неумѣстное и грубое хвастовство; но какъ ни сильно на этотъ разъ вспыхнулъ «гораздо тихій» царь, его дальнѣйшія отношенія къ Милославскому не измѣнились, и ссора прошла безслѣдно. Даже въ такой крупной размолвкѣ, какая была у царя съ Никономъ, послѣ удаленія Никона изъ Москвы въ 1658 году, Алексѣй Михайловичъ старается установить съ патріархомъ такія отношенія, которыя бы не напоминали о ссорѣ: онъ забываетъ свою обиду и засылаетъ къ Никону съ лаской «спросить о здоровьѣ»: ему просто непріятно имѣть врага или казаться чьимъ нибудь врагомъ.

Доброта царя съ другой стороны вызывала постоянное благотвореніе: при дворцѣ всегда жили убогіе «старики богомольцы» и «Христа-ради-юродивые»; отъ имени царя раздавалась щедрая милостыня, и по праздникамъ дѣлались обильные «кормы»; Алексѣй Михайловичъ посѣщалъ тюрьмы, подавалъ тамъ ми-

тихимъ» зоветъ царя и русскій эмигрантъ Котошихинъ. Уже одни согласные отзывы современниковъ заставили бы считать Алексѣя Михайловича свѣтлой личностью; но для нашихъ на него воззрѣній есть матеріалъ болѣе прочный—извѣстные намъ біографическіе факты и литературныя произведенія царя Алексѣя. Онъ очень любилъ писать и писалъ письма, сочинялъ даже вирши, составилъ «Уложеніе сокольничья пути», т. е. подробный наказъ своимъ сокольникамъ; онъ пробовалъ писать свои мемуары (о польской войнѣ), имѣлъ даже привычку своеручно поправлять текстъ и дѣлать прибавки въ оффиціальныхъ грамотахъ, причемъ не всегда попадалъ въ тонъ приказнаго изложенія. Значительная часть его литературныхъ попытокъ дошла до насъ, и притомъ дошло по большей части то, что писалъ онъ во времена своей молодости, когда былъ свѣжѣе и откровеннѣе и когда жилъ полнѣе. Этотъ литературный матеріалъ замѣчательно ясно рисуетъ намъ личность государя и вполнѣ позволяетъ понять, на сколько симпатична и интересна была эта личность. Царь Алексѣй высказывался очень легко, говорилъ безъ обычной въ тѣ времена риторики, любилъ, что называется, поговорить и пофилософствовать въ своихъ произведеніяхъ.

При чтеніи этихъ произведеній прежде всего замѣтно, что у Алексѣя Михайловича живой умъ и чрезвычайно впечатлительная душа. Его все одинаково занимаетъ: и польская война, и болѣзнь придворнаго, и политика, и хозяйство умершаго патріарха Іосифа, и вопросъ о томъ, какъ пѣть многолѣтіе въ церкви, и садоводство, и прелести соколиной охоты, и театральныя представленія, и мелкія ссоры въ люби-

момъ его монастырѣ. Ко всему онъ относится одинаково живо, все дѣйствуетъ на него одинаково сильно: онъ плачетъ послѣ смерти патріарха и доходитъ до слезъ отъ буйства простаго монаха: «до слезъ стало; видитъ Чудотворецъ, что во мглѣ хожу»,—пишетъ онъ монаху по поводу его поведенія. Отъ своей впечатлительности царь Алексѣй могъ легко вспылить, могъ браниться по совершенно пустому дѣлу. Но гнѣвъ его такъ же скоро уходилъ, какъ легко приходилъ. Являлось раскаяніе, и, по своей добротѣ, царь не зналъ, какъ мириться съ тѣмъ, кого обидѣлъ. Онъ безъ мѣры ласкалъ старика Родіона Стрѣшнева, послѣ того какъ въ запальчивости обидѣлъ его не одними только словами. Тестя своего Милославскаго государь однажды собственноручно «смирилъ» за неумѣстное и грубое хвастовство; но какъ ни сильно на этотъ разъ вспыхнулъ «гораздо тихій» царь, его дальнѣйшія отношенія къ Милославскому не измѣнились, и ссора прошла безслѣдно. Даже въ такой крупной размолвкѣ, какая была у царя съ Никономъ, послѣ удаленія Никона изъ Москвы въ 1658 году, Алексѣй Михайловичъ старается установить съ патріархомъ такія отношенія, которыя бы не напоминали о ссорѣ: онъ забываетъ свою обиду и засылаетъ къ Никону съ лаской «спросить о здоровьѣ»: ему просто непріятно имѣть врага или казаться чьимъ нибудь врагомъ.

Доброта царя съ другой стороны вызывала постоянное благотвореніе: при дворцѣ всегда жили убогіе «старики богомольцы» и «Христа-ради-юродивые»; отъ имени царя раздавалась щедрая милостыня, и по праздникамъ дѣлались обильные «кормы»; Алексѣй Михайловичъ посѣщалъ тюрьмы, подавалъ тамъ ми-

лостыню «несчастнымъ» и нерѣдко освобождалъ преступниковъ отъ наказаній. Онъ не могъ равнодушно видѣть страданій другихъ, всегда утѣшалъ и обнадеживалъ печальныхъ и старался разсѣять ихъ горе, чѣмъ только могъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательно письмо царя къ князю Одоевскому по поводу смерти его сына,—письмо, полное самыхъ теплыхъ дружескихъ утѣшеній, на какія способенъ только глубоко добрый человѣкъ.

Эта доброта Алексѣя Михайловича постоянной и неизмѣнной чертой добродушія отражалась на лицѣ и на внѣшнемъ обращеніи царя; она сказывалась и въ ласковой рѣчи, и въ свѣтлой, беззлобной шуткѣ, которую очень любилъ царь Алексѣй. Добродушіе и мягкая снисходительность часто мѣшали ему быть послѣдовательнымъ и твердымъ въ отношеніи къ людямъ: онъ могъ иногда казаться безхарактернымъ человѣкомъ. Отлично понимая людей, видя всѣ ихъ недостатки, онъ просто по добротѣ душевной терпѣлъ ихъ около себя, какъ, напримѣръ, уже упомянутаго нами Милославскаго, много разъ скомпрометированную личность. Добродушіе царя Алексѣя помогало ему легко смотрѣть на рѣзкія выходки извѣстнаго Ордина-Нащокина, талантливаго дипломата и администратора, но тяжелаго и обидчиваго человѣка. Властолюбивый Никонъ пользовался большимъ вліяніемъ на государя, и добродушный Алексѣй Михайловичъ оказывалъ этому вліянію только пассивное сопротивленіе. Лишь изрѣдка, въ мимолетномъ порывѣ гнѣва, царь сердился на Никона и тогда въ глаза называлъ его «мужикомъ» и «глупымъ человѣкомъ». Стать независимо отъ Никона царю долго мѣшалъ недостатокъ харак-

тера, но что царь Алексѣй былъ не безхарактерный человѣкъ, это показываетъ судьба того же Никона. Разъ лишивъ его своей симпатіи, Алексѣй Михайловичъ уже никогда не поддавался обаянію своего стараго авторитета, хотя много разъ случай создавалъ къ этому поводъ.

Такова была природа царя: живая, впечатлительная и мягкая въ высшей степени. Любовь къ чтенію и размышленію развила свѣтлыя стороны натуры Алексѣя Михайловича и создала изъ него чрезвычайно привлекательную личность. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ образованныхъ и развитыхъ людей московскаго общества того времени: слѣды его разносторонней начитанности, библейской, церковной и свѣтской, разбросаны въ его произведеніяхъ. Видно, что онъ вполнѣ овладѣлъ тогдашней литературой и усвоилъ себѣ до тонкости книжный языкъ. Въ серьезныхъ письмахъ и сочиненіяхъ онъ любитъ пускать въ ходъ цвѣтистые книжные обороты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ непохожъ на тогдашнихъ книжниковъ-риторовъ, для красоты формы жертвовавшихъ ясностью и даже смысломъ. У царя Алексѣя продуманъ каждый его цвѣтистый афоризмъ, изъ каждой книжной фразы смотритъ живая и ясная мысль. У него нѣтъ пустословія: все, что онъ прочелъ, онъ продумалъ; онъ, видимо, привыкъ размышлять, привыкъ высказывать то, что надумалъ, и говорилъ притомъ только то, что думалъ. Поэтому его рѣчь всегда искренна и полна содержаніемъ. Высказывался онъ чрезвычайно легко, и потому его умственный обликъ вполнѣ ясенъ.

Чтеніе развило въ Алексѣѣ Михайловичѣ очень глубокую и сознательную религіозность. Религіознымъ

преобразователь Петръ воспитался въ понятіяхъ не совсѣмъ противоположныхъ его дѣятельности, что онъ имѣлъ на своемъ пути предшественниковъ. Пристальный взглядъ изслѣдователя уже въ половинѣ XVII вѣка найдетъ слѣды двухъ теченій въ культурной жизни нашихъ предковъ: сыщетъ новаторовъ, какъ извѣстный бояринъ Матвѣевъ, и стародумовъ, какъ первые расколоучители; сыщетъ такихъ беззавѣтныхъ поклонниковъ просвѣщенія, какъ Ѳ. М. Ртищевъ, и противниковъ этого самаго просвѣщенія, говорящихъ, что въ греческой и латинской грамотѣ «еретичество есть». Кіевская и греческая наука, принесенная въ Москву въ XVII вѣкѣ учеными монахами, жизнь людной «нѣмецкой» колоніи въ Москвѣ, торговля и дипломатическія сношенія съ Западомъ, военныя и иныя заимствованія у иностранцевъ,—все это очень затрогивало москвичей, широкой струей вносило иноземное вліяніе въ московскую жизнь, настойчиво будило культурный вопросъ и порождало опредѣленныхъ сторонниковъ и противниковъ новшествъ. Нельзя никакъ сказать, что передъ эпохою Петра Московское государство было въ состояніи спокойной, самодовольной косности. Цѣлое поколѣніе людей, предшествовавшее Петру, выросло и прожило среди борьбы старыхъ понятій съ новыми вѣяніями, которыя были еще слабы, но съ каждой минутой крѣпли. Вопросъ объ образованіи и о заимствованіяхъ съ Запада родился раньше Петра: онъ стоялъ уже опредѣленно при его отцѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Безусловно справедливо замѣчаніе С. М. Соловьева, что ходъ преобразованія, при особенностяхъ русской жизни, долженъ былъ зависѣть отъ личности госу-

шинство его современниковъ. Его религіозное сознаніе шло несомнѣнно дальше обряда: онъ былъ философъ-моралистъ, и его философское міровоззрѣніе было строго-религіознымъ. Ко всему окружающему онъ относился съ высоты своей религіозной морали, и эта мораль, исходя изъ свѣтлой, мягкой и доброй души царя, была не сухимъ кодексомъ отвлеченныхъ нравственныхъ правилъ, суровыхъ и безжизненныхъ, а звучала мягкимъ, прочувствованннымъ, любящимъ словомъ, сказывалась полнымъ яснаго житейскаго смысла, теплымъ отношеніемъ къ людямъ. Склонность къ размышленію и наблюденію, вмѣстѣ съ добродушіемъ и мягкостью природы, выработали въ Алексѣѣ Михайловичѣ замѣчательную для того времени тонкость чувства; поэтому и его мораль высказывалась иногда поразительно хорошо, тепло и симпатично, особенно тогда, когда ему приходилось кого-нибудь утѣшать. Высокій образецъ этой трогательной морали представляетъ упомянутое нами письмо царя къ князю Ник. Ив. Одоевскому о смерти его старшаго сына, князя Михаила. Въ этомъ письмѣ ясно виденъ человѣкъ чрезвычайно добрый и деликатный, умѣющій любить и понимать нравственный міръ другихъ, умѣющій и говорить, и думать, и чувствовать очень тонко. Та же тонкость пониманія и способность нравственно оцѣнить свое положеніе и обязанности сказывается въ царѣ Алексѣѣ и тогда, когда онъ былъ душеприказчикомъ патріарха Іосифа и не рѣшался ничего ни взять, ни купить себѣ изъ вещей патріарха. Его очень прельщала серебряная посуда покойнаго, но онъ «воздержался», и писалъ объ этомъ Никону, что онъ ничего не хочетъ покупать. «Не хочу для того, се отъ

чаетъ характеръ Петра. Стремленіе Петра всякую мысль претворять въ дѣло совсѣмъ чуждо личности Алексѣя Михайловича, спокойной и созерцательной. Боевая, желѣзная натура Петра вполнѣ противоположна мирной и мягкой натурѣ его отца.

Негдѣ было царю Алексѣю выработать въ себѣ такую крѣпость духа и воли, какая дана Петру, помимо природы, впечатлѣніями дѣтства и юности. Царь Алексѣй росъ тихо въ теремѣ московскаго дворца, до пятилѣтняго возраста окруженный многочисленнымъ штатомъ мамъ, а затѣмъ, съ пятилѣтняго возраста, переданный на попеченіе дядьки, извѣстнаго Бор. Ив. Морозова. Съ пяти лѣтъ стали его учить грамотѣ по букварю, перевели затѣмъ на часовникъ, псалтирь и апостольскія дѣянія, семи лѣтъ научили писать, а девяти лѣтъ стали учить церковному пѣнію. Этимъ собственно и закончилось образованіе. Съ нимъ рядомъ шли забавы: царевичу покупали игрушки; былъ у него, между прочимъ, конь «нѣмецкаго дѣла», были латы, музыкальные инструменты и санки потѣшныя, словомъ, всѣ обычные предметы дѣтскаго развлеченія. Но была и любопытная для того времени новинка — «нѣмецкіе печатные листы», т. е. гравированныя въ Германіи картинки, которыми Морозовъ пользовался, говорятъ, какъ подспорьемъ при обученіи царевича. Дарили царевичу и книги; изъ нихъ составилась у него библіотека числомъ въ 13 томовъ. На 14-мъ году царевича торжественно объявили народу, а 16-ти лѣтъ царевичъ осиротѣлъ (потерялъ и отца и мать) и вступилъ на московскій престолъ, не видѣвъ ничего въ жизни, кромѣ семьи и дворца. Понятно, какъ сильно было вліяніе боярина Морозова на молодого царя: онъ

Вотъ и другой примѣръ: во время путешествія Никона за мощами митрополита Филиппа въ Соловки въ 1652 году Никонъ принуждалъ сопровождавшихъ его свѣтскихъ людей держать себя по монашески. Государь унималъ религіозное рвеніе Никона на томъ основаніи, что «никого де (онъ) силою не заставитъ Богу вѣровать».

При постоянномъ религіозномъ настроеніи, при постоянной вдумчивости была въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ одна черта, придающая ему еще болѣе симпатичности и многое въ немъ объясняющая: онъ былъ замѣчательный эстетикъ. Эстетическое чувство сказывалось въ его страсти къ соколиной охотѣ, а позже — къ сельскому хозяйству. Кромѣ прямыхъ ощущеній охотника, кромѣ обычнаго удовольствія охоты, соколиная потѣха удовлетворяла въ Алексѣѣ Михайловичѣ и чувству красоты. Въ своемъ Сокольничьемъ уложеніи онъ очень тонко разсуждаетъ о красотѣ различныхъ охотничьихъ птицъ, о красотѣ птичьяго лета и боя, о внѣшнемъ изяществѣ сокольниковъ. Ясно, что для него занятіе охотой составляло высокое эстетическое наслажденіе. То же чувство красоты заставляло его увлекаться внѣшнимъ благолѣпіемъ церковнаго служенія и строго слѣдить за нимъ. Внѣшность всякаго рода торжествъ и церемоній всегда занимала царя именно съ этой точки зрѣнія. Большой эстетическій вкусъ его сказывался въ выборѣ любимыхъ мѣстъ: кто знаетъ положеніе Саввина-Сторожевскаго монастыря въ Звенигородѣ, излюбленнаго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, тотъ согласится, что это — одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ всей Московской губерніи; кто былъ въ селѣ Коломенскомъ, тотъ помнитъ, ко-

тихимъ» зоветъ царя и русскій эмигрантъ Котошихинъ. Уже одни согласные отзывы современниковъ заставили бы считать Алексѣя Михайловича свѣтлой личностью; но для нашихъ на него воззрѣній есть матеріалъ болѣе прочный—извѣстные намъ біографическіе факты и литературныя произведенія царя Алексѣя. Онъ очень любилъ писать и писалъ письма, сочинялъ даже вирши, составилъ «Уложеніе сокольничья пути», т. е. подробный наказъ своимъ сокольникамъ; онъ пробовалъ писать свои мемуары (о польской войнѣ), имѣлъ даже привычку своеручно поправлять текстъ и дѣлать прибавки въ оффиціальныхъ грамотахъ, причемъ не всегда попадалъ въ тонъ приказнаго изложенія. Значительная часть его литературныхъ попытокъ дошла до насъ, и притомъ дошло по большей части то, что писалъ онъ во времена своей молодости, когда былъ свѣжѣе и откровеннѣе и когда жилъ полнѣе. Этотъ литературный матеріалъ замѣчательно ясно рисуетъ намъ личность государя и вполнѣ позволяетъ понять, на сколько симпатична и интересна была эта личность. Царь Алексѣй высказывался очень легко, говорилъ безъ обычной въ тѣ времена риторики, любилъ, что называется, поговорить и пофилософствовать въ своихъ произведеніяхъ.

При чтеніи этихъ произведеній прежде всего замѣтно, что у Алексѣя Михайловича живой умъ и чрезвычайно впечатлительная душа. Его все одинаково занимаетъ: и польская война, и болѣзнь придворнаго, и политика, и хозяйство умершаго патріарха Іосифа, и вопросъ о томъ, какъ пѣть многолѣтіе въ церкви, и садоводство, и прелести соколиной охоты, и театральныя представленія, и мелкія ссоры въ люби-

суда и милостивыя любве и ратнаго строя николиже позабывайте: дѣлу время и потѣхѣ часъ». Такимъ образомъ страстно любимая царемъ Алексѣемъ забава для него, все таки, только забава и не должна мѣшать дѣлу. Онъ убѣжденъ, что во все, что бы ни дѣлалъ человѣкъ, нужно вносить порядокъ, «чинъ». «Хотя и мала вещь, а будетъ по чину честна, мѣрна, стройна, благочинна, — никтоже зазритъ, никтоже похулитъ, всякій похвалитъ, всякій прославитъ и удивится, что и малой вещи честь и чинъ и образецъ положенъ по мѣрѣ». Чинъ и благоустройство для Алексѣя Михайловича—залогъ успѣха во всемъ: «безъ чина же всякая вещь не утвердится и не укрѣпится; безстройство же теряетъ дѣло и возставляетъ бездѣлье»,—говоритъ онъ. Поэтому царь Алексѣй Михайловичъ очень заботился о порядкѣ во всякомъ большомъ и маломъ дѣлѣ. Онъ только тогда бывалъ счастливъ, когда на душѣ у него было свѣтло и спокойно, все на мѣстѣ, все по чину. Объ этомъ-то внутреннемъ равновѣсіи и внѣшнемъ порядкѣ болѣе всего заботился царь Алексѣй, мѣшая дѣло съ потѣхой и соединяя строгій аскетизмъ съ чистыми и мирными наслажденіями.

Такова была личность Алексѣя Михайловича, богаче всего одаренная сердцемъ, бѣднѣе — твердой волею. Казалось бы, что его царствованіе должно было быть мирнымъ и тихимъ временемъ для Московскаго государства, а между тѣмъ теченіе исторической жизни поставило царю Алексѣю много чрезвычайно трудныхъ и жгучихъ задачъ и внутри, и внѣ государства: вопросы экономической жизни, законодательные и церковные, борьба за Малороссію, безконечно-трудная,—

лостыню «несчастнымъ» и нерѣдко освобождалъ преступниковъ отъ наказаній. Онъ не могъ равнодушно видѣть страданій другихъ, всегда утѣшалъ и обнадеживалъ печальныхъ и старался разсѣять ихъ горе, чѣмъ только могъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательно письмо царя къ князю Одоевскому по поводу смерти его сына,—письмо, полное самыхъ теплыхъ дружескихъ утѣшеній, на какія способенъ только глубоко добрый человѣкъ.

Эта доброта Алексѣя Михайловича постоянной и неизмѣнной чертой добродушія отражалась на лицѣ и на внѣшнемъ обращеніи царя; она сказывалась и въ ласковой рѣчи, и въ свѣтлой, беззлобной шуткѣ, которую очень любилъ царь Алексѣй. Добродушіе и мягкая снисходительность часто мѣшали ему быть послѣдовательнымъ и твердымъ въ отношеніи къ людямъ: онъ могъ иногда казаться безхарактернымъ человѣкомъ. Отлично понимая людей, видя всѣ ихъ недостатки, онъ просто по добротѣ душевной терпѣлъ ихъ около себя, какъ, напримѣръ, уже упомянутаго нами Милославскаго, много разъ скомпрометированную личность. Добродушіе царя Алексѣя помогало ему легко смотрѣть на рѣзкія выходки извѣстнаго Ордина-Нащокина, талантливаго дипломата и администратора, но тяжелаго и обидчиваго человѣка. Властолюбивый Никонъ пользовался большимъ вліяніемъ на государя, и добродушный Алексѣй Михайловичъ оказывалъ этому вліянію только пассивное сопротивленіе. Лишь изрѣдка, въ мимолетномъ порывѣ гнѣва, царь сердился на Никона и тогда въ глаза называлъ его «мужикомъ» и «глупымъ человѣкомъ». Стать независимо отъ Никона царю долго мѣшалъ недостатокъ харак-

не только его современникамъ, но и современникамъ эпохи Петра. Не даромъ въ самую пору преобразованій Петра Великаго князь Яковъ Долгоруковъ равнялъ дѣла Алексѣя съ дѣлами Петра и говорилъ Петру: «Государь! въ иномъ отецъ твой, въ иномъ ты больше хвалы и благодаренія достоинъ».

чувствомъ онъ былъ проникнутъ весь. Онъ много молился, строго держалъ посты и прекрасно зналъ всѣ церковные уставы. Его главнымъ духовнымъ интересомъ было спасеніе души. Съ этой точки зрѣнія онъ судилъ и другихъ. Всякому виновному царь при выговорѣ непремѣнно указывалъ, что онъ своимъ проступкомъ губитъ свою душу и служитъ сатанѣ. По представленію, общему въ то время, средство ко спасенію души царь видѣлъ въ строгомъ послѣдованіи обряду и поэтому строго соблюдалъ всѣ обряды. Любопытно прочесть записки дьякона Павла Алеппскаго, который былъ въ Россіи въ 1655 году съ патріархомъ Макаріемъ Антіохійскимъ и описалъ намъ Алексѣя Михайловича въ церкви и среди клира. Изъ этихъ записокъ всего лучше видно, какое значеніе придавалъ царь обрядамъ и какъ заботливо слѣдилъ за точнымъ ихъ исполненіемъ. Но обрядъ и аскетическое воздержаніе, къ которому стремились наши предки, не исчерпывали религіознаго сознанія Алексѣя Михайловича. Религія для него была не только обрядомъ, но и высокой нравственной дисциплиной; будучи глубоко религіознымъ, царь думалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что не грѣшитъ, смотря комедію и лаская нѣмцевъ. Въ глазахъ Алексѣя Михайловича театральное представленіе и общеніе съ иностранцами не были грѣхомъ и преступленіемъ противъ религіи, но совершенно позволительнымъ новшествомъ, и пріятнымъ, и полезнымъ. Однако, при этомъ онъ ревниво оберегалъ чистоту религіи и, безъ сомнѣнія, былъ однимъ изъ православнѣйшихъ москвичей; дѣло только въ томъ, что его умъ и начитанность позволяли ему гораздо шире понимать православіе, чѣмъ понимало его боль-

собираніи и разработкѣ сохранившихся данныхъ о самой эпохѣ. Мы далеко не можемъ сказать, чтобы такъ-называемые источники для исторіи смуты были всѣ извѣстны: много цѣннаго матеріала скрыто еще въ стѣнахъ нашихъ древлехранилищъ или вовсе утеряно; напримѣръ, исторію великаго посольства подъ Смоленскъ самъ С. М. Соловьевъ излагаетъ по «Дополненіямъ къ Дѣяніямъ Петра Великаго» Голикова; подлинныхъ документовъ объ этомъ посольствѣ наука пока не знаетъ. Изъ того же, что̀ извѣстно и издано, многое издано не научно (такъ мы не имѣемъ хорошаго изданія Новаго Лѣтописца) и очень многое не изслѣдовано критически [1]). Главною задачей будущихъ изслѣдователей смуты, по нашему мнѣнію, должно стать именно собираніе новаго и критика уже извѣстнаго матеріала, потому что только точное изслѣдованіе первыхъ источниковъ смуты поможетъ сдѣлать новые шаги къ уясненію какъ общаго смысла эпохи, такъ и многихъ частностей, еще загадочныхъ и темныхъ. Съ этой точки зрѣнія каждый новый памятникъ смутной эпохи представляется намъ безусловно цѣннымъ научнымъ пріобрѣтеніемъ, и въ такомъ убѣжденіи мы рѣшаемся познакомить читателя съ однимъ документомъ о смутѣ, еще неизданнымъ и представляющимъ собою нѣсколько любопытныхъ для историка чертъ.

Документъ этотъ находится въ библіотекѣ Москов-

---

[1]) У насъ почти нѣтъ изслѣдованій объ источникахъ для исторіи смуты, если не считать замѣчаній *С. М. Соловьева* (въ IX т. Ист. Россіи, гл. 5), статьи г. *Кондратьева* «О такъ-называемой Рукописи патріарха Филарета» (въ *Журн. Мин. Нар. Прос.* за 1878 г.) и нѣкоторыхъ мѣстъ у *А. Н. Попова* въ его «Обзорѣ Хронографовъ», т. II.

нечно, прекрасные виды съ высокаго берега Москвы-рѣки въ Коломенскомъ. Мирная красота этихъ мѣстъ—обычный типъ великорусскаго пейзажа — такъ соотвѣтствуетъ характеру «гораздо тихаго» царя.

Соединеніе глубокой религіозности и аскетизма съ охотничьими наслажденіями и очень свѣтлымъ взглядомъ на жизнь не было противорѣчіемъ въ натурѣ и философіи Алексѣя Михайловича. Въ немъ религія и молитва не исключала удовольствій и потѣхъ. Онъ сознательно позволялъ себѣ свои охотничьи и комидійныя развлеченія, не считалъ ихъ преступными, не каялся послѣ нихъ. У него и на удовольствія былъ свой особый взглядъ. «И зѣло потѣха сія полевая утѣшаетъ сердца печальныя»,—пишетъ онъ въ наставленіи сокольникамъ: — «будите охочи, забавляйтеся, утѣшайтеся сею доброю потѣхою..., да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія». Такимъ образомъ въ глазахъ Алексѣя Михайловича охотничья потѣха есть противодѣйствіе печали, и этотъ взглядъ на удовольствія не случайно соскользнулъ съ его пера: по его мнѣнію, жизнь не есть печаль, и отъ печали нужно лѣчиться, нужно гнать ее—такъ и Богъ велѣлъ. Онъ проситъ Одоевскаго не плакать о смерти сына: «Нельзя, что (бъ) не поскорбѣть и не прослезиться, и прослезиться надобно,—да въ мѣру, чтобъ Бога наипаче не прогнѣвать». Но если жизнь — не тяжелое, мрачное испытаніе, то она и не сплошное наслажденіе для царя Алексѣя: цѣль жизни—спасеніе души, и достигается эта цѣль хорошею благочестивою жизнью; а хорошая жизнь, по мнѣнію царя, должна проходить въ строгомъ порядкѣ; въ ней все должно имѣть свое мѣсто и время; царь говоритъ своимъ сокольникамъ: «правды же и

повѣствованіе о событіяхъ составляетъ его цѣль. При внимательномъ чтеніи становится вполнѣ ясно, что авторъ не заботился о полномъ всестороннемъ описаніи событій: онъ предназначалъ свое произведеніе не для потомства, а для современниковъ; его трудъ имѣлъ практическую цѣль, и разсказъ о событіяхъ являлся въ глазахъ писателя только средствомъ доказать свою мысль и добиться исполненія своихъ желаній. Главная мысль произведенія (написаннаго въ самомъ концѣ 1610 г. или въ самомъ началѣ 1611 г.)—необходимость отказаться отъ подчиненія избранному въ цари королевичу Владиславу, а главное желаніе автора—возбудить открытое возстаніе въ Москвѣ противъ поляковъ и изгнать польскій гарнизонъ изъ Москвы. Но такъ какъ авторъ жилъ въ самой Москвѣ и по наружности держалъ сторону поляковъ, изъ боязни за свою жизнь и благополучіе семьи, то въ своемъ произведеніи онъ не означилъ своего имени и бросилъ свою рукопись на улицахъ Москвы въ надеждѣ, что тотъ, кто найдетъ и прочтетъ ее, постарается распространить ее въ народѣ. Всѣ эти обстоятельства объясняются какъ изъ общаго содержанія произведенія, такъ особенно изъ послѣсловія къ нему: «А сему бы есте писму вѣрили

Василія Голицина съ товарыщи и о крѣпкомъ стояніи града Смоленска и о новыхъ измѣнникахъ и мучителей (sic) и гонителей и разорителей и губителей вѣры христіанскіе Ѳедки Ондронова съ товарыщи». Трудно рѣшить, автору или переписчику принадлежитъ это заглавіе; вѣроятнѣе,—послѣднему, потому что авторъ въ самомъ произведеніи избѣгаетъ называть «новыхъ измѣнниковъ» ихъ собственными именами и, сверхъ того, онъ настолько владѣетъ слогомъ, что не оставилъ бы словъ безъ должнаго грамматическаго согласованія.

все это требовало чрезвычайныхъ усилій правительственной власти и народныхъ силъ. Много критическихъ минутъ пришлось тогда пережить нашимъ предкамъ, и, все таки, бѣдная силами и средствами Русь успѣла выйти побѣдительницей изъ внѣшней борьбы, успѣла справляться и съ домашними затрудненіями. Правительство Алексѣя Михайловича стояло на должной высотѣ во всемъ томъ, что ему приходилось дѣлать: являлись способные люди, отыскивались средства, неудачи не отнимали энергіи у дѣятелей; если не удавалось одно средство, — для достиженія цѣли искали новыхъ путей. Шла горячая, напряженная дѣятельность, и за всѣми дѣятелями эпохи, во всѣхъ сферахъ государственной жизни видна намъ добродушная и важная личность царя Алексѣя. Чувствуется, что ни одно дѣло не проходитъ мимо него: онъ знаетъ ходъ войны; онъ руководитъ работой дипломатіи; онъ въ думу боярскую несетъ рядъ вопросовъ и указаній по внутреннимъ дѣламъ; онъ слѣдитъ за церковной реформой; онъ въ дѣлѣ патріарха Никона принимаетъ дѣятельное участіе. Онъ вездѣ, постоянно съ полнымъ пониманіемъ дѣла, постоянно добродушный, искренній и ласковый. Но нигдѣ онъ не сдѣлаетъ ни одного быстраго движенія, ни одного рѣзкаго шага впередъ. На всякое дѣло онъ откликнется съ полнымъ его пониманіемъ, не устранится отъ разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, какіе ему настойчиво ставитъ жизнь; но отъ него совершенно нельзя ждать той страстной энергіи, какою отмѣчена дѣятельность его геніальнаго сына, той смѣлой инціативы, какой отличался Петръ. Тѣмъ не менѣе крупный умъ царя Алексѣя былъ виденъ

отъ тѣхъ нашихъ видимыхъ враговъ и живи будемъ всѣ, тогда явно вамъ будетъ и про насъ про грѣшныхъ. Аще будетъ вамъ и молвити что,—и азъ вамъ нынѣ врагъ и навѣтникъ; ино Господь зритъ тайная моя, что съ вами же хощу душу свою положити за православную вѣру и за святыя божія церкви, а нынѣ, якоже и выше рѣхъ, нужда ради не отстану отъ нихъ. И кто сіе писмо возметъ и прочтетъ, и онъ бы его не таилъ, давалъ бы разсмотряючи и вѣдаючи своей братіи православнымъ христіаномъ прочитати вкратцѣ, которыя за православную вѣру умрети хотятъ, чтобы имъ было вѣдомо, а не тайно; а не тѣмъ, которыя были наша же братія православныя христіане, а нынѣ всею душею безъ раскаянія отвратилися отъ христіянства и во враги намъ претворилися и съ ними со враги соединилися и вкупѣ съ ними вооружилися и хотятъ насъ до конца погубити; тѣмъ бы есте отнюдь не сказывали и не давали прочитати» [1]).

Изъ этого отрывка мы видимъ, что имѣемъ дѣло съ подметнымъ письмомъ. Такія письма бывали иногда средствомъ для возбужденія умовъ въ Московскомъ государствѣ. Котошихинъ, разсказывая о московскомъ мятежѣ 1662 г., упоминаетъ о «воровскихъ листахъ» на И. Д. Милославскаго, прибитыхъ ночью «по воротамъ и по стѣнамъ». Сохранился намекъ и на то, что въ 1606 г. Болотниковъ, стоя въ Коломенскомъ, поднималъ московскую чернь «листами», разумѣется, под-

---

[1]) Рукопись Моск. дух. ак. № 175, лл. 387 об.—388 об.—Для удобства чтенія и въ виду того, что въ текстѣ нѣтъ темныхъ мѣстъ, мы исправляемъ правописаніе рукописи, раскрывая титла и разставляя знаки препинанія.

НОВАЯ ПОВѢСТЬ О СМУТНОМЪ ВРЕМЕНИ XVII ВѢКА.

(1886).

Эпоха смуты въ Московскомъ государствѣ въ началѣ XVII вѣка представляетъ одну изъ самыхъ любопытныхъ и важныхъ страницъ нашей исторіи, какъ по исключительности и сложности историческихъ явленій, такъ и по глубокому ихъ вліянію на послѣдующую жизнь государства. Этимъ объясняется то большое вниманіе, съ какимъ наши историки относились къ этой эпохѣ: мы имѣемъ нѣсколько общихъ обзоровъ Смутнаго времени (Д. П. Бутурлина, С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова) и много монографій, посвященныхъ той или другой частности или, чаще, личности какого-либо дѣятеля эпохи (вспомнимъ богатую литературу объ Авр. Палицынѣ). Факты смуты въ ихъ послѣдовательности и связи сводились и объяснялись не разъ. Общее значеніе событій смуты, ея причины и слѣдствія занимали многихъ ученыхъ. При существующихъ разногласіяхъ, однако, окончательная историческая оцѣнка эпохи составляетъ еще дѣло будущаго: она зависитъ и отъ общаго состоянія нашихъ историческихъ знаній, и отъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ

чамъ[1]) и прямымъ призывомъ къ оружiю противъ поляковъ: «Не нерадите о себѣ», пишетъ авторъ,—«вооружимся на общихъ сопостатъ нашихъ и враговъ и постоимъ вкупѣ крѣпостнѣ за православную вѣру и за святыя божiя церкви и за свои души и за свое отечество и за достоянiе, еже намъ Господь далъ» (л. 369). Въ примѣръ москвичамъ авторъ ставитъ гражданъ осажденнаго Сигизмундомъ Смоленска, которые храбро противятся «общему нашему сопостату и врагу королю» и своимъ мужествомъ прославили себя не только въ Россiи, но «и до Рима или будетъ и далѣ паки жъ ту славу и хвалу пустили, яко же и у насъ». Смольняне, по мнѣнiю автора, много вреда нанесли войску Сигизмунда, и если Смоленскъ отстоится отъ поляковъ и прогонитъ осаждающихъ, то смольнянамъ будетъ принадлежать честь спасенiя всего государства. Не менѣе достойный примѣръ являетъ собою и великое посольство подъ Смоленскъ къ Сигизмунду отъ Гермогена, «первенца и главы церковныя всея Руси», «неложнаго стоятеля крѣпкаго побоpателя по вѣрѣ христiанской», а затѣмъ «отъ благородныхъ и великихъ самѣхъ земледержцовъ нашихъ и правителей, нынѣ же близь рещи и кривителей»[2]), также «и отъ всѣхъ людей всякихъ чиновъ». Посольство, по словамъ автора, было отправлено «на добрѣйшее дѣло»: просить у Си-

---

[1]) Преименитаго великаго государства Московскаго матере градовомъ Россiйскаго царства православнымъ христiяномъ всякихъ чиновъ людемъ»,—такъ называетъ авторъ москвичей.

[2]) Авторъ вообще очень не любитъ боярства, державшаго сторону Сигизмунда, и безпощадно называетъ его «землеѣдцами», «измѣнниками», «богоотступниками», «кровопролителями», «братьями Iуды предателя» и т. п.

ской духовной академіи [1]). Онъ не совсѣмъ неизвѣстенъ въ ученой литературѣ: имъ пользовался уже г. Кедровъ въ своемъ трудѣ объ Авр. Палицынѣ [2]). Приводя выдержку изъ этого памятника, г. Кедровъ полагаетъ, что это «посланіе, писанное изъ Кремля какимъ-то женатымъ лицомъ, вѣроятно подъ Смоленскъ» въ промежутокъ времени между декабремъ 1610 г. и апрѣлемъ 1611 г. При описаніи рукописей Московской духовной академіи, архим. Леонидъ, не опредѣляя времени написанія этого памятника, но, очевидно, относя его происхожденіе къ самому времени смуты, кратко замѣчаетъ о немъ, что это—«одно изъ троицкихъ посланій» [3]). Такимъ образомъ объ одномъ и томъ же произведеніи мы имѣемъ два разнорѣчивыхъ отзыва, при чемъ, на нашъ взглядъ, оба они одинаково неправильны.

Въ единственномъ дошедшемъ до насъ спискѣ произведеніе это называется «повѣстью» [4]), хотя не одно

---

[1]) Ркп. № 175, въ 4-ю д., 561 лл., XVI и XVII вв., полууст. и скорописью. Описаніе рукописи см. у архим. *Леонида* «Свѣдѣніе о славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища Свято-Троицкія Сергіевы Лавры въ библіотеку Троицкой дух. семинаріи въ 1747 г.» въ *Чт. Имп. Общ. Ист. и Др.* за 1884 г. кн. III, стр. 182. Другихъ списковъ разбираемаго произведенія, насколько мы знаемъ, нѣтъ.

[2]) *С. Кедрова*, Авраамій Палицынъ въ *Чт. Имп. Общ. Ист. и Др.* 1880 г., IV, стр. 62.

[3]) *Чтенія Имп. Общ. Ист. и Др.*, 1884 г., III, стр. 196.

[4]) Полное заглавіе произведенія таково: «Новая повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ и великомъ государствѣ Московскомъ и о страданіи новаго страстотерпца святѣйшаго киръ Ермогена патріарха всеа Русіи и о посланыхъ нашихъ преосвященнаго (sic) Филарета митрополита Ростовскаго и болярина князя

и сулятъ Сигизмунду успѣхъ въ его стремленіи завладѣтьМосквой [1]). Хотя Смоленска король еще не взялъ,— а безъ этого онъ не можетъ идти къ Москвѣ,—однако онъ увѣренъ въ успѣхѣ и потому удерживаетъ у себя великое посольство и московскихъ пословъ «всякою нужею, гладомъ и жаждою конечно моритъ и плѣномъ претитъ». Отъ этого многіе изъ посольства покорились Сигизмунду и большинство разъѣхались и разошлись—

---

[1]) Вотъ какъ авторъ говоритъ объ этихъ измѣнникахъ: «И тѣ... его (короля) доброхоты и наши злодѣи, о именехъ же ихъ нѣсть здѣ слова, растлилися умы своими и восхотѣша прелести міра сего работати и въ велицѣй славѣ быти, и иніи не сыи (sic) человѣцы, не по своему достоинству саны честны достигнути; и сего ради отъ Бога отпали и отъ православныя вѣры отстали и къ нему сопостату нашему королю вседушно пристали, и окаянными своими душами пали и пропали, и хотятъ ево злодѣя нашего на наше великое государство посадити и ему служити, и по се время мало не до конца Російское царство ему врагу предали; аще бы имъ мощно, то единемъ бы часомъ привлекли его врага сюдѣ (то-есть, въ Москву) и во всемъ бы съ ними (то-есть, съ поляками) надъ нами волю свою сотворили» (л. 373—373 об.). Въ другомъ мѣстѣ объ этихъ доброхотахъ Сигизмунда авторъ говоритъ: «И тако тѣ наши благородніи зглупали и душами своими пали и пропали на вѣки, аще отъ того зла и худа на добро не обратятся. Горши же намъ всего учинили, что насъ всѣхъ выдали, да не токмо выдали, ино заедино съ ними со враги вооружилися вкупѣ и хотятъ насъ всѣхъ погубити и вѣру христіанскую искоренити. Аще будетъ и есть избранніи, сердцемъ желанніи, по христіянстѣй вѣрѣ и по всѣхъ по насъ жалѣютъ и радятъ отъ тѣхъ же чиновъ и боярскихъ родовъ, но не могутъ ничего учинити и не смѣютъ стати, что не съ кѣмъ побарати и своего величества отбыти, а имъ врагомъ ничего не сотворити, понеже сильно обовладѣли и многихъ маловременнымъ богатствомъ и славою прелстили и иныхъ закормили и вездѣ свои слухи и доброхоты поистоновили (sic) и поизнасадили» (л. 382—382 об.).

безъ всякаго сумнѣнія», пишетъ авторъ москвичамъ: «азъ вамъ сказываю и пишу. И азъ ихъ думы и мысли слышечи, помнячи свою православную вѣру, и не хощу души своей грѣшной до конца погубити и въ геенѣ ею быти. Грѣхомъ своимъ великимъ и слабостію и славою міра сего прельстился и къ нимъ ко врагомъ прилѣпился также, якоже и прочая братія наша, для ради суетныя сея славы и тлѣннаго богатества: всѣ мы, того ищучи, въ томъ и погибли; аще бы того не искали, всѣ бы отъ Бога не отпали и душами и тѣломъ не пали и не пропали. И нынѣ азъ сусмотрихъ, что послѣдуючи имъ, врагомъ креста Христова и всѣхъ насъ православныхъ христіянъ губителемъ, и будучи въ ихъ во отпадшей отъ Бога вѣрѣ и не отставъ отъ нихъ, быти въ геенѣ огненнѣй душею и тѣломъ. Явно мнѣ не мощно отъ нихъ о(т)стати и вамъ про се сказати или бы единому кому отъ васъ втайнѣ рещи: боюся, некли тотъ человѣкъ умомъ своимъ поползнется и не утерпитъ и вамъ скажетъ имя мое, и отъ васъ разнесется и до нихъ, враговъ и губителей христіянскихъ, донесется. Тогда мя взявъ злой смерти предадутъ. Азъ же у нихъ нынѣ зѣло пожалованъ. Сами вѣдаете, что всѣ мы смерти боимся; а се также имѣю жену и дѣти, якоже и вы; аще мнѣ самому случится умрети, вѣстно и на Господа надежда, что не умрети, но ожити за ту правду, ино жена и дѣти осиротити, межъ дворъ пустити, или будетъ всего того горши, — на позоръ дати. А вамъ будетъ, православніи, втѣпоры ничего не учинити, понеже нынѣ враговъ воля и сила стала. Для ради того явно вамъ самъ не дрьзну сказати, отъ нихъ отстати. Сего ради писмомъ вамъ потрудихся написати; аще Господь помилуетъ всѣхъ насъ и избавитъ насъ

ются и ругаются надъ русскими людьми, оскорбляютъ святыню русскую [1]); въ то же время сами ходятъ вооруженными, стягиваютъ въ Москву подкрѣпленія, а русскихъ воинскихъ людей разсылаютъ изъ Москвы, боясь возстанія и желая окончательно господствовать въ столицѣ. Что же касается до того, что поляки поддерживаютъ порядокъ въ Москвѣ, «сами своихъ людей казнятъ», то авторъ называетъ это такимъ же лицемѣріемъ, какъ и постоянныя съ ихъ стороны увѣренія въ томъ, будто Сигизмундъ хочетъ дѣйствительно дать сына на Московское царство. Все это дѣлается, по словамъ автора, для того, чтобы москвичей «областити и укротити и великимъ бы нашемъ моремъ не взмутити и имъ бы самѣмъ врагомъ въ немъ не потонути» (л. 378). На самомъ же дѣлѣ поляки и измѣнники ждутъ только того, чтобы палъ Смоленскъ и король явился съ войскомъ въ Москву; тогда будетъ русскимъ людямъ конечная погибель. «Отнюдь ничему тому не бывати, православніи, что сыну здѣ у насъ живати», рѣшительно говоритъ авторъ: король землю Московскую разоряетъ, воюетъ Смоленскъ, на смертъ моритъ пословъ и въ Москвѣ («у насъ здѣ въ великомъ градѣ») чинитъ притѣсненія, — «такъ ли сыну прочити, что все наконецъ губити?» восклицаетъ авторъ и прибавляетъ, что Сигизмундъ «не токмо сыну прочить, но

---

[1]) «Въ видъ существа Божія и Пречистыя Его Матере стрѣляютъ, яко-же нынѣ свидѣтельствуютъ злодѣйственнеи руцѣ пригвожѣннеи къ стѣнѣ подъ образомъ Матери Божіи», говоритъ авторъ (л. 377). Это—ясное указаніе на дѣло поляка Блинскаго, описанное Маскѣвичемъ и Буссовымъ (Сказанія современн. о Дим. Самозванцѣ, *Устрилова*, изд. 3-е, т. II, стр. 47—48; т. I, стр. 131—132).

метными [1]). Но, насколько извѣстно, до насъ не дошло подобныхъ анонимныхъ произведенiй, писанныхъ съ цѣлью обращенiя въ массѣ. Поэтому посланiе осторожнаго патрiота, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, составляетъ любопытную литературную новинку, тѣмъ болѣе, что оно очень пространно, написано хорошимъ языкомъ и содержанiемъ представляетъ для историка нѣкоторый интересъ. Авторъ его излагалъ и обсуждалъ дѣла, знакомыя каждому москвичу; стало быть въ изложенiи фактовъ онъ не могъ давать просторъ своей фантазiи; что же касается взглядовъ автора, то произведенiе вполнѣ отражаетъ политическое настроенiе писавшаго, съ тою страстностью, какая понятна въ человѣкѣ, увлеченномъ въ самый разгаръ происходившей вокругъ его борьбы. Этимъ и обусловливается историческая цѣнность разбираемаго памятника.

Прежде чѣмъ опредѣлимъ время его написанiя и сгруппируемъ тѣ скудныя черты, какiя заключаются въ произведенiи относительно лица писавшаго, обратимся къ содержанiю письма и ознакомимся съ нимъ подробнѣе. Оно начинается обращенiемъ къ москви-

---

[1]) «О Россiи въ царствованiе Алексiя Михайловича» Котошихина, изд. 3-е, стр. 114.—А. А. Э. II, № 57, стр. 129. Въ *Зап. Отд. Русск. и Слав. Археологiи Имп. Арх. Общ.*, т. II, стр. 682, помѣщено подметное письмо царю Алексѣю Михаиловичу объ административныхъ безпорядкахъ; въ *Чт. Общ. Ист. и Др.*, 1860 г. II, находимъ подметное письмо имп. Петру Великому. Говоря здѣсь о тайныхъ произведенiяхъ, разсчитанныхъ на возбужденiе умовъ, мы не касаемся подобныхъ творенiй раскольничьей литературы XVII и XVIII вв., въ родѣ тетрадокъ Григорья Талицкаго (*Есиповъ*, Раскольничьи дѣла XVIII ст., I, стр. 4 и слѣд.).

онъ сперва сталъ отпираться, будто ничего не говорилъ, а затѣмъ началъ лицемѣрно увѣрять, что съ патріархомъ «безъ памяти говорилъ», и въ концѣ концовъ выпросилъ у патріарха прощеніе. Но онъ не оставилъ своихъ интригъ и сталъ притѣснять Гермогена съ помощью «бѣсовской сонмицы» своихъ единомышленниковъ. Авторъ затѣмъ пространно разсказываетъ, что, несмотря на всѣ бѣды, патріархъ Гермогенъ крѣпко стоитъ за русское дѣло, стоитъ одинъ, потому что некому ему пособить; его духовные сыны—московская іерархія—вмѣстѣ съ московскимъ боярствомъ преданы полякамъ ради мірскихъ благъ, творятъ ихъ волю, «государьское свое прироженіе премѣнили въ худое рабское служеніе и покорилися и поклоняются невѣдомо кому» (здѣсь авторъ разумѣетъ, очевидно, Ѳ. Андронова, хотя «проклятаго имени его» еще не сообщаетъ). Всего хуже, по мнѣнію автора, то, что боярство не только само подчинилось полякамъ, но и всѣхъ русскихъ людей имъ выдало и соединилось со врагами противъ своихъ. Тѣ же бояре, которые остались вѣрны родинѣ, не могутъ ничего предпринять, потому что сила враговъ слишкомъ велика, и если не станетъ Гермогена, то не будетъ спасенія и всему государству. Съ грустью авторъ замѣчаетъ, что патріархъ не имѣетъ поддержки въ народѣ: «А вы, православніи, не помогаете ему государю (то-есть, Гермогену) ни въ чемъ; говорите усты, а въ дѣлѣхъ вашихъ государь (должно быть: Господь) вѣсть, что будетъ. Паки молю вы съ великими слезами и сокрушеннымъ сердцемъ: не нерадите о себѣ и о всѣхъ насъ; мужайтеся и вооружайтеся и совѣтъ межу собой чините, како бы намъ отъ тѣхъ враговъ своихъ избыти!» (л. 383). Авторъ

гизмунда его сына на московскій престолъ; хотя неправославный родъ польскаго короля и подобенъ горькому и кривому древу, но «за величество рода» этого московскіе люди хотѣли «вѣтвь отъ него отвратити», очистить эту вѣтвь «водою и духомъ и посадить на высокомъ и преславномъ мѣстѣ», иначе говоря, обратить Владислава въ православіе и возвести его на московскій престолъ, чтобы этимъ водворить порядокъ въ государствѣ, выгнать изъ Москвы и изъ всего царства враговъ-поляковъ «и впредь тихо и безмятежно жити». Но авторъ знаетъ, что король Сигизмундъ не сочувствуетъ цѣли посольства и имѣетъ свои замыслы: онъ, какъ всѣ его предшественники[1]), желаетъ просто завладѣть Московскимъ государствомъ и искоренить въ немъ истинную вѣру; поэтому онъ обрадовался приходу посольства, думая, что теперь ему легко будетъ забрать Москву въ свои руки. Однако нежеланіе Москвы и другихъ городовъ быть подъ властью поляковъ и, особенно, крѣпкое сопротивленіе Смоленска мѣшаютъ королю въ его намѣреніи. За короля стоятъ и ему служатъ на Руси только тѣ измѣнники, которые прельстились его милостями: пользуясь властью, они «мало не до конца» отдали государство врагамъ

---

[1]) Намекъ на предшествовавшихъ Сигизмунду Польскихъ королей мы видимъ въ слѣдующихъ словахъ автора: «отъ давнихъ лѣтъ мысля (sic) на наше великое государство всѣ они окаянники и безбожники, иже и прежъ того были евоже (то-есть, Сигизмунда) братія въ той ж(е) ихъ проклятой землѣ и вѣрѣ, како бы имъ великое государство наше похитити и вѣра христіянская искоренити и своя богомерзская учинити; но не у бѣ имъ было время, дондеже пріиде до того нынѣшняго нашего сопостата врага короля» (л. 372).

онъ сперва сталъ отпираться, будто ничего не говорилъ, а затѣмъ началъ лицемѣрно увѣрять, что съ патріархомъ «безъ памяти говорилъ», и въ концѣ концовъ выпросилъ у патріарха прощеніе. Но онъ не оставилъ своихъ интригъ и сталъ притѣснять Гермогена съ помощью «бѣсовской сонмицы» своихъ единомышленниковъ. Авторъ затѣмъ пространно разсказываетъ, что, несмотря на всѣ бѣды, патріархъ Гермогенъ крѣпко стоитъ за русское дѣло, стоитъ одинъ, потому что некому ему пособить; его духовные сыны—московская іерархія—вмѣстѣ съ московскимъ боярствомъ преданы полякамъ ради мірскихъ благъ, творятъ ихъ волю, «государьское свое прироженіе премѣнили въ худое рабское служеніе и покорилися и поклоняются невѣдомо кому» (здѣсь авторъ разумѣетъ, очевидно, Ѳ. Андронова, хотя «проклятаго имени его» еще не сообщаетъ). Всего хуже, по мнѣнію автора, то, что боярство не только само подчинилось полякамъ, но и всѣхъ русскихъ людей имъ выдало и соединилось со врагами противъ своихъ. Тѣ же бояре, которые остались вѣрны родинѣ, не могутъ ничего предпринять, потому что сила враговъ слишкомъ велика, и если не станетъ Гермогена, то не будетъ спасенія и всему государству. Съ грустью авторъ замѣчаетъ, что патріархъ не имѣетъ поддержки въ народѣ: «А вы, православніи, не помогаете ему государю (то-есть, Гермогену) ни въ чемъ; говорите усты, а въ дѣлѣхъ вашихъ государь (должно быть: Господь) вѣсть, что будетъ. Паки молю вы съ великими слезами и сокрушеннымъ сердцемъ: не нерадите о себѣ и о всѣхъ насъ; мужайтеся и вооружайтеся и совѣтъ межу собой чините, како бы намъ отъ тѣхъ враговъ своихъ избыти!» (л. 383). Авторъ

кто въ Москву, а кто «по своимъ мѣстамъ»; остались подъ Смоленскомъ «въ малѣ дружинѣ» только два «вящихъ самыхъ» посла, то-есть, митрополитъ Филаретъ и князь В. Голицынъ, и крѣпко стоятъ противъ замысловъ короля на основаніи договора, заключеннаго съ Жолкѣвскимъ подъ Москвой. Поведеніе этихъ «вящихъ» пословъ авторъ ставитъ въ примѣръ москвичамъ и затѣмъ переходитъ къ дѣятельности патріарха Гермогена. Онъ называетъ Гермогена «столпомъ», держащимъ все государство, исполиномъ, безъ оружія побѣждающимъ толпы враговъ. Гермогенъ словомъ Божіимъ заграждаетъ уста врагамъ и поучаетъ народъ «страха ихъ и прещенія не боятися», стоять за свою вѣру и за «свои души» такъ же крѣпко, какъ стоятъ смольняне и послы подъ Смоленскомъ. Упоминаніе о Смоленскѣ и послахъ заставляетъ автора снова обратиться къ пространному изложенію роли и заслугъ смольнянъ и посольства передъ всей землей. Авторъ убѣжденъ, что только они да патріархъ своимъ мужествомъ мѣшаютъ Сигизмунду и русскимъ измѣнникамъ завладѣть Московскимъ государствомъ: на краю государства смольняне храбро отбиваются отъ поляковъ и этимъ какъ бы побуждаютъ москвичей, чтобы и они «тако же крѣпко вооружилися и стали противу сопостатъ своихъ», а въ столицѣ («здѣсь у насъ», какъ выражается авторъ) патріархъ «всѣхъ насъ крѣпитъ и учитъ и тому же граду ревновати велитъ». Затѣмъ авторъ снова призываетъ москвичей вооружиться, освободить царство и «не выдать по Бозѣ спасителей нашихъ» смольнянъ и Гермогена. «Сами видите», говоритъ онъ о полякахъ и измѣнникахъ, «что̀ они нынѣ надъ нами чинятъ»: творятъ насилія, грозятъ смертью, смѣ-

онъ сперва сталъ отпираться, будто ничего не говорилъ, а затѣмъ началъ лицемѣрно увѣрять, что съ патріархомъ «безъ памяти говорилъ», и въ концѣ концовъ выпросилъ у патріарха прощеніе. Но онъ не оставилъ своихъ интригъ и сталъ притѣснять Гермогена съ помощью «бѣсовской сонмицы» своихъ единомышленниковъ. Авторъ затѣмъ пространно разсказываетъ, что, несмотря на всѣ бѣды, патріархъ Гермогенъ крѣпко стоитъ за русское дѣло, стоитъ одинъ, потому что некому ему пособить; его духовные сыны—московская іерархія—вмѣстѣ съ московскимъ боярствомъ преданы полякамъ ради мірскихъ благъ, творятъ ихъ волю, «государьское свое прироженіе премѣнили въ худое рабское служеніе и покорилися и поклоняются невѣдомо кому» (здѣсь авторъ разумѣетъ, очевидно, Ѳ. Андронова, хотя «проклятаго имени его» еще не сообщаетъ). Всего хуже, по мнѣнію автора, то, что боярство не только само подчинилось полякамъ, но и всѣхъ русскихъ людей имъ выдало и соединилось со врагами противъ своихъ. Тѣ же бояре, которые остались вѣрны родинѣ, не могутъ ничего предпринять, потому что сила враговъ слишкомъ велика, и если не станетъ Гермогена, то не будетъ спасенія и всему государству. Съ грустью авторъ замѣчаетъ, что патріархъ не имѣетъ поддержки въ народѣ: «А вы, православніи, не помогаете ему государю (то-есть, Гермогену) ни въ чемъ; говорите усты, а въ дѣлѣхъ вашихъ государь (должно быть: Господь) вѣсть, что будетъ. Паки молю вы съ великими слезами и сокрушеннымъ сердцемъ: не нерадите о себѣ и о всѣхъ насъ; мужайтеся и вооружайтеся и совѣтъ межу собой чините, како бы намъ отъ тѣхъ враговъ своихъ избыти!» (л. 383). Авторъ

и самъ здѣ жити не хочетъ»: ему нужно только завладѣть Русью и управлять ею изъ Польши. Въ доказательство этого автора приводитъ бурную бесѣду съ патріархомъ Михаила Салтыкова, котораго однако прямымъ именемъ не называетъ. Салтыковъ желалъ, чтобы патріархъ склонился на сторону Сигизмунда и народу повелѣлъ цѣловать крестъ не Владиславу, а самому королю; когда же патріахъ отказался отъ этого, то Салтыковъ грубо обругалъ его, за что̀ Гермогенъ проклялъ Салтыкова «со всѣмъ его сонмомъ»[1]). Удалившись со своими единомышленниками отъ патріарха, Салтыковъ испугался того, что обнаружилъ свои замыслы относительно Сигизмунда и, сверхъ того, оскорбилъ патріарха,—и вотъ, боясь народнаго негодованія,

[1]) О лицѣ, бранившемъ патріарха, авторъ говоритъ, что по «его злому дѣлу недостоитъ его во имя *мысленнаго* или *святаго* назвати», и въ то же время отзывается о немъ, какъ о «начальномъ губителѣ» (л. 379). Такимъ «начальнымъ» сторонникомъ короля, называвшимся во имя «мысленнаго» (архистратига Михаила; есть и святые съ этимъ именемъ), мы можемъ считать боярина М. Г. Салтыкова, о столкновеніи котораго съ патріархомъ сохранились къ тому же и другія извѣстія (см. Ник. Лѣт. VIII, 152—153, и С. Г. Г. и Д. II, стр. 491). О томъ, чего желалъ Салтыковъ отъ Гермогена, авторъ выражается темно: Салтыкову хотѣлось, чтобы патріархъ «сдался» въ ихъ сторону и «всего бы міра спасеніе (то-есть, крестъ) злодѣйцу отцу (то-есть, Сигизмунду) усты касатися (то-есть, цѣловать) повелѣлъ» (л. 379). Встрѣтивъ твердый отпоръ, Салтыковъ «отверзлъ свои человѣкоубіенныя уста и начатъ, аки безумный песъ на аеръ зря, лаяти и нелѣпыми словами, аки сущій буй каменіемъ, на лице святителю метати и великоимянитое святительство безчестити и до рождьшія его неискуснымъ и болѣзненнымъ словомъ доходити» (л. 379 об.). О томъ, что Салтыковъ грозилъ патріарху ножемъ, нашъ авторъ не упоминаетъ.

онъ сперва сталъ отпираться, будто ничего не говорилъ, а затѣмъ началъ лицемѣрно увѣрять, что съ патріархомъ «безъ памяти говорилъ», и въ концѣ концовъ выпросилъ у патріарха прощеніе. Но онъ не оставилъ своихъ интригъ и сталъ притѣснять Гермогена съ помощью «бѣсовской сонмицы» своихъ единомышленниковъ. Авторъ затѣмъ пространно разсказываетъ, что, несмотря на всѣ бѣды, патріархъ Гермогенъ крѣпко стоитъ за русское дѣло, стоитъ одинъ, потому что некому ему пособить; его духовные сыны—московская іерархія—вмѣстѣ съ московскимъ боярствомъ преданы полякамъ ради мірскихъ благъ, творятъ ихъ волю, «государьское свое прироженіе премѣнили въ худое рабское служеніе и покорилися и поклоняются невѣдомо кому» (здѣсь авторъ разумѣетъ, очевидно, Ѳ. Андронова, хотя «проклятаго имени его» еще не сообщаетъ). Всего хуже, по мнѣнію автора, то, что боярство не только само подчинилось полякамъ, но и всѣхъ русскихъ людей имъ выдало и соединилось со врагами противъ своихъ. Тѣ же бояре, которые остались вѣрны родинѣ, не могутъ ничего предпринять, потому что сила враговъ слишкомъ велика, и если не станетъ Гермогена, то не будетъ спасенія и всему государству. Съ грустью авторъ замѣчаетъ, что патріархъ не имѣетъ поддержки въ народѣ: «А вы, православніи, не помогаете ему государю (то-есть, Гермогену) ни въ чемъ; говорите усты, а въ дѣлѣхъ вашихъ государь (должно быть: Господь) вѣсть, что будетъ. Паки молю вы съ великими слезами и сокрушеннымъ сердцемъ: не нерадите о себѣ и о всѣхъ насъ; мужайтеся и вооружайтеся и совѣтъ межу собой чините, како бы намъ отъ тѣхъ враговъ своихъ избыти!» (л. 383). Авторъ

призываетъ народъ молить Бога о помощи и подниматься на враговъ, грозя погибелью въ случаѣ дальнѣйшаго бездѣйствія. «Что стали, что оплошали, чего ожидаете?» спрашиваетъ онъ, — «али того ожидаете, чтобъ вамъ самъ великій тотъ столпъ (то-есть, патріархъ) святыми своими усты изрекъ и повелѣлъ бы вамъ (на) враги дерзнути и кровопролитіе воздвигнути?» Этого, по словамъ автора, не будетъ: «сами вѣдаете, єво то есть дѣло, что тако ему повелѣвати на кровь дерзнути? ей, ей, никакоже такова отъ него государя поущенія не будетъ; и самъ онъ государь велика разума и смысла и мудра ума; мню: мыслитъ, чтобы не отъ него зачалося, а ожидаетъ съ часу на часъ божія поможенія и вашего тщанія и дерзновенія на нихъ (то-есть, на враговъ). Аще и безъ его государева словеснаго повелѣнія и ручнаго писанія по своей правдѣ дерзнете на нихъ злыхъ и добро сотворите и ихъ враговъ побѣдите, не будетъ отъ него на васъ клятва и прещеніе, паче же веліе благословеніе на васъ и на чадѣхъ вашихъ» (л. 383 об.—384). Послѣ такого рѣшительнаго призыва авторъ снова рисуетъ яркими красками насилія поляковъ въ Москвѣ[1]) и считаетъ

[1]) Здѣсь авторъ приводитъ нѣсколько не лишенныхъ значенія фактическихъ чертъ: «Сами вси видите», говоритъ онъ,—«какое гоненіе на православную вѣру и какое утѣсненіе всѣмъ православнымъ христіаномъ отъ тѣхъ губителей нашихъ враговъ: всегда многимъ смертное посѣченіе, а инымъ зѣлное раненіе, а инымъ грабленіе и женамъ безчестіе и насилованіе; и купльствуютъ не по цѣнѣ, отнимаютъ силно; и паки: не цѣною цѣнятъ и сребро платятъ, но съ мечемъ надъ главою стоятъ надъ всякимъ православнымъ христіаниномъ, куплю дѣющаго (sic), и смертію претятъ; нашъ же братъ православный христіанинъ, видя свое осиротѣніе и беззаступленіе и ихъ враговъ великое одолѣніе, не смѣетъ

поведеніе польскаго гарнизона вполнѣ достаточною причиной для того, чтобы возстать на оскорбителей: «То ли вамъ не вѣсть, то ли вамъ не повелѣніе, то ли вамъ не наказаніе, то ли вамъ не писаніе!» восклицаетъ авторъ по поводу поведенія поляковъ. Мало, по его мнѣнію, сокрушаться сердцемъ и плакать о томъ, что отечество подъ властью враговъ: надо «сотворить подвигъ и радѣніе», возстать съ молитвою на враговъ и этимъ искупить тѣ великіе грѣхи, за которые Господь посылаетъ такія тяжелыя испытанія на свой народъ и отдаетъ его во власть недостойнымъ людямъ. Авторъ разумѣетъ здѣсь извѣстнаго Ѳ. Андронова; онъ

инъ и устъ своихъ отверзти, бояся смерти, туне живота своего сступается и толко слезами обливается» (л. 384—384 об.). Далѣе авторъ описываетъ военныя предосторожности польскаго гарнизона въ Москвѣ: «которая страна и стѣна имѣетъ двои врата въ рядъ по себѣ, и одни врата (поляки велѣли) затворити и замки закрѣпити, а другія буттося отворити, да и тѣ вполы; и множественнаго христіяньскаго народа не тѣснопроходными и ускими враты проходити, но и широкими не одними и многими только такъ было исходити, понеже божіею было благодатію безчисленно христіяньска народа расплодилося и умножилося; нынѣ такъ за грѣхи всѣхъ насъ умалилося: высѣчено и выгнано въ плѣнъ отъ тѣхъ же враговъ и губителей проклятыя ихъ земли и вѣры; а аще и умалилося, аще и мало зритца, а еще много соберется и, всегда въ тѣхъ (то-есть, воротахъ) тѣснити, нелѣпо рещи, аки мышей давити, и шуму и виску и крику быти для того ускаго и нужнаго проѣжденія и прохожденія; и имъ самѣмъ врагомъ, вооруженымъ всякимъ смертнымъ оружіемъ, обаполъ тѣхъ утѣсненыхъ вратъ пѣшимъ и на конехъ готовымъ стояти и противу самѣхъ выи нашихъ и сердецъ то свое оружіе въ рукахъ своихъ держати и всѣмъ намъ живую и явную смерть казати» (л. 384 об.—385). Эти замѣтки автора напоминаютъ немного краткое описаніе хода дѣлъ въ Москвѣ, сдѣланное въ Казанской грамотѣ 1611 г. (С. Г. Г. и Д. II, № 224.—А. А. Э. II, № 170).

раньше еще намекалъ на него и обѣщалъ «объявить его проклятое имя»; теперь онъ подробно описываетъ значеніе и поведеніе Андронова въ Москвѣ, но имени его все-таки не объявляетъ прямо, а даетъ понять его язвительными, насмѣшливыми намеками, на столько ясными, что у читателей не могло остаться никакихъ сомнѣній, о комъ именно повѣствуетъ авторъ[1]). О значеніи Андронова онъ прямо выражается, что Андроновъ «что хощетъ, то творитъ, а никто ему не возбранитъ»; бояре ничего ему не могутъ сдѣлать изъ боязни или потому, что вмѣстѣ съ нимъ преданы врагамъ. Андронову повинуются люди всякихъ чиновъ, ухаживаютъ за нимъ толпою и ждутъ его милостей и приказаній[2]). Онъ завладѣлъ «аки Ихнилатъ» цар-

[1]) «Сами видите, кто той есть, неѣси (sic) человѣкъ и невѣдо(мо) кто: ни отъ царскихъ родовъ, ни отъ боярскихъ сыновъ, ни отъ иныхъ избранныхъ ратныхъ головъ, сказываютъ, отъ смердовскихъ рабовъ. Его же окаяннаго и треклятаго по его злому дѣлу не достоитъ его во имя Стратилата (то-есть, Ѳеодора Стратилата), но во имя Пилата назвати, или во имя преподобнаго, но во имя неподобнаго, или во имя страстотерпьца, но во имя землеѣдца, или во имя святителя, но во имя мучителя и гонителя и разорителя и губителя вѣры христіяньскія. И по словущему реклу его тако же не достоитъ его по имяни святаго назвати, но по нужнаго прохода людцкаго — Аѳедроновъ» (л. 385 об.—386). И созвучіе насмѣшливаго прозвища съ дѣйствительною фамиліей Андронова, и указаніе на имя «во имя Стратилата», и разсказъ о поступкахъ Андронова, слѣдующій ниже, вполнѣ ясно показываютъ, о комъ говоритъ авторъ.

[2]) «А сами наши земледержцы и правители, нынѣжъ, якоже и преже рѣхъ, землесъѣдцы и кривители, тѣ яко ослѣпоша или онѣмотѣша; паче же рещи, не смѣютъ ни единъ тому врагу воспретити и великому государству ни въ чемъ пособити, и иніи молчатъ и не говорятъ и ни въ чемъ ему не претятъ, понеже съ нимъ же со врагомъ всѣхъ насъ погубити хотятъ. И полцы ве-

скими сокровищами и истребляетъ царскую казну, отправляя драгоцѣнности къ Сигизмунду подъ Смоленскъ; этимъ онъ и его единомышленники хотятъ подслужиться королю, чтобы обезпечить себѣ милость его въ будущемъ на тотъ случай, если онъ завладѣетъ Москвой[1]). Описавъ беззаконія Андронова и еще разъ

лицы всякихъ чиновъ люди за тѣмъ врагомъ хотятъ (должно быть: ходятъ) и милости и указу отъ него смотрятъ, не токмо простіи и неимянитіи люди, но и сами болярскія и дворянскія дѣти и сами дворяне доброродни и изрядни всѣмъ, иже иному онъ врагъ креста Христова и всѣхъ православныхъ христіянъ, и въ подножіе ногъ негожъ» (л. 386). Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ авторъ впервые намекаетъ на Андронова (л. 382), онъ говоритъ про бояръ, что они «смотря(тъ) изъ рукъ и изъ скверныхъ устъ его (то-есть, Андронова), что имъ дастъ и укажетъ, яко нищіи у богатаго проклятаго».

[1]) «И еще же врагъ и лютый злодѣй нашъ не въ свое достояніе вниде, аки Ихнилатъ, въ цареву ризницу въѣся казити и губити то великое царское сокровище, отъ многихъ лѣтъ многими государи самодержьцы великими князи и цари всеа Русіи собрано (въ рукописи: собраны) и положено; онъ же окаянный, аки вышереченный Ихнилатъ, во единомъ часѣ или паки не во мнозѣ времяни, все хочетъ изъѣсти и расточить и погубить, и ту цареву ризницу хощетъ пусту до конца оставити, аки пустую и бездѣльную храмину; а уже и оставилъ, и нынѣ тѣ великія сокровища, тяжкоцѣнныя камыки и потрища (sic) и всякія вещи, иже нами невѣдомы и не знаемы, съ своими единомысленники разбиваетъ и вещь къ вещи прибираетъ, къ тому же злата и сребра и бисерія велія ковчеги насыпаетъ и къ тому прежереченному сопостату нашему врагу королю и похитителю подъ оный заступный нашъ градъ посылаетъ» (л. 386—386 об.). Какъ извѣстно, Андроновъ былъ назначенъ отъ короля казначеемъ вмѣстѣ съ В. П. Головинымъ, почему и имѣлъ возможность распоряжаться царскими сокровищами. *Соловьевъ*, Исторія Россіи, VIII, изд. 3, стр. 344—345; *Карамзинъ*, Ист. Гос. Росс., XII, прим. 641 Ник. Лѣт. VIII, стр. 147).

бросивъ общій взглядъ на печальное положеніе Московскаго государства, авторъ снова повторяетъ призывъ къ возстанію и оканчиваетъ свое письмо тѣмъ послѣсловіемъ, которое мы привели выше и изъ котораго почерпнули характеристику самаго произведенія.

Опредѣлить время написанія нашего памятника съ точностью нѣтъ возможности, потому что въ немъ самомъ не находится никакой хронологической даты. Сопоставленіе разныхъ частностей разсказа приводитъ только къ тому точному заключенію, что авторъ писалъ свое письмо послѣ отправленія великаго посольства изъ Москвы подъ Смоленскъ (около половины сентября 1610 г.) и ранѣе сожженія Москвы (19-го марта 1611 г.[1]). Въ предѣлахъ же этого полугодія пріурочить появленіе письма къ тому или другому мѣсяцу возможно лишь гадательно, хотя и съ нѣкоторою надеждой на вѣроятность выводовъ. Нужно замѣтить, что авторъ писалъ уже послѣ того, какъ полякъ Блинскій за святотатство былъ наказанъ отсѣченіемъ рукъ. По разсказу Маскѣвича можно заключить, что это происходило въ октябрѣ 1610 г.; Буссовъ же относитъ это событіе къ январю 1611 г. Во всякомъ случаѣ оно было не ранѣе второй половины октября, уже послѣ отъѣзда изъ Москвы Жолкѣвскаго, такъ какъ дѣло Блинскаго разбиралъ Гонсѣвскій[2]).

---

[1]) Въ «Повѣств. о Россіи» *Арцыбашева*, т. III, кн. V, прим. 1362—1364, собраны данныя о времени этихъ событій.

[2]) «Сказ. современниковъ о Дм. Самозванцѣ», т. II, стр. 47—48; т. I, стр. 132—133. Буссовъ помѣщаетъ дѣло Блинскаго около 25 января, но точность этого указанія нельзя провѣрить. Жолкѣвскій уѣхалъ изъ Москвы въ серединѣ октября: 30 окт. (стараго стиля) онъ пріѣхалъ подъ Смоленскъ (Русск. Ист. Библ. т. I, стр. 689).

Авторъ знаетъ, что Ѳедоръ Андроновъ распоряжается царскою казной; назначеніе Андронова казначеемъ послѣдовало въ концѣ того же октября [1]). Авторъ описываетъ ссору М. Салтыкова съ патріархомъ; если отожествлять происшествіе, имъ описанное, съ извѣстнымъ намъ столкновеніемъ этихъ лицъ, то слѣдуетъ отнести его къ 30-му ноября и 1-му декабря 1610 года [2]). Затѣмъ, авторъ знаетъ, что члены посольства стали разъѣзжаться изъ-подъ Смоленска; расколъ въ по-

---

[1]) *Соловьевъ*, Ист. Россіи, т. VIII, изд. 3, стр. 344—345.

[2]) Въ историческихъ трудахъ иногда повѣствуется о двухъ подобныхъ столкновеніяхъ на основаніи Новаго Лѣтописца (Ник. VIII, 152) и Казанской грамоты на Вятку (С. Г. Г. и Д. II, № 224.—А. А. Э. II, № 170), писанной не позже 19-го января 1611 г. (А. Э. II, стр. 291). Арцыбашевъ, различая два случая столкновенія патріарха съ Салтыковымъ, какъ бы съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ относится къ ихъ подробностямъ (Пов. о Россіи, т. III, кн. 5, прим. 1406 и 1424). Такое же сомнѣніе проглядываетъ и у С. М. Соловьева (Ист. Россіи, т. VIII, изд. 3-е, стр. 350 и 362). Оба историка согласно помѣщаютъ первый случай ссоры подъ 30-го ноября и 1-го декабря 1610 г. (С. Г. Г. и Д. II, стр. 491: «передъ Николинымъ днемъ въ пятницу»; такъ какъ въ 1610 г. 6-го декабря было въ четвергъ, то пятница приходится на 30 ноября); относительно же второй ссоры хронологическихъ указаній нѣтъ. Для насъ имѣетъ значеніе первая ссора, потому что если лѣтописецъ не перемѣшалъ событій (Ник. VIII), то вторая ссора произошла довольно поздно, когда уже собиралось вокругъ Ляпунова ополченіе, не ранѣе января 1611 г. Между тѣмъ нашъ авторъ, очевидно, близкій къ московской администраціи, «пожалованный» поляками, ничего не знаетъ о движеніи въ городахъ противъ поляковъ: иначе онъ указалъ бы москвичамъ на это движеніе. Разъ нашъ авторъ описываетъ первый случай столкновенія Салтыкова съ Гермогеномъ, его разсказъ подтверждаетъ показаніе Казанской грамоты, что Салтыковъ требовалъ присяги на имя короля, въ чемъ сомнѣвается С. М. Соловьевъ (Ист. Росс., т. VIII, стр. 350).

сольствѣ и отъѣздъ его видныхъ членовъ — думнаго дворянина Сукина, дьяка Сыдавнаго и Авр. Палицына — произошелъ въ серединѣ декабря 1610 г.[1]). Стѣсненное положеніе посольства, о которомъ говоритъ авторъ, началось очень давно—еще съ октября[2]). Далѣе, ни однимъ словомъ своего письма авторъ не упоминаетъ о Тушинскомъ Ворѣ; изъ этого обстоятельства можно заключить, что Вора уже не существовало въ ту минуту, когда писалъ авторъ. Онъ не могъ бы совершенно умолчать о Лжедимитріи при томъ важномъ значеніи, какое имѣлъ этотъ послѣдній въ отношеніяхъ москвичей и поляковъ: припомнимъ, что смерть самозванца сразу измѣнила антипатію русскихъ къ полякамъ въ активное имъ сопротивленіе. Нельзя предположить и того, чтобъ авторъ былъ тайнымъ сторонникомъ Вора и въ его пользу старался возмутить Москву: его преданность Гермогену, врагу Вора, и прямое замѣчаніе, что «божіимъ изволеніемъ царскій корень у насъ изведеся» (л. 373), разубѣждаютъ въ этомъ. Остается предположить, что о смерти Вора нашъ авторъ уже зналъ и потому только не упоминалъ о немъ; стало быть, онъ писалъ позже 11-го де-

---

[1]) Сукинъ и Сыдавный были на прощальной аудіенціи у короля Сигизмунда 18-го (8-го) декабря (Русск. Ист. Библ., т. I, стр. 708). Отпускная грамота новоспасскому архимандриту Евфимію и келарю Палицыну дана Сигизмундомъ 12-го дек. 1610 г. (С. Г. Г. и Д. II, № 218, стр. 485—486. Арцыбашевъ основательно думаетъ, что эта дата стараго стиля: «Пов. о Россіи», т. III. кн. 6-я, прим. 1413).

[2]) Уже въ октябрѣ послы были вынуждены *тайно* переписываться съ Москвой (*Голиковъ*, Дѣянія Петра В., изд. 2, т. XIII, стр. 342).

кабря 1610 г.[1]). Наконецъ, рисуя положеніе дѣлъ въ Москвѣ, авторъ говоритъ, что Гермогена притѣсняютъ и желаютъ погубить (л. 380 об.), что поляки творятъ въ Москвѣ насилія, убиваютъ и грабятъ многихъ и держатъ у всѣхъ воротъ вооруженную стражу (л. 384—385). Подобные этимъ факты находимъ мы въ грамотахъ Казанской и Рязанской, писанныхъ въ январѣ 1611 г.[2]) Изъ Казанской грамоты узнаемъ, что 7-го января въ Казани уже знали о натянутыхъ отношеніяхъ между московскимъ населеніемъ и поляками, о строгихъ караулахъ, содержимыхъ поляками въ Москвѣ, объ уличныхъ убійствахъ, виновниками которыхъ считали поляковъ, о паникѣ среди торговаго населенія Москвы. Рязанская же грамота указываетъ намъ, что 12-го января въ Нижній пришло извѣстіе о притѣсненіяхъ, какія терпитъ патріархъ отъ поляковъ: дворъ его разграбленъ, люди взяты, такъ что у патріарха «писать некому». Очевидно, что всѣ эти событія въ Москвѣ происходили въ декабрѣ (быть можетъ, даже въ концѣ его). Такимъ образомъ, нѣсколько чертъ разбираемаго произведенія даютъ намъ нѣкоторое основаніе думать, что авторъ зналъ то положеніе дѣлъ, какое было въ Москвѣ въ самомъ концѣ 1610 г., т.-е., писалъ не ранѣе второй половины декабря. Съ другой стороны, существуютъ и такія черты, которыя не позволяютъ отнести это произведеніе ко времени позднѣе января 1611 г. Авторъ, напримѣръ, рѣшительно говоритъ, что Гермогенъ не желаетъ, чтобы возстаніе противъ поляковъ началось отъ него

---

[1]) О времени смерти Вора см. А. Ист. II, № 307.

[2]) С. Г. Г. и Д. II, № 224 и 228; А. Э. II, № 170 и 176.

(л. 383 об.); между тѣмъ какъ разъ въ самомъ концѣ 1610 г. или въ первые дни 1611 г. патріархъ началъ рѣшительно высказываться противъ поляковъ и посылать свои грамоты съ благословеніемъ на возстаніе противъ нихъ. Современники—и полякъ Маскѣвичъ, и русскій кн. И. М. Катыревъ-Ростовскій—прямо свидѣтельствуютъ, что патріархъ началъ дѣйствовать непосредственно послѣ смерти Вора; увѣщевалъ народъ противъ поляковъ «мужески... стояти и братися», писалъ во всѣ города грамоты объ этомъ и особенно звалъ Ляпунова на помощь Москвѣ. Маскѣвичъ указываетъ даже, что въ концѣ декабря поляки перехватили гонца съ подлинными патріаршими грамотами [1]). По грамотамъ мы достовѣрно знаемъ, что нижегородцы получили отъ Гермогена словесное благословеніе на возстаніе въ самомъ началѣ 1611 г., если не въ концѣ 1610 г. [2]); знаемъ также, что въ половинѣ января 1611 г. московскому боярскому правительству было уже извѣстно о возстаніи Пр. Ляпунова, а Ляпуновъ, какъ можно думать, поднялся съ вѣдома патріарха [3]).

---

[1]) Изборникъ *А. Н. Попова,* 306 (также Рукопись Филарета, 42—43). Сказ. современниковъ о Дим. Самозванцѣ, изд. 3-е, II, 48—49.

[2]) С. Г. Г. и Д. II, № 228.— А. Э. II, № 176, стр. 301. Есть нѣкоторое вѣроятіе, что стѣсненія патріарху, о которыхъ здѣсь говорится, были слѣдствіемъ того, что поляки перехватили грамоты патріарха, какъ это разсказываетъ Маскѣвичъ.

[3]) Изъ Москвы извѣщали гетмана Сапѣгу объ измѣнѣ Ляпунова и многихъ городовъ 14-го января 1611 г. (С. Г. Г. и Д. II, № 237). О томъ, что возстаніе Ляпунова было вызвано дѣятельностью Гермогена, находимъ указаніе у кн. И. М. Катырева-Ростовскаго (Изборн. *А. Н. Попова,* 306), въ одной изъ городскихъ грамотъ 1611 г. (А. Э. II, № 179) и у Жолкѣвскаго (Записки, изд. 2-е, стр. 115).

Ни о дѣятельности Гермогена, ни о народномъ движеніи въ городахъ нашъ авторъ не говоритъ ни слова, а между тѣмъ для его цѣли ему было бы чрезвычайно важно опереться на авторитетъ Гермогена и на примѣръ Рязани и другихъ городовъ. Противъ этого могутъ возразить, что авторъ, быть можетъ, просто не считалъ приличнымъ и практически удобнымъ заявить, что патріархъ готовъ благословить москвичей на возстаніе. Но тогда, по нашему мнѣнію, остается въ силѣ то замѣчаніе, что авторъ ничего не зналъ о движеніи противъ поляковъ въ городахъ: никакія, кажется, соображенія не могли ему препятствовать въ томъ, чтобы сильнѣе подѣйствовать на патріотизмъ читателей указаніемъ на возстаніе ихъ соотечественниковъ. Это обстоятельство заставляетъ предполагать, что авторъ писалъ свое письмо отнюдь не позднѣе января 1611 г.; онъ былъ близокъ къ тогдашнему московскому правительству, отъ него «зѣло пожалованъ» и потому могъ довольно скоро узнать то, что было извѣстно приверженцамъ Сигизмунда уже въ серединѣ января 1611 г.

Если, такимъ образомъ, по указаніямъ текста нашего памятника мы имѣемъ право отнести время его написанія къ концу декабря или къ январю, то сообразивъ обстоятельства московской жизни за эти мѣсяцы, въ общемъ теченіи событій найдемъ также основанія для подобнаго вывода. Смерть Вора имѣла громадное вліяніе на настроеніе московскихъ людей; много свидѣтельствъ сохранилось о томъ, что тотчасъ, какъ Вора не стало, въ Московскомъ государствѣ началось сильное движеніе противъ поляковъ. Первые признаки этого движенія относятся, несомнѣнно, еще

къ 1610 г. Опредѣленныя формы это движеніе получило уже въ январѣ и февралѣ 1611 г., когда стали собираться въ городахъ дружины и происходили стычки между поляками и городскими ополченіями [1]). Разбираемое нами произведеніе не знаетъ еще о томъ, что въ городахъ русскіе люди ополчаются на поляковъ. [2]). Нельзя допустить той мысли, чтобъ авторъ хотѣлъ умолчать о возстаніи Русской земли противъ поляковъ; это обстоятельство должно было бы стать однимъ изъ самыхъ главныхъ его аргументовъ. Поэтому надо думать, что писалъ онъ раньше, чѣмъ народное движеніе стало явно обозначаться, то-есть, или въ концѣ декабря 1610 г. или въ началѣ января 1611 г. Его произведеніе, кажется намъ, было однимъ изъ раннихъ проявленій новаго настроенія въ русскихъ людяхъ; авторъ былъ однимъ изъ первыхъ выразителей рѣзкаго поворота общественнаго мнѣнія противъ поляковъ. Вотъ почему онъ такъ подробно останавливается на объясненіи замысловъ Сигизмунда, которые, немногимъ позднѣе января, стали уже ясны всѣмъ московскимъ людямъ; вотъ почему онъ такъ осторожно говоритъ о томъ, что Гермогенъ сочувствуетъ возстанію; онъ боится ошибиться, не зная еще, какъ будетъ держать себя патріархъ: благословитъ ли онъ народъ на подвигъ противъ враговъ, или поставитъ себя въ

---

[1]) Перечень событій, происходившихъ въ январѣ и февралѣ 1611 г., см. у Арцыбашева, т. III, кн. 5-я, стр. 269—274.

[2]) Лишь въ одномъ мѣстѣ авторъ замѣчаетъ, что ни Москва, ни Смоленскъ, ни другіе города не хотятъ быть за Сигизмундомъ («и иныхъ и всѣхъ градовъ нашихъ не хотящихъ за него»—л. 373). Но это нельзя, конечно, считать указаніемъ на возстаніе городовъ.

сторонѣ отъ этого дѣла. Все это естественно въ произведеніи, написанномъ въ ту переходную минуту, когда положеніе дѣлъ начинало мѣняться, но неясно еще было, какой оборотъ примутъ событія, какого направленія держаться, что̀ дѣлать. Такимъ переходнымъ моментомъ въ Москвѣ были именно конецъ декабря и начало января. На праздники Рождества и Крещенія въ Москву стекалось много народу изъ окрестныхъ мѣстъ; весьма возможно, что нашъ авторъ думалъ воспользоваться многолюдствомъ въ столицѣ и составилъ свое письмо именно въ это время въ видахъ большаго его распространенія въ народѣ, тѣмъ болѣе, что настроеніе умовъ въ Москвѣ въ тѣ минуты было далеко неспокойно [1]).

Что касается до личности самого автора, то о ней ничего опредѣленнаго сказать нельзя: авторъ старался скрыть самого себя, такъ какъ игралъ въ опасную игру. Если то, что онъ говоритъ о себѣ въ послѣсловіи, не сочинено имъ въ видахъ предосторожности, чтобы сбить съ толку слѣдователей, на тотъ случай, если бы письмо попало въ руки поляковъ, — то авторъ—человѣкъ семейный и, вѣроятно, не духовное лицо, потому что «зѣло пожалованъ» у московскаго правительства, притворялся приверженцемъ Сигизмунда и вообще принималъ участіе въ политическихъ дѣлахъ «для ради суетныя сея славы и тлѣннаго богатества». Всего вѣроятнѣе, что онъ принадлежалъ къ служилому слою московскаго люда, изъ котораго вышло большинство друзей Сигизмунда. Измѣнниками

---

[1]) См. описаніе святокъ 1610 г. у Маскѣвича въ Сказ. современник. о Дим. Самозванцѣ, изд. 3-е, II, стр. 49—50.

онъ называетъ постоянно московскихъ бояръ и дворянъ, къ измѣнникамъ причисляетъ и себя: «славою міра сего прельстился», говоритъ онъ о себѣ, «и къ нимъ ко врагомъ прилѣпился такоже, якоже и прочая братія наша». Невозможно рѣшить, принадлежалъ ли авторъ къ старому дворянскому роду, или лично выдвинулся своею службой и практическою смѣткой, какъ выдвигались многіе въ смутную пору. Авторъ, судя по слогу его письма, довольно начитанъ (онъ знаетъ «Стефанита и Ихнилата»), бойко владѣетъ перомъ, выражается риторически, умѣетъ подобрать риѳму и даже весь свой разсказъ покушается сдѣлать риѳмованнымъ. Вотъ и все, что можно сказать о личности нашего автора по даннымъ его произведенія.

чихъ же до сихъ поръ извѣстныхъ бумагахъ, касающихся бунта, вовсе нѣтъ его описаній [1]). И частныя русскія извѣстія, уцѣлѣвшія въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ памятникахъ XVII вѣка, не разсказываютъ о бунтѣ подробно. Въ Псковской первой лѣтописи находится любопытный и точный, но отрывочный и съ неправильною хронологическою датою разсказъ о народныхъ волненіяхъ «на праздникъ на Срѣтеніе Господне» [2]). Въ одномъ изъ списковъ Новаго Лѣтописца (въ такъ называемой «Лѣтописи о многихъ мятежахъ») обстоятельно перечислены событія только перваго дня народныхъ волненій, все же остальное передано сбивчиво и въ немногихъ строкахъ [3]). Лучше, хотя и кратко повѣствуетъ о бунтѣ другой списокъ того же Лѣтописца, изданный въ отрывкѣ княземъ М. А. Оболенскимъ [4]). Наконецъ, въ напечатанныхъ А. Н. Поповымъ дополненіяхъ къ хронографу поздней редакціи находятся очень краткія замѣчанія о бунтѣ; они сдѣланы, по всѣмъ признакамъ, очевидцемъ и прекрасно возстановляютъ хронологію событій, но очень бѣдны фактическимъ содержаніемъ [5]). Болѣе другихъ современниковъ бунта словоохотливъ извѣстный троицкій келарь Симонъ Азарьинъ: въ своей «Книгѣ о чудесахъ преп. Сергія» онъ описываетъ бѣгство изъ

---

[1]) Русск. Ист. Библіотека, X, стр. 412.—*Латкина* Земскіе соборы древней Руси, стр. 210.

[2]) Полн. Собраніе Русск. Лѣтописей, т. IV, стр. 339—340.

[3]) Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, стр. 357—358.

[4]) «Новый Лѣтописецъ по списку кн. *Оболенскаго*». М. 1853 (и во *Временникѣ Моск. Общ. Ист. и Др.* XVII), Приложеніе I, стр. 5—6.

[5]) Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 247—248.

и достовѣрною особою», какъ выражается заглавіе брошюры [1]). Особа эта, по всей вѣроятности, принадлежала къ голландскому посольству, бывшему въ Москвѣ въ 1648 году,—и легко можетъ быть, что напечатанное повѣствованіе представляетъ собою отрывокъ изъ официальныхъ посольскихъ донесеній [2]).

Что касается до русскихъ извѣстій о бунтѣ, то, не смотря на ихъ многочисленность, они даютъ историку весьма мало. Въ офиціальныхъ документахъ находимъ только самыя краткія упоминанія о московскихъ волненіяхъ. Патріархъ Іосифъ, особыми грамотами извѣщая свою паству о смутахъ, призывалъ ее молиться, чтобы Господь «православное христіянство отъ межоусобныя брани свободилъ»; но онъ считалъ излишнимъ излагать причины и ходъ московскихъ волненій въ своихъ грамотахъ къ русскимъ архіереямъ [3]). Въ разрядныхъ книгахъ о «межусобствѣ» говорится кратко, неточно и съ невѣрною датой [4]). Въ про-

---

[1]) Описаніе голландской брошюры въ «Замѣткѣ» о ней г. *Феттерлейна* (*Вѣстн. Европы* за 1880 г., февраль, стр. 895—898). Переводы брошюры—у *К. Н. Бестужева-Рюмина* «Московскій бунтъ 23-го іюня 1648 года» (*Историч. Вѣстникъ* за 1880 г., январь, стр., 69—73).

[2]) О голландскомъ посольствѣ—въ Дворц. Разрядахъ, III, 94—95. Авторъ повѣствованія—«нарочито *знатная*» особа—врядъ ли могъ принадлежать къ числу торговыхъ и служилыхъ голландскихъ выходцевъ, осѣдло жившихъ въ Москвѣ. Самый тонъ разсказа, дѣловой и сухой, и обѣщаніе извѣстить о дальнѣйшихъ событіяхъ въ Москвѣ, «если что еще произойдетъ здѣсь», даютъ поводъ думать, что мы имѣемъ дѣло съ дипломатическою депешею.

[3]) Акт. Арх. Эксп. IV, № 30.

[4]) Дворц. Разряды, III, 93—94.

хода въ Срѣтенскій монастырь; «а крестный ходъ въ сей монастырь бываетъ 23-го числа іюня». Къ этому-то послѣднему дню Карамзинъ съ полною увѣренностью и отнесъ начало волненій. Позднѣе Арцыбышевъ предпочелъ ту дату—25-го мая, какую онъ нашелъ въ разрядной книгѣ [1]); а Берхъ, считая «вѣрнѣйшимъ матеріаломъ» офиціальную грамоту о московскомъ пожарѣ 3-го іюня 1648 года, бывшемъ во время бунта, полагалъ первымъ днемъ бунта 2-е іюня [2]). Такимъ образомъ возникло въ литературѣ хронологическое противорѣчіе, не вполнѣ разрѣшенное и до настоящаго времени. С. М. Соловьевъ слѣдуетъ примѣру Арцыбышева и разсказываетъ о бунтѣ подъ 25-мъ мая, отвергая извѣстіе Олеарія о крестномъ ходѣ въ день бунта [3]). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ за Карамзинымъ считаетъ днемъ бунта 23-е іюня, когда совершался обычный въ Москвѣ крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь [4]). А гг. Латкинъ и Зерцаловъ приводятъ нѣсколько данныхъ за наиболѣе вѣроятную дату—день 2-го іюня, хотя и не пытаются объяснить недоразумѣніе, возникающее по поводу того крестнаго хода, о которомъ говоритъ не одинъ Олеарій, но и русскій хронографъ [5]).

Помимо хронологическихъ недоразумѣній, въ источ-

---

[1]) *Арцыбышева* Повѣствованіе о Россіи, т. III, кн. VI, стр. 93.—Дворц. Разряды, III, 93.

[2]) Царствованіе ц. Алексѣя Михайловича. С.-Пб. 1831, стр. 48—49 и прим. 35 и 36.

[3]) Ист. Россіи, X, по изд. 1877 г. стр. 138.

[4]) *Истор. Вѣстникъ* за 1880 г., январь, стр. 69.

[5]) *Латкина* Земскіе соборы, стр. 210.—Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 247.

Москвы, поимку и погибель Траханіотова и очень ярко рисуетъ его хищничество и самоуправство. Но разсказъ Симона ничего не даетъ для изображенія событій, происходившихъ въ самой Москвѣ въ смутные дни 1648 года [1]).

Таковъ матеріалъ, находящійся въ распоряженіи изслѣдователей въ настоящее время. И теперь онъ не кажется достаточно полнымъ, а въ старое время, когда не знали и половины обнародованныхъ нынѣ документовъ, неполнота матеріала заставляла писателей спутывать обстоятельства московскихъ бунтовъ 1648 и 1662 года и излагать ихъ вмѣстѣ [2]). Карамзинъ первый замѣтилъ такія погрѣшности въ предшествовавшихъ ему трудахъ и первый далъ подробное описаніе народныхъ волненій 1648 года, руководясь Олеаріемъ и «Лѣтописью о многихъ мятежахъ» [3]). Въ этихъ источникахъ день бунта обозначенъ различно: въ Лѣтописи—2-го іюня, у Олеарія—6-го іюля. Карамзинъ не принялъ этихъ чиселъ, основываясь на томъ показаніи Олеарія, что первая вспышка народнаго неудовольствія произошла во время крестнаго

---

[1]) «Книга о чудесахъ преп. Сергія» (въ Памятникахъ древней письменности. LXX. С.-Пб. 1888), стр. 123—125.

[2]) См., напримѣръ, *Хилкова (Манкіева)* Ядро Росс. Исторіи, по изд. 1770 г. стр. 361—362.—Подробная лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской баталіи, IV, стр. 8—9.— *Голикова* Дѣянія Петра В., изд. 2-е, XIII, стр. 12—13.—Нужно замѣтить, что и въ наше время еще возможны подобныя ошибки: въ книгѣ г. *Латкина* «Земскіе соборы» (стр. 211) извѣстіе Котошихина о бунтѣ 1662 г. отнесено къ бунту 1648 года.

[3]) Въ статьѣ «О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича» («Сочиненія *Карамзина*», изд. 3-е, т. VIII, М. 1820, стр. 229—253).

шее время, быть можетъ, для самаго графа Толстаго) изъ нѣсколькихъ небольшихъ рукописей, не имѣющихъ одна къ другой ни малѣйшаго отношенія. Рукописи писаны разными почерками, на разной бумагѣ и въ разное время [1]). Послѣдняя по счету рукопись, вошедшая въ этотъ сборникъ (лл. 34—47), есть не что иное, какъ собраніе лѣтописныхъ замѣтокъ, вѣроятно, заключавшихъ собою какой-нибудь обширный лѣтописный трудъ. Замѣтки писаны четкою скорописью второй половины XVII вѣка и посвящены описанію московскихъ событій за время отъ января 1648 до ноября 1653 года. Во всемъ своемъ объемѣ онѣ не представляютъ большого историческаго интереса, приближаясь и литературнымъ стилемъ, и до нѣкоторой степени подборомъ событій къ тому лѣтописному отрывку, какой былъ изданъ княземъ Оболенскимъ въ дополненіяхъ къ его Новому Лѣтописцу [2]).

---

[1]) Такой характеръ сборника избавляетъ насъ отъ необходимости вдаваться въ разборъ всѣхъ его составныхъ частей. Вкратцѣ содержаніе сборника изложено *Калайдовичемъ* и *Строевымъ* въ ихъ извѣстномъ Обстоятельномъ описаніи славяно-россійскихъ рукописей гр. *Ѳ. А. Толстова.* М. 1825, стр. 386—387.

[2]) Новый лѣтописецъ по списку кн. *Оболенскаго*, Приложеніе I.—Кромѣ тѣхъ статей о событіяхъ 1648 года, которыя будутъ приведены ниже цѣликомъ, въ сборникѣ Q. XVII. 70 находимъ слѣдующія замѣтки: 1) л. 38—о смерти царевича Дмитрія Алексѣевича (кратко); 2) л. 38 об.—о дарованія 25-го декабря 1651 года «его государеву духовнику Благовѣщенскому протопопу» Стефану Вонифатьеву «властелинской шапки»; 3) лл. 38 об.—40—о перенесеніи мощей патріарха Іова (подробнѣе чѣмъ въ Лѣтописцѣ *Оболенскаго*, стр. 8); 4) л. 40—о смерти патріарха Іосифа (кратко); 5) лл. 40—41 об.—о пяти пожарахъ въ Москвѣ 29-го мая—5-го іюня 1652 г. (подробнѣе, чѣмъ въ Лѣтописцѣ

никахъ о бунтѣ 1648 года оказываются и фактическія противорѣчія. Сопоставленіе русскихъ текстовъ съ текстомъ Олеарія и анонимною Лейденскою брошюрой не разъ ставитъ читателя въ тупикъ. Большой пожаръ, происшедшій во время смутъ, Олеарій относитъ къ третьему дню народныхъ волненій, анонимная же брошюра—ко второму дню, и это послѣднее подтверждается нѣкоторыми другими документами. Казнь Траханіотова, по Олеарію, происходила ранѣе пожара, въ третій день бунта. Анонимная брошюра передаетъ объ этой казни безъ точнаго указанія времени, но послѣ разсказа о пожарѣ. Согласны съ брошюрой и неопредѣленныя показанія Симона Азарьина. Хронографъ же, не разъ упомянутый нами, точно указываетъ и день—5-го іюня, и даже самый часъ казни Траханіотова. Эта точная дата противорѣчитъ не только Олеарію, но и «Лѣтописи о многихъ мятежахъ», по точному смыслу которой Траханіотовъ былъ казненъ до пожара, «во второй день» безпорядковъ. Не говоримъ о другихъ разностяхъ въ разсказахъ о бунтѣ: значительная часть ихъ отмѣчена К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ въ его примѣчаніяхъ къ переводу голландской брошюры.

Намъ кажется, что повѣствованіе о бунтѣ, случайно встрѣченное нами, разъясняетъ окончательно хронологическія недоразумѣнія, показанныя выше, и до нѣкоторой степени помогаетъ выйти изъ противорѣчій, представляемыхъ прочими источниками. Какъ уже сказано, это повѣствованіе находится въ сборникѣ Императорской Публичной Библіотеки Q. XVII. 70 (изъ собранія графа Ѳ. А. Толстого, отд. II, № 237). Сборникъ составленъ (судя по переплету, въ позднѣй-

той же день совершенъ тотъ крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь, съ которымъ связалось начало волненій. Такимъ образомъ, показаніе Олеарія и русскаго хронографа о крестномъ ходѣ въ день бунта находитъ не только подтвержденіе, но и полное объясненіе. Если вспомнимъ, что въ офиціальной выходной книгѣ 7156 (1648) года крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь показанъ также 2-го іюня [1]), то для насъ не останется уже никакихъ сомнѣній относительно того, что народное движеніе въ Москвѣ началось 2-го іюня,—число, котораго, не смотря на многія свидѣтельства, не рѣшились принять С. М. Соловьевъ и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.

Что касается до фактическихъ показаній нашего памятника, то оцѣнить ихъ легче всего можно путемъ непосредственнаго знакомства съ изучаемымъ текстомъ. Небольшой объемъ его позволяетъ привести здѣсь цѣликомъ начало памятника—три первыя его статьи, касающіяся событій 1648 года. Пробѣгая эти статьи, читатель увидитъ какъ литературныя особенности изучаемаго лѣтописца, такъ и богатство его фактическихъ данныхъ въ сравненіи съ прочими русскими повѣствованіями о бунтѣ, а также и полное соотвѣтствіе хронологическихъ показаній нашего текста съ показаніями помянутаго уже хронографа и другихъ русскихъ источниковъ. Подстрочныя примѣчанія къ тексту, отмѣчая параллельныя мѣста прочихъ документовъ, имѣютъ цѣлью облегчить для читателя сопоставленіе данныхъ разныхъ источниковъ для исторіи бунта.

---

[1]) «Выходы государей царей» и пр. М. 1844, стр. 181—182.

Любопытно только начало замѣтокъ — о событіяхъ 1648 года. Здѣсь мы находимъ хотя довольно сжатый, но обстоятельный и вполнѣ оригинальный разсказъ о бунтѣ съ такими подробностями, какихъ нѣтъ въ другихъ русскихъ повѣствованіяхъ.

Прежде всего этотъ разсказъ даетъ полную разгадку хронологическихъ недоразумѣній. Относя начало бунта ко 2-му іюня, авторъ нашего памятника объясняетъ, почему именно въ этотъ необычный день состоялся крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь, тогда какъ въ другіе годы ходъ совершался раньше—именно 21-го мая [1]). По словамъ автора, церковное торжество было отложено, «потому что было маія 21 число... въ самый праздникъ, въ Троицынъ день». Государь по обычаю былъ въ день Пятидесятницы въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, «а безъ себя государь праздновати Владимерской иконѣ не велѣлъ». Въ Москву царь Алексѣй возвратился только 1-го іюня, и на дру-

---

Оболенскаго, стр. 8—9); 6) лл. 41 об.—45—о перенесеніи мощей митр. Филиппа (подробнѣе, чѣмъ въ Лѣтописцѣ *Оболенскаго*, стр. 9—10); 7) л. 45—45 об.—объ устроеніи завода, чтобы «лить колоколъ большой»; «а вылитъ колоколъ 162 года ноября въ 5 день» (это самая поздняя дата въ рукописи); 8) лл. 45 об.—46 об.—объ избраніи и поставленіи Никона на патріаршество и о поднесеніи ему митры (короче, чѣмъ въ Лѣтописцѣ *Оболенскаго*, стр. 10—12); 9) лл. 46 об.—47—объ объявленіи войны Польшѣ (кратко); 10) л. 47—объ отправленіи 9-го октября 1653 г. В. В. Бутурлина «къ пану Богдану Хмѣлинъпскому съ черкасы принять ево и ко кресту привесть», и о посылкѣ В. П. Шереметева во Псковъ «на литовскіе городы».

[1]) Объ учрежденіи крестнаго хода 21-го мая въ лѣтописяхъ сохранились обстоятельныя извѣстія: II Собр. Р. Лѣт., VI, 254; VIII, 254.

И государь царь того дни всей землѣ ево Левонтья не выдалъ».

«И того жъ дни возмутились міромъ на ево Левонтьевыхъ заступниковъ, на боярина и государева царева дятку на Бориса Иванова сына Морозова, да на окольничево на Петра Тиханова сына Траханіотова, да на думново дьяка на Назарья Иванова сына Чистово и иныхъ многихъ единомыслениковъ ихъ, и домы ихъ міромъ розбили и розграбили. И самово думново дьяка Назарья Чистого у нево въ дому до смерти прибили»[1]).

«И іюня въ 3 день, видя государь царь такое въ міру (л. 35 об.) великое смятеніе, велѣлъ ево Земсково судью Левонтья Плещѣева всей землѣ выдать головою, и его Левонтья міромъ на Пожарѣ прибили ослопьемъ[2]). И учели міромъ просити и заступниковъ ево единомыслениковъ Бориса Морозова и Петра Траханіотова. И государь царь высылалъ на Лобное мѣсто съ образомъ чюдотворныя иконы Владимерскія патріарха Іосифа Московскаго и всеа Русіи, и съ нимъ митрополитъ Серапіонъ Сарскій и Подонскій, и архі-

---

[1]) О грабежахъ и смерти Чистаго подъ тѣмъ же числомъ 2-го іюня говорится въ Лѣт. о мн. мят. (изд. 2-е, стр. 358) и въ хронографѣ (Изборникъ, стр. 247). *Олеарій* (по изд. 1656 г. стр. 255—256; въ переводѣ стр. 271—273) и Лейденская брошюра (*Ист. Вѣстн.*, стр. 69—70) обстоятельно и довольно согласно описываютъ убійство Чистаго и грабежи.

[2]) О казни Плещеева 3-го іюня говорится въ Лѣт. о мн. мят. (изд. 2, стр. 358), въ хронографѣ (Изборникъ, стр. 247—248), въ Лѣтописцѣ *Оболенскаго* (стр. 6) и въ Лейденской брошюрѣ (стр. 71). *Олеарій* даетъ наиболѣе подробное описаніе смерти Плещеева (по изд. 1656 г. стр. 257—258; въ переводѣ стр. 275).

Разсказъ о происшествіяхъ 1648 года въ нашемъ документѣ дословно таковъ:

(л. 34) «156 (1648)-го году генваря въ 16 день совокупился государь царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ всеа Русіи съ благовѣрною царицею и великою княгинею Марьею Ильиничною. А радость у него государя была въ седмомъ часу дни. А пришелъ государь царь и съ царицею въ соборъ къ обѣднѣ, а послѣ обѣдни вѣнчаніе было. А во дни было часовъ 8. А взялъ онъ государь царицу Ильину дочь Данилова сына Милославсково и ему Ильѣ пожаловалъ государь царь на своей царьской радости окольничество».

«156 (1648)-го іюня въ 2 день праздновали Стрѣтенію чюдотворныя иконы Владимерскія, (л. 34 об.) потому что было маія 21 число царя Констянтина и матери его Елены въ самый праздникъ въ Троицынъ день. А государь царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ всеа Русіи былъ втѣпоры у праздника у живоначальные Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ и съ царицею, а безъ себя государь праздновати Владимерской иконѣ не велѣлъ, а отъ Троицы государь пришелъ іюня въ 1 день. И на праздникъ Стрѣтенія чюдотворныя иконы Владимерскіе было смятеніе въ мірѣ, били челомъ всею землею государю на земсково судью на Левонтья Степанова сына Плещѣева, что отъ нево въ міру стала великая налога и во всякихъ разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ по ево (л. 35) Левонтьеву наученью отъ воровскихъ людей напрасные оговоры[1]).

---

[1]) Подобное же обвиненіе противъ Плещеева встрѣчается у *Олеарія* (по изд. 1656 г. стр. 253; въ переводѣ *Барсова* стр. 268).

«И того жъ дни тѣ прежреченные Борисъ Морозовъ и Петръ (л. 36 об.) Траханіотовъ наученіемъ дьявольскимъ разослали людей своихъ по всей Москвѣ, велѣли всю Москву выжечь. И онѣ люди ихъ большую половину Московского государства выжгли: отъ рѣки Неглинны Бѣлой городъ до Чертольскіе стѣны каменново Бѣлово города, и Житной рядъ и Мучной и Солодяной, и отъ тово въ міру сталъ всякой хлѣбъ дорогъ; а позади Бѣлова города отъ Тверскихъ воротъ по Москву рѣку да до Землянова города[1]). И многихъ людей ихъ зажигальщиковъ переимали и къ государю царю для ихъ измѣнничья обличенья приводили, а иныхъ до смерти побивали»[2]).

«И іюня въ 4 день міромъ и всею землею опять за ихъ великую измѣну и за пожегъ возмутились (л. 37) и учели ихъ измѣнниковъ Бориса Морозова и Петра Траханіотова у государя царя просить голо-

---

комъ. Но русскій писатель, почтительно относясь къ особѣ царя Алексѣя, не говоритъ, что государь лично бесѣдовалъ съ народомъ. Однако слова: «и на томъ государь царь къ Спасову образу прикладывался» и т. д.,—заставляютъ думать, что царь Алексѣй принималъ очень близкое участіе въ переговорахъ съ толпою, и что голландская брошюра, быть можетъ, права въ своемъ показаніи.

[1]) О размѣрахъ пожарища—въ Псков. лѣт. стр. 340), въ Лѣт. о мн. мят. стр. 358), въ хронографѣ (Изборникъ, стр. 248), въ Лѣтописцѣ *Оболенскаго* (стр. 6), въ Дворц. Разр. (III, 93—94) и у *Олеарія* (въ изд. 1656 г. стр. 258; въ переводѣ стр. 276).

[2]) Извѣстіе нашего текста о поджогахъ сходится съ разсказомъ Лейденской брошюры (стр. 72). Очевидно, оба документа передаютъ дѣйствительно существовавшее убѣжденіе народной массы въ томъ, что поджигали Москву «измѣнники» бояре.

епископъ Серапіонъ Суждальскій[1]), и архимандриты, и игумены, и весь чинъ священный. Да съ ними жъ государь посылалъ своего царскаго сигклиту болярѣ своихъ: своего государева дядю болярина Никиту Ивановича Романова, (л. 36) да болярина князя Дмитрея Мамстрюковича Черкасково, да болярина князя Михаила Петровича Пронсково[2]), и съ ними много дворянъ,—чтобъ міромъ утолилися. А заступниковъ Левонтьевыхъ Бориса Морозова и Петра Траханіотова указалъ де государь съ Москвы разослать, гдѣ де вамъ міряномъ годно, и впредь де имъ Борису Морозову и Петру Траханіотову до смерти на Москвѣ не бывать и не владѣть и на городѣхъ у государевыхъ дѣлъ ни въ какихъ приказѣхъ не бывать. И на томъ государь царь къ Спасову образу прикладывался, и міромъ и всею землею положили на ево государьскую волю» [3]).

---

[1]) Серапіонъ, архимандритъ Владиміро-Рождественскій, былъ митрополитомъ Сарскимъ въ 1637—1653 гг. Серапіонъ, игуменъ Тольгскій, былъ архіепископомъ Суздальскимъ въ 1634—1653 гг. (*Строева* Списки Іерарховъ, ст. 1035 и 662; 656 и 344).

[2]) Объ этихъ боярахъ см. Др. Росс. Вивл., изд. 2, XX, 102, 103, 105.

[3]) Объ этой бесѣдѣ царскихъ посланныхъ съ народомъ говорятъ одни иностранцы. *Олеарій* упоминаетъ одного только Н. И. Романова и разсказываетъ, что народъ черезъ Романова просилъ у царя выдачи Морозова, Траханіотова и Плещеева; казнь Плещеева и была будто бы слѣдствіемъ этой просьбы народа (въ изд. 1656 г. стр. 257; въ переводѣ стр. 274). Но мы имѣли уже случай замѣтить, что Олеарій путалъ порядокъ событій. Лейденская брошюра, вообще точнѣе Олеарія передающая факты, разсказываетъ (стр. 71), что самъ царь вышелъ къ народу и просилъ его подождать и не требовать смерти Морозова и Траханіотова втеченіе двухъ дней. Показанія брошюры о смыслѣ происходившихъ переговоровъ довольно сходны съ нашимъ памятни-

настырь на Бѣлоозеро, а за то ево не казнить, что онъ государя царя дятка, вскормилъ ево государя. А впредь ему Борису на Москвѣ не бывать и всѣмъ роду ево Морозовымъ нигдѣ въ приказѣхъ у государевыхъ дѣлъ, ни на воеводствахъ не бывать и владѣть ничѣмъ не велѣлъ. На томъ міромъ и всею землею государю царю челомъ ударили и въ томъ во всемъ договорилися [1]). А стрѣльцовъ и всякихъ служивыхъ людей государь царь пожаловалъ, велѣлъ имъ свое государево жалованье давать денежное и хлѣбное вдвое. А которые погорѣли, и тѣмъ государь жаловалъ на дворовое строенье (л. 38) по своему государеву разсмотрѣнью. А дятку своево Бориса Морозова іюня въ 12 день сослалъ въ Кириловъ монастырь подъ началъ» [2]).

«157 (1648)-го октября противъ 22 числа въ ночи родился государю царю и великому князю Алексѣю Михаиловичю всеа Русіи сынъ, благовѣрный царевичъ Дмитрей Алексѣевичъ, на самый праздникъ Явленія

---

[1]) По прямому смыслу этого мѣста выходитъ, что царь говорилъ съ народомъ о Морозовѣ лично и въ тотъ же день 4-го іюня, когда рѣшился выдать Трахапіотова. Такъ представляетъ дѣло и Лейденская брошюра (стр. 72). *Олеарій* же разсказываетъ, что государь лично вступился за Морозова уже тогда, когда мятежъ совсѣмъ утихъ (въ изд. 1656 г. стр. 259—260; въ переводѣ стр. 277—279).

[2]) Это извѣстіе съ тою же датой читаемъ въ Лейденской брошюрѣ (стр. 73: «12-го іюня часа за два до разсвѣта») и въ Лѣтописцѣ *Оболенскаго* (стр. 6: «іюня же въ 12 день, за часъ до дни»). Въ брошюрѣ разсказано, что высылка Морозова послѣдовала по причинѣ новаго волненія народа. На то же могутъ намекать и слова *Оболенскаго*, что Морозова сослали «по ихъ же черныхъ людей челобитью».

вою [1]). А государь царь тое ночи іюня противъ 4 числа послалъ Петра Траханіотова въ ссылку на Устюгъ Желѣзной воеводою [2]). И видя государь царь во всей землѣ великое смятеніе, а ихъ измѣнничью въ міръ великую досаду, послалъ отъ своего царьскаго лица окольничево своего князь Семена Романовича Пожарсково, а съ нимъ 50 человѣкъ московскихъ стрѣльцовъ, велѣвъ тово Петра Траханіотова на дорогѣ сугнать и привесть къ себѣ государю къ Москвѣ. И окольничей князь Семенъ Романовичъ Пожарской сугналъ ево Петра на дорогѣ у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ и привезъ ево къ Москвѣ связана іюня въ 5 день [3]). И государь царь велѣлъ ево (л. 37 об.) Петра Траханіотова за ту ихъ измѣну и за московской пожегъ передъ міромъ казнить на Пожарѣ [4]). А тово Бориса Морозова государь царь у міру упросилъ, что ево сослать съ Москвы въ Кириловъ мо-

---

[1]) Нашъ текстъ приводитъ совершенно тотъ же мотивъ новаго возмущенія 4-го іюня, какъ и Лейденская брошюра (стр. 72).

[2]) Трудно сказать, что слѣдуетъ разумѣть здѣсь: Устюгъ ли Великій, или Устюжну Желѣзопольскую. Замѣчаніе *Симона Азарьина*, что Траханіотовъ бѣжалъ изъ Москвы «Ярославскою дорогою», — не рѣшаетъ дѣла (Книга о чудесахъ преп. Сергія, стр. 125).

[3]) О поимкѣ Траханіотова, кромѣ *Симона Азарьина*, говоритъ *Олеарій* (въ изд. 1656 г. стр. 258; въ переводѣ стр. 275). Дата 5-го іюня — вполнѣ сходится съ показаніемъ хронографа (Изборникъ, стр. 248).

[4]) Нашъ текстъ указываетъ, что Траханіотова казнили «на Пожарѣ»; то же находимъ въ Псков. лѣт. (стр. 340), въ Лѣт. о мн. мят. (стр. 358) и въ Лѣтописцѣ *Оболенскаго* (стр. 6). *Симонъ Азарьинъ* говоритъ иначе: «на Земскомъ дворѣ отъ черныхъ людей убіенъ бысть» (Книга о чудесахъ преп. Сергія, стр. 125).

захъ автора «измѣнники», а нѣкоторые даже и поджигатели. Онъ безъ всякаго сожалѣнія говоритъ о погибели ихъ, какъ о достойной карѣ за «ихъ измѣнничью въ міръ великую досаду». Онъ еще на столько подавленъ впечатлѣніями отъ происшедшаго, что не считаетъ нужнымъ скрывать уступокъ, сдѣланныхъ толпѣ молодымъ и мягкимъ царемъ Алексѣемъ: другіе русскіе лѣтописатели ни слова ни говорятъ о томъ, что государь «къ Спасову образу прикладывался», и что онъ Морозова «у міру упросилъ». Всѣ эти черты разбираемаго разсказа, обнаруживая одностороннее отношеніе автора къ событіямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ, что авторъ вполнѣ искренно, безъ предвзятыхъ соображеній и внѣшнихъ стѣсненій, передавалъ свои воспоминанія о бунтѣ. Это усиливаетъ интересъ памятника и служитъ въ то же время ручательствомъ, что мы имѣемъ дѣло съ очевидцемъ, записавшимъ факты вскорѣ послѣ того, какъ они произошли,—вѣроятно, даже раньше, чѣмъ совершилось возвращеніе Морозова въ Москву. Объ этомъ возвращеніи въ памятникѣ повѣствуется уже совершенно инымъ, спокойнымъ тономъ.

чюдотворныя иконы Казанскіе. И для тое радости государь пожаловалъ дятку своево Бориса Морозова опять къ Москвѣ».

Таковы замѣтки нашего текста о московскихъ волненіяхъ 1648 года. Значеніе этихъ замѣтокъ прежде всего въ томъ, что съ помощью ихъ мы можемъ лучше оцѣнить пространные разсказы современниковъ бунта иностранцевъ: теперь легко опредѣлить ошибки Олеарія и степень точности свѣдѣній, переданныхъ неизвѣстнымъ голландцемъ на его родину. Новый русскій текстъ, вмѣстѣ съ извѣстными ранѣе краткими записями русскихъ людей, даетъ для исторіи бунта матеріалъ, безъ сомнѣнія, болѣе прочный, чѣмъ показанія чуждыхъ русской жизни иноземцевъ, какъ бы правдивы ни были въ данномъ случаѣ ихъ разсказы. И поддаваясь теперь критической провѣркѣ на основаніи русскихъ данныхъ, эти иноземные разсказы сами пріобрѣтаютъ бо̀льшую опредѣленность и цѣнность въ глазахъ изслѣдователя. Съ другой стороны, помимо своей фактической полноты, новый текстъ любопытенъ еще и тѣмъ, что сохранилъ намъ очень яркое отраженіе взглядовъ и чувствъ москвича-современника бунта, не умѣвшаго справиться со своими впечатлѣніями. Авторъ замѣтокъ о бунтѣ стоитъ совершенно на точкѣ зрѣнія бунтовщиковъ. Тогда какъ другіе русскіе писатели зовутъ ихъ «мятежниками», «черными людьми», иногда «земскими людьми»,— онъ называетъ ихъ «міромъ» и «всею землею». Эти названія, слишкомъ почетныя для московской толпы, указываютъ, что авторъ замѣтокъ считалъ поведеніе и притязанія москвичей дѣломъ вполнѣ правымъ и законнымъ. Бояре, пострадавшіе въ бунтѣ, въ гла-

захъ автора «измѣнники», а нѣкоторые даже и поджигатели. Онъ безъ всякаго сожалѣнія говоритъ о погибели ихъ, какъ о достойной карѣ за «ихъ измѣнничью въ міръ великую досаду». Онъ еще на столько подавленъ впечатлѣніями отъ происшедшаго, что не считаетъ нужнымъ скрывать уступокъ, сдѣланныхъ толпѣ молодымъ и мягкимъ царемъ Алексѣемъ: другіе русскіе лѣтописатели ни слова ни говорятъ о томъ, что государь «къ Спасову образу прикладывался», и что онъ Морозова «у міру упросилъ». Всѣ эти черты разбираемаго разсказа, обнаруживая одностороннее отношеніе автора къ событіямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ, что авторъ вполнѣ искренно, безъ предвзятыхъ соображеній и внѣшнихъ стѣсненій, передавалъ свои воспоминанія о бунтѣ. Это усиливаетъ интересъ памятника и служитъ въ то же время ручательствомъ, что мы имѣемъ дѣло съ очевидцемъ, записавшимъ факты вскорѣ послѣ того, какъ они произошли,—вѣроятно, даже раньше, чѣмъ совершилось возвращеніе Морозова въ Москву. Объ этомъ возвращеніи въ памятникѣ повѣствуется уже совершенно инымъ, спокойнымъ тономъ.

О НАЧАЛѢ МОСКВЫ [1].

(1890).

Члены послѣдняго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ съ удовольствіемъ, конечно, выслушали докладъ маститаго историка И. Е. Забѣлина «О первоначальномъ поселеніи Москвы». Отыскивая кругомъ Москвы мѣста, гдѣ скорѣе всего могъ-бы завязаться узелъ народно-хозяйственной дѣятельности, г. Забѣлинъ очень мѣтко предположилъ, что такихъ мѣстъ слѣдуетъ искать на рѣчныхъ путяхъ, шедшихъ черезъ Москву или вблизи отъ нея. Еще покойный Н. П. Барсовъ, говоря о рѣкѣ Москвѣ, замѣтилъ, что «въ область Клязьмы шли отъ нея (Москвы-рѣки) пути, вѣроятно, по р. Сходнѣ... и по Яузѣ» [2]). Отъ той-же самой мысли отправился въ своихъ изысканіяхъ и г. Забѣлинъ. Изслѣдуя съ археологической стороны берега Сходни, онъ нашелъ на нихъ слѣды поселеній, указывающихъ на существованіе здѣсь

---

[1]) Замѣтка по поводу доклада И. Е. Забѣлина на VIII-мъ Археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ.

[2]) «Очерки р. историч. географіи», стр. 30.

«волока» между Сходней и Клязьмой. Существованіе на Яузѣ поселковъ съ именемъ «Мытищъ» (отъ пошлины «мыта») и нѣкоторыя другія соображенія привели изслѣдователя къ заключенію, что подобный волокъ былъ и на Яузѣ. Устья Сходни и Яузы, поэтому, сочтены были г. Забѣлинымъ за искомыя имъ мѣста первоначальныхъ поселеній въ окрестностяхъ нынѣшней Москвы. Населеніе осѣло здѣсь благодаря волокамъ, служившимъ для торговаго движенія. Естественно, что тотъ княжескій дворъ, въ которомъ встрѣтились, въ 1147 году, князья Юрій и Святославъ, скоро — именно въ 1156 году — превратился въ укрѣпленный городъ: отсюда князь съ удобствомъ могъ наложить свою руку на торговые пути и извлекать изъ нихъ свои выгоды.

Боимся, что въ частностяхъ мы неточно передали мысли И. Е. Забѣлина (мы воспроизводимъ ихъ по личнымъ воспоминаніямъ); но думаемъ, что правильно поняли ту его мысль, которая вызвала эту замѣтку. Г. Забѣлинъ склоненъ предполагать, что историческій городъ Москва возникъ благодаря условіямъ экономическаго характера. Создали его торговое движеніе по рѣчнымъ путямъ и желаніе князя наблюдать за нимъ.

Трудно спорить противъ этого вывода, разъ онъ построенъ на данныхъ археологіи и исторической географіи. И того, и другаго рода данныя больше, чѣмъ всякій иной матеріалъ, даютъ изслѣдователю-историку лишь то, что умѣетъ взять его личная проницательность. Но кромѣ нихъ есть о первоначальной Москвѣ и рядъ лѣтописныхъ извѣстій, изъ которыхъ г. Забѣлинъ въ своемъ докладѣ воспользовался лишь

двумя. Если оставаться въ сферѣ однихъ этихъ лѣтописныхъ сообщеній и въ нихъ искать отвѣта на вопросъ о началѣ Москвы-города, то можно придти къ опредѣленному впечатлѣнію (не скажемъ—выводу), и оно не будетъ согласоваться съ выводами г. Забѣлина.

Прежде всего остановимся на извѣстіяхъ лѣтописей о Москвѣ подъ 1147 и 1156 гг. Они общеизвѣстны. Первое изъ нихъ, описывая свиданіе и обѣдъ князей въ Москвѣ, не называетъ при этомъ Москву *городомъ* [1]). Поэтому, съ полнымъ правомъ г. Забѣлинъ въ разборѣ этого извѣстія разумѣетъ подъ словомъ «Московъ»—княжескую вотчину, дворъ, а не городъ. Для поясненія того, что̀ представляла собою тогда Москва, какъ княжескій дворъ, г. Забѣлинъ въ докладѣ Съѣзду приводилъ извѣстное описаніе «Игорева сельца» и «двора Святославля» [2]). Можно догадаться, что заставило г. Забѣлина высказаться именно такъ. Онъ вѣритъ буквальному смыслу извѣстія такъ называемой Тверской лѣтописи о построеніи Москвы-*города* въ 1156 году [3]). Извѣстіе это таково: «Того же лѣта (6664) князь великій Юрій Володимеричь заложи градъ Москву на устниже Неглинны выше рѣки Аузы» [4]) Прямой смыслъ этихъ словъ, дѣйствительно,

---

[1]) П. С. Р. Л. II, 29 (мы предпочитаемъ старое изданіе Ипатьевской лѣтописи новому).

[2]) П. С. Р. Л. II, 26—27.—Намекъ на то, что въ 1147 году Москва не была еще городомъ, находится и въ статьѣ г. Забѣлина: «Исторія и древности Москвы». («Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи», II, стр. 129, 135).

[3]) «Опыты изученія р. древн. и ист.», стр. 128, 135.

[4]) П. С. Р. Л. XV, 225.

говоритъ, что городъ Москва былъ основанъ на девять лѣтъ позже княжескаго «обѣда» въ Москвѣ-вотчинѣ. Но этому не всѣ вѣрятъ: г. Иловайскій, напримѣръ, думаетъ, что «послѣднее извѣстіе можетъ быть истолковано въ смыслѣ расширенія или обновленія городскихъ стѣнъ» [1]). Мы же думаемъ, что истолковать и объяснить послѣднее извѣстіе очень трудно. Во-первыхъ, оно дошло до насъ въ позднемъ (XVI вѣка) лѣтописномъ сборникѣ, авторъ котораго имѣлъ обычай измѣнять литературную форму своихъ болѣе старыхъ источниковъ. Нельзя, поэтому, быть увѣреннымъ въ томъ, что и въ данномъ случаѣ составитель сборника не измѣнилъ первоначальной формы разбираемаго извѣстія: его редакція отличается большою обстоятельностью и точностью топографическихъ указаній, что намекаетъ на ея позднее происхожденіе (это уже высказалъ г. Забѣлину на засѣданіи съѣзда П. Н. Милюковъ). Такимъ образомъ, уже общія свойства источника заставляютъ заподозрить доброкачественность его сообщенія. Во-вторыхъ, авторъ Тверской лѣтописи, заявивъ объ основаніи Москвы въ 1156 году, самъ повѣствуетъ «о Москвѣ» ранѣе: онъ сокращаетъ извѣстіе Ипатьевской лѣтописи о свиданіи князей въ Москвѣ въ 1147 году и ничѣмъ не оговариваетъ возникающаго противорѣчія, не объясняетъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ его Москвой 1147 года [2]). Это прямо приводитъ къ мысли, что авторъ въ данномъ случаѣ или плохо самъ понималъ свой разнорѣчивый матеріалъ, или же въ извѣстіи

---

[1]) «Исторія Россіи», II, 531.

[2]) П. С. Р. Л. XV, 208.

о построеніи города Москвы хотѣлъ сказать не совсѣмъ то, что можно прочесть у него по первому впечатлѣнію. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ обязательна особенная осторожность, при пользованіи даннымъ извѣстіемъ. Въ третьихъ, наконецъ, сопоставленіе извѣстія съ текстами другихъ лѣтописей убѣждаетъ, что авторъ Тверскаго сборника заставилъ князя Юрія «заложить градъ Москву» въ то время, когда этотъ князь окончательно перешелъ на югъ, и когда вся семья его уже переѣхала изъ Суздаля въ Кіевъ черезъ Смоленскъ [1]). По всѣмъ этимъ соображеніямъ невозможно, намъ кажется, ни принять извѣстія на вѣру цѣликомъ, ни внести въ него какія-либо поправки.

Такъ, изъ двухъ наиболѣе раннихъ извѣстій о Москвѣ, одно настолько неопредѣленно, что само по себѣ не доказываетъ существованія *города* Москвы въ 1147 году, а другое, хотя и очень опредѣленно, но не можетъ быть принято за доказательство того, что *городъ* Москва былъ основанъ въ 1156 году. Поэтому, трудно раздѣлять тотъ взглядъ, что время возникновенія Москвы-города намъ точно извѣстно. Правильнѣе въ этомъ дѣлѣ опираться на иныя свидѣтельства, съ помощью которыхъ можно достовѣрно указать существованіе Москвы только въ семидесятыхъ годахъ XII вѣка [2]). При описаніи событій, по-

---

[1]) П. С. Р. Л. II, 78—81; I, 148—149.

[2]) Мы не считаемъ возможнымъ опираться на извѣстія о существованіи Москвы въ первой половинѣ XII вѣка, подобныя извѣстіямъ Густынской лѣтописи (П. С. Р. Л. II, 298—299) и Пролога (подъ 12-е февраля въ словѣ о Алексіѣ митрополитѣ). Въ этихъ извѣстіяхъ, какъ уже не разъ замѣчено, подъ Москвою разумѣется вся сѣверо-восточная Русь.

слѣдовавшихъ въ Суздальской Руси за смертью Андрея Боголюбскаго, лѣтописи впервые говорятъ о Москвѣ, какъ городѣ, и о «Москьвлянахъ», какъ ея жителяхъ. Ипатьевская лѣтопись подъ 1176 (6684) г. разсказываетъ, что больной князь Михалко, направляясь съ юга въ Суздальскую Русь, былъ принесенъ на носилкахъ «до Куцкова (въ другихъ спискахъ: до Кучкова), рекше до Москвы»; тамъ онъ узналъ о приближеніи своего врага Ярополка и поспѣшилъ во Владиміръ «изъ Москьвѣ» въ сопровожденіи Москвичей. «Москьвляни же, — продолжаетъ лѣтописецъ, — слышавше, оже идетъ на нѣ Ярополкъ, и възвратишася въспять, блюдуче домовъ своихъ» [1]). Въ слѣдующемъ 1177 (6685) г. лѣтопись прямо называетъ Москву городомъ въ разсказѣ о нападеніи Глѣба Рязанскаго на князя Всеволода: «Глѣбъ же на ту осень приѣха на Московь (въ другихъ спискахъ: Москву) и пожже городъ весь и села (въ другихъ спискахъ: пожже Москву всю и городъ)» [2]). Эти извѣстія, не оставляя уже никакихъ сомнѣній въ существованіи города Москвы, въ то же время даютъ одинъ любопытный намекъ. Въ нихъ еще не установлено однообразное наименованіе города: — городъ называется то — «Московь», то — «Кучково», то — «Москва»; не доказываетъ-ли это, что лѣтописцы имѣли дѣло съ новымъ пунктомъ поселенія, къ имени котораго ихъ ухо еще не привыкло? Имѣя это въ виду, возможно

---

[1]) П. С. Р. Л. II, 118. Въ Лаврентьевской лѣтописи (по изд. 1872 года стр. 356) короче.—И годомъ раньше лѣтописи поминаютъ городъ Москву, но не поясняя, что это за пунктъ (П. С. Р. Л. II, 116.—Лаврент. лѣтоп., стр. 353).

[2]) Лавр. лѣт., стр. 363.

и не связывать возникновенія Москвы непремѣнно съ именемъ князя Юрія. Легенды о началѣ Москвы, собранныя Карамзинымъ, не уничтожаютъ такой возможности: по нашему мнѣнію, ихъ нельзя эксплоатировать, какъ историческій матеріалъ для изученія событій XII вѣка [1]).

Такъ, оставаясь въ предѣлахъ лѣтописныхъ данныхъ, мы приходимъ къ мысли о томъ, что фактъ основанія Москвы-города въ первой половинѣ или даже въ серединѣ XII вѣка не можетъ считаться прочно установленнымъ. Съ другой стороны и торговое значеніе Москвы въ первую пору ея существованія не выясняется текстомъ лѣтописей. Если вдуматься въ извѣстія лѣтописей о Москвѣ до половины XIII вѣка (даже и позже), то ясна становится не торговая, а погранично-военная роль Москвы, если только можно такъ выразиться. Нѣтъ сомнѣнія, что Москва была самымъ южнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ Суздальско-Владимірскаго княжества. Съ юга, изъ Черниговскаго княжества, дорога во Владиміръ шла черезъ Москву, и именно Москва была первымъ городомъ, который встрѣчали приходцы въ Суздальской Руси. Когда по смерти Боголюбскаго князья Михалко Юрьевичъ и Ярополкъ Ростиславичъ пошли на сѣверъ изъ Чернигова, именно въ Москвѣ, на границахъ княженія Андрея Боголюбскаго, встрѣтили ихъ Ростовцы. Они звали Ярополка дальше, а Михалку, котораго не желали пускать внутрь княжества, они

---

[1]) Попытка, сдѣланная въ этомъ направленіи И. Д. Бѣляевымъ, не можетъ считаться удачной (см. его статью: «Сказанія о началѣ Москвы» въ «Русск. Вѣстн.» 1868 г., № 3).

«главнымъ образомъ, какъ крупныхъ бытовыхъ единицъ, какъ культурныхъ центровъ» (стр. 9),—убѣдился, что въ основу такого изученія слѣдуетъ положить такъ-называемыя «писцовыя книги» въ широкомъ смыслѣ этого термина. Писцовыхъ книгъ о городахъ XVI вѣка почти не сохранилось и, на оборотъ, писцовыхъ книгъ о городахъ XVI и XVII вѣковъ дошло до насъ такъ много, что обработка ихъ силами одного человѣка требовала десятка, если не десятковъ лѣтъ. Съ полнымъ основаніемъ соображая, что смута на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ много измѣнила въ экономической жизни всего государства и городовъ въ частности, г. Чечулинъ счелъ возможнымъ ограничить взятый для изученія матеріалъ однимъ XVI вѣкомъ. Онъ собралъ дошедшія до насъ описанія сорока приблизительно городовъ XVI в. и извлекъ изъ этихъ описаній все то, что могло служить матеріаломъ для возстановленія культурно-хозяйственнаго быта великорусскаго города въ XVI в. Въ дополненіе къ богатымъ свѣдѣніямъ основнаго источника г. Чечулинъ выбралъ всѣ необходимыя для него данныя изъ печатныхъ матеріаловъ иного рода, изъ актовъ и грамотъ XVI в. Въ рукахъ у автора оказался такимъ образомъ большой запасъ свѣдѣній о тѣхъ населенныхъ пунктахъ, которые назывались «городами» въ XVI вѣкѣ, и авторъ полагалъ, что «возможно изучать во всей подробности положеніе всѣхъ тѣхъ поселеній, которыя *тогда* носили названіе городовъ, и *только ихъ*» (стр. 9). Иная постановка изученія, какая была принята покойнымъ Ильинскимъ[1]),

[1]) «Городское населеніе Новгородской области въ XVI вѣкѣ» — *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1876 г., іюнь, стр. 210—214.

позднѣйшій фактъ. Князь Всеволодъ Юрьевичъ, затѣявъ въ 1207 (6715) г. походъ на югъ, на Ольговичей («хочю поити к Чернигову»,—говоритъ онъ), послалъ въ Новгородъ, требуя, чтобы сынъ его Константинъ съ войсками пришелъ оттуда на соединеніе съ нимъ. Константинъ послушался и «дождася отца на Москвѣ». «На Москву» пришелъ и самъ Всеволодъ и, соединясь тамъ со своими сыновьями, «поиде съ Москвы... и придоша до Окы», которая была тогда внѣ предѣловъ Суздальскаго княжества [1]). Въ этомъ случаѣ Москва ясно представляется послѣднимъ, самымъ южнымъ городомъ во владѣніяхъ Всеволода, откуда князь прямо вступаетъ въ чужую землю, во владѣнія Черниговскихъ князей. Пограничное положеніе Москвы естественно должно было обратить ее на этотъ разъ въ сборное мѣсто дружинъ Всеволода, въ операціонный базисъ предпринятаго похода.

Но не только по отношенію къ Черниговской землѣ Москва играла роль пограничнаго города: съ тѣмъ же самымъ значеніемъ являлась она иногда и въ отношеніяхъ Суздальской и Рязанской земель. Въ 1177 (6685) г. князь Рязанскій Глѣбъ, нападая на владѣнія Всеволода, обратился именно на Москву, какъ это указано выше. То же повторилось и въ 1208 (6716) году: Рязанскіе князья «начаста воевати волость Всеволожю великаго князя около Москвы» [2]). Москва по отношенію къ Рязани представляется намъ первымъ доступнымъ для Рязанцевъ пунктомъ Суздальской земли, къ которому у нихъ былъ удобный путь по

---

[1]) Лавр. лѣт., стр. 408—409.

[2]) Лавр. лѣт., стр. 413.

очеркъ городовъ въ предшествовавшее время, который бы разъяснилъ намъ приблизительно тѣ же вопросы и отношенія, изслѣдованіемъ которыхъ въ XVI в. мы занимались» (стр. 12). Но и изслѣдованіе «вопросовъ и отношеній» XVI вѣка авторъ намѣренъ былъ вести не всегда полно. На стр. 11 онъ указываетъ рядъ темъ, которыхъ онъ касался лишь по стольку, по скольку онѣ имѣли отношеніе къ исторіи собственно города: такъ, напримѣръ, положеніе въ городѣ нетяглыхъ общественныхъ классовъ авторомъ оставлено безъ полнаго освѣщенія; въ сторонѣ оставленъ и вовсе не разъясненъ вопросъ о внѣгородскомъ землевладѣніи тяглыхъ горожанъ,—все это, конечно, потому, что основной матеріалъ автора не давалъ возможности освѣтить эти темы. Такимъ образомъ знакомство со введеніемъ къ книгѣ показываетъ читателю, что онъ можетъ ожидать отъ изслѣдованія г. Чечулина только систематизаціи данныхъ писцовыхъ книгъ о городахъ, иначе говоря, работы въ кругѣ только одного сорта матеріала. Такая работа и производится авторомъ по городамъ. Въ I-й главѣ онъ даетъ очеркъ Новгородскихъ пригородовъ; во II-й главѣ описываетъ города Торопецъ и Устюжну; въ III-й—псковскіе пригороды; въ IV-й онъ собираетъ данныя о торгѣ во Псковѣ (другихъ данныхъ объ этомъ городѣ у автора нѣтъ). Въ V-й главѣ авторъ ведетъ читателя въ центральныя области Московскаго государства и знакомитъ его съ положеніемъ городовъ Коломны, Можайска, Серпухова и Мурома; въ VI-й главѣ, наконецъ, авторомъ описаны города восточной и южной окраины: Казань, Свіяжскъ, Лаишевъ, затѣмъ Тула и еще семь городовъ по южной границѣ. Книга заключается главою

КЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ГОРОДА XVI ВѢКА [1].

(1890).

Въ мартовской книжкѣ *Журнала Минист. Народн. Просвѣщенія* за 1890 годъ о трудѣ г. Чечулина уже былъ данъ отчетъ П. Ѳ. Симсономъ. Г. Симсонъ съ большою обстоятельностью остановился на многихъ книгахъ г. Чечулина, отмѣтилъ нѣкоторыя методологическія несовершенства изслѣдованія и указалъ на то, что авторъ не всегда былъ внимателенъ къ литературѣ изучаемаго имъ вопроса. За всѣмъ тѣмъ остается возможность, не повторяя сказаннаго г. Симсономъ, дать общую характеристику любопытной книги г. Чечулина и на основаніи этой характеристики указать на происхожденіе и достоинствъ, и недостатковъ его труда.

Первое же знакомство съ книгою г. Чечулина обнаруживаетъ тотъ путь, какимъ шло въ данномъ случаѣ ученое изслѣдованіе. Авторъ, желая изучить положеніе городовъ Московскаго государства

---

[1]) Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ. Изслѣдованіе *Н. Д. Чечулина.* С.-Пб. 1889.

очеркъ городовъ въ предшествовавшее время, который бы разъяснилъ намъ приблизительно тѣ же вопросы и отношенія, изслѣдованіемъ которыхъ въ XVI в. мы занимались» (стр. 12). Но и изслѣдованіе «вопросовъ и отношеній» XVI вѣка авторъ намѣренъ былъ вести не всегда полно. На стр. 11 онъ указываетъ рядъ темъ, которыхъ онъ касался лишь по стольку, по скольку онѣ имѣли отношеніе къ исторіи собственно города: такъ, напримѣръ, положеніе въ городѣ нетяглыхъ общественныхъ классовъ авторомъ оставлено безъ полнаго освѣщенія; въ сторонѣ оставленъ и вовсе не разъясненъ вопросъ о внѣгородскомъ землевладѣніи тяглыхъ горожанъ,—все это, конечно, потому, что основной матеріалъ автора не давалъ возможности освѣтить эти темы. Такимъ образомъ знакомство со введеніемъ къ книгѣ показываетъ читателю, что онъ можетъ ожидать отъ изслѣдованія г. Чечулина только систематизаціи данныхъ писцовыхъ книгъ о городахъ, иначе говоря, работы въ кругѣ только одного сорта матеріала. Такая работа и производится авторомъ по городамъ. Въ I-й главѣ онъ даетъ очеркъ Новгородскихъ пригородовъ; во II-й главѣ описываетъ города Торопецъ и Устюжну; въ III-й—псковскіе пригороды; въ IV-й онъ собираетъ данныя о торгѣ во Псковѣ (другихъ данныхъ объ этомъ городѣ у автора нѣтъ). Въ V-й главѣ авторъ ведетъ читателя въ центральныя области Московскаго государства и знакомитъ его съ положеніемъ городовъ Коломны, Можайска, Серпухова и Мурома; въ VI-й главѣ, наконецъ, авторомъ описаны города восточной и южной окраины: Казань, Свіяжскъ, Лаишевъ, затѣмъ Тула и еще семь городовъ по южной границѣ. Книга заключается главою

казалась г. Чечулину не совсѣмъ правильною. Ильинскій вводилъ въ кругъ своего изслѣдованія не только то, что носило имя «города», но и всѣ поселки «съ городскимъ характеромъ экономической дѣятельности», какъ бы они ни назывались. Г. Чечулинъ увѣренъ, будто пріемъ Ильинскаго «предрѣшаетъ» то положеніе, что «по своимъ занятіямъ жители городовъ и тогда отличались отъ жителей селъ и деревень». Самъ же г. Чечулинъ думаетъ, что это положеніе слѣдуетъ еще доказать: «Мы (говоритъ онъ) еще будемъ изучать во всей подробности, пожалуй, во всѣхъ мелочахъ, составъ, занятія, повинности и другія экономическія отношенія городскихъ жителей, чтобы уже послѣ этого сказать, какое же было преобладающее занятіе жителей города, и различались или нѣтъ между собой городъ и деревня, и если различались, то какія особенности города и въ какихъ мѣстностяхъ Россіи какія присущи были городамъ особыя черты» (стр. 9). Сообразно съ такимъ пониманіемъ задачи, авторъ и расположилъ матеріалъ въ своей книгѣ. Посвящая вступительную главу книги общей характеристикѣ своего матеріала и своихъ пріемовъ изслѣдованія, г. Чечулинъ прямо заявляетъ читателю: «Наше изслѣдованіе есть, главнымъ образомъ, группировка и разборъ данныхъ, представляемыхъ писцовыми книгами: въ зависимости отъ этого нѣкоторые вопросы... будутъ нами разобраны весьма подробно, другіе... менѣе подробно» (стр. 12). Историческимъ матеріаломъ иного рода г. Чечулину «приходилось вообще пользоваться гораздо менѣе». И исторію изучаемыхъ городовъ въ XVI в. г. Чечулинъ считалъ лишнимъ излагать въ своей книгѣ, потому, что какъ онъ выражается, «невозможно представить

ніи. Словомъ, частныя задачи изслѣдованія опредѣлились сообразно съ основнымъ матеріаломъ, и объемъ изслѣдованія ставился въ зависимость отъ полноты того или другого документа. Такая зависимость работы отъ матеріала даетъ намъ право сказать, что книга г. Чечулина представляетъ собою не столько изслѣдованіе о городахъ XVI в. вообще, сколько предварительную разработку данныхъ писцовыхъ книгъ XVI в. о городахъ Московскаго государства.

Если опредѣлять трудъ г. Чечулина такимъ образомъ, то ясны станутъ его положительныя стороны. Авторъ впервые ввелъ въ оборотъ науки богатый фактическій матеріалъ, выработалъ самостоятельно пріемы ученой эксплоатаціи этого матеріала, собралъ и систематизировалъ рядъ любопытныхъ цѣнныхъ историко-статистическихъ данныхъ и частью разрѣшилъ, частью поставилъ въ новой обстановкѣ нѣкоторые вопросы изъ исторіи городскаго хозяйства и права. Такъ, онъ удовлетворительно объяснилъ различіе тягла и оброка (стр. 120—122 и др.); привелъ цѣнныя соображенія о томъ, что податное различіе дворовъ «лучшихъ» и «молодшихъ» основано было не на хозяйственномъ достаткѣ посадскихъ семей, а на числѣ рабочихъ рукъ въ той или другой семьѣ (стр. 46, 242—243, 283—284, 319). Далѣе, авторъ собралъ любопытныя свѣдѣнія по вопросу о запустѣніи Московскихъ городовъ во второй половинѣ XVI вѣка (стр. 166, 175, 345) и по вопросу объ общественномъ положеніи «дворниковъ на осадныхъ дворахъ» (стр. 162, 270 и слѣд., 333, 349). Наконецъ, авторъ вновь возбудилъ и даже попытался рѣшить вопросъ, давно уже спорный, о передѣлахъ земельныхъ участковъ въ древнерусскихъ податныхъ

общаго характера: авторъ предлагаетъ въ ней «общій очеркъ положенія городовъ Московскаго государства въ XVI в.» и сводитъ въ одно цѣлое всѣ свои выводы, разбросанные въ предшествующихъ главахъ. Здѣсь же онъ пытается отвѣтить и на тотъ вопросъ о различіи города и деревни въ XVI в., который онъ, вопреки мнѣнію Ильинскаго, считалъ недоступнымъ для разрѣшенія a priori (стр. 309—312.) Между городомъ и селомъ онъ проводитъ различіе и «соціально-экономическое», и «юридическое». По его мнѣнію, это различіе настолько замѣтно и рѣзко, что «даетъ намъ полное право разсматривать положеніе городовъ отдѣльно отъ изученія положенія селъ и деревень».

Итакъ, авторъ желалъ изучить бытъ тѣхъ населенныхъ пунктовъ Московскаго государства, которые назывались въ XVI в. «городами». Изученіе свое г. Чечулинъ основалъ почти исключительно на такомъ матеріалѣ, который давалъ свѣдѣнія преимущественно о культурно-хозяйственной жизни городскаго населенія. Не имѣя, кромѣ показанія писцовыхъ книгъ, никакихъ иныхъ систематическихъ данныхъ по своему предмету, нашъ изслѣдователь подчинился, такъ-сказать, своему матеріалу и изображалъ городскую жизнь лишь въ тѣхъ ея сторонахъ, которыя были освѣщены писцовыми книгами, и лишь съ такою полнотой, какую допускалъ этотъ основный источникъ. Писцовыя книги давали рядъ извѣстій для исторіи хозяйства и податной организаціи городскихъ общинъ,—авторъ именно объ этихъ сторонахъ городскаго быта говорилъ болѣе всего. Въ показаніяхъ писцовыхъ книгъ попадались фактическіе пробѣлы,—и г. Чечулинъ допускалъ соотвѣтственные пробѣлы въ своемъ изслѣдова-

этотъ вопросъ, но отнесся къ его разрѣшенію не вполнѣ правильно. Рядъ историографическихъ справокъ показалъ г. Чечулину, что понятіе города разно строилось разными учеными. Приводя по крайней мѣрѣ десятокъ отзывовъ, существующихъ въ исторической литературѣ, о характерѣ древнихъ городскихъ поселеній, нашъ авторъ находитъ въ нихъ «множество противорѣчій» и говоритъ, что «ни одного изъ вышеприведенныхъ мнѣній нельзя признать вполнѣ соотвѣтствующимъ истинѣ» (стр. 5). По мнѣнію г. Чечулина, неудовлетворительное состояніе вопроса о городахъ «совершенно объясняется тѣмъ, что до недавняго сравнительно времени о положеніи городовъ было извѣстно еще недостаточно данныхъ». Рѣшаясь искать этихъ данныхъ въ писцовыхъ книгахъ, г. Чечулинъ до конца изслѣдованія отложилъ свое собственное рѣшеніе вопроса о томъ, что такое былъ русскій городъ, а исходную точку изслѣдованія опредѣлилъ внѣшнимъ образомъ: сталъ изучать все то, что въ XVI вѣкѣ называется официально «городомъ». При всей своей логичности этотъ пріемъ однако неправиленъ; въ сущности, онъ повелъ къ тому, что въ трудѣ г. Чечулина не оказалось ясно поставленной темы. Въ самомъ дѣлѣ, цѣлью историографическихъ справокъ г. Чечулина было указать, что въ литературѣ нашей о древнерусскихъ городахъ не выработалось однообразнаго представленія, а накопилось «множество противорѣчій». Но вѣдь противорѣчія существуютъ въ литературѣ о чемъ угодно, и не они одни должны заботить изслѣдователя. Г. Чечулину надлежало, изучая свой вопросъ историографически, показать, съ какихъ точекъ зрѣнія смотрѣла историографія на древ-

общинахъ, сидѣвшихъ на черной землѣ (стр. 74, 116, 221—222, 232). Всѣ эти частности изслѣдованія г. Чечулина даютъ ему значеніе самостоятельнаго ученаго труда, произведеннаго далеко не безъ пользы для русской исторіографіи. Трудомъ этимъ, можно сказать, начата у насъ систематическая разработка той категоріи источниковъ, которая давно должна была бы лежать въ основаніи трудовъ по исторіи нашего общественнаго быта вообще и по исторіи русскаго города въ частности.

Нашъ отчетъ о книгѣ г. Чечулина мы могли бы на этомъ и закончить, если бы самъ авторъ понималъ свою задачу такъ, какъ она у него въ сущности исполнена. Если бы самъ г. Чечулинъ смотрѣлъ на свой трудъ, какъ на опытъ систематической разработки источника, то возражать ему можно было бы лишь по частностямъ изложенія, что уже обстоятельно и выполнилъ г. Симсонъ. Но дѣло въ томъ, что г. Чечулинъ желалъ, какъ уже показано выше, обслѣдовать не историческій источникъ, а историческій фактъ, изучить не писцовыя книги, а русскій городъ XVI вѣка (говоря его словами, «разъяснить положеніе городовъ»). Тема, такъ поставленная самимъ авторомъ, налагаетъ на него нѣкоторыя обязательства; исполненія ихъ читатель въ правѣ ожидать и требовать. Прежде всего вполнѣ необходимо было бы выяснить въ изслѣдованіи о городахъ вопросъ: что же такое былъ древнерусскій городъ? Безъ яснаго представленія объ этомъ нельзя было и избирать городскую жизнь XVI вѣка предметомъ спеціальнаго изслѣдованія. Первыя страницы книги г. Чечулина свидѣтельствуютъ, что онъ обратилъ вниманіе на

этотъ вопросъ, но отнесся къ его разрѣшенію не вполнѣ правильно. Рядъ исторіографическихъ справокъ показалъ г. Чечулину, что понятіе города разно строилось разными учеными. Приводя по крайней мѣрѣ десятокъ отзывовъ, существующихъ въ исторической литературѣ, о характерѣ древнихъ городскихъ поселеній, нашъ авторъ находитъ въ нихъ «множество противорѣчій» и говоритъ, что «ни одного изъ вышеприведенныхъ мнѣній нельзя признать вполнѣ соотвѣтствующимъ истинѣ» (стр. 5). По мнѣнію г. Чечулина, неудовлетворительное состояніе вопроса о городахъ «совершенно объясняется тѣмъ, что до недавняго сравнительно времени о положеніи городовъ было извѣстно еще недостаточно данныхъ». Рѣшаясь искать этихъ данныхъ въ писцовыхъ книгахъ, г. Чечулинъ до конца изслѣдованія отложилъ свое собственное рѣшеніе вопроса о томъ, что такое былъ русскій городъ, а исходную точку изслѣдованія опредѣлилъ внѣшнимъ образомъ: сталъ изучать все то, что въ XVI вѣкѣ называется офиціально «городомъ». При всей своей логичности этотъ пріемъ однако неправиленъ; въ сущности, онъ повелъ къ тому, что въ трудѣ г. Чечулина не оказалось ясно поставленной темы. Въ самомъ дѣлѣ, цѣлью исторіографическихъ справокъ г. Чечулина было указать, что въ литературѣ нашей о древнерусскихъ городахъ не выработалось однообразнаго представленія, а накопилось «множество противорѣчій». Но вѣдь противорѣчія существуютъ въ литературѣ о чемъ угодно, и не они одни должны заботить изслѣдователя. Г. Чечулину надлежало, изучая свой вопросъ исторіографически, показать, съ какихъ точекъ зрѣнія смотрѣла исторіографія на древ-

ніе города и какихъ положительныхъ результатовъ достигла она въ изученіи городовъ. Самъ онъ мимоходомъ указываетъ, что уже изучены «съ достаточной полнотою права и обязанности городскаго населенія въ разныя эпохи», изучено и «отношеніе къ городамъ законодательства». Стало быть, съ юридической точки зрѣнія изучаемый авторомъ вопросъ уже разработанъ такъ или иначе. И та точка зрѣнія, на какой стоитъ нашъ авторъ, привела уже къ нѣкоторымъ цѣннымъ результатамъ, которые автору слѣдовало бы принять во вниманіе: вопросъ о культурно-экономическомъ значеніи древнерусскихъ городскихъ поселеній было уже прежде г. Чечулина намѣченъ и разрабатывался въ связи съ вопросомъ о происхожденіи городовъ. Напримѣръ, еще лѣтъ пятнадцать тому назадъ появилась о древнерусскихъ городахъ замѣчательная статья Ф. И. Леонтовича[1]), которую г. Чечулинъ оставилъ безъ вниманія; въ ней съ очевидностью было показано, что названіемъ «городъ» въ древней Руси обозначались совершенно разнаго типа поселенія: и простыя укрѣпленія, не всегда даже жилыя, и бойкіе центры народнаго труда, при которыхъ возникли для обороны ихъ крѣпости. Крѣпость, съ помѣщенными въ ней гарнизономъ и администраціей, собственно и носила имя города; торгово-промышленный поселокъ, расположенный около «города», назывался «посадомъ». Много мѣткихъ замѣчаній и соображеній высказано проф. Леонтовичемъ по вопросу о происхожденіи и значеніи въ народной жизни какъ

---

[1]) Рецензія на книгу г. *Самоквасова* «Древніе города Россіи» въ «Сборникѣ государственныхъ знаній», т. II, С.-Пб. 1875.

«городовъ-осадъ», то-есть, простыхъ укрѣпленій, такъ и «городовъ-общинъ» то-есть, укрѣпленныхъ торгово-промышленныхъ поселковъ. Всѣ эти замѣчанія и соображенія г. Чечулинъ долженъ былъ бы принять въ расчетъ при постановкѣ своей темы: они для него были важнѣе, чѣмъ цитированныя имъ отдѣльныя замѣчанія о городахъ въ трудахъ, напримѣръ, Костомарова и Хлѣбникова. Если статья г. Леонтовича могла дать г. Чечулину надлежащее представленіе о томъ, съ какими вопросами слѣдовало обращаться къ изученію того, что называлось «городомъ», то статья А. К. Ильинскаго, названная нами выше, должна была убѣдить его, что не одни города были представителями той формы народно-хозяйственнаго труда, которую мы теперь зовемъ городскою. «Рядки», «волочки», «слободы» жили одною жизнью съ городскими «посадами», иногда даже посадами и назывались; различіе между ними и посадами заключалось только въ томъ, что одни находились при городахъ, совмѣщали торгово-промышленное значеніе съ административно-военнымъ, другіе же были пунктами исключительно экономическаго значенія. Труды гг. Леонтовича и Ильинскаго совершенно твердо установили, вопервыхъ, что городами въ древней Руси назывались поселенія разнаго типа, а вовторыхъ, что не одни города въ Московскую эпоху были крупными бытовыми единицами, культурно-экономическими центрами. Съ этими положеніями г. Чечулину слѣдовало бы считаться прежде всего; онъ же обошелъ молчаніемъ статьи названныхъ изслѣдователей въ своемъ исторіографическомъ обзорѣ (стр. 2—6) и отмѣтилъ въ немъ только рядъ случайныхъ противорѣчій въ литературѣ «въ доказательство

полной неустановленности тутъ какихъ бы то ни было положеній». Нѣтъ нужды доказывать, что тутъ допущенъ нашимъ авторомъ существенный недосмотръ, дурно отразившійся на постановкѣ его основной задачи.

Если бы авторъ въ постановкѣ темы вышелъ изъ положеній, раньше добытыхъ спеціальною литературой предмета, то онъ устранилъ бы существующее въ его трудѣ несоотвѣтствіе между задачей труда и тѣмъ матеріаломъ, которымъ эта задача рѣшается. Авторъ думалъ изслѣдовать города, какъ «культурно-экономическіе центры»; но вѣдь въ приложеніи къ быту древней Руси понятія «городъ» и «культурно-экономическій центръ» не совпадаютъ. Если изучать всѣ «города» XVI вѣка, то нужно быть готовымъ къ тому, что въ число «культурно-экономическихъ центровъ» попадутъ поселки, не имѣющіе такого значенія (таковъ Веневъ у нашего автора, таковы часто Псковскіе пригороды). Выводы изъ такого изученія должны, само собою разумѣется, касаться не только народно-хозяйственнаго, но и военно-административнаго быта города. Если же изучать городскую жизнь XVI вѣка въ нашемъ смыслѣ слова, то нельзя было ограничиваться только находившимися при укрѣпленныхъ городахъ «посадами», а слѣдовало ввести въ кругъ изслѣдованія и всѣ тѣ торгово-промышленныя поселенія, которыя были въ однихъ культурно-хозяйственныхъ условіяхъ съ «посадами» (такъ поступилъ г. Ильинскій). Въ томъ же видѣ, какъ формулировалъ г. Чечулинъ свою задачу, она не можетъ считаться правильно-поставленною темой. Въ сущности эту тему можно безъ натяжекъ передать словами: изученіе съ культурно-экономической точки зрѣнія военно-административныхъ

пунктовъ. Понятно, что при этой постановкѣ темы невозможно дать ни полнаго опредѣленія города (ибо не изслѣдуется его военное и административное значеніе), ни полнаго очерка жизни торгово-промышленныхъ общинъ (ибо изслѣдуются только тѣ изъ всѣхъ такихъ общинъ, которыя находились при крѣпостяхъ и жили подъ вліяніемъ служилаго люда: гарнизона и администраціи).

Вотъ въ чемъ, на нашъ взглядъ, заключается коренной методологическій недостатокъ книги г. Чечулина. Благодаря этому недостатку, авторъ не успѣлъ дать въ концѣ своего труда точное общее опредѣленіе города въ XVI вѣкѣ, которое онъ обѣщалъ читателю, какъ свой конечный выводъ. Между городомъ, съ одной стороны, и селомъ и деревней, съ другой, онъ находитъ только «разницу не качественную, а количественную», различіе не по роду правъ и обязанностей и не по роду хозяйственной дѣятельности населенія, а по величинѣ общины и ея хозяйственныхъ оборотовъ (стр. 309—312). Въ сущности авторъ и не могъ придти къ иному болѣе опредѣленному выводу, разъ онъ соединялъ въ своемъ изученіи торгово-промышленные города (Псковъ, напримѣръ) и города безъ торга и промысловъ, а съ пашней (какъ Веневъ). Опредѣленному и цѣльному въ хозяйственномъ отношеніи типу поселеній, то-есть, селу и деревнѣ, авторъ противополагалъ типъ, смѣшанный въ хозяйственномъ отношеніи и объединенный лишь въ отношеніи военно-административномъ, то-есть, города. Разница должна была получиться лишь количественная, ибо въ городахъ—смотря по городу—и торговали, и ремеслами занимались, а въ то же время и па-

8*

хали, совсѣмъ такъ же, какъ пахали, а могли и иными ремеслами заниматься въ селѣ и въ деревнѣ. Понятно также, почему, противополагая городъ деревнѣ, авторъ умолчалъ о торгово-промышленныхъ поселеніяхъ, не носившихъ имени города: въ отношеніи «количественной разницы» рядки и слободы совершенно уничтожаютъ рѣзкое различіе между «городомъ» и деревнею въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ г. Чечулинъ. Городъ, какъ количественно крупный центръ, могъ быть окруженъ въ уѣздѣ поселеніями самой разнообразной величины, при существованіи которыхъ «количественное» значеніе города могло терять всякое значеніе. Но какъ бы то ни было, именно изъ «количественнаго» развитія города г. Чечулинъ объясняетъ и особенности городскихъ «соціально-экономическихъ условій» жизни, и особенности культурнаго быта городовъ, и, наконецъ, «отличіе города отъ деревни и села даже и въ юридическомъ отношеніи». По мнѣнію г. Чечулина, юридическая особенность города выражалась въ томъ, что городъ всегда оставался государственною собственностью, тогда какъ иные поселки могли быть въ обладаніи частныхъ лицъ. Здѣсь опять встрѣчаемся съ послѣдствіями методологической погрѣшности автора. Государственный характеръ городскихъ поселеній обусловливался ничѣмъ инымъ, какъ военнымъ и административнымъ значеніемъ города. Количественно крупный центръ, лишенный этого значенія и не носившій названія города, могъ быть свободно объектомъ частной собственности, хотя бы и жилъ городскою жизнью. Доказательство тому—слободы бѣломѣстцевъ, иногда очень крупныя, существовавшія около городовъ, даже на городской землѣ, и

жившія въ одинаковыхъ культурно-экономическихъ условіяхъ съ самимъ городомъ.

Мы слишкомъ долго остановились на выясненіи тѣхъ причинъ, которыя, по нашему мнѣнію, сообщили труду г. Чечулина характеръ изслѣдованія не фактовъ, а источниковъ. Эти причины заключаются въ недостаточно ясной постановкѣ темы и въ недостаточно полномъ ея развитіи. Отъ тѣхъ же причинъ зависятъ нерѣдко и частные недостатки труда. Для примѣра укажемъ лишь нѣкоторые изъ нихъ, не задаваясь цѣлью исчерпать всѣ тѣ возраженія, какія можно было бы предъявить автору. Довольно часто, при разсмотрѣніи какого-нибудь отдѣльнаго входящаго въ тему вопроса, г. Чечулинъ какъ бы колебался, чѣмъ руководиться въ изслѣдованіи: идти ли за отвлеченными требованіями, вытекающими изъ темы, или оставаться строго въ предѣлахъ тѣхъ данныхъ, какія заключалъ въ себѣ основной источникъ автора, писцовыя книги. Къ сожалѣнію, авторъ по большей части рѣшался на послѣднее и, поступая такъ, жертвовалъ цѣльностью темы и полнотою вывода. Такимъ образомъ, напримѣръ, поступилъ онъ въ вопросѣ о положеніи «земцевъ» въ Новгородской и Псковской областяхъ (стр. 42—44, 125—126). О земцахъ въ городахъ писцовыя книги давали автору небогатыя указанія, но на ихъ основаніи можно было до нѣкоторой степени опредѣлить положеніе этого уже исчезавшаго въ XVI в. класса. Г. Чечулинъ, замѣчая, что «мы имѣемъ относительно этихъ земцевъ вообще очень мало свѣдѣній», характеризуетъ ихъ состояніе крайне неудовлетворительно: «Земцы (говоритъ онъ) были дѣтьми боярскими, быть можетъ, нѣсколько низшими, чѣмъ дѣти бояр-

скіе остальныхъ областей, но все же какими-то служилыми людьми. Тотъ же фактъ, что они вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно являлись иногда и тяглыми, нужно объяснять тѣмъ, что, поселившись почему-либо въ городѣ, на общинной городской землѣ, они принимали участіе и во всѣхъ общинныхъ повинностяхъ» (стр. 43). Нужно признать, что это—не опредѣленіе общественнаго класса, а скорѣе сознаніе автора въ томъ, что онъ затрудняется дать необходимое опредѣленіе. Мы не можемъ, конечно, требовать отъ г. Чечулина, чтобы онъ занялся изслѣдованіемъ положенія земцевъ въ эпоху самостоятельности Новгорода. Онъ могъ здѣсь опереться на литературу предмета, которая установила, какъ безспорное положеніе, что земцы были мелкими землевладѣльцами (на какомъ правѣ—для даннаго случая довольно безразлично). Но для характеристики земцевъ въ XVI в. г. Чечулинъ долженъ былъ сдѣлать болѣе, чѣмъ сдѣлалъ: тема этого требовала, а матеріалы позволяли. Дѣло автора было разрѣшить тѣ вопросы, о которыхъ онъ только замѣчаетъ: «не указаны ихъ (земцевъ) юридическія отличія отъ прочихъ дѣтей боярскихъ, . . . равно какъ и обстоятельства, сопровождавшія исчезновеніе этого класса или превращеніе его въ другой» (стр. 44, примѣч.). Писцовыя книги и другіе документы XVI вѣка даютъ полное основаніе отрицать какое бы то ни было «юридическое» различіе между земцами и дѣтьми боярскими, и именно писцовыя книги скорѣе всего могутъ возстановить намъ процессъ превращенія земцевъ въ московскіе чины. Обстоятельства, повліявшія на перемѣну въ положеніи земцевъ, заключались въ установленіи московскихъ порядковъ въ Новгородской области. Въ

присоединенный Новгородъ Москва выслала свою военную силу: г. Чечулинъ нашелъ, между прочимъ, въ Кореле этихъ московскихъ эмиссаровъ, «детей боярскихъ, служилыхъ людей *москвичъ*» (стр. 35). Но вмѣстѣ съ тѣмъ Москва и на мѣстное общество возлагала военную повинность и въ этомъ дѣлѣ слѣдовала своему правилу связывать право личнаго землевладѣнія съ обязанностью служить государству. Земцы пользовались въ Новгородѣ правомъ личнаго землевладѣнія и поэтому въ московское время подпали служебной повинности и стали именоваться дѣтьми боярскими по московской служебной терминологіи. Такъ именно появились рядомъ съ «дѣтьми боярскими *москвичами*» «дѣти боярскіе *земцы*», нетяглые дворы которыхъ г. Чечулинъ нашелъ въ той же Корелѣ (сравн. у г. Чечулина стр. 35, 42, 44). Никакихъ различій въ правахъ и службѣ между дѣтьми боярскими пришлыми и туземными предполагать нельзя: различіе было лишь въ происхожденіи лицъ и ихъ правъ на землю. Что же касается земцевъ-тяглыхъ людей, то ихъ существованіе не должно было смущать автора. Нѣтъ необходимости и даже возможности думать, что московское правительство всѣхъ земцевъ поверстало въ службу; а разъ земецъ оставался внѣ служилаго класса, онъ eo ipso становился тяглымъ человѣкомъ и долженъ былъ превратиться или въ посадскаго человѣка, или въ крестьянина. Итакъ, въ тотъ историческій моментъ, который изучалъ г. Чечулинъ, земцы перестали уже существовать, какъ особый классъ: подъ вліяніемъ московскихъ порядковъ они расходились по разнымъ сословнымъ группамъ. Г. Чечулинъ располагалъ совершенно достаточными данными для того, чтобы

обстоятельно изучить и объяснить это явленіе; но онъ ограничился тѣмъ, что перечислилъ свои фактическія данныя и привелъ литературныя мнѣнія о земцахъ. Причину этой неполноты изслѣдованія мы видимъ именно въ неясности теоретической конструкціи труда: авторъ считалъ для себя необязательнымъ идти далѣе того, что прямо давалъ ему источникъ по исторіи города, а рѣшеніе вопроса о земцахъ XVI вѣка требовало соображеній, касающихся не только исторіи городовъ. Совершенно такую же неполноту изслѣдованія можно отмѣтить и въ вопросѣ о сябрахъ (стр. 65, 324), и въ вопросѣ о сельскихъ владѣніяхъ городскаго класса (стр. 44—45), и въ разсужденіи о причинахъ запустѣнія городовъ къ концу XVI в. (стр. 166, 175, 345), и, наконецъ, въ вопросѣ о дворникахъ на осадныхъ дворахъ.

По этому послѣднему вопросу въ книгѣ г. Чечулина собранъ богатый и любопытный матеріалъ, на основаніи котораго авторъ нѣсколько разъ пытается выяснить общественное состояніе дворниковъ. Изъ многихъ данныхъ имъ опредѣленій одно точнѣе всѣхъ прочихъ передаетъ мысль автора: «дворниками (говоритъ онъ) назывались тѣ зависимые отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ люди, которыхъ должны были содержать на своихъ дворахъ отсутствующіе служилые люди для содѣйствія охранѣ города» (стр. 275). Авторъ думаетъ, что еще можно подвергать сомнѣнію «вторую часть» его опредѣленія, то-есть, объясненіе цѣли, съ какою являлись дворники на осадныхъ дворахъ, но что первая часть его опредѣленія «совершенно несомнѣнна». Однако какъ ни увѣренъ былъ авторъ въ томъ, что дворники находились въ зависимыхъ отно-

шеніяхъ къ дворохозяевамъ, онъ не рѣшался точно опредѣлить юридическую сущность этой зависимости. На стр. 59 онъ высказался такъ: «считаемъ дворниковъ стоявшими въ положеніи владѣльческихъ крестьянъ или даже, пожалуй, холоповъ, то-есть вообще зависимыми отъ владѣльца дворовъ людьми». И на стр. 271—272 встрѣчается та же мысль, что положеніе дворниковъ «является весьма близкимъ къ положенію крестьянъ»; за этимъ, однако, на стр. 274, авторъ помѣщаетъ существенную оговорку, что совсѣмъ отожествлять крестьянъ и дворниковъ нельзя: «дворники, очевидно, не могутъ быть считаемы за крестьянъ и во всякомъ случаѣ это если и крестьяне, то непашенные, а приближающіеся уже отчасти къ холопамъ» Наконецъ, на стр. 349, находимъ замѣчаніе, что черные люди «выходили изъ числа посадскихъ и закладывались за служилаго человѣка, дѣлаясь у него дворникомъ». Не ловимъ автора на противорѣчіяхъ самому себѣ, но думаемъ, что существо дворнической зависимости осталось у него совершенно не выясненнымъ. Эту зависимость онъ сближаетъ то съ крестьянскою, то съ холопьею, то съ зависимостью закладчика. Всѣ эти виды зависимаго состоянія на столько различались между собою, что сближеніе дворничества со всѣми съ ними разомъ ничего не объясняетъ въ дворничествѣ. Читатель поэтому не можетъ удовлетвориться тѣмъ рѣшеніемъ вопроса, какое предложено ему г. Чечулинымъ, и долженъ самъ разбираться въ матеріалѣ, собранномъ у нашего автора.

Писцовыя книги не даютъ прямыхъ свѣдѣній о взаимныхъ отношеніяхъ дворохозяевъ и дворниковъ; за то онѣ объясняютъ намъ, кто шелъ въ дворники

въ XVI вѣкѣ. Въ Торопцѣ, напримѣръ, во дворѣ служилаго человѣка былъ «дворникъ человѣкъ его», то-есть, холопъ дворохозяина (стр. 59). Въ Коломнѣ «въ числѣ дворниковъ мы видимъ 5 разсыльщиковъ, 4 воротниковъ, 4 пушкарей и 1 тюремнаго сторожа», причемъ одинъ пушкарь, будучи дворникомъ, въ то же время, внѣ всякаго сомнѣнія, оставался служилымъ человѣкомъ (стр. 162). Въ Тулѣ 21% въ числѣ дворниковъ составляли приходцы изъ другихъ городовъ; кромѣ нихъ въ числѣ дворниковъ были дьячки (земскіе, площадные, губные), бобыли, люди «торговые» и «ратные», «человѣкъ» дворохозяина, то-есть, холопъ, и наконецъ, люди «черные» (стр. 276—277). Объ этихъ послѣднихъ писцовыя книги даютъ иногда такія, напримѣръ, указанія: «дворъ И. М. Крюкова (служилаго человѣка), бывалъ дворъ черной, а въ немъ дворникъ Мокейко Серпуховитинъ, а купилъ у него, чернаго человѣка» (стр. 278); въ данномъ случаѣ прежній черный человѣкъ Мокейко, продавъ свой дворъ бѣломѣстцу и выйдя изъ тягла, самъ сталъ въ этомъ же дворѣ дворникомъ. Въ Каширѣ, далѣе, въ дворникахъ видимъ рыболововъ изъ государевой слободы (стр. 279). Въ Тулѣ «боярскимъ дворникомъ» былъ владѣльческій крестьянинъ (стр. 281); наконецъ, въ Тулѣ же, въ самомъ городѣ, имѣлъ осадный дворъ соборный протопопъ, а во дворѣ этомъ дворникомъ жилъ монахъ «чорной старецъ Митрофанъ, иконникъ» (стр. 300). Всѣ эти данныя, взятыя исключительно изъ книги г. Чечулина (по документамъ ихъ можно было бы пополнить), показываютъ, на сколько разнообразенъ былъ соціальный составъ той среды, которая исполняла обязанности дворниковъ. Среди дворниковъ

были люди съ опредѣленнымъ общественнымъ положеніемъ (гарнизонные люди, дьячки, монахи, слобожане, крестьяне, холопы) и люди безъ опредѣленнаго общественнаго положенія (приходцы, бывшіе черные люди, вышедшіе изъ своей тяглой общины). И нужно замѣтить, что дворники первой категоріи черезъ вступленіе въ дворничество далеко не всегда выходили изъ прежняго своего состоянія: пушкарь, будучи дворникомъ, оставался пушкаремъ, монахъ, будучи дворникомъ, оставался церковнымъ человѣкомъ и т. д. Стало быть, дворничество само по себѣ въ XVI вѣкѣ могло быть только фактическимъ занятіемъ, не будучи юридическимъ состояніемъ. Это—первое и, кажется, безспорное замѣчаніе, какое позволяетъ сдѣлать матеріалъ г. Чечулина; оно подтверждается и иными соображеніями. Продолжая наши наблюденія надъ матеріаломъ, замѣчаемъ, что уже въ XVI вѣкѣ правительство принялось за регламентацію дворничества. Оно, очевидно, находило, что дворничество не могло, не нарушая интересовъ государя и государства, совмѣщаться съ податнымъ состояніемъ. Поэтому въ 1578 году, напримѣръ, оно приказало вернуть съ дворничества рыболововъ въ ту государеву слободу, откуда они вышли (стр. 279); поэтому оно, не запрещая прямо монастырямъ принимать въ дворничество на городскіе дворы тяглыхъ людей, въ то же время приказывало: «учнутъ въ томъ ихъ монастырьскомъ дворѣ жити торговые люди, и съ тѣхъ людей, съ ихъ промысловъ, во всякіе наши подати имати съ посадскими людми върядъ» (А. А. Э. I, № 323, стр. 384; у г. Чечулина стр. 271—272, примѣч.). А нѣкоторые удѣльные князья уже въ XV вѣкѣ прямо не дозво-

ляли монастырямъ принимать на ихъ городской дворъ «тяглыхъ людей» (Д. къ А. И. I, № 200; у г. Чечулина стр. 271—272, примѣч.). При такихъ условіяхъ въ дворники могли идти вполнѣ законно и свободно только люди, или вовсе не несшіе на себѣ государственныхъ повинностей и службъ, или отъ нихъ избавившіеся, или же, наконецъ, умѣвшіе совмѣщать частное услуженіе съ тягломъ. Ограничивая вступленіе въ дворничество, правительство однако не смотрѣло еще въ XVI вѣкѣ на дворничество, какъ на опредѣленное состояніе частной зависимости. Писцы, писавшіе Зарайскъ въ концѣ XVI вѣка, нашли тамъ около двухсотъ дворниковъ и не знали, какъ съ ними поступить; они писали: «и всего дворниковъ торговыхъ и пашенныхъ (и мастеровыхъ) людей и которые живутъ на дворничествѣ, а кормятся по міру, дѣлаютъ наймуючись, 198 человѣкъ; а впередъ тѣмъ людемъ какъ государь царь и великій князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Русіи укажетъ» («Зарайскъ», М. 1883, стр. 1; у г. Чечулина стр. 279). Очевидно, здѣсь администрація не знала: писать ли дворниковъ въ тягло по торгамъ, мастерству и пашнѣ, или же считать людьми не тяглыми, какъ лицъ, состоящихъ на частной службѣ. Такъ рядомъ съ пестротою соціальнаго состава можно замѣтить юридическую неопредѣленность класса. Думаемъ, что при этихъ условіяхъ говорить о юридической зависимости дворниковъ отъ дворохозяевъ надо очень осторожно. Зависимость эта могла существовать, если дворникомъ былъ холопъ или крестьянинъ дворовладѣльца, но ея могло и не быть, если дворникъ несъ на себѣ государственное тягло или службу, а къ дворохозяину состоялъ въ отношеніяхъ найма. Правда, личный наемъ въ

древней Руси самъ по себѣ былъ источникомъ гражданской зависимости, велъ къ кабальному холопству; но законъ призналъ этотъ порядокъ установленія холопства только въ 1597 году, и поэтому трудно говорить о зависимости дворниковъ по закону въ XVI вѣкѣ. Зависимость здѣсь могла быть только фактическая, или же вытекала изъ условій, постороннихъ дворничеству: изъ холопьей кабалы, изъ крестьянской порядной, изъ закладнической сдѣлки.

Быть можетъ, мы ошибаемся въ данномъ случаѣ, утверждая, что въ XVI вѣкѣ дворничество не опредѣлилось въ особую форму гражданской зависимости; но мы не ошибемся, если скажемъ, что и въ вопросѣ о дворникахъ г. Чечулинъ не дошелъ до надлежащей полноты изслѣдованія, до опредѣленнаго убѣдительнаго вывода. Это нежеланіе автора исчерпывать вопросъ иногда ведетъ его даже къ прямымъ промахамъ. Указаніемъ на одинъ изъ такихъ промаховъ мы и закончимъ нашу рецензію. Не одинъ разъ г. Чечулинъ обращается къ существенному для него вопросу о томъ, кому принадлежала земля, занятая тяглыми общинами: государю или общинѣ (стр. 148, 196, 322—323). Самъ онъ склоненъ рѣшать этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что «землю, на которой стояли города, нужно считать государевою». Выводъ этотъ онъ ставитъ однако не вполнѣ рѣшительно и оговаривается, что «изслѣдователи по исторіи русскаго права не разсмотрѣли спеціально» трактуемаго имъ вопроса. Ссылки на литературу, сдѣланныя г. Чечулинымъ, въ данномъ случаѣ и неполны, и неточны: г. Чечулинъ не указалъ на тѣ, напримѣръ, труды гг. Чичерина, Владимірскаго-Буданова и Ключевскаго, въ которыхъ

можно найдти наиболѣе цѣнныя указанія о предметѣ, его занимающемъ. А вслѣдствіе этого и самая постановка вопроса въ книгѣ г. Чечулина оказалась — выразимся прямо — отсталою, и выводъ его оказался лишеннымъ научнаго значенія.

Весь отчетъ нашъ о трудѣ г. Чечулина былъ направленъ къ тому, чтобы выяснить истинный характеръ труда и указать на недостатки его конструкціи. Съ особеннымъ вниманіемъ остановясь на методологической сторонѣ книги, мы не думали указаніями на ея несовершенства умалить достоинства книги, отмѣченныя нами прежде всего. Если же разборъ нашъ переходилъ иногда въ осужденіе, то мы въ этихъ случаяхъ исходили изъ мысли, давно выраженной словами: «малый достоинъ есть милости; сильніи же сильнѣ истязани будутъ» (Прем., VI, 6).

„ИСТОРІОГРАФИЧЕСКОЕ" СОЧИНЕНІЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ [1].

(1891).

Третій томъ «Исторіи Россіи» Д. И. Иловайскаго весьма скоро былъ замѣченъ и оцѣненъ съ разныхъ точекъ зрѣнія въ нашей періодической литературѣ. Двѣ изъ критическихъ статей, именно П. В. Безобразова и В. Н. С—жева, вызвали даже отповѣдь со стороны г. Иловайскаго и повлекли за собой газетную полемику. Такимъ образомъ, наша рецензія является до нѣкоторой степени запоздалою и будетъ говорить о книгѣ послѣ того, какъ о ней уже было много сказано. Тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что, съ одной стороны, широкое содержаніе разбираемаго труда, а съ другой стороны, его во всякомъ случаѣ важное значеніе въ ряду новыхъ историческихъ трудовъ, — дозволяютъ намъ, не повторяя сдѣланныхъ ранѣе отзывовъ, сказать нѣсколько словъ для характеристики научныхъ достоинствъ работы г. Иловайскаго.

---

[1]) Исторія Россіи. Соч. *Д. Иловайскаго.* Томъ третій. Московско-Царскій періодъ. Первая половина или XVI вѣкъ, М. 1890.

Г. Иловайскій давно пользуется извѣстностью, какъ ученый, дѣятельно работавшій въ самыхъ различныхъ областяхъ своей спеціальности. Репутація талантливаго изслѣдователя создана была ему еще диссертаціей его по исторіи Рязанскаго княжества. Книгу эту ставили въ примѣръ того, какъ должно обрабатывать подобныя темы. Изслѣдованія о началѣ Руси, предпринятыя г. Иловайскимъ съ точки зрѣнія такъ-называемой Славянской школы, оживили интересъ къ этому вопросу и вызвали большую полемику, не оставшуюся безъ ученыхъ результатовъ. Рядъ популярныхъ статей по русской и всеобщей исторіи укрѣпилъ за г. Иловайскимъ репутацію ученаго, обладающаго литературнымъ талантомъ. Понятно поэтому сочувствіе, съ какимъ знатоки дѣла привѣтствовали мысль г. Иловайскаго взяться за общее изложеніе русской исторіи; понятны и тѣ благопріятные отзывы, какими привѣтствовано было начало «Исторіи Россіи» г. Иловайскаго. Въ этой Исторіи широкая спеціальная подготовка автора соединялась съ большимъ литературнымъ умѣньемъ; публика получала возможность ознакомиться съ современнымъ состояніемъ русской исторіи, какъ науки, не съ помощью механическихъ компиляцій, составленныхъ людьми, не работавшими самостоятельно надъ русскою исторіей, а при посредствѣ писателя съ прочно установленною ученою репутаціей. Первые два тома, соотвѣтствуя своему назначенію, заслуживали тѣхъ похвалъ, которыя имъ высказала критика. Теперь передъ нами третій томъ успѣшно начатаго труда.

Этотъ третій томъ обнимаетъ исторію Московскаго государства при великомъ князѣ Василіѣ III и царяхъ Іоаннѣ IV, Ѳеодорѣ Іоанновичѣ и Борисѣ, и исторію

Литовско-польскаго государства отъ времени Александра до времени Сигизмунда III. Кромѣ восьми главъ, посвященныхъ событіямъ политическимъ, находимъ главы о «внутреннихъ дѣлахъ при Василіѣ III» (глава II), о внутреннемъ бытѣ Литовской Руси при Ягеллонахъ (глава III), о «юговосточныхъ окраинахъ Московскаго государства и покореніи Сибири» (глава X), о «государственномъ строѣ Московской Руси» (глава XI), о «доходахъ, войскѣ и церкви въ Московской Руси» (глава XII), о «состояніи просвѣщенія въ Московской Руси XVI вѣка» (глава XIII) и «о польщизнѣ, казачествѣ и еврействѣ въ Западной Руси» (глава XV). Эти послѣднія главы представляютъ собою экскурсы въ область исторіи права, хозяйства, культуры, вещественнаго быта и колонизаціи въ данную эпоху. Книга заключается обширными «примѣчаніями», въ которыхъ, слѣдуя примѣру С. М. Соловьева, г. Иловайскій сводитъ источники сразу къ нѣсколькимъ страницамъ текста (на 598 страницъ всего 99 примѣчаній) и нерѣдко даетъ цѣлые историко-критическіе этюды.

Изъ перечня содержанія книги г. Иловайскаго видно, что она, какъ и первые томы его «Исторіи Россіи», представляетъ собою попытку дать въ общедоступномъ изложеніи обзоръ всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые въ настоящее время входятъ въ науку русской исторіи. Цѣль книги, говоря словами самого г. Иловайскаго,— «возсоздать въ словѣ прошедшіе вѣка своего народа» путемъ художественной передачи *важнѣйшихъ* историческихъ событій. «Историкъ, по словамъ г. Иловайскаго, не долженъ расплываться въ мелочныхъ обозрѣніяхъ бытовыхъ сторонъ и теряться въ чрезвычайной сложности историческаго матеріала,... онъ долженъ

раго мы могли бы ожидать полной ученой самостоятельности, новизны изысканій, мелочнаго изученія источниковъ, свѣжести выводовъ. Какъ общій обзоръ событій, книга г. Иловайскаго должна представить намъ точное изображеніе успѣховъ, достигнутыхъ монографической разработкой данной эпохи, то-есть XVI вѣка; въ ней должны были слиться въ стройныя картины тѣ отдѣльныя черты прошлой жизни, которыя выяснялись отдѣльными, шедшими въ разбродъ изслѣдованіями; на ней должны были отразиться тѣ новые взгляды, которые получили права гражданства въ ученой литературѣ; она должна была со вниманіемъ отнестись къ новымъ видамъ историческаго матеріала, вошедшаго въ научный оборотъ. Словомъ книга г. Иловайскаго должна была точно кристаллизовать въ себѣ тотъ моментъ развитія, въ какомъ она застала нашу исторіографію, какъ удачно выраженная законодательная формула кристаллизуетъ извѣстный моментъ правоваго сознанія. Это было бы достигнуто внимательнымъ отношеніемъ къ современной исторической литературѣ, и, пожалуй, не столько библіографически-полнымъ ея изученіемъ, сколько чуткостью къ тѣмъ теченіямъ, которыя въ ней обнаруживаются. Mutatis mutandis, ту же мысль находимъ и у самого г. Иловайскаго, который, разсуждая принципіально, признаетъ, что для такого труда, каковъ его трудъ, въ литературномъ заимствованіи «не заключалось бы ровно никакого грѣха» [1]) и что «исторіографическое сочиненіе менѣе подходитъ къ понятію объ изслѣдованіи, чѣмъ къ понятію о компиляціи». На этомъ основаніи г. Иловай-

---

[1]) *Новое Время*, № 5338.

ственниковъ и особенно въ многотомной Исторіи С. М. Соловьева? [1]) Г. Иловайскій склоненъ даже думать, что онъ, какъ болѣе поздній дѣятель въ сферѣ исторіографіи, пошелъ далѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. Онъ отмѣчаетъ, что нѣкоторые отдѣлы въ его книгѣ являются впервые, и объясняетъ это обстоятельство «болѣе усложнившимися требованіями современности, а отчасти личными взглядами на задачи общаго обозрѣнія русской исторіи». Указывая въ своей книгѣ на «особый отдѣлъ Западной Россіи» и «на внутренніе или культурно-историческіе и бытовые отдѣлы», онъ по поводу нихъ говоритъ: «мнѣ приходилось создавать почти вновь: у Карамзина сей отдѣлъ является только въ зародышѣ; у С. М. Соловьева, какъ извѣстно, онъ представляетъ довольно хаотическій наборъ разныхъ свѣдѣній, лишенныхъ органической связи въ частяхъ и въ цѣломъ» [2]).

Такимъ образомъ, ясно, что г. Иловайскій придаетъ своему труду весьма широкое научное значеніе, причисляетъ свою Исторію къ тому разряду общихъ историческихъ трудовъ, который онъ довольно своеобразно именуетъ «исторіографическими сочиненіями» (вѣроятно, противополагая этотъ терминъ термину «монографическій») [3]). Эта точка зрѣнія, высказанная самимъ г. Иловайскимъ, должна обусловить характеръ требованій, какія критика можетъ предъявить къ исполненію его III-го тома «Исторіи Россіи».

Передъ нами—не изслѣдованіе фактовъ, отъ кото-

---

[1]) *Новое Время*, № 5356.

[2]) *Новое Время*, № 5338 и № 5356.

[3]) *Новое Время*, № 5356.

высказать то, что мы скажемъ,—мы думаемъ, что книга г. Иловайскаго составлена довольно поспѣшно. Прежде всего, объ этомъ свидѣтельствуетъ языкъ книги, отличающійся нѣкоторою небрежностью; объ этомъ же говоритъ присутствіе въ книгѣ ошибокъ, легко устранимыхъ, и наконецъ, то же доказываютъ нѣкоторыя особенности личныхъ воззрѣній автора на изучаемую имъ эпоху.

Начнемъ съ изложенія книги. Оно какъ будто не оправдываетъ репутаціи хорошаго стилиста, созданной автору компетентными критиками первыхъ томовъ его Исторіи. Не останавливаясь на общей оцѣнкѣ языка книги, нѣсколько однообразнаго и замѣтно испорченнаго стремленіемъ къ архаизмамъ (стремленіемъ, свойственнымъ теперь, надо замѣтить, не одному г. Иловайскому),—мы скажемъ только, что изложеніе г. Иловайскаго заключаетъ въ себѣ и курьезы. Что слѣдуетъ думать о «стилѣ» слѣдующихъ, напримѣръ, фразъ: «Іорданъ произвелъ оглушительный залпъ изъ своей артиллеріи» (стр. 39); «по распоряженію правительства, въ такой день народъ сгонялся сюда со всѣхъ сторонъ, запирались *лавки* и *мастерскія*, чтобъ удивить иностранцевъ своимъ (?) *многолюдствомъ*, а слѣдовательно и *могуществомъ*» (65); «старшины ихъ (инородцевъ) приходили къ нему (царю) съ поклонами, *приносили* хлѣбъ, медъ, *быковъ* и *говядину* частію въ даръ, а частію продавали» (192); «въ кремлѣ же находилась и главная городская *святыня*, то-есть соборный *храмъ съ дворами* священниковъ и причетниковъ, а въ главныхъ городахъ *архіерейскіе дворы*»» (435)? Эти неудачныя фразы (а ихъ довольно много), безъ сомнѣнія, говорятъ о поспѣшности, съ какою онѣ составлялись, и

скій считаетъ возможнымъ прямо сказать, что «Исторіи Карамзина и Соловьева суть компиляціи въ обширномъ смыслѣ, а не изслѣдованія» [1]). Имѣя въ виду, что терминомъ «компиляція» г. Иловайскій обозначаетъ не только тѣ сочиненія, которыя просто пересказываютъ чужіе труды, но и тѣ, которыя передѣлываютъ ихъ въ «изящную архитектурную постройку»,—мы и рѣшаемся думать, что высказали мысль, не чуждую и г. Иловайскому.

Но если историческое сочиненіе общаго характера можетъ опираться на рядъ предварительныхъ изслѣдованій, въ немъ не должно быть ошибокъ и заблужденій въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ является возможность провѣрить фактъ на основаніи этихъ предварительныхъ изслѣдованій. Если историческій трудъ претендуетъ на то, чтобы завершить собою извѣстный періодъ въ исторіографіи, подвести итоги всему сдѣланному раньше и передать новѣйшія пріобрѣтенія науки общественному сознанію,—изложеніе этого труда должно щеголять своею отдѣлкою такъ, какъ до сихъ поръ блещетъ законченностью своей литературной обработки «Исторія государства Россійскаго» Карамзина, какъ до сихъ поръ увлекаютъ насъ стройностью логическихъ построеній чтенія Гизо, независимо отъ того, на сколько состарились взгляды и выводы этихъ «великихъ трудовъ», независимо даже отъ того, на сколько велико было значеніе этихъ трудовъ въ ихъ время.

Въ какой же мѣрѣ удовлетворяетъ высказаннымъ требованіямъ разбираемая книга? Мы думаемъ, что она имъ не вполнѣ удовлетворяетъ, и какъ ни отвѣтственно

---

[1]) *Новое Время*, № 5356.

перь же ихъ число и значеніе расширились и *кромѣ того* встрѣчаемъ *новые: великими* является»... Читатель думаетъ далѣе найдти такіе чины, которыхъ нѣтъ въ только что данномъ г. Иловайскимъ перечнѣ якобы *старыхъ* чиновъ,—и ошибается: у г. Иловайскаго далѣе слѣдуетъ повтореніе прежняго перечня. Остается такимъ образомъ загадкою, какіе же чины считать новыми.

Если къ промахамъ въ стилѣ причислимъ опечатки и ошибки, которыхъ въ книгѣ г. Иловайскаго весьма достаточно, то получимъ полное право сказать, что съ внѣшней стороны книгу портитъ небрежность ея исполненія. Опечатки и описки у г. Иловайскаго на столько замѣтны, что о нихъ стоитъ поговорить, и самъ г. Иловайскій указывалъ на нихъ въ разъясненіяхъ, данныхъ имъ г. Безобразову. Помимо неизбѣжныхъ опечатокъ въ буквахъ, существуютъ недосмотры въ цѣлыхъ словахъ и даже фразахъ. На стр. 161-й читаемъ *Бѣльскій* вмѣсто *Шуйскій;* на стр. 304-й *Иванъ Андреевичъ* Хворостининъ вмѣсто *Андрей Ивановичъ;* на стр. 354-й Іовъ уже послѣ поставленія его въ патріархи названъ *митрополитомъ*. Одинъ изъ критиковъ, г. Безобразовъ, указавъ г. Иловайскому, что по его изложенію (на стр. 190) можно предположить существованіе двухъ городовъ съ именемъ Тула, объяснилъ это тѣмъ, что въ данномъ мѣстѣ г. Иловайскій неосмотрительно заимствовалъ у С. М. Соловьева разсказъ о набѣгѣ крымцевъ въ 1552 году. На это г. Иловайскій замѣтилъ, что дѣло заключается «въ простой опечаткѣ»: Въ книгѣ напечатано: «Крымскій ханъ... осадилъ Тулу; *когда же узналъ* о присутствіи московскихъ полковъ,... повернулъ назадъ». По разъясненію г. Иловайскаго слѣдуетъ исправить опечатку такъ: «Крымскій ханъ...

на нихъ не стоило бы останавливаться, еслибы онѣ однѣ свидѣтельствовали объ этой поспѣшности. Но дѣло въ томъ, что иногда и цѣлыя страницы обличаютъ торопливость автора. На стр. 45-й онъ излагаетъ отвѣтъ заволжскихъ старцевъ Іосифу Волоцкому такимъ образомъ, что, не взявъ въ руки подлинныхъ писаній Іосифа и старцевъ, читатель не уразумѣетъ ихъ смысла. Г. Иловайскій говоритъ: «Когда Іосифъ написалъ посланіе Василію Ивановичу съ увѣщаніемъ казнить еретиковъ и со ссылками на примѣры строгости изъ Ветхозавѣтной исторіи, со стороны заволжскихъ старцевъ послѣдовалъ на это посланіе ѣдкій отвѣтъ... Приведемъ нѣкоторыя черты изъ сего отвѣта: на слова Іосифа, что *Моисей скрижали разбилъ*, старцы возражаютъ....» Ни изъ послѣдующаго возраженія старцевъ, ни изъ приведенныхъ словъ г. Иловайскаго нѣтъ возможности понять, о чемъ идетъ споръ и къ чему тутъ слова «Моисей скрижали разбилъ». И въ этомъ виноватъ самъ авторъ: онъ повѣствуетъ о спорѣ, не приводя главнаго тезиса, поставленнаго Іосифомъ: «грѣшника или еретика убити *молитвою* или *руками* едино есть»; онъ пропускаетъ самое важное слово *руками* въ словахъ Іосифа «Моисей скрижали руками разбилъ»; поэтому и все изложеніе спора лишено и научной точности, и простой удобопонятности. Въ иномъ родѣ мѣсто на стр. 417-й, гдѣ авторъ не просто не договорилъ, какъ въ первомъ примѣрѣ, но и сказалъ лишнее. Г. Иловайскій даетъ здѣсь перечень московскихъ придворныхъ чиновъ и затѣмъ говоритъ: «*Чины эти* и значеніе ихъ большею *частію* мы *видѣли* уже въ предыдущую эпоху» (однако, во II-мъ томѣ перечисленія ихъ нѣтъ, на сколько мы знаемъ). «Те-

перь же ихъ число и значеніе расширились и *кромѣ того* встрѣчаемъ *новые: таковыми* является»... Читатель думаетъ далѣе найдти такіе чины, которыхъ нѣтъ въ только что данномъ г. Иловайскимъ перечнѣ якобы *старыхъ* чиновъ,—и ошибается: у г. Иловайскаго далѣе слѣдуетъ повтореніе прежняго перечня. Остается такимъ образомъ загадкою, какіе же чины считать новыми.

Если къ промахамъ въ стилѣ причислимъ опечатки и ошибки, которыхъ въ книгѣ г. Иловайскаго весьма достаточно, то получимъ полное право сказать, что съ внѣшней стороны книгу портитъ небрежность ея исполненія. Опечатки и описки у г. Иловайскаго на столько замѣтны, что о нихъ стоитъ поговорить, и самъ г. Иловайскій указывалъ на нихъ въ разъясненіяхъ, данныхъ имъ г. Безобразову. Помимо неизбѣжныхъ опечатокъ въ буквахъ, существуютъ недосмотры въ цѣлыхъ словахъ и даже фразахъ. На стр. 161-й читаемъ *Бѣльскій* вмѣсто *Шуйскій;* на стр. 304-й *Иванъ Андреевичъ* Хворостининъ вмѣсто *Андрей Ивановичъ;* на стр. 354-й Іовъ уже послѣ поставленія его въ патріархи названъ *митрополитомъ.* Одинъ изъ критиковъ, г. Безобразовъ, указавъ г. Иловайскому, что по его изложенію (на стр. 190) можно предположить существованіе двухъ городовъ съ именемъ Тула, объяснилъ это тѣмъ, что въ данномъ мѣстѣ г. Иловайскій неосмотрительно заимствовалъ у С. М. Соловьева разсказъ о набѣгѣ крымцевъ въ 1552 году. На это г. Иловайскій замѣтилъ, что дѣло заключается «въ простой опечаткѣ»: Въ книгѣ напечатано: «Крымскій ханъ... осадилъ Тулу; *когда же узналъ* о присутствіи московскихъ полковъ,... повернулъ назадъ». По разъясненію г. Иловайскаго слѣдуетъ исправить опечатку такъ: «Крымскій ханъ...

осадилъ *Тулу. Когда ханъ узналъ»* и т. д. [1]). Для г. Иловайскаго ясно, что здѣсь нѣтъ заимствованія отъ Соловьева, но мы думаемъ, что здѣсь нѣтъ и простой типографской опечатки, такъ какъ цитируемый разсказъ г. Иловайскаго былъ напечатанъ раньше книги отдѣльною статьей [2]), при чемъ злополучная фраза имѣла въ немъ третью, столь же неудачную редакцію, какъ и двѣ вышеприведенныя: «Крымскій ханъ... осадилъ *Тулу; узнавъ* о присутствіи» и т. д. Этотъ казусъ можетъ служить доказательствомъ, что опечатки у г. Иловайскаго—не опечатки, а описки, свидѣтельствующія о недостаткѣ у автора вниманія къ своему тексту.

Обратимся теперь къ внутреннему содержанію труда г. Иловайскаго: оно убѣдитъ насъ въ томъ же, въ чемъ убѣждаютъ его внѣшнія свойства.

У г. Иловайскаго, прежде всего, есть прямыя ошибки. Одну изъ нихъ указалъ уже В. С. Иконниковъ [3]) въ разсказѣ нашего автора о смерти перваго сына Грознаго, малютки Дмитрія: г. Иловайскій приписалъ его смерть болѣзни, тогда какъ есть указанія, что царевичъ утонулъ (210, 249). Г. Иловайскій, далѣе, переводитъ выраженіе «на мскахъ» словами «на ямскихъ» (169), хотя слово *мескъ*, въ значеніи *лошадь*, встрѣчается не разъ въ памятникахъ, подлежащихъ прямому вѣдѣнію историка, и г. Иловайскій легко могъ бы найдти это слово въ словаряхъ (*мескъ* — въ Академическомъ, *мьска*, *мьскъ* — у Миклошича). О мѣстоположеніи знаменитаго Кириллова монастыря г. Ило-

---

[1]) *Русск. Обозрѣніе*, 1890, XII, стр. 397. *Новое Время*, № 5338.

[2]) *Русск. Архивъ*, 1888, XII, стр. 481.

[3]) *Русская Старина*, 1891, I (на обложкѣ).

вайскій имѣетъ довольно превратное понятіе, такъ какъ говоритъ, что Іоаннъ «Шексною поднялся въ *Бѣлое озеро* и *прибылъ* въ Кирилловъ монастырь» (210). Лѣтописи, которымъ слѣдовалъ г. Иловайскій, говорятъ кратко: «Шексною вверхъ х Кирилу чудотворцу» (Ник. VII, 203; Львов. V, 12). Простая справка съ «Учебнымъ атласомъ» Е. Е. Замысловскаго (который рекомендованъ читателю самимъ г. Иловайскимъ въ предисловіи ко II-му тому его Исторіи) показала бы автору, что Кирилловъ монастырь на десятки верстъ отстоитъ отъ Бѣлаго озера и что на дорогѣ къ нему не приходится подниматься въ озеро. Въ XVI вѣкѣ, какъ и теперь, въ Кирилловъ монастырь прямая дорога — по Шекснѣ до Горицкаго монастыря и затѣмъ верстъ шесть сухимъ путемъ; такъ, безъ сомнѣнія, ѣхалъ и Грозный. Далѣе, г. Иловайскій, на стр. 423-й, опредѣляя положеніе бобылей, говоритъ: «иногда обѣднѣвшій крестьянинъ, чтобы облегчить себѣ бремя податей и повинностей, съ цѣлаго земельнаго участка переходилъ у того же владѣльца на половинный участокъ, то-есть поступалъ въ разрядъ *бобылей*». Такимъ образомъ, здѣсь бобыль опредѣляется, какъ крестьянинъ съ половинною пашней. Но на стр. 432-й авторъ упоминаетъ «дворы *бобыльскіе* или дворы крестьянъ *безпашенныхъ*», а на стр. 451-й замѣчаетъ, что въ слободахъ различались дворы крестьянскіе и *бобыльскіе*, первые были съ землею, *вторые безъ земли*». Эти противорѣчія, не устранимыя даже съ помощью того предположенія, что авторъ отличаетъ бобылей сельскихъ отъ посадскихъ и слободскихъ, вскрываютъ ошибку г. Иловайскаго: она состоитъ въ томъ, что *податное* отличіе бобылей авторъ отнесъ къ ихъ *хозяйственному* положе-

нію. Послѣднее было разнообразно: были и безземельные бобыли и бобыли пашенные; но всѣ они обыкновенно являлись въ глазахъ правительства половинными плательщиками. Но половинное тягло еще не обусловливало «половиннаго участка» земли. Пойдемъ далѣе. На стр. 437-й г. Иловайскій не вполнѣ основательно разсуждаетъ о составѣ городского Московскаго государства, при чемъ даже смѣшиваетъ гостей съ людьми гостинной сотни, говоря о гостяхъ, что «въ Москвѣ они составляли особую гостинную сотню». Нельзя не пожалѣть, что въ данномъ случаѣ г. Иловайскій не обратился,—не говоря уже о новыхъ трудахъ,—къ старой книгѣ Плошинскаго, гдѣ онъ нашелъ бы необходимѣйшія свѣдѣнія по данному вопросу. Болѣе тонкаго свойства ошибку находимъ на стр. 452-й въ словахъ: «взиманіе и раскладка податей производились самими земскими общинами посредствомъ выборныхъ *окладчиковъ*». Терминъ *окладчики* существуетъ въ документахъ, относящихся къ мірской раскладкѣ и взиманію сборовъ, но только—сборовъ экстренныхъ, пятой и десятой денегъ; обыкновенно же подати раскладываютъ и взимаютъ выборныя власти иныхъ наименованій. Подобная же шаткость представленій обнаруживается и тремя страницами ниже, въ опредѣленіи *десятенъ:* «Дворяне и боярскіе дѣти», говоритъ авторъ: «сообразно своимъ помѣстьямъ, были расписаны по городамъ, и эти отдѣлы (?) назывались *десятнями*» (стр. 455). Что такое «отдѣлы», понять не легко; но можно, кажется, догадываться, что это, по представленію г. Иловайскаго, или группы лицъ, или же городскіе округа. И то, и другое не вѣрно, потому что десятня—документъ. Это зналъ уже въ 1872 году К. Н. Бес-

тужевъ-Рюминъ, въ «Исторіи» котораго десятни опредѣлены, какъ «списки лицъ», «списки помѣстнаго дворянства» (Введеніе, 107). И г. Иловайскій могъ бы поэтому не повторять заблужденій болѣе старыхъ изслѣдованій и архивныхъ описаній[1]). Послѣ указанныхъ примѣровъ мы считаемъ себя въ правѣ высказать и общее замѣчаніе, что обзоръ государственнаго устройства и управленія Московской Руси сдѣланъ въ книгѣ г. Иловайскаго не съ достаточной внимательностью. Не только (по словамъ самого г. Иловайскаго въ предисловіи) «нѣкоторыми изъ самыхъ новѣйшихъ детальныхъ работъ авторъ успѣлъ воспользоваться только въ примѣчаніяхъ къ настоящему тому»,—но и не «самыми новѣйшими» работами авторъ не воспользовался въ должной мѣрѣ. Поэтому, напримѣръ, на стр. 444-й читаемъ довольно старыя мысли о существованіи «канцеляріи» при боярской думѣ; на той же страницѣ находимъ не менѣе старое отождествленіе четырехъ отдѣленій думской канцеляріи, то-есть, приказовъ съ «четями», основанное на излишнемъ довѣріи къ русскому переводу Флетчера, сдѣланному К. М. Оболенскимъ; страница 422-я убѣждаетъ насъ въ томъ, что г. Иловайскій признаетъ права собственности на землю только за крестьянами-своеземцами и не признаетъ ихъ за крестьянскими общинами на черныхъ земляхъ, ибо причисляетъ къ «общей массѣ *безземельнаго* крестьянства» всѣхъ крестьянъ, не владѣвшихъ землями на правѣ личномъ. Хотя въ данномъ случаѣ авторъ имѣетъ право

---

[1]) Откуда проистекали эти заблужденія, можно узнать изъ «Описи десятенъ XVI—XVII вв.» *Н. В. Сторожева*. (Опис. докум. и бумагъ Моск. Арх. Мин. Юст., VII, стр. 3—4, прим. 9).

выражать подобный взглядъ, такъ какъ юридическая сущность общиннаго крестьянскаго землевладѣнія не вышла еще изъ области научныхъ споровъ,—однако терминъ «безземельный» безусловно не приложимъ къ древне русскому крестьянину, сидѣвшему на черной землѣ, и является такою оригинальною формулой рѣшенія спорнаго вопроса, какой мы не найдемъ ни у одного изслѣдователя, какого бы взгляда онъ ни держался. Столь же оригинально категорическое заявленіе г. Иловайскаго (стр. 433) о передѣлахъ общинныхъ земель въ Московской Руси, которое, однако, самъ авторъ ограничиваетъ фразой: «въ XVI вѣкѣ мы находимъ только нѣкоторые намеки на возникновеніе крестьянскихъ передѣловъ». Любопытно знать, что разумѣетъ авторъ подъ передѣлами: очередное пользованіе тяглыми участками, или перемежовку самыхъ участковъ, и если послѣднее,—то гдѣ онъ нашелъ намеки на передѣлы?

Однако воздержимся отъ дальнѣйшаго обсужденія частностей. И то, что̀ указано, надѣемся, подтверждаетъ наше мнѣніе, что у г. Иловайскаго есть прямыя ошибки. Замѣтимъ только, что мы воздерживались судить эти ошибки съ точки зрѣнія «самыхъ новѣйшихъ» трудовъ, которыми не успѣлъ воспользоваться г. Иловайскій и которые указаны ему В. Н. С—жевымъ[1]).

---

[1]) *Вѣстникъ Европы*, 1891, февраль, стр. 925 — 927. На эти страницы рецензіи г. С—жева г. Иловайскій отвѣчалъ (*Новое Время*, № 5374) заявленіемъ, что ему извѣстны книги, названныя рецензентомъ, между прочимъ и изслѣдованіе, изданное въ 1888 году пишущимъ эти строки. Пользуемся случаемъ замѣтить г. Иловайскому, что въ нашей книгѣ нѣтъ того «вывода», который онъ тамъ усмотрѣлъ, «о невинности Годунова въ убіеніи

Ошибки г. Иловайскаго происходятъ отъ недостаточнаго вниманія къ литературѣ и не новѣйшей.

Итакъ, и изложеніе III тома «Исторіи Россіи», и его фактическій матеріалъ не стоятъ по степени обработки на той высотѣ, какая приличествуетъ сочиненію «исторіографическому», по терминологіи г. Иловайскаго. Но, можетъ быть, личные взгляды автора на описанную имъ эпоху, оцѣнка лицъ, событій и отношеній, словомъ, субъективная сторона труда представляетъ большую цѣнность?

Всякій, кто прочиталъ книгу г. Иловайскаго, согласится, что центральное мѣсто въ ней занимаетъ личность и дѣятельность Грознаго. Авторъ съ большимъ вниманіемъ относится къ мотивамъ, руководившимъ политикою Грознаго, и не разъ дѣлаетъ попытки выяснить этотъ сложный характеръ. Вотъ почему, не имѣя возможности остановиться на всей совокупности историческихъ взглядовъ г. Иловайскаго, мы просимъ у читателей позволенія ограничиться только воззрѣніями автора на Грознаго.

Г. Иловайскій принадлежитъ къ разряду тѣхъ нашихъ историковъ, которые отрицаютъ политическій смыслъ въ личной дѣятельности царя Іоанна и натуру его признаютъ патологической. Въ силѣ чувствъ, направленныхъ противъ Іоанна, нашъ авторъ соперничаетъ съ Карамзинымъ и Костомаровымъ и рѣзко высказывается противъ защитниковъ и апологетовъ Гроз-

---

царевича Дмитрія», а есть только выводъ, что нѣкоторыя литературныя произведенія не могутъ служить основаніемъ для обвиненія Бориса въ этомъ дѣлѣ. Поэтому, вопреки мнѣнію г. Иловайскаго, мы не можемъ присвоить себѣ и чести считаться въ числѣ послѣдователей Е. А. Бѣлова по этому вопросу.

наго (см. примѣч. 54-е). Однако, смѣемъ думать, что къ аргументаціи своихъ предшественниковъ г. Иловайскій не прибавилъ ничего существеннаго и новаго и въ то же время оставилъ безъ должнаго вниманія тѣ недавнія пріобрѣтенія нашей исторіографіи, которыя съ пользою можно было привлечь къ освѣщенію эпохи Грознаго. Странно поэтому читать заявленіе г. Иловайскаго, что «мы имѣемъ передъ собою довольно подробную и документальную исторію сего царствованія» (стр. 644); другіе историки сознавали, что въ исторіи сего царствованія есть незаполненные пробѣлы.

Характеристика Грознаго у г. Иловайскаго весьма несложна: она состоитъ изъ многократныхъ указаній на то, что Іоаннъ былъ отъ природы даровитъ, но подвергся нравственной порчѣ и сталъ рабомъ грубыхъ страстей, что и обратило его въ азіатскаго деспота, представителя «татарщины», что и лишило его возможности здраво понимать задачи государственной политики. «Отъ природы (говоритъ г. Иловайскій) Иванъ IV былъ, очевидно, впечатлителенъ и даровитъ, что̀, можетъ быть, обусловливалось отчасти и самымъ происхожденіемъ его съ женской стороны: бабушка его была греко-италіанка, а мать литво-русинка» (стр. 166). Хотя и не ясно, что̀ и почему обусловливалось иностраннымъ происхожденіемъ съ женской стороны—впечатлительность, или же даровитость (какъ будто московскій человѣкъ самъ по себѣ безъ чужой крови не могъ быть впечатлителенъ и даровитъ!),—однако, хорошо уже и то, что г. Иловайскій не отрицаетъ этихъ качествъ въ Грозномъ. Уже въ дѣтствѣ натура Іоанна подъ вліяніемъ среды была испорчена жестокосердіемъ, которое проявлялось не разъ въ поступкахъ молодаго царя до его женитьбы.

Однако «два незабвенныхъ мужа», Сильвестръ и А. Адашевъ, и царица Анастасія имѣли до поры до времени прекрасное воспитательное вліяніе на Іоанна, — пока не возобладали въ немъ «дурныя стороны характера», пока Іоанну не показалось, что совѣтники отнимаютъ у него власть. «При деспотическихъ наклонностяхъ, при понятіяхъ о своей неограниченной власти, наслѣдованныхъ отъ *отца* и *дѣда* и усиленныхъ *преданіями византійскими*, Іоаннъ началъ все болѣе и болѣе тяготиться своими совѣтниками» (стр. 247). Послѣдовалъ разрывъ, начались казни, совершилось нравственное паденіе Іоанна. Онъ дѣйствовалъ, по словамъ автора, «вполнѣ уподобляясь какому-либо дикому татарскому хану» (стр. 271); онъ — «высокомѣрный, заносчивый тиранъ» (стр. 288); онъ — трусъ, который, перепугавшись при первой вѣсти о врагѣ, бѣжитъ отъ него (стр. 312); «чѣмъ ближе всматриваемся мы въ эту эпоху, тѣмъ яснѣе выступаетъ вся политическая недальновидность Грознаго, его замѣчательное невѣжество относительно своихъ соперниковъ на Ливонію» (стр. 320). Печаленъ конецъ Іоанна: свои бѣды онъ усугубилъ убійствомъ сына. «Ничего другаго (замѣчаетъ по этому поводу г. Иловайскій) и невозможно было ожидать отъ безумнаго тирана, который такъ привыкъ предаваться необузданнымъ порывамъ своихъ страстей, для котораго не было ничего святого въ этомъ мірѣ» (стр. 326). Пробѣгая страницы, посвященныя Іоанну, читатель чувствуетъ, какъ ростетъ у автора не цѣльная характеристика этого лица, а отрицательное къ нему отношеніе. Полную формулу этого отношенія мы находимъ въ заключительныхъ строкахъ къ исторіи царствованія Грознаго, гдѣ авторъ собираетъ воедино все ска-

занное раньше по частямъ (стр. 330—331). Здѣсь находимъ указаніе, что Іоаннъ обнаружилъ «недюжинныя правительственныя способности», но обратилъ «наслѣдованную имъ отъ предковъ сильную власть въ орудіе жестокой и нерѣдко безсмысленной тираніи», отчего «московское самодержавіе... получило до извѣстной степени характеръ азіатской деспотіи». Политика Грознаго была «яркимъ отраженіемъ татарщины», однимъ изъ «самыхъ крупныхъ послѣдствій двухвѣковаго татарскаго ига». Результатомъ же этой политики было смутное время: «Иванъ Васильевичъ самъ приготовилъ и облегчилъ тотъ взрывъ народныхъ движеній и всякой розни, который извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ Смутнаго времени».

Таково послѣднее слово автора о Грозномъ. Оригинальна въ немъ только категоричность утвержденія, что Грозный былъ «отраженіемъ татарщины» (самая же мысль о вліяніи татарщины на правительственные обычаи Московской Руси вѣдь далеко не нова). Къ этому утвержденію г. Иловайскій возвращается не разъ и обстоятельнѣе высказываетъ его не въ главѣ о Грозномъ, а въ главахъ, посвященныхъ внутреннему быту Москвы. На стр. 409-й узнаемъ, что «азіатскія деспотіи и служили образцами, которымъ съ такимъ успѣхомъ подражалъ Иванъ IV»; на стр. 410-й этотъ «азіатскій деспотизмъ» Грознаго разсматривается, какъ «порожденіе татарскаго ига»; въ главѣ XII помѣщена цѣлая рубрика: «вліяніе Ивана Грознаго на нравы», въ которой о Грозномъ говорится, что, «выросши самъ подъ вліяніемъ татарщины, онъ въ свою очередь способствовалъ ея поддержанію и усиленію» (стр. 483).

Но гдѣ же доказательства этихъ тезисовъ? Гдѣ же объясненіе того, что̀ авторъ разумѣетъ подъ понятіемъ «татарщины» и «азіатскаго деспотизма»? Если собирать тѣ черты, которыми авторъ характеризуетъ Грознаго и его политику, какъ отраженіе татарщины, то придется перечислить: «раболѣпіе» въ противоположность «гражданскому чувству» (стр. 331, 410), «суровыя черты, съ которыми царская власть относилась къ своимъ подданнымъ» (стр. 409), «необузданный произволъ» (стр. 409), «крайняя порочность и звѣрство», «суевѣріе, кощунство и самое гнусное распутство» (стр. 483), «гнетъ и насиліе со стороны высшихъ начальственныхъ лицъ, раболѣпіе и забвеніе человѣческаго достоинства со стороны низшихъ» (стр. 484). Но всѣ эти отрицательныя стороны личной и общественной нравственности не слагаются въ цѣльное представленіе объ общественномъ и политическомъ порядкѣ и не могутъ составлять монопольныхъ свойствъ татарщины и азіатства, почему и «татарщина» г. Иловайскаго остается не опредѣленною. По даннымъ г. Иловайскаго можно было бы предположить, что у него есть безсознательная тенденція объяснять все темное въ русскомъ быту XVI вѣка вліяніемъ татаръ, а всѣ свѣтлыя стороны этого быта относить къ нашимъ національнымъ достоинствамъ. Но это было бы не вѣрно, ибо г. Иловайскій знаетъ и положительныя стороны «татарщины» въ русской жизни, онъ говоритъ о Грозномъ, что «его ничѣмъ не обузданный произволъ и общій терроръ, внушаемый... казнями, доказали только великую силу терпѣнія и глубокую покорность Провидѣнію со стороны русскаго народа,—*качества, въ которыхъ его закалила* особенно предшествовавшая долгая *эпоха татар-*

скаго ига» (стр. 409). Какъ же опредѣлить послѣ этого, что̀ такое у г. Иловайскаго татарщина сама по себѣ и татарщина въ смыслѣ татарскаго вліянія на русскую жизнь, и въ какомъ смыслѣ понимать слова, что Грозный—отраженіе татарщины?

Если понимать ихъ въ томъ смыслѣ, что Грозный подражалъ порядкамъ азіатскихъ деспотій, считая ихъ образцами для себя (на это даетъ право одна изъ вышеуказанныхъ фразъ г. Иловайскаго),—то гдѣ же доказательства этого? У г. Иловайскаго ихъ нѣтъ совсѣмъ; онъ даже не воспользовался тѣми литературными аналогіями между царемъ Махметомъ и Грознымъ, которыя съ именемъ Ивашки Пересвѣтова вращались въ русскомъ обществѣ XVI вѣка и оправдывали крутость Іоанна афоризмами Махмета: «аще не такою грозою великій народъ угрозити, ино и правды въ землю не ввести» [1]); между тѣмъ эти аналогіи можно было бы обернуть въ пользу мнѣнія г. Иловайскаго. Въ точномъ обосновaніи это мнѣніе весьма нуждается, такъ какъ стремленіе Іоанна къ татарскимъ образцамъ весьма мало вѣроятно. Если же понимать татарство Грознаго въ смыслѣ его отдѣльныхъ грубыхъ замашекъ, усвоенныхъ имъ изъ среды, его воспитавшей, то врядъ ли стоитъ спорить противъ такого «татарства»: пусть оно̀ было, но можно ли имъ объяснить смыслъ политики Грознаго, можно ли внѣшнія замашки полагать въ основаніе характеристики политическаго дѣятеля? Конечно, нельзя.

---

[1]) То, что говоритъ авторъ о писаніяхъ Пересвѣтова, не связано у него съ разсужденіями о татарщинѣ Грознаго (стр. 499 643, 687).

Неопредѣленность и афористичность характеристики Грознаго у г. Иловайскаго бросаются въ глаза тѣмъ болѣе, что въ этой характеристикѣ нѣтъ полнаго внутренняго согласія частей и нѣтъ той полноты, какой можно требовать при настоящемъ состояніи нашей исторіографіи.

Какъ можетъ читатель согласить, напримѣръ, «недюжинныя правительственныя способности» Іоанна (330) и «политическую недальновидность Грознаго, его замѣчательное невѣжество относительно своихъ соперниковъ на Ливонію» (321)? Ключа къ пониманію этого несоотвѣтствія въ изложеніи нашего автора не дано. Какъ можетъ читатель размежевать византійскія традиціи въ политикѣ Іоанна и татарское на нее вліяніе? Авторъ и здѣсь не даетъ руководящей нити. Выше нами приведены мѣста изъ книги г. Иловайскаго, рекомендующія Грознаго съ его политикой, какъ отраженіе татарщины и прямое слѣдствіе татарскаго ига. Но въ перемежку съ этими мѣстами находимъ и утвержденіе, что понятіе о неограниченной власти, наслѣдованное Іоанномъ отъ отца и дѣда, было усилено *преданіями византійскими* (247), что обычай соцарствія сына отцу водворился, конечно, *не безъ вліянія Византіи*» (326). Это вліяніе Византіи вообще на развитіе въ Москвѣ самодержавной власти особенно подчеркивается авторомъ тамъ именно, гдѣ онъ говоритъ, что Иванъ IV подражалъ азіатскимъ деспотіямъ (409), при чемъ, по изложенію г. Иловайскаго, проводниками византійскаго вліянія были «церковная іерархія и письменность», «вліяніе же золотоордынскихъ образцовъ дѣйствовало долго и непосредственно». Но вѣдь указаніе путей и способовъ вліянія не опредѣляетъ еще

его сферы и не разрѣшаетъ недоумѣній, здѣсь возникающихъ, о самой сущности традицій византійскихъ и татарскихъ (или содержаніе ихъ было одинаково?). Если здѣсь позволительно отъ вопроса о личной политикѣ Грознаго отойдти въ область политическихъ отношеній той эпохи вообще, то мы можемъ представить и еще одинъ образецъ внутреннихъ несоотвѣтствій въ изложеніи г. Иловайскаго.

Авторъ доказываетъ, что «такъ называемая нѣкоторыми писателями борьба Іоанна съ боярскимъ сословіемъ въ сущности никакой дѣйствительной борьбы не представляетъ» (263). Власть была такъ сильна, что наиболѣе строптивымъ боярамъ «оставалось только орудіе слабыхъ и угнетенныхъ—*тайная* крамола... Но таковой при Иванѣ IV мы не видимъ». Побѣги нѣкоторыхъ бояръ въ Литву «не могутъ быть названы борьбою *какого-либо* сословія противъ государственнаго строя». «Въ Москвѣ (продолжаетъ авторъ) было *одно только* сословіе, которое могло оказать нѣкоторое противодѣйствіе кровожадному самодурству Ивана IV, хотя бы только однимъ своимъ нравственнымъ авторитетомъ. Мы говоримъ о высшемъ *духовенствѣ*. И какъ ни было оно въ свою очередь зависимо отъ царской власти и угнетено тираномъ, оно все-таки *выставило изъ среды себя* достойнаго борца. Но любопытно, что этотъ человѣкъ *вышелъ не изъ другаго какого сословія, а именно изъ боярскаго.* Слѣдовательно, только *черезъ духовный* авторитетъ сіе сословіе могло тогда проявить какой-либо *открытый протестъ* противъ тирана». Въ этомъ комплексѣ фразъ, изложенныхъ на одной страницѣ (264) и переданныхъ нами въ послѣдовательности, какую далъ имъ авторъ, многое не понятно.

Боярство не могло вести борьбы съ властью, даже не прибѣгало къ тайной крамолѣ; пыталось бороться духовенство, давшее, «изъ среды себя» митрополита Филиппа; но этотъ Филиппъ былъ бояринъ; стало быть, боярство («сіе сословіе») могло тогда проявить открытый протестъ черезъ духовный авторитетъ. Таковъ въ сущности ходъ разсужденія, которое сперва отрицаетъ возможность даже тайной борьбы, а затѣмъ намекаетъ на возможность борьбы открытой, которое сперва объявляетъ Филиппа въ его протестѣ представителемъ духовенства, а затѣмъ — представителемъ боярства. Что эти противорѣчія—не кажущіяся, подтверждается фразой о Филиппѣ на стр. 269-й: «такъ этотъ достойный представитель *вмѣстѣ* и боярскаго, и духовнаго сословія палъ,... отстаивая свое архипастырское право печалованія, увѣщанія и поученія». Здѣсь совершенно такое же, какъ и выше, смѣшеніе понятій: за архипастырское право Филиппъ могъ бороться, только какъ представитель духовенства; какъ бояринъ, онъ не имѣлъ никакого отношенія къ архипастырскому праву. И читатель въ правѣ спросить автора: какого же, наконецъ, сословія представителемъ былъ Филиппъ? Вѣроятно, духовнаго, ибо, въ концѣ концовъ, г. Иловайскій нашелъ у боярства свои особыя опредѣленныя притязанія на сословное право. Изъ послѣдующаго изложенія г. Иловайскаго узнаемъ, что бояре-князья, служившіе Москвѣ, «еще не успѣли забыть о недавнемъ прошломъ и при удобномъ случаѣ *могли высказывать притязанія*, несогласныя съ развивающимся самодержавнымъ строемъ, въ особенности *притязаніе на право* быть главными совѣтниками государя и за-

нимать важнѣйшія мѣста въ управленіи» (412). Еще во время Грознаго «поддерживались тѣсныя связи между потомками удѣльныхъ князей и населеніемъ ихъ бывшихъ удѣловъ, поддерживались старыя воспоминанія и *притязанія*» (414). Грозный «возможно скорѣе» старался порвать эти старыя связи. Если притязанія бояръ-князей на власть московскими государями были парализованы, по мнѣнію г. Иловайскаго (413), съ помощью умѣлой политики государей въ отношеніи боярской думы, — то притязанія боярства «занимать важнѣйшія мѣста въ управленіи», получившія выраженіе въ мѣстничествѣ, были терпимы самимъ Иваномъ Грознымъ:.. «въ 1550 году... были изданы правила взаимнаго счета мѣстами... само правительство такимъ образомъ признавало законность этихъ счетовъ» (415). Такъ самъ г. Иловайскій нашелъ у боярскаго класса такія притязанія, съ которыми считались и боролись московскіе государи. Не рискованно ли послѣ этого утверждать вмѣстѣ съ нашимъ авторомъ, что не существовало «никакой дѣйствительной борьбы» у власти съ боярами? Если не было борьбы открытой, если не было борьбы правильно организованной, то глухая борьба сословныхъ боярскихъ притязаній съ принципами московской автократіи, несомнѣнно, шла, и эти притязанія, питаемыя всѣмъ сословіемъ, были не менѣе серьезны для московскихъ государей, чѣмъ «тайная крамола», которой, по мнѣнію автора, не существовало.

Но гораздо важнѣе, чѣмъ внутреннее несогласіе частей въ оцѣнкѣ политики Грознаго, неполнота этой оцѣнки. Въ нашей исторической наукѣ не въ самые послѣдніе годы былъ выясненъ тотъ національно-по-

литической идеалъ, который создался въ русской письменности XV — XVI вѣковъ и представлялъ Москву центромъ «православія», а московскаго государя «царемъ православія». Литературные взгляды были восприняты официальною московскою средою; въ нихъ воспитался Грозный; во имя ихъ принялъ онъ царскій титулъ и требовалъ отъ Востока признанія этого титула. Страница 169-я книги г. Иловайскаго свидѣтельствуетъ, что авторъ не признаетъ такого пониманія дѣла: мотивовъ принятія царскаго титула онъ вовсе не объясняетъ, книжныя теоріи о «Москвѣ — третьемъ Римѣ» онъ какъ будто считаетъ послѣдствіемъ принятія титула, а не мотивомъ его; въ литературную же образованность самого Грознаго до 1547 года онъ не вѣритъ (стр. 175, 620). Если въ толкованіи дѣла авторъ хотѣлъ сдѣлать шагъ назадъ сравнительно съ настоящимъ положеніемъ исторіографіи, онъ долженъ былъ бы представить въ свою пользу доказательства бо̀льшія, чѣмъ простое отрицаніе взгляда С. М. Соловьева (ссылка на Курбскаго ничего не доказываетъ, такъ какъ ничего не говоритъ о времени до 1547 года).

Такъ же мало можетъ удовлетворить читателя, знакомаго, напримѣръ, со вторымъ томомъ «Русской Исторіи» К. Н. Бестужева-Рюмина, изложеніе причинъ Ливонской войны Грознаго въ книгѣ г. Иловайскаго. Г. Иловайскій и здѣсь остался позади своихъ предшественниковъ съ предпочтеніемъ Крымскаго похода Ливонской войнѣ, предпочтеніемъ, которое основано на томъ соображеніи автора, что желавшіе Крымскаго похода «совѣтники Іоанна были люди умные и понимавшіе дѣло, а, главное, хорошо цѣнившіе современныя имъ

обстоятельства» (стр. 219). Но до сихъ поръ именно въ томъ и высказывалось сомнѣніе, хорошо ли цѣнили совѣтники Іоанна современныя обстоятельства, и этого сомнѣнія г. Иловайскій не разсѣиваетъ своими доводами о народномъ одушевленіи въ борьбѣ съ мусульманскимъ міромъ и своими указаніями на возможность (неудачныхъ) походовъ черезъ степь. Думаемъ поэтому, что и послѣ книги г. Иловайскаго на Ливонскую войну Грознаго не будутъ смотрѣть, какъ на плодъ его личнаго близорукаго произвола.

Прямой пробѣлъ въ изложеніи г. Иловайскаго составляетъ молчаніе о томъ народно-хозяйственномъ кризисѣ, признаки котораго давно подмѣчались изслѣдователями, изучавшими русское общество въ эпоху Грознаго, и были собраны воедино В. О. Ключевскимъ въ XV главѣ его «Боярской думы». Подвижность земледѣльческаго класса, заставлявшая землевладѣльцевъ въ эксплоатаціи земель переходить отъ труда свободнаго къ труду зависимому, многое объясняетъ въ исторіи московскаго общества XVI вѣка и является одною изъ существеннѣйшихъ причинъ смутнаго времени, которое г. Иловайскимъ ставится на счетъ одному Іоанну Грозному, его личной политикѣ (стр. 330, 414).

Подведемъ итоги сказанному. Къ разсмотрѣнію частностей труда г. Иловайскаго мы приступили съ замѣчаніемъ, что трудъ этотъ кажется намъ составленнымъ поспѣшно. Полагаемъ, что недосмотры, которые нами отмѣчены, подтверждаютъ это замѣчаніе и служатъ доказательствомъ того, что книга требуетъ пересмотра и усовершенствованія. Въ настоящемъ своемъ видѣ она никакъ не можетъ имѣть того значенія, какое склоненъ ей придавать авторъ. «Исторіи» Карамзина и Соловьева явились съ цѣльными воззрѣ-

литическоій идеалъ, который создался въ русской письменности XV — XVI вѣковъ и представлялъ Москву центромъ «православія», а московскаго государя «царемъ православія». Литературные взгляды были восприняты оффиціальною московскою средою; въ нихъ воспитался Грозный; во имя ихъ принялъ онъ царскій титулъ и требовалъ отъ Востока признанія этого титула. Страница 169-я книги г. Иловайскаго свидѣтельствуетъ, что авторъ не признаетъ такого пониманія дѣла: мотивовъ принятія царскаго титула онъ вовсе не объясняетъ, книжныя теоріи о «Москвѣ — третьемъ Римѣ» онъ какъ будто считаетъ послѣдствіемъ принятія титула, а не мотивомъ его; въ литературную же образованность самого Грознаго до 1547 года онъ не вѣритъ (стр. 175, 620). Если въ толкованіи дѣла авторъ хотѣлъ сдѣлать шагъ назадъ сравнительно съ настоящимъ положеніемъ исторіографіи, онъ долженъ былъ бы представить въ свою пользу доказательства бо̀льшія, чѣмъ простое отрицаніе взгляда С. М. Соловьева (ссылка на Курбскаго ничего не доказываетъ, такъ какъ ничего не говоритъ о времени до 1547 года).

Такъ же мало можетъ удовлетворить читателя, знакомаго, напримѣръ, со вторымъ томомъ «Русской Исторіи» К. Н. Бестужева-Рюмина, изложеніе причинъ Ливонской войны Грознаго въ книгѣ г. Иловайскаго. Г. Иловайскій и здѣсь остался позади своихъ предшественниковъ съ предпочтеніемъ Крымскаго похода Ливонской войнѣ, предпочтеніемъ, которое основано на томъ соображеніи автора, что желавшіе Крымскаго похода «совѣтники Іоанна были люди умные и понимавшіе дѣло, а, главное, хорошо цѣнившіе современныя имъ

монографической литературы; и этого ему нельзя ставить въ упрекъ. Напротивъ, слѣдуетъ совершенно согласиться съ авторомъ, когда онъ признаетъ своей заслугой то, что, слѣдя за развитіемъ нашей исторіографіи, онъ нашелъ нужнымъ ввести въ свое изложеніе новые отдѣлы и достаточно потрудился какъ надъ исторіей Литовско-русскаго государства, такъ и надъ исторіей нашей внѣшней культуры. Въ полнотѣ своего плана онъ пошелъ далѣе писателей середины нашего вѣка и приблизился къ той наиболѣе полной программѣ, которой старался слѣдовать въ своей спеціальной «Русской исторіи» К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. И конечно, въ отдѣлахъ вновь введенныхъ г. Иловайскій не имѣлъ такихъ образцовъ, съ которыхъ ему можно было бы грубо копировать, а между тѣмъ эти отдѣлы полностью, ясностью и живостью изложенія не уступаютъ всѣмъ прочимъ главамъ книги.

Послѣднія наши слова свидѣтельствуютъ, что мы не задались цѣлью во что бы то ни стало уничтожить значеніе труда г. Иловайскаго. Мы только не считали возможнымъ принять ту точку зрѣнія на этотъ трудъ, на какую желалъ бы поставить читателя авторъ. Мы отрицательно отнеслись къ той мысли, что трудъ г. Иловайскаго можетъ влiять на развитіе нашей исторіографіи или отражать во всей полнотѣ ея современные успѣхи. Но мы далеки отъ того, чтобы отрицать назидательное значеніе «Исторіи» г. Иловайскаго для среды не-спеціалистовъ, для читающей публики, которая, конечно, и не замедлитъ оцѣнить разбираемую книгу такъ же благосклонно, какъ оцѣнилъ ее съ точки зрѣнія этой публики критикъ *Русскаго Вѣстника* (февраль 1891 г.).

ніями на русскую историческую жизнь, воззрѣніями, которыя для своего времени представляли новизну, давали толчокъ наукѣ. Исторіи Карамзина и Соловьева внесли въ науку такъ много новаго матеріала, что стали на долгое время въ рядъ «источниковъ» для исторіи. Взгляды г. Иловайскаго иногда требуютъ простыхъ поправокъ и новинкою не являются; матеріалъ, обработанный г. Иловайскимъ, и до него составлялъ общее достояніе, ибо г. Иловайскій рукописями не пользовался[1]). Мѣрка труда «исторіографическаго» (по терминологіи г. Иловайскаго) для его книги оказывается слишкомъ крупною.

Если же приложить къ произведенію г. Иловайскаго иное мѣрило, болѣе соотвѣтствующее, — посмотрѣть на его книгу, какъ на опытъ популярнаго изложенія русской исторіи, расчитанный на среду не-спеціалистовъ,—то книга окажется обладающею большими достоинствами и можетъ заслужить благодарность автору со стороны читающей публики. Живое изложеніе, умѣнье стройно комбинировать матеріалъ, фактическая полнота при сравнительно небольшомъ объемѣ труда — неотъемлемыя достоинства «Исторіи Россіи» г. Иловайскаго, какъ сочиненія популярнаго. Мы не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ рецензентовъ, которые взглянули на разбираемую книгу, какъ на грубую компиляцію. Авторъ безусловно широко освѣдомленъ въ нашей исторической литературѣ и со стороны изложенія совершенно самостоятеленъ. Но работая съ помощью не исключительно источниковъ, авторъ неизбѣжно долженъ былъ становиться въ зависимость отъ

---

[1]) Исключеніе составляетъ одна, если не ошибаемся, эпистола Ивана Пересвѣтова (см. стр. 687).

Къ этой почтенной средѣ архивныхъ дѣятелей примыкаетъ А. Н. Зерцаловъ, выступившій впервые съ матеріалами для исторіи земскаго собора 1648—1649 гг., напечатанными г. Латкинымъ въ 1884 г. («Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст.»). Другую часть этихъ матеріаловъ г. Зерцаловъ напечаталъ въ *Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей* за 1887 годъ (кн. III). Наконецъ, въ послѣднее время г. Зерцаловъ обнародовалъ новыя свои архивныя находки, касающіяся народныхъ волненій въ Москвѣ въ 1648, 1662 и 1771 годахъ[1]). И въ прежнихъ изданіяхъ, и въ настоящемъ пріемъ отношенія г. Зерцалова къ матеріалу однообразно простъ: печатаются документы, цѣликомъ или въ выдержкахъ, иногда приведенные въ нѣкоторый порядокъ, иногда же и безъ того; документамъ предпосылается введеніе, заключающее въ себѣ краткій пересказъ печатаемыхъ документовъ и первоначальную оцѣнку ихъ пригодности, какъ источника для исторіи того или другаго вопроса. За ученое изслѣдованіе самаго вопроса г. Зерцаловъ не берется, оставаясь въ роли только издателя и комментатора. Нельзя, конечно, не благодарить г. Зерцалова за ту энергію, съ какою онъ отыскиваетъ документы; но нельзя не отмѣтить, что онъ не всегда достаточно цѣнитъ интересъ и значеніе документа, попадающаго въ его руки. Благодаря послѣднему обстоятельству, изданія г. Зерцалова заключаютъ въ себѣ, рядомъ съ памятниками значительнаго интереса, не мало и такого

---

[1]) Перечисляя труды г. Зерцалова, не касаемся его критическихъ статей; о нихъ см. «Памятную книжку Моск. архива мин. юст.» М. 1890, стр. 227.

НѢЧТО О ЗЕМСКИХЪ „СКАЗКАХЪ" 1662 ГОДА [1].

(1891).

Съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ управленія Московскимъ архивомъ министерства юстиціи сталъ Н. А. Поповъ, замѣтно большое оживленіе въ работахъ по описанію, изданію и изслѣдованію богатствъ этого архива. Производятся эти работы служебнымъ персоналомъ архива; ведутся онѣ весьма энергично, съ полнымъ знаніемъ дѣла, съ извѣстною системою, благодаря чему послѣднія книжки «Описанія документовъ и бумагъ» архива пріобрѣтаютъ несомнѣнное научное значеніе и не малый интересъ. Имена участниковъ этого изданія, а равно и другихъ ученыхъ дѣятелей архива, пользуются извѣстностью въ нашей исторической литературѣ, появляясь не только въ изданіяхъ самого архива, но и на страницахъ ученыхъ нашихъ журналовъ.

---

[1]) О мятежахъ въ городѣ Москвѣ и въ селѣ Коломенскомъ 1648, 1662 и 1771 гг. *А. Зерцалова.* (Чтенія въ Императорскомъ Московскомъ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1860 г. книга III). М. 1890.

любопытныя черты нравовъ того времени и свидѣтельствуютъ о ненормальностяхъ общественной жизни, позволявшихъ, напримѣръ, такому ничтожному человѣку, какъ сосланный въ Сибирь Леонтій Плещеевъ, открыто похваляться: «про меня де вѣдаетъ государь, что я *зернщикъ*»; «у меня де Москва была въ рукѣ вся, я де и боярамъ указывалъ» (186). Не Леонтій, конечно, а случайные люди первыхъ лѣтъ Алексѣева царствованія держали «въ рукѣ» Москву: Леонтій же былъ этимъ людямъ не совсѣмъ чужой человѣкъ. Для исторіи частнаго землевладѣнія въ XVII вѣкѣ не лишенъ значенія документъ, заключающій въ себѣ перечень вотчинъ Б. И. Морозова и его брата Глѣба (стр. 231—236); этотъ документъ слѣдуетъ сопоставить съ извѣстными статьями И. Е. Забѣлина о вотчинномъ хозяйствѣ Б. И. Морозова. Напрасно, однако, г. Зерцаловъ ссылается на этотъ документъ въ доказательство своего мнѣнія, что изъ ссылки «Морозовъ вернулся въ Москву не ранѣе 14-го сентября 157 г.», ибо «25-го сентября онъ получилъ изъ Помѣстнаго приказа на свои вотчины» новые документы (20). Можно, кажется, считать установленнымъ, что Морозовъ былъ вызванъ изъ Тверской вотчины 22-го октября 157 (1648) года и прибылъ въ Москву къ 29-му октября; стало быть, 25-го сентября документы получены были изъ Помѣстнаго приказа еще въ отсутствіе Морозова. При оцѣнкѣ перечисленныхъ матеріаловъ г. Зерцаловъ допускаетъ и другія неточности. Такъ, на стр. 18-й, въ примѣчаніи 80, число приказовъ, существовавшихъ въ 1648 году, безо всякой оговорки онъ ограничиваетъ цифрою 24; на стр. 19-й общеземское челобитье

матеріала, о которомъ нельзя даже сказать, на что̀ онъ можетъ пригодиться при изученіи вопроса, занимающаго г. Зерцалова. Такой малопригодный баластъ особенно великъ въ послѣднемъ изданіи г. Зерцалова «О мятежахъ въ городѣ Москвѣ и въ селѣ Коломенскомъ».

Изданіе это состоитъ изъ трехъ, совершенно другъ отъ друга независимыхъ отдѣловъ. Въ первомъ, послѣ введенія, помѣщены документы, относящіеся къ исторіи московскихъ волненій 1648 года. На первомъ мѣстѣ (стр. 29—116) напечатаны многочисленныя выписки изъ приходорасходной книги Патріаршаго казеннаго приказа за 7156—7159 годы. Эти выписки могутъ служить лучшимъ подтвержденіемъ только что сказанныхъ нами словъ о недостаткѣ строгаго выбора документовъ въ изданіи г. Зерцалова. Разъ книга Патріаршаго приказа напечатана не цѣликомъ,—она не можетъ служить съ пользою для изученія патріаршаго хозяйства; но она не касается и исторіи бунта 1648 г., такъ какъ къ бунту никакого отношенія не имѣетъ, кромѣ развѣ того, что упоминаетъ имена лицъ, извѣстныхъ по обстоятельствамъ бунта. Не бо̀льшее значеніе для исторіи волненій можетъ имѣть и роспись жильцовъ, ходившихъ «въ походы» съ царемъ Алексѣемъ въ 1647—1648 годахъ (стр. 207—219); въ ней, кстати сказать, какъ разъ нѣтъ упоминаній о томъ майскомъ походѣ царя въ Троицкій монастырь, за которымъ послѣдовалъ бунтъ. Любопытнѣе другіе документы — сыскныя дѣла о Л. Плещеевѣ и Скобельцыныхъ (стр. 116—192), о князѣ Юсуповѣ и его людяхъ (192—207), о безпорядкахъ на Покровской улицѣ въ Москвѣ и т. д. (223—231). Эти дѣла рисуютъ намъ

любопытныя черты нравовъ того времени и свидѣтельствуютъ о ненормальностяхъ общественной жизни, позволявшихъ, напримѣръ, такому ничтожному человѣку, какъ сосланный въ Сибирь Леонтій Плещеевъ, открыто похваляться: «про меня де вѣдаетъ государь, что я *зернщикъ*»; «у меня де Москва была въ рукѣ вся, я де и боярамъ указывалъ» (186). Не Леонтій, конечно, а случайные люди первыхъ лѣтъ Алексѣева царствованія держали «въ рукѣ» Москву: Леонтій же былъ этимъ людямъ не совсѣмъ чужой человѣкъ. Для исторіи частнаго землевладѣнія въ XVII вѣкѣ не лишенъ значенія документъ, заключающій въ себѣ перечень вотчинъ Б. И. Морозова и его брата Глѣба (стр. 231—236); этотъ документъ слѣдуетъ сопоставить съ извѣстными статьями И. Е. Забѣлина о вотчинномъ хозяйствѣ Б. И. Морозова. Напрасно, однако, г. Зерцаловъ ссылается на этотъ документъ въ доказательство своего мнѣнія, что изъ ссылки «Морозовъ вернулся въ Москву не ранѣе 14-го сентября 157 г.», ибо «25-го сентября онъ получилъ изъ Помѣстнаго приказа на свои вотчины» новые документы (20). Можно, кажется, считать установленнымъ, что Морозовъ былъ вызванъ изъ Тверской вотчины 22-го октября 157 (1648) года и прибылъ въ Москву къ 29-му октября; стало быть, 25-го сентября документы получены были изъ Помѣстнаго приказа еще въ отсутствіе Морозова. При оцѣнкѣ перечисленныхъ матеріаловъ г. Зерцаловъ допускаетъ и другія неточности. Такъ, на стр. 18-й, въ примѣчаніи 80, число приказовъ, существовавшихъ въ 1648 году, безо всякой оговорки онъ ограничиваетъ цифрою 24; на стр. 19-й общеземское челобитье

о реформѣ посадскаго устройства онъ выдаетъ за челобитье московскихъ жителей.

Несравненно бо́льшее историческое значеніе могутъ имѣть документы, собранные г. Зерцаловымъ для объясненія бунта 1662 года и изданные имъ, къ сожалѣнію, безъ всякихъ сколько-нибудь вразумительныхъ легендъ. Въ томъ порядкѣ, какой принятъ издателемъ въ размѣщеніи документовъ, мы прежде всего знакомимся съ подлинными «сказками» торговыхъ людей г. Москвы, составленными по поводу финансоваго кризиса 50—60-хъ годовъ XVII вѣка. По желанію правительства, торговыя московскія корпораціи въ 1662—1663 годахъ «подавали и сказывали многія сказки о пополненіи серебра», точнѣе, о мѣрахъ, которыми можно было бы поправить дурныя послѣдствія правительственной операціи съ мѣдными деньгами. Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ проектированныхъ московскимъ купечествомъ мѣропріятій. Десять «сказокъ», напечатанныхъ г. Зерцаловымъ, заслуживаютъ спеціальной оцѣнки какъ потому, что характеризуютъ взгляды московскихъ людей на задачи и средства экономической политики, такъ и потому, что даютъ любопытныя свѣдѣнія о фактической сторонѣ кризиса, дошедшаго въ тотъ моментъ до своего апогея. Очень любопытна одна частность въ этихъ сказкахъ московскихъ людей; она вноситъ новую и при томъ драгоцѣнную черту въ исторію древне-русскаго представительства. Въ февралѣ 1662 г. люди Кадашевской слободы, въ апрѣлѣ гости и люди гостиной и суконной сотенъ, въ маѣ люди черныхъ сотенъ и слободъ — предлагаютъ правительству, въ числѣ мѣръ къ пресѣченію кризиса, собрать земскій соборъ вмѣсто того,

чтобы обсуждать положеніе дѣла съ однимъ московскимъ купечествомъ. «А о семъ великаго государя милости просимъ, — говорятъ кадашевцы, — чтобъ великій государь изволилъ взять сказки у городовыхъ земскихъ людей, что то дѣло всего его великаго государства» (стр. 250). Гости и гостиной сотни торговые люди выражаются еще опредѣленнѣе: «о томъ мы нынѣ одни сказать подлинно недоумѣемся для того, что то дѣло всего государства всѣхъ городовъ и всѣхъ чиновъ, и о томъ у великаго государя милости просимъ, чтобъ пожаловалъ великій государь, указалъ для того дѣла взять изо всѣхъ чиновъ на Москвѣ и изъ городовъ лутчихъ людей по 5 человѣкъ; а безъ нихъ намъ однимъ того великаго дѣла на мѣрѣ поставить не возможно» (260). Люди суконной сотни ограничиваются краткимъ заявленіемъ: «а о мѣдныхъ деньгахъ сказать и ихъ на мѣрѣ поставить, что имъ быть, или перемѣнить, о томъ не домыслимся, что то дѣло великое всего государства всей земли» (264). Люди же черныхъ сотенъ и слободъ даютъ своему заявленію форму, довольно близкую къ формѣ заявленія гостей: «о томъ великаго государя милости просимъ, чтобъ великій государь указалъ взять изо всякихъ чиновъ и изъ городовъ лутчихъ людей, а безъ городовыхъ людей о мѣдныхъ деньгахъ сказать не умѣть потому, что то дѣло всего государства и всѣхъ городовъ и всякихъ чиновъ людей» (265). Почти девять лѣтъ прошло со времени послѣдняго земскаго собора 1653 года; правительство, видимо, отказывалось отъ прежней своей практики частыхъ соборныхъ совѣщаній; но земщина еще помнила эту практику,

считала ее лучшимъ средствомъ «на мѣрѣ поставить» важное дѣло и просила возвращенія къ старинѣ. Эта просьба земскихъ людей, оставшаяся безъ удовлетворенія, является еще однимъ лишнимъ свидѣтельствомъ противъ стараго мнѣнія, что земскіе соборы сами собою склонились къ упадку, обратясь въ лишенную реальнаго смысла формальность.

За «сказками» московскихъ людей помѣщено нѣсколько мелкихъ документовъ, касающихся исторіи того же финансоваго кризиса[1]), а затѣмъ слѣдуетъ полное сыскное дѣло о бунтѣ 1662 года (295—362). Оно съ мелочною подробностью вскрываетъ передъ читателемъ весь ходъ волненія, всѣхъ его коноводовъ и участниковъ. Для возстановленія фактовъ мятежа документъ г. Зерцалова будетъ, безспорно, первымъ, важнѣйшимъ источникомъ.

Не буду останавливаться на третьемъ отдѣлѣ изданія г. Зерцалова: здѣсь помѣщены бумаги, извлеченныя изъ слѣдственнаго производства по поводу московскаго бунта 1771 года. Онѣ даютъ полный перечень лицъ, попавшихъ подъ слѣдствіе, а также сообщаютъ и кое-какія данныя о ходѣ самаго бунта.

Все сказанное, надѣюсь, можетъ дать читателю основаніе судить благосклонно о характерѣ и пригод-

---

[1]) Въ нихъ есть не лишенное значенія свидѣтельство, что еще въ 1662 году Касимовскіе посадскіе люди «живутъ... за Касимовскимъ царевичемъ Васильемъ Араслановичемъ, и таможенные доходы сбираются... на него-жъ»; при этомъ посадскіе люди названы «крестьянами» царевича (стр. 282). Фактомъ этимъ можно, кажется, пополнить списокъ «кормленій» XVII вѣка, помѣщенный у *А. С. Лаппо-Данилевскаго* (Организація прям. обл., 511).

ности труда г. Зерцалова. Новый сборникъ почтеннаго собирателя не будетъ обойденъ ни однимъ изслѣдователемъ общественной исторіи XVII (преимущественно) вѣка. Лепта, вносимая г. Зерцаловымъ въ сокровищницу нашей археографіи, заслуживаетъ признанія и благодарности.

КАКЪ ВОЗНИКЛИ ЧЕТИ?

Къ вопросу о происхожденіи Московскихъ приказовъ-четвертей.

(1892).

Въ послѣднее время вопросъ о «четвертяхъ» сталъ на очередь въ спеціальной литературѣ. Въ трудахъ молодыхъ ученыхъ П. Н. Милюкова, С. М. Середонина и В. Н. Сторожева, вмѣстѣ съ пересмотромъ старыхъ данныхъ и мнѣній по вопросу, сдѣланы были попытки и новыхъ толкованій. Эти новыя толкованія, представленныя, съ одной стороны, гг. Милюковымъ и Сторожевымъ, съ другой — г. Середонинымъ, уничтожаютъ старыя теоріи о происхожденіи и значеніи «четвертей» и въ то же время строятъ на ихъ мѣсто совершенно разнорѣчивыя предположенія. Тому, кто сопоставитъ одно съ другимъ эти предположенія, становится ясно, что каждое изъ нихъ имѣетъ свои слабыя стороны и цѣликомъ не можетъ быть принято. Вопросъ, такимъ образомъ, ими не разрѣшается, и причиною этого слѣдуетъ считать не что иное, какъ недостатокъ фактическихъ данныхъ, на которыхъ приходится строить ту или другую теорію.

Въ самомъ дѣлѣ, официальные документы, сохранившіеся отъ конца XVI вѣка, ничего опредѣленнаго не говорятъ ни о томъ, *какъ* возникли чети, ни о томъ, *отчего* и *для чего* онѣ возникли. Довольно неожиданно, и на первый взглядъ необъяснимо, рядомъ съ Большимъ Дворцомъ и Большимъ Приходомъ, сбиравшими дворцовые и государственные доходы, во второй половинѣ XVI вѣка становятся замѣтны нѣсколько четей, дьячихъ канцелярій, точно также сбиравшихъ доходы. Что̀ могло въ XVI вѣкѣ вызвать необходимость въ подобномъ дробленіи государственной кассы, въ такомъ безпорядочномъ на первый взглядъ нагроможденіи финансовыхъ учрежденій? Или же это дробленіе было наслѣдіемъ еще удѣльныхъ временъ, наслѣдіемъ, не замѣтнымъ для насъ въ первой половинѣ XVI вѣка и оставившимъ слѣдъ въ документахъ только съ семидесятыхъ годовъ этого столѣтія?

До недавняго времени господствовало именно послѣднее предположеніе, что многочисленность кассъ создалась въ Москвѣ, какъ результатъ постепеннаго присоединенія удѣловъ; для управленія вновь присоединенною областію создавалась, будто бы, «областная четь», которая мало по малу получала значеніе преимущественно финансоваго учрежденія, такъ какъ имѣла дѣло съ податными слоями областнаго населенія. Позднѣйшими представителями этого взгляда можно считать М. Ф. Владимірскаго-Буданова [1]) и

---

[1]) Обзоръ исторіи русскаго права, изданіе 1886 года, I, стр. 156—157.

А. С. Лаппо-Данилевскаго [1]). Съ большимъ основаніемъ противъ такого пониманія дѣла выступилъ П. Н. Милюковъ [2]). Онъ стремится доказать, что чети были не архаизмомъ въ слагавшейся системѣ московскаго управленія, а напротивъ, новинкою, вызванною къ жизни отвлеченными административными соображеніями, постепеннымъ раздѣленіемъ доходовъ на дворцовые и государственные, и затѣмъ этихъ послѣднихъ — на общегосударственные и мѣстные. По словамъ г. Милюкова, «Московскій Большой Дворецъ первоначально одинъ вѣдаетъ всѣ доходы Московскаго государства. Къ послѣдней четверти XVI вѣка, однако, находимъ доходы государственные уже выдѣленными изъ доходовъ дворцовыхъ; вмѣстѣ съ ними выдѣляется и Дворцовый Большой Приходъ. Затѣмъ въ теченіе послѣдней четверти столѣтія происходитъ дальнѣйшее раздѣленіе государственныхъ доходовъ на

---

[1]) Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ. Спб. 1890, стр. 453—455 (и далѣе).

[2]) Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII вѣка. Спб. 1892 (изъ *Журн. М. Н. Пр.*), глава I, § 2, и глава V, § 22. Здѣсь изложена исторія самаго вопроса о четвертяхъ. *В. Н. Сторожевъ* не безъ основанія замѣтилъ, что мнѣніе Милюкова находится «въ тѣсной связи съ мнѣніемъ А. Лохвицкаго» (*Журн. М. Н. Пр.*, 1892, январь, стр. 195; сравн. у г. *Милюкова* стр. 38). Мы бы прибавили, что къ своимъ выводамъ г. Милюковъ приведенъ былъ и соображеніями чисто теоретическаго свойства: въ исторіи московской финансовой администраціи онъ склоненъ наблюдать «эволюцію финансоваго управленія: выдѣленіе изъ Дворца—Большаго Прихода и раздѣленіе послѣдняго на чети» (сравн. стр. 34 и Оглавленіе); эта эволюціонная теорія поддерживалась, въ глазахъ изслѣдователя, и показаніемъ Маржерета о подчиненіи четей Большому Приходу.

спеціальные общегосударственные—продуктъ новыхъ государственныхъ потребностей — и отчасти изстари сложившіеся, отчасти вновь переведенные на деньги, или вновь обращенные на государственное употребленіе мѣстные доходы; и опять соотвѣтственно этому раздѣленію выдѣляются изъ Большаго Прихода областные приказы, долго сохраняющіе связь съ Большимъ Приходомъ, какъ и самъ Большой приходъ сохраняетъ продолжительную связь съ Большимъ Дворцомъ» [1]).

Этой теоріи г. Милюкова можно сдѣлать такой же упрекъ, какой г. Милюковъ дѣлаетъ А. Д. Градовскому за его изображеніе четей—въ излишнемъ схематизмѣ. Очень трудно убѣдиться въ томъ, напримѣръ, къ чему г. Милюкова привели его апріорныя точки зрѣнія,—въ первоначальномъ тожествѣ Большаго Прихода, Четвертнаго приказа (и просто Четверти) и Дворца, къ тому же еще въ годы сравнительно поздніе (1581—1583 гг.), тогда какъ самъ же г. Милюковъ готовъ въ другомъ мѣстѣ признать, что выдѣленіе четей изъ Большого Прихода (не только этого послѣдняго изъ Дворца) обозначилось уже *къ* послѣдней *трети* или четверти XVI вѣка [2]). Самъ г. Милюковъ не скрываетъ, хотя и представляетъ кажущимся, то противорѣчіе, въ какомъ стоятъ двѣ группы фактовъ, собранныхъ имъ одна для доказательства тожества доходовъ «четвертныхъ» и «Большаго Прихода», другая—для доказательства ихъ различія [3]). Съ другой стороны, по изложенію г. Милю-

[1]) *П. Н. Милюковъ,* стр. 34.

[2]) Ibidem, 26—27, 29 и 300.

[3]) Ibidem, 28.

кова, учрежденіе четвертей какъ будто не имѣло иной цѣли, кромѣ той, чтобы раздѣлить кассы поступленій общегосударственныхъ и мѣстныхъ; по крайней мѣрѣ, болѣе практическихъ соображеній для этого учрежденія не указывается. Но можно ли предполагать, чтобы московское правительство руководилось такого рода теоретическими побужденіями въ созданіи вѣдомствъ? Могли ли въ то время существовать и двигать практическими мѣропріятіями такія отвлеченныя представленія о принципахъ и задачахъ устройства финансоваго управленія? Была ли, наконецъ, дѣйствительная потребность въ томъ, чтобы вмѣсто одной кассы создать ихъ нѣсколько, и если была, то въ какой формѣ выразилась на дѣлѣ?

Одновременно съ г. Милюковымъ вопроса о четяхъ коснулся и С. М. Середонинъ, представивъ свои догадки о происхожденіи этихъ учрежденій при разборѣ показаній о нихъ Флетчера[1]). Гипотеза г. Середонина, сравнительно съ представленіями г. Милюкова, болѣе исторична. Г. Середонинъ начинаетъ съ опредѣленнаго момента и факта: «по уничтоженіи намѣстниковъ во многихъ волостяхъ,—говоритъ онъ,—и вслѣдъ за введеніемъ тамъ самоуправленія кругъ дѣйствій центральныхъ учрежденій расширяется, что понятно само собою, разъ уничтожена была инстанція, черезъ которую до сихъ поръ правительство сносилось съ областнымъ населеніемъ» [2]). Мѣсто этой упраздненной

---

[1]) Сочиненіе Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth», какъ историческій источникъ. Спб. 1891, глава IV, §§ 1 и 3.

[2]) *С. М. Середонинъ*, стр. 261. Едва ли не подъ вліяніемъ книги *Ѳ. М. Дмитріева* («Исторія судебныхъ инстанцій») при-

инстанціи заняли въ центральномъ управленіи не учрежденія, а лица: казначеи и дьяки. Въ первый разъ въ опричнинѣ эти лица сомкнулись въ учрежденіе, которое должно было управлять изъятыми изъ земщины городами и волостями. «Тогда (говоритъ г. Середонинъ) скоро послѣ 1566 года и возникъ въ Москвѣ Дворовый или Дворцовый Четвертной приказъ, Четверть, вѣдавшая всѣ опричные города и волости... Дьяки, сидѣвшіе въ этомъ приказѣ, вѣдавшіе доходы на царя, завѣдывали каждый извѣстными областями». По уничтоженіи опричнины это учрежденіе, возвращенное съ своимъ вѣдомствомъ въ государство, потеряло единство, распалось на нѣсколько дьячихъ канцелярій соотвѣтственно числу дьяковъ Четвертнаго приказа; вмѣсто этого приказа или одной Четверти стало нѣсколько четвертей. Прежде Четверть въ опричнинѣ содержала на свои доходы опричниковъ, теперь четверти, возвратясь въ государство, содержатъ вообще служилыхъ людей, «четвертчиковъ». Послѣ столькихъ пертурбацій вѣдомство каждой изъ этихъ четей не могло сразу опредѣлиться и устояться, чѣмъ и объясняются перемѣны въ этихъ вѣдомствахъ, происходившія непрерывно до самаго конца XVI вѣка.

Главное достоинство этой схемы въ томъ, что въ ней вѣрно и очень чутко взята исходная точка — въ административныхъ реформахъ Грознаго. Слабая же сторона схемы заключается въ томъ, что опричнина,

---

шелъ г. Середонинъ къ выбору этой исходной точки для своего разсужденія (см. стр. 264 у г. *Середонина*, стр. 120 и слѣд. — у г. *Дмитріева*).

КАКЪ ВОЗНИКЛИ ЧЕТИ?

Къ вопросу о происхожденіи Московскихъ приказовъ-четвертей.

(1892).

Въ послѣднее время вопросъ о «четвертяхъ» сталъ на очередь въ спеціальной литературѣ. Въ трудахъ молодыхъ ученыхъ П. Н. Милюкова, С. М. Середонина и В. Н. Сторожева, вмѣстѣ съ пересмотромъ старыхъ данныхъ и мнѣній по вопросу, сдѣланы были попытки и новыхъ толкованій. Эти новыя толкованія, представленныя, съ одной стороны, гг. Милюковымъ и Сторожевымъ, съ другой — г. Середонинымъ, уничтожаютъ старыя теоріи о происхожденіи и значеніи «четвертей» и въ то же время строятъ на ихъ мѣсто совершенно разнорѣчивыя предположенія. Тому, кто сопоставитъ одно съ другимъ эти предположенія, становится ясно, что каждое изъ нихъ имѣетъ свои слабыя стороны и цѣликомъ не можетъ быть принято. Вопросъ, такимъ образомъ, ими не разрѣшается, и причиною этого слѣдуетъ считать не что иное, какъ недостатокъ фактическихъ данныхъ, на которыхъ приходится строить ту или другую теорію.

Въ самомъ дѣлѣ, есть возможность нѣкоторыми соображеніями подтвердить правильность исходнаго пункта разсужденій г. Середонина; надобно только видоизмѣнить вопросъ, чтобы поставить это разсужденіе на болѣе правильный путь. Г. Середонинъ, какъ и г. Милюковъ, старался уловить *причину появленія* Четвертнаго приказа или четей; легче, намъ кажется, опредѣлить *цѣль учрежденія* ихъ. Она въ XVI вѣкѣ довольна ясна. Назначеніе четей—содержать извѣстное число служилыхъ людей годовымъ жалованьемъ изъ фонда, образуемаго путемъ взноса извѣстныхъ податныхъ платежей непосредственно въ четверти подлежащими податному обложенію лицами и общинами. Такимъ образомъ, у изучаемыхъ нами учрежденій—какъ бы двѣ стороны; одна обращена къ служилымъ людямъ: четь выплачиваетъ имъ «годовыя деньги», «годовой оброкъ»; другая обращена къ податному населенію; четь взимаетъ съ него «четвертные доходы». Совершенно основательно замѣтилъ Н. Д. Чечулинъ и подтвердили гг. Милюковъ и Середонинъ [1]), что въ чети шли доходы, имѣвшіе мѣстный характеръ, тогда какъ въ Большой Приходъ — доходы общегосударственные; въ чети въ XVI вѣкѣ направлялись всего чаще разные виды «оброчныхъ» денегъ, за «намѣстничъ доходъ и за присудъ оброкъ и пошлины», «за посельничъ доходъ» и т. д. Въ то же самое время оклады, которые давались изъ четвертей служилымъ людямъ, также носили, какъ сейчасъ указано, назва-

---

[1]) *Чечулинъ,* Города Московскаго государства въ XVI в., стр. 186—187.—*Милюковъ*, Госуд. хозяйство Россіи, стр. 27.—*Середонинъ*, Сочиненіе Дж. Флетчера, стр. 307 и др.

А. С. Лаппо-Данилевскаго [1]). Съ большимъ основаніемъ противъ такого пониманія дѣла выступилъ П. Н. Милюковъ [2]). Онъ стремится доказать, что чети были не архаизмомъ въ слагавшейся системѣ московскаго управленія, а напротивъ, новинкою, вызванною къ жизни отвлеченными административными соображеніями, постепеннымъ раздѣленіемъ доходовъ на дворцовые и государственные, и затѣмъ этихъ послѣднихъ — на общегосударственные и мѣстные. По словамъ г. Милюкова, «Московскій Большой Дворецъ первоначально одинъ вѣдаетъ всѣ доходы Московскаго государства. Къ послѣдней четверти XVI вѣка, однако, находимъ доходы государственные уже выдѣленными изъ доходовъ дворцовыхъ; вмѣстѣ съ ними выдѣляется и Дворцовый Большой Приходъ. Затѣмъ въ теченіе послѣдней четверти столѣтія происходитъ дальнѣйшее раздѣленіе государственныхъ доходовъ на

---

[1]) Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ. Спб. 1890, стр. 453—455 (и далѣе).

[2]) Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII вѣка. Спб. 1892 (изъ *Журн. М. Н. Пр.*), глава I, § 2, и глава V, § 22. Здѣсь изложена исторія самаго вопроса о четвертяхъ. *В. Н. Сторожевъ* не безъ основанія замѣтилъ, что мнѣніе . Милюкова находится «въ тѣсной связи съ мнѣніемъ А. Лохвицкаго» (*Журн. М. Н. Пр.*, 1892, январь, стр. 195; сравн. у г. *Милюкова* стр. 38). Мы бы прибавили, что къ своимъ выводамъ г. Милюковъ приведенъ былъ и соображеніями чисто теоретическаго свойства: въ исторіи московской финансовой администраціи онъ склоненъ наблюдать «эволюцію финансоваго управленія: выдѣленіе изъ Дворца—Большаго Прихода и раздѣленіе послѣдняго на чети» (сравн. стр. 34 и Оглавленіе); эта эволюціонная теорія поддерживалась, въ глазахъ изслѣдователя, и показаніемъ Маржерета о подчиненіи четей Большому Приходу.

ные доходы», сбирающіе ихъ дьяки—«четвертные дьяки», «бояре и вельможи и всѣ воины»—«четвертчики», которые получили право на новое «кормленіе», на «праведные уроки», то-есть, на годовой оброкъ изъ чети; наконецъ, «городовые» служилые люди—тѣ, которые жалованье «емлютъ съ городомъ» не каждый годъ [1]).

Изложенными соображеніями, какъ кажется, совершенно разъясняется вопросъ о томъ, *почему* и *для чего* возникли чети. Становится понятенъ спеціальный характеръ поступленій, шедшихъ въ четь, понятно и ихъ спеціальное назначеніе, о которомъ узнаемъ изъ десятенъ и другихъ документовъ. Г. Середонину нельзя, такимъ образомъ, отказать въ большой чуткости и прозорливости, дозволившей ему вѣрно опредѣлить тотъ моментъ и тотъ фактъ, отъ которыхъ дѣйствительно слѣдуетъ вести исторію интересующихъ насъ учрежденій. Но изложенныя соображенія все-таки не разрѣшаютъ недоумѣній, связанныхъ съ вопросомъ, *какъ* возникли чети, то-есть, какую форму онѣ получили первоначально и какое мѣсто заняли въ московской административной іерархіи. Никоновская лѣтопись говоритъ, что царь велѣлъ «тѣ оброки збирати къ царскимъ казнамъ своимъ дьякомъ», и на основаніи этого извѣстія можно думать, что въ первый же мо-

---

[1]) Значеніе уложенія 7064 года и (отчасти) смыслъ изложенныхъ здѣсь обстоятельствъ раскрыты въ трудѣ *В. О. Ключевскаго* «Составъ представительства на земскихъ соборахъ» *(Русская Мысль*, 1892, январь, стр. 155 и слѣд., особенно стр. 158 и 160). Нѣсколько поздній, но очень краснорѣчивый примѣръ прямой связи установленія четвертныхъ сборовъ съ фактомъ уничтоженія намѣстничья управленія находится въ Русск. Ист. Библ., II, № 39, ст. 46—47.

ніемъ, учрежденіе четвертей имѣло будто не никакой иной цѣли, кромѣ той, чтобы разбивать массы поступленій общегосударственныхъ и мѣстныхъ; по крайней мѣрѣ, болѣе практическихъ соображеній для этого учрежденія не указывается. Но можно ли предполагать, чтобы московское правительство руководилось такого рода теоретическими побужденіями въ созданіи вѣдомствъ? Могли ли въ то время существовать и двигать практическими мѣропріятіями такія отвлеченныя представленія о принципахъ и задачахъ устройства финансоваго управленія? Была ли, наконецъ, дѣйствительная потребность въ томъ, чтобы вмѣсто одной массы создать изъ нѣсколько, и если была, то въ какой формѣ выразилась на дѣлѣ?

Одновременно съ г. Милюковымъ вопроса о четвертяхъ коснулся и С. М. Середонинъ, представивъ свои догадки о происхожденіи этихъ учрежденій при разборѣ показаній о нихъ Флетчера [1]. Гипотеза г. Середонина, сравнительно съ представленіями г. Милюкова, болѣе исторична. Г. Середонинъ начинаетъ съ опредѣленнаго момента и факта: «до уничтоженія намѣстничествъ во многихъ волостяхъ,—говоритъ онъ,—и вслѣдъ за введеніемъ тамъ самоуправленія кругъ дѣйствій центральныхъ учрежденій расширяется, что понятно само собою, разъ уничтожена была инстанція, черезъ которую до сихъ поръ правительство сносилось съ областнымъ населеніемъ» [2]. Вмѣсто этой упраздненной

[1] Сочиненіе Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth», какъ историческій источникъ. Спб. 1891, глава IV, §§ 1 и 3.

[2] *С. М. Середонинъ*, стр. 311. Едва ли не здѣсь вліяніемъ книги *Ө. М. Дмитріева* («Исторія судебныхъ инстанцій») при-

стырскія власти просили государя, чтобы съ помянутыхъ Золотицкихъ дворовъ и угодій «имъ тѣ *оброчные деньги* и иные пошлины велѣти въ нашу казну платити имъ самимъ на Москвѣ въ *Четвертной приказъ*.... а привозити имъ тѣ *оброчные деньги* на Москву въ *Четверть* самимъ на срокъ на Крещенье Христово ежегодъ съ Каргопольскими данными деньгами вмѣстѣ» (стр. 546—547). Достойно замѣчанія, что жалованная грамота 1569 года исчисляетъ владѣнія Кириллова монастыря въ Каргопольскомъ уѣздѣ по показаніямъ двухъ переписей: Якова Сабурова «съ товарищи» 7064 (1556) года и Никиты Яхонтова «съ товарищи» 7070 (1562) года, при чемъ эти переписи не всегда преслѣдуютъ одинакія цѣли. Сабуровъ писалъ уѣздъ обычнымъ порядкомъ, а Яхонтовъ писалъ, кажется, однѣ оброчныя статьи; поэтому и читаемъ въ грамотѣ такія, напримѣръ, выраженія: «въ дани тѣ угодья по Яковлеву письму Сабурова и въ оброкѣ по Микитину письму Яхонтова» (стр. 508). Оброки съ промысловъ и угодій опредѣляются и по тому и по другому письму [1]), но кормленый окупъ—по письму именно Яхонтова, напримѣръ: «съ того двора по Яковлевымъ книгамъ Сабурова дани и ямскихъ де-

---

археографической коммиссіи», С.-Пб. 1882, стр. 52—54). Этимъ любопытнымъ сборникомъ копій съ царскихъ грамотъ Кириллову монастырю мы будемъ пользоваться и ниже, отмѣчая, при цитатахъ въ самомъ текстѣ, въ скобкахъ, страницы сборника.

[1]) Стр. 522: «Да въ тѣхъ же во Яковлевыхъ книгахъ Сабурова написано.... съ варничного двора и съ поженъ... у Григорья Никитина оброку двадцать пять алтынъ, а въ книгахъ письма Никиты Яхонтова съ того двора и съ поженъ написанъ тотъ же оброкъ»; также стр. 523, 524, 532.

кова, учрежденіе четвертей какъ будто не имѣло иной цѣли, кромѣ той, чтобы раздѣлить кассы поступленій общегосударственныхъ и мѣстныхъ; по крайней мѣрѣ, болѣе практическихъ соображеній для этого учрежденія не указывается. Но можно ли предполагать, чтобы московское правительство руководилось такого рода теоретическими побужденіями въ созданіи вѣдомствъ? Могли ли въ то время существовать и двигать практическими мѣропріятіями такія отвлеченныя представленія о принципахъ и задачахъ устройства финансоваго управленія? Была ли, наконецъ, дѣйствительная потребность въ томъ, чтобы вмѣсто одной кассы создать ихъ нѣсколько, и если была, то въ какой формѣ выразилась на дѣлѣ?

Одновременно съ г. Милюковымъ вопроса о четяхъ коснулся и С. М. Середонинъ, представивъ свои догадки о происхожденіи этихъ учрежденій при разборѣ показаній о нихъ Флетчера[1]). Гипотеза г. Середонина, сравнительно съ представленіями г. Милюкова, болѣе исторична. Г. Середонинъ начинаетъ съ опредѣленнаго момента и факта: «по уничтоженіи намѣстниковъ во многихъ волостяхъ,—говоритъ онъ,—и вслѣдъ за введеніемъ тамъ самоуправленія кругъ дѣйствій центральныхъ учрежденій расширяется, что понятно само собою, разъ уничтожена была инстанція, черезъ которую до сихъ поръ правительство сносилось съ областнымъ населеніемъ» [2]). Мѣсто этой упраздненной

[1]) Сочиненіе Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth», какъ историческій источникъ. Спб. 1891, глава IV, §§ 1 и 3.

[2]) *С. М. Середонинъ,* стр. 261. Едва ли не подъ вліяніемъ книги *Ѳ. М. Дмитріева* («Исторія судебныхъ инстанцій») при-

что твердо различаются и самыя учрежденія. Вотъ тому примѣръ: Въ началѣ 7085 (1576—1577) года власти Кириллова монастыря бьютъ челомъ государю: «идетъ де имъ въ Кирилловъ монастырь *на Москвѣ изъ Большого Приходу* нашего жалованья съ (sic) денежные годовые руги по 58 рублевъ и по 10 алтынъ и по 4 деньги на годъ; и намъ бы ихъ пожаловати, велѣти имъ то наше жалованье денежную ругу давати на Бѣлѣозерѣ изъ Бѣлозерскихъ доходовъ ежегодъ безпереводно; и мы..... пожаловали на нынѣшней 85 годъ дали имъ годовую ругу изъ Большого Приходу на Москвѣ,.... а впередъ пожаловали есмя, велѣли имъ давати ис своихъ *изъ Бѣлозерскихъ изъ ямскихъ* денегъ...» [1]). Ямскія деньги изъ различныхъ мѣстъ поступаютъ въ Большой Приходъ,—ими же черезъ это именно учрежденіе и распоряжается московская администрація на мѣстахъ.

Эти наблюденія и справки могутъ, какъ кажется, убѣдить въ томъ, что уже въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ XVI вѣка Большой Приходъ и Четвертной приказъ, или просто Четверть, явно различаются: это—два параллельныхъ, но не совпадающихъ учрежденія, вѣдомства которыхъ, близкія, но не тожественныя, касаются двухъ различныхъ видовъ окладныхъ доходовъ. И позже можемъ мы наблюдать такое же отсутствіе прямыхъ отношеній между изучаемыми учрежденіями.

Не было въ то же время прямой связи между Четвертью и опричниной: по крайней мѣрѣ, г. Середонинъ не нашелъ ея доказательствъ и остался при однихъ о ней догадкахъ. Мы же думаемъ, что есть дан-

[1]) Стр. 570—571.

хотя и остроумно и даже не безъ основаній, но безъ настоятельной нужды включена въ число стадій, чрезъ которыя при своемъ зарожденіи прошли чети. Оба автора, и г. Милюковъ и г. Середонинъ, какъ и слѣдовало ожидать, стали въ затрудненіи предъ тѣми «*дворовымъ* Большимъ Приходомъ» и «*дворцовымъ* Четвертнымъ приказомъ», которые вскорѣ послѣ 1580 г. появляются въ грамотахъ рядомъ просто съ Большимъ Приходомъ и просто съ Четвертнымъ приказомъ. Изъ путаницы показаній нѣсколькихъ грамотъ г. Милюковъ думалъ выйти чрезъ сближеніе «дворовыхъ» или «дворцовыхъ» учрежденій съ Большимъ Дворцомъ и чрезъ отожествленіе Большаго Прихода съ Четвертнымъ приказомъ; а г. Середонинъ подъ терминомъ «дворцовый» разумѣлъ иной смыслъ: для него «дворовое» или «дворцовое» учрежденіе значило учрежденіе въ опричнинѣ. Отсюда и явилось у г. Середонина предположеніе, что Четвертной приказъ (онъ же и «дворовый Большой Приходъ») учрежденъ былъ въ опричнинѣ и оттуда въ видѣ четвертей переданъ въ земщину. Съ этимъ врядъ ли возможно согласиться; тѣмъ не менѣе поиски г. Середонина въ опричнинѣ представляются намъ не совсѣмъ уже безосновательными: и по нашему мнѣнію, терминъ «дворовый» легче истолковать, какъ наслѣдіе опричнины, чѣмъ видѣть въ немъ признакъ зависимости четей и Большаго Прихода отъ Дворца, признакъ запоздалый, не наблюдаемый въ третьей четверти XVI вѣка и воскресшій въ послѣднюю четверть. Такимъ образомъ, предположенія г. Середонина представляются намъ болѣе, чѣмъ схема г. Милюкова, близкими къ правильному разумѣнію дѣла.

переслать ихъ (пакетомъ) «за своею печатью» къ царю; втретьихъ, наконецъ, у себя въ приказѣ, «за *своею* приписью», долженъ выписать изъ книгъ жалованную грамоту на Галичъ и тѣмъ же порядкомъ послать въ Старицу. И вотъ, на первое Щелкаловъ отвѣчаетъ государю: «что язъ, холопъ твой, въ разрядѣхъ сыскалъ, и язъ, написавъ на списокъ, *за своею приписью* послалъ къ тебѣ, государю»; на второе онъ ничего не можетъ отвѣтить, ибо Петра (Шетнева) на Москвѣ не оказалось и о явкахъ отъ него свѣдѣній нельзя было получить; на третье же у Щелкалова читаемъ вдвойнѣ для насъ любопытный отвѣтъ: «А о жалованной о Галицкой грамотѣ, какъ давана Ѳонасью Шетневу, въ которыхъ книгахъ, сыскивають *четвертные дьяки во всѣхъ четвертяхъ,* и что, государь, въ которой четверти сыщутъ, и язъ, государь, въ тотъ часъ выписавъ къ тебѣ, къ государю, пришлю» (стр. 22—24). Стало быть, въ 1576 году четвертей уже нѣсколько, и всѣ онѣ въ вѣдомствѣ Андрея Щелкалова, съ «приписью» котораго исходятъ изъ нихъ документы. Отсюда, кажется, возможенъ безспорный выводъ, что четверти существовали одновременно съ опричниной и внѣ ея, въ вѣдѣніи дьяка не двороваго, а земскаго [1]). Это вопервыхъ.

Вовторыхъ, приведенные документы 1576 года наводятъ на ту мысль, что четверти (или Четвертной приказъ) въ данномъ случаѣ подчинены Андрею Щел-

---

[1]) «Дьякъ разряду двороваго» Андрей Шерефединовъ былъ въ то время въ Старицѣ и судилъ то самое дѣло Зюзина съ Нагимъ, для котораго Андрей Щелкаловъ давалъ изъ Москвы справки (Русск. Историч. Сборникъ, V, стр. 1; сравн. *Лихачевъ*, Разрядные дьяки, по Указателю).

ніе «оброка» [1]). Можно поэтому представлять себѣ дѣло такъ, что назначеніемъ четей была передача оброчныхъ денегъ какимъ-то служилымъ людямъ, имѣвшимъ право на эти оброчныя деньги. Остается узнать, какія же это оброчныя деньги и кто имѣлъ на нихъ право; разрѣшеніе этихъ вопросовъ разрѣшитъ вопросъ и о цѣли учрежденія четей и о смыслѣ ихъ дѣятельности.

Возможенъ, намъ кажется, лишь одинъ отвѣтъ на эти вопросы: идущія въ чети оброчныя деньги «за намѣстничъ доходъ» и проч. есть не что иное, какъ «кормленый окупъ», «оброкъ», установленный уложеніемъ 7064 (1555—1556) года въ видѣ выкупа за уничтоженныя кормленья; право на этотъ «оброкъ» получили тѣ, кто ранѣе имѣлъ право на кормленье. Объ этой операціи въ Никоновской лѣтописи [2]) читаемъ любопытное мѣсто, которымъ слѣдуетъ начинать исторію четей: «На грады и на волости (велѣлъ государь) положити *оброки* по ихъ промысломъ и по землямъ и тѣ *оброки збирати* къ царскимъ казнамъ своимъ *дьякомъ*; бояръ же и велможъ и всѣхъ воиновъ устроилъ и кормленіемъ, праведными уроки, ему жъ достоитъ по отечеству и по родству, а городовыхъ въ четвертой годъ, а иныхъ въ третей годъ денежнымъ жалованьемъ». Оброки въ этой цитатѣ — будущіе «четверт-

---

[1]) Акты Московск. Государства, I, стр. 32, № 19.—Описаніе документовъ и бумагъ архива министерства юстиціи, VIII, Десятни, стр. 87, прим. 3. — *Сторожевъ*, Къ вопросу о четвертчикахъ (*Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1892 г., январь, стр. 197 и 206).

[2]) Ник. VII, 261 (также *Временникъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.*, V, отд. 2-е, стр. 96); сравн. Русск. Истор. Библ., III, стр. 256.

въ Большомъ Приходѣ или въ опричнинѣ, что оно, далѣе, не опровергается прямо ни однимъ изъ извѣстныхъ до сихъ поръ фактовъ и, наконецъ, имѣетъ за себя апріорныя соображенія. Въ самомъ дѣлѣ, четвертные доходы, по своему происхожденію и назначенію, скорѣе всего могли сосредоточиться въ Разрядѣ. Кормленщики и ихъ потомки, верхній слой служилаго люда, и службою своею, и вознагражденіемъ за нее въ видѣ административныхъ полномочій, то-есть, кормленіями, подлежали вѣдѣнію именно Разряда или, точнѣе, боярской думы, вѣдавшей ихъ черезъ Разрядъ; когда кормленія замѣнены были сборами въ Четверть, наблюденіе за сборами и четвертями всего скорѣе должно было сосредоточиться въ тѣхъ же рукахъ, въ Разрядномъ, а не другомъ приказѣ [1]).

Итакъ, въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ XVI вѣка Четвертной приказъ, или Четверть, представлялъ собою особую кассу, въ которой сосредоточивались опредѣленные сборы и вѣдались опредѣленные расходы. Эта касса была подчинена, по всей вѣроятности, Разрядному приказу. Въ восьмидесятыхъ годахъ Четвертной приказъ, распадавшійся и раньше на Четверти, теряетъ окончательно свое единство, потому что выходитъ изъ вѣдомства одного разряднаго думнаго дьяка и поступаетъ въ вѣдѣніе нѣсколькихъ

---

[1]) Не считаемъ нужнымъ распространяться о томъ, что Разрядъ принималъ участіе въ назначеніи денежнаго жалованья служилымъ людямъ; см., напримѣръ, Акты Моск. Госуд., I, №№ 21, 123, 124, и статью о четвертчикахъ *В. Н. Сторожева*, (*Журн. М. Н. Пр.* 1892, январь, стр. 202—204).

ментъ своего существованія четь стала дьячьею канцеляріею. Г. Милюковъ полагаетъ, что эту дьячью канцелярію (или нѣсколько такихъ канцелярій) слѣдуетъ искать внутри Большаго Прихода, а г. Середонинъ помѣщаетъ ее въ опричнинѣ. Оба они стоятъ на почвѣ догадокъ, а не твердыхъ выводовъ, и этимъ догадкамъ, кажется, нельзя дать полной вѣры въ виду слѣдующихъ соображеній.

Появленіе Четвертнаго приказа, или «Четверти», обусловленное появленіемъ «кормленаго окупа», наблюдается нѣсколькими годами позднѣе административной реформы 1555 года. Кормленый окупъ первоначально распредѣлялся между дьяками различныхъ приказовъ: онъ шелъ, напримѣръ, дьякамъ Большаго Дворца и Помѣстнаго приказа (въ 1555—1556 гг.)[1]). Впервые «Четвертной приказъ» упоминается не въ 1582 году и не въ 1576 году, какъ думали, а уже въ 1569 году—и сразу съ очень опредѣленнымъ характеромъ учрежденія, вѣдающаго спеціальные сборы: «съ Поморскихъ съ Пушлахотцкихъ и съ Золотицкихъ дворовъ и съ поженъ и съ мельницъ и съ рыбныхъ ловель и со всякихъ угодей давати имъ въ нашу казну въ *Четвертной приказъ* дань и оброкъ по книгамъ писцовъ нашихъ Якова Сабурова и Никиты Яхонтова»,—читаемъ въ царской жалованной грамотѣ Кириллову монастырю отъ 26-го августа 7077 (1569) года[2]). Чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1574 году, мона-

---

[1]) А. А. Э. I, № 243; сравн. А. И. I, № 165 (стр. 318); А. А. Э. I, № 250; *Лихачевъ,* Разрядные дьяки XVI вѣка, 271—272 (о дьякѣ Угримѣ Львовѣ), 262—263 (о дьякѣ Путилѣ Нечаевѣ).

[2]) Рукопись археографической коммиссіи № 112, стр. 533 Описаніе рукописи см. въ трудѣ *Н. П. Барсукова* «Рукописи

вертной приказъ) уже существуютъ и совершенно ясны въ своихъ функціяхъ; такимъ образомъ, считать «Дворцовый Четвертной приказъ» ихъ родоначальникомъ совершенно нельзя. Далѣе, названіе «дворовый» или «дворцовый» въ данномъ случаѣ рискованно толковать, какъ знакъ принадлежности учрежденія къ вѣдомству дворецкаго, то-есть, къ Большому Дворцу. Навѣрное правъ г. Середонинъ, понимающій дѣло такъ, что терминомъ «дворовый» обозначалась принадлежность къ «двору», замѣнившему «опричнину»[1]). Въ самомъ дѣлѣ, по вѣрному замѣчанію г. Середонина, «дворовыя» учрежденія встрѣчаются только въ послѣдніе годы Грознаго, «когда дворъ едва ли не замѣнилъ опричнины»[2]). Можно думать по нѣкоторымъ соображеніямъ, что эта замѣна произошла около 1576 года; по крайней мѣрѣ уже въ началѣ 1577 года встрѣчаемъ опредѣленное указаніе на «дворовые города» въ царской грамотѣ Кириллову монастырю (9-го марта). По словамъ этого документа, у монастырскихъ властей была тарханная грамота на вотчины «въ дворовыхъ городѣхъ», и эту грамоту царь подтверждаетъ[3]), перечисляя «дворовые города» въ такихъ выраженіяхъ: «на Вологдѣ и въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ Пошехоньѣ и въ Пошехонскомъ уѣздѣ, въ Ростовѣ и въ Ростовскомъ уѣздѣ, въ Дмитровѣ и въ Дмитровскомъ

---

[1]) *Середонинъ*, стр. 255.

[2]) А. А. Э., I, примѣчаніе 63; *Соловьевъ*, Исторія Россіи, VI, изд. 1877 г., стр. 210—211 и примѣч. 95. У г. *Середонина* сравн. стр. 81—82 и 252; намъ кажется, авторъ близокъ здѣсь къ противорѣчію съ самимъ собою; то признаетъ *уничтоженіе* опричнины въ 1576 г., то вѣритъ въ *замѣну* ея «дворомъ».

[3]) Сравн. *Середонинъ*, стр. 80—81.

негъ, и за городовые и за засѣчные, и за емчужное дѣло и всякихъ пошлинъ и пищалныхъ денегъ на годъ три алтыны и полтретьи деньги; а по Никитинымъ книгамъ Яхонтова за намѣстничь доходъ и за присудъ оброку и пошлинъ двѣнадцать алтынъ съ деньгою; всего пятнадцать алтынъ и по(л)четверты деньги» [1]). Это обстоятельство позволяетъ построить предположеніе, что Яхонтовъ былъ посланъ въ 1562 г. въ Поморскіе города именно для опредѣленія размѣра четвертныхъ сборовъ, которые потомъ и были направлены въ спеціальное учрежденіе, въ особый Четвертной приказъ. Замѣтимъ, что въ тѣ же самые годы тотъ же самый плательщикъ, то-есть Кирилловъ монастырь, имѣетъ дѣло и съ Большимъ Приходомъ, которому въ 1564, 1568, 1576 годахъ платитъ неизмѣнно однѣ и тѣ же «ямскіе и приметные деньги, и за городовые и за засѣчные, и за емчужное дѣло» [2]). Различеніе платежей, идущихъ въ Четверть и Большой Приходъ, проводится въ документахъ весьма отчетливо,—знакъ,

---

[1]) Стр. 520; сравн. стр. 520—521, 525. Исключеніе составляютъ слова на стр. 526—527: «Да въ Яковлевыхъ же книгахъ Сабурова написано: въ Золотицѣ дв. Гаврило Мохнаткинъ,... а дани и ямскихъ денегъ и всякихъ пошлинъ и пищалныхъ денегъ съ того двора на годъ два алтына и двѣ деньги, да за намѣстничъ доходъ и за присудъ оброку семь алтынъ съ полуденьгою, всего девять алтынъ полтретьи деньги». Въ виду того, что это—единственное указаніе такого рода и что существованіе кормленаго окупа въ Золотицѣ въ 1556 г. (время переписи Сабурова) ничѣмъ инымъ не подтверждается, мы готовы подозрѣвать здѣсь пропуски обычныхъ въ другихъ случаяхъ словъ: «по Никитинымъ книгамъ Яхонтова» передъ словами «за намѣстничъ доходъ».

[2]) Стр. 414, 415, 417, 418, 493, 494, 549, 550.

Каргополь, въ которой приказывается мѣстнымъ властямъ о дѣлахъ писать «къ Москвѣ въ четверть къ дьякамъ нашимъ» [1]). Такъ, очевидно, что Двина и Каргополь вѣдались и въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ однимъ и тѣмъ же учрежденіемъ, Четвертью, съ дьякомъ Арцыбашевымъ во главѣ, при чемъ этого дьяка въ 1578 г. должно считать, вѣроятнѣе всего, разряднымъ [2]). Почему же эта Четверть Арцыбашева съ 1581 года называется «дворцовою» и даже «дворовымъ Большимъ Приходомъ»? Въ такую форму облекается для насъ этотъ вопросъ; какой бы отвѣтъ на него ни былъ данъ, онъ не будетъ имѣть сколько-нибудь важнаго значенія для исторіи происхожденія четей. Да врядъ ли въ настоящее время и можетъ быть данъ опредѣленный отвѣтъ: изъ предыдущаго изложенія можно заключить, что названіе «дворовый» значитъ «опричный»; учрежденіе, вѣдавшее Ростовъ и Двину въ 1581—1583 гг., одинаково вѣдало ихъ и раньше; не въ немъ, конечно, а въ опричнинѣ источникъ какихъ-то измѣненій, отразившихся на названіи этого учрежденія. Однако этихъ имѣненій мы не знаемъ; мы можемъ только догадываться о томъ, напримѣръ, что въ началѣ семидесятыхъ годовъ Арцыбашевъ сталъ, не оставивъ чети, дьякомъ Большого Прихода и получилъ въ то же время какія-то обязанности по «дворовому» управленію. Но разъяснить эти обстоятельства дѣло будущаго.

---

[1]) Рукопись археографич. коммиссіи, стр. 683—684 (именъ не указано).

[2]) Напомнимъ, что въ 1574 году Каргополемъ вѣдала тоже Четверть, какъ это видно изъ грамоты, подписанной разряднымъ же дьякомъ А. Клобуковымъ.

ныя для того, напротивъ, чтобы совершенно отрицать эту связь. Онѣ заключаются въ мѣстническомъ дѣлѣ Василія Зюзина съ Ѳедоромъ Нагимъ, въ томъ самомъ дѣлѣ, частности котораго уже привлечены къ изученію вопроса о четяхъ[1]). «Государь князь Иванъ Васильевичъ Московскій» и «великій князь Семіонъ Бекбулатовичъ всеа Русіи» были съ дворомъ въ Старицѣ, когда началось это дѣло. Понадобились справки въ Москвѣ и ихъ требуютъ грамотою отъ разряднаго дьяка Андрея Щелкалова. Онъ долженъ выписать нѣкоторые случаи изъ старыхъ разрядовъ и долженъ навести справки о жалованной на Галицкое кормленье грамотѣ: «И скажетъ Петръ, что онъ тогды про тое грамоту явки въ которыхъ будетъ *приказѣхъ* давалъ,—и ты бъ *по приказомъ* тѣхъ явокъ велѣлъ сыскати, а сыскавъ бы еси съ тѣхъ явокъ велѣлъ списати списки; да тѣ списки *за дьячьими приписьми* и *за своею печатью* прислалъ къ намъ часа того; да чтобъ еси велѣлъ сыскавъ выписати ис книгъ грамоты, какова грамота въ прошлыхъ лѣтѣхъ дана А. Шетневу да М. Тучкову на жалованье на Галичъ и кто у нихъ тогды былъ большей и хто меньшой, а сыскавъ и выписавъ то все противъ сее грамоты, *за своею приписью и за печатью* тое выпись къ намъ прислалъ...» (стр. 21). Троякаго рода порученія даются А. Щелкалову: вопервыхъ, справки изъ разрядовъ онъ долженъ навести въ своемъ Разрядномъ приказѣ; вовторыхъ, о явкахъ спросить памятями другіе приказы и, получивъ отвѣты «за дьячьими приписьми»,

---

[1]) «Русскій Историческій Сборникъ», подъ редакціею *Погодина*, т. V, М. 1842, стр. 1—36.

дуетъ написанная тѣмъ-же почеркомъ статья «о воспитаніи чадъ», а за нею, опять тѣмъ-же почеркомъ, обращеніе «къ читателю», содержащее рядъ такихъ указаній на личныя свойства сочинителя, которыя, хотя и не опредѣляютъ точно лица писавшаго, дѣлаютъ его однако очень интереснымъ. Е. В. Пѣтуховъ всѣ три статьи памятника принялъ за одинъ нравоучительный трактатъ, какъ на основаніи внѣшнихъ признаковъ, такъ отчасти и по существу содержанія, и приписалъ весь этотъ трактатъ извѣстному князю Ивану Андреевичу Хворостинину. Можно не согласиться ни съ тѣмъ, ни съ другимъ заключеніемъ г. Пѣтухова.

Опредѣливъ литературныя свойства произведенія и его значеніе въ рядѣ близкихъ ему по темѣ памятниковъ нашей письменности, г. Пѣтуховъ пытается собрать всѣ данныя объ авторѣ труда, разсѣянныя въ двухъ послѣднихъ статьяхъ: «о воспитаніи чадъ» и «къ читателю». Авторъ оказывается замѣчательнымъ лицомъ: онъ былъ служилымъ человѣкомъ, воеводствовалъ въ полкахъ, имѣлъ «храмины», «имѣнія», «рабовъ», отличался образованіемъ, по его словамъ, «паче сверстникъ моихъ въ родѣ моемъ»; онъ шелъ правымъ путемъ: «не совратенъ бѣхъ отъ пути царьска, владыкамъ бѣ вѣренъ»,—и тѣмъ не менѣе его вмѣнили «яко еретика», обвинили въ измѣнѣ, не дозволили оправдаться, и онъ пострадалъ «въ темницахъ», «во юзахъ», «во изгнаніи», «въ заточеніи» [1]).

---

[1]) Напрасно г. Пѣтуховъ послѣднія слова памятника понимаетъ въ томъ смыслѣ, что автору «была полная возможность бѣжать и сродники даже понуждали его къ этому». Выраженіе

калову именно потому, что онъ дьякъ Разряда, то-есть, связаны не съ лицомъ дьяка, а съ учрежденіемъ. Не даромъ же цитированная нами выше грамота 1574 года, дававшая право Кирилловскимъ властямъ самимъ платить деньги въ Четверть на Москвѣ, подписана дьякомъ Андреемъ Клобуковымъ, который въ тѣ приблизительно годы былъ въ Разрядѣ [1]). И еще болѣе знаменательно, что, когда въ 1577 году въ Разрядѣ Василій Щелкаловъ смѣнилъ брата Андрея, появилась и «четверть дьяка Василія Щелкалова», собиравшая уже въ 7087 (1578—1579) году доходы съ Каширы [2]). Въ то же самое время, въ 1578 году, находимъ еще «четверть дьяковъ Андрея Арцыбашева да Алексѣя Исакова», въ которую поступаетъ оброкъ съ рыбныхъ ловель въ Каргопольскомъ уѣздѣ [3]); но и Андрей Арцыбашевъ въ это время былъ разряднымъ дьякомъ [4]). Не смѣемъ утверждать, что всѣ эти намеки памятниковъ съ непререкаемою достовѣрностью доказываютъ наше предположеніе о подчиненіи четей разряднымъ дьякамъ, но думаемъ, что это предположеніе не менѣе вѣроятно, чѣмъ всѣ другія—о четяхъ

---

[1]) Рукопись археографич. коммиссіи, стр. 548; *Лихачевъ*, Разрядные дьяки, стр. 462—463, 554 и по Указателю.

[2]) Писцовыя книги *Калачева*, II, стр. 1305.

[3]) Рукопись археографич. коммиссіи, стр. 645—646 (царская грамота въ Каргополь 7086 года, 11-го мая, за приписью дьяка Андрея Арцыбашева).

[4]) Съ разрядными дьяками Шерефединовымъ и Стрѣшневымъ записанъ онъ въ разрядахъ 1578 года (Древн. Росс. Вивл., XVI, стр. 350); см. *Лихачевъ*, Разрядные дьяки, стр. 473 и 554 (не ясно, почему къ *этому* времени г. Лихачевъ относитъ переходъ Арцыбашева въ Большой Приходъ); также Акты Московскаго Государства, I, № 21.

онъ говоритъ объ этомъ въ двухъ мѣстахъ, разъединенныхъ цѣлымъ трактатомъ о воспитанiи чадъ» (стр. 6). Намъ кажется, что внимательное чтенiе текста памятника до нѣкоторой степени разъясняетъ дѣло, не смотря на то, что этотъ текстъ не всегда исправенъ и понятенъ. Статья «о воспитанiи чадъ» называется: «предисловiе и слововѣщанiя ко читателемъ» и есть дѣйствительно *предисловiе* къ какому-то компилятивному сборнику, составитель котораго заранѣе объясняетъ составъ сборника и перечисляетъ труды—чужiе, а не свои собственные,— внесенные имъ въ свое собранiе. Онъ проситъ: «не мните мя гордящеся, яко многое писанiе изучи́хъ», и потомъ перечисляетъ это «многое писанiе»: «на многiе ереси книги изложихъ... первое положихъ на осмый римскiй соборъ, и второе на Лютра... Калвина, Сервѣта, Чеховича и Буднаго; ...еще же на Ѳродияново (Афродитiаново) злоумное писанiе сотворихъ слово отъ св. Писанiя и на опрѣсночную римскую службу положихъ свидѣтельство отъ словесъ Кирила патрiарха Iерусалимскаго» (стр. 48—49). Развитiе полемической литературы во вторую четверть XVII столѣтiя общеизвѣстно и въ послѣднее время было предметомъ внимательнаго изученiя гг. Цвѣтаева, Каптерева, Голубцова, но никто не указалъ еще самостоятельнаго полемическаго трактата съ содержанiемъ, соотвѣтствующимъ собранiю нашего автора; за то составныя части этого собранiя могутъ быть предположительно указаны. Знаемъ мы и разныя статьи «о восьмомъ соборѣ», и трудъ Максима Грека объ Афродитiановомъ сказанiи, и труды, которые приписывались Кириллу патрiарху iерусалимскому, и поэтому-то можемъ предполагать, что въ памятникѣ г. Пѣтухова

думныхъ дьяковъ [1]). Въ такомъ положеніи и засталъ ихъ Флетчеръ. Въ виду того, что Разрядъ былъ думскою канцеляріей по преимуществу, а разрядный дьякъ по преимуществу секретаремъ думы, въ этой перемѣнѣ нельзя видѣть чего-либо существенно новаго: и раньше чети близки были къ думѣ, и теперь остались столь же близки къ ней; раньше завѣдывалъ ими одинъ думный дьякъ, а теперь, при развитіи дѣятельности четей, расширившимся учрежденіемъ стали завѣдывать всѣ думные дьяки.

Такова, по нашему представленію, исторія Четвертей въ XVI вѣкѣ. Намѣренно не касались мы до сихъ поръ той частности вопроса, которая особенно занимала предыдущихъ изыскателей, именно—смысла тѣхъ «Двороваго Большого Прихода» и «Дворцоваго Четвертного приказа», надъ которымъ задумывались г. Милюковъ и г. Середонинъ [2]). Прежде всего скажемъ, что эти «дворовыя» учрежденія замѣтны становятся не ранѣе 1581 года, когда Четверти (а равно и Чет-

---

[1]) Къ 1580 году относится первое указаніе на то, что рядомъ съ четью думнаго дьяка Василія Щелкалова, извѣстной намъ въ 1578—1579 гг., дѣйствуетъ независимо отъ нея четь думнаго же дьяка Андрея Щелкалова (А. А. Э. I, № 305). Не считаемъ помянутой нами чети А. Арцыбашева, быть можетъ, подчиненной тому же Василію Щелкалову.

[2]) *Милюковъ*, стр. 26; *Середонинъ*, стр. 251—252. Дѣло идетъ о трехъ грамотахъ 1581—1583 годовъ (А. А. Э. I, № 312 и № 318.—Доп. къ А. И. I, № 225), посланныхъ отъ Двороваго Большого Прихода и Дворцоваго Четвертнаго приказа въ Ростовъ и Двинскій уѣздъ. Въ подписяхъ подъ грамотами и въ текстѣ грамотъ находятся имена дьяковъ—въ двухъ Андрея Арцыбашева и Тимофея Ѳедорова, въ одной того же Арцыбашева и Семейки Сумарокова.

ную статьи къ тому полемическому «собранію» Хворостинина, которое было указано П. М. Строевымъ въ «Библіологическомъ словарѣ» (стр. 289), но до сихъ поръ неизвѣстно. Заглавіе труда Хворостинина, приведенное Строевымъ, и указанія на полемическіе труды «предисловія», изданнаго г. Пѣтуховымъ, удивительно совпадаютъ. Однако не скроемъ, что признать принадлежащими именно Хворостинину двѣ статьи: «предисловіе» и «къ читателю», значитъ стать лицемъ къ лицу съ нѣкоторыми затрудненіями. Прежде всего возникаетъ вопросъ, при чемъ же здѣсь статья «о царствіи небесномъ», какое отношеніе можетъ она имѣть къ полемическому «собранію»? По нашему разумѣнію, это—совершенно особое произведеніе. Г. Пѣтуховъ напрасно, по признакамъ чисто внѣшнимъ, соединилъ его съ послѣдующими статьями; онъ самъ (на стр. 13) отмѣтилъ въ нихъ различіе литературныхъ пріемовъ, и дѣйствительно статья «о царствіи небесномъ» составлена гораздо болѣе опытною въ литературнемъ отношеніи рукою, съ витійствомъ отмѣнно изысканнымъ; и по сюжету она далека отъ послѣдующаго. Далѣе. Если признавать авторство Хворостинина, то что̀ понимать подъ его словами: «на опрѣсночную римскую службу положихъ свидѣтелство отъ словесъ Кирила патріарха іерусалимскаго» (стр. 49)? Если подъ «словесами Кирила» разумѣть 34-ю главу такъ называемой «Кириловой книги» (О опрѣснокахъ и о агнцѣ), то слѣдуетъ помнить, что Кирилова книга вышла въ 1644 году, Хворостининъ же умеръ въ 1625-мъ[1]). А что же другое можно разумѣть въ дан-

---

[1]) Не останавливаемся на возможномъ противорѣчіи вышеуказанной даты рукописи F. I. 324—7148 (1640) годъ — съ фактами заимствованія изъ Кирилловой книги 1644 года.

уѣздѣ, въ Каргополѣ и въ Каргопольскомъ уѣздѣ и въ Поморьѣ»[1]); у грамоты припись дьяка Андрея Шерефединова, о которомъ знаемъ, что это былъ дьякъ «разряду *двороваго*» и дѣйствовалъ въ опричнинѣ[2]). Если сравнимъ названіе тѣхъ мѣстностей, о которыхъ говорится въ грамотахъ дьяка Арцыбашева изъ Двороваго Большого Прихода и Дворцоваго Четвертнаго приказа, съ этимъ перечнемъ дворовыхъ городовъ и со спискомъ городовъ, взятыхъ въ опричнину[3]),—то убѣдимся, что эти мѣстности, Ростовскій и Двинскій уѣзды, были въ опричнинѣ или въ «дворовыхъ» и что «дворовые» приказы, ихъ вѣдавшіе, близки не къ Большому Дворцу, а къ опричнинѣ[4]). Далѣе, названіе «дворовый» къ Четвертному приказу Андрея Арцыбашева прилагалось далеко не всегда: мы уже видѣли просто «Четверть» этого дьяка, въ 1578 году собирающую оброкъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ; тотъ же дьякъ въ томъ же 1578 году вѣдалъ и Двину, не называясь дворовымъ[5]); а товарищъ его Семейка Сумароковъ въ ноябрѣ 1582 года подписалъ грамоту въ

---

[1]) Рукопись археографич. коммиссіи, стр. 594—604. Двумя днями позднѣе выдана монастырю другая жалованная грамота на владѣнія на Бѣлоозерѣ, въ Бѣжецкомъ Верхѣ, въ Городецкомъ уѣздѣ, на Углечѣ, въ Твери, въ Московскомъ уѣздѣ и въ Поморьѣ. Эти мѣста не названы «дворовыми» и вообще не носятъ какого-либо общаго названія. Приписи у грамоты не сохранилось.

[2]) *Лихачевъ*, Разрядные дьяки, стр. 467.—Русск. Ист. Сборникъ, V, стр. I. См. выше, стр. 179, прим. 1, и стр. 180, прим. 4.

[3]) Русск. Ист. Библ., III, ст. 255—256.

[4]) Александроневская лѣтопись (Русск. Истор. Библ., III, ст. 256) прямо говоритъ, что въ учреждаемую опричнину «волости государь поималъ *кормленымъ окупомъ*».

[5]) А. А. Э., I, № 299.

ную статьи къ тому полемическому «собранію» Хворостинина, которое было указано П. М. Строевымъ въ «Библіологическомъ словарѣ» (стр. 289), но до сихъ поръ неизвѣстно. Заглавіе труда Хворостинина, приведенное Строевымъ, и указанія на полемическіе труды «предисловія», изданнаго г. Пѣтуховымъ, удивительно совпадаютъ. Однако не скроемъ, что признать принадлежащими именно Хворостинину двѣ статьи: «предисловіе» и «къ читателю», значитъ стать лицемъ къ лицу съ нѣкоторыми затрудненіями. Прежде всего возникаетъ вопросъ, при чемъ же здѣсь статья «о царствіи небесномъ», какое отношеніе можетъ она имѣть къ полемическому «собранію»? По нашему разумѣнію, это—совершенно особое произведеніе. Г. Пѣтуховъ напрасно, по признакамъ чисто внѣшнимъ, соединилъ его съ послѣдующими статьями; онъ самъ (на стр. 13) отмѣтилъ въ нихъ различіе литературныхъ пріемовъ, и дѣйствительно статья «о царствіи небесномъ» составлена гораздо болѣе опытною въ литературнемъ отношеніи рукою, съ витійствомъ отмѣнно изысканнымъ; и по сюжету она далека отъ послѣдующаго. Далѣе. Если признавать авторство Хворостинина, то что̀ понимать подъ его словами: «на опрѣсночную римскую службу положихъ свидѣтелство отъ словесъ Кирила патріарха іерусалимскаго» (стр. 49)? Если подъ «словесами Кирила» разумѣть 34-ю главу такъ называемой «Кириловой книги» (О опрѣснокахъ и о агнцѣ), то слѣдуетъ помнить, что Кирилова книга вышла въ 1644 году, Хворостининъ же умеръ въ 1625-мъ[1]). А что же другое можно разумѣть въ дан-

[1]) Не останавливаемся на возможномъ противорѣчіи вышеуказанной даты рукописи F. I. 324—7148 (1640) годъ — съ фактами заимствованія изъ Кирилловой книги 1644 года.

КЪ ВОПРОСУ О СОЧИНЕНІЯХЪ КН. И. А. ХВОРОСТИНИНА [1].

(1893).

Въ одномъ изъ сборниковъ (синодиковъ) Императорской Публичной Библіотеки (F. I. 324) Е. В. Пѣтуховъ нашелъ очень любопытный памятникъ московской письменности XVII вѣка—разсужденіе о царствіи небесномъ[2]). За этимъ разсужденіемъ въ рукописи слѣ-

---

[1]) «Изъ исторіи русской литературы XVII вѣка. Сочиненіе о царствіи небесномъ и о воспитаніи чадъ». *Е. В. Пѣтухова*. («Памятники древней письменности». XCIII). СПб. 1893. 8°. Стр. 56.

[2]) Любопытно рѣшить вопросъ, кто правъ въ опредѣленіи времени и принадлежности рукописи: Калайдовичъ и Строевъ говорятъ, что рукопись «въ 7191 (1683) году принадлежала подъячему Ѳ. Н. Полилову» (Описаніе рукописей гр. Ѳ. А. Толстова. М. 1825, стр. 100—101); Ѳ. И. Буслаевъ говоритъ, что на рукописи годъ *7191* позднѣйшею рукою написанъ вмѣсто бывшаго *7148*; имя владѣльца читаетъ онъ: Палиловъ (Истор. Очерки, I, стр. 622); у г. Пѣтухова годъ *7191*, а владѣлецъ—Палмовъ (стр. 1). Замѣтимъ кстати, что запись, находящаяся на лл. 1—26 рукописи и, можетъ быть, заключающая 7148 годъ, не должна быть непремѣнно относима къ разбираемому «сочиненію», ибо рукопись F. I. 324 писана разными почерками и переплетена въ позднѣйшее время, такъ что можетъ заключать въ себѣ разновременныя части.

ную статьи къ тому полемическому «собранію» Хворостинина, которое было указано П. М. Строевымъ въ «Библіологическомъ словарѣ» (стр. 289), но до сихъ поръ неизвѣстно. Заглавіе труда Хворостинина, приведенное Строевымъ, и указанія на полемическіе труды «предисловія», изданнаго г. Пѣтуховымъ, удивительно совпадаютъ. Однако не скроемъ, что признать принадлежащими именно Хворостинину двѣ статьи: «предисловіе» и «къ читателю», значитъ стать лицемъ къ лицу съ нѣкоторыми затрудненіями. Прежде всего возникаетъ вопросъ, при чемъ же здѣсь статья «о царствіи небесномъ», какое отношеніе можетъ она имѣть къ полемическому «собранію»? По нашему разумѣнію, это—совершенно особое произведеніе. Г. Пѣтуховъ напрасно, по признакамъ чисто внѣшнимъ, соединилъ его съ послѣдующими статьями; онъ самъ (на стр. 13) отмѣтилъ въ нихъ различіе литературныхъ пріемовъ, и дѣйствительно статья «о царствіи небесномъ» составлена гораздо болѣе опытною въ литературнемъ отношеніи рукою, съ витійствомъ отмѣнно изысканнымъ; и по сюжету она далека отъ послѣдующаго. Далѣе. Если признавать авторство Хворостинина, то что̀ понимать подъ его словами: «на опрѣсночную римскую службу положихъ свидѣтелство отъ словесъ Кирила патріарха іерусалимскаго» (стр. 49)? Если подъ «словесами Кирила» разумѣть 34-ю главу такъ называемой «Кириловой книги» (О опрѣснокахъ и о агнцѣ), то слѣдуетъ помнить, что Кирилова книга вышла въ 1644 году, Хворостининъ же умеръ въ 1625-мъ[1]). А что же другое можно разумѣть въ дан-

[1]) Не остачавливаемся на возможномъ противорѣчіи вышеуказанной даты рукописи F. I. 324—7148 (1640) годъ — съ фактами заимствованія изъ Кирилловой книги 1644 года.

Эти намеки, заключающіеся въ обращеніи «къ читателю», мало опредѣленны, хотя и любопытны. И свое указаніе въ данномъ случаѣ на Хворостинина, г. Пѣтуховъ вывелъ не изъ перечисленныхъ данныхъ, а главнымъ образомъ изъ того мѣста статьи «о воспитаніи чадъ», гдѣ говорится о полемическихъ сочиненіяхъ на еретиковъ (стр. 49). Въ перечнѣ этихъ сочиненій г. Пѣтуховъ видитъ указаніе автора статьи «о воспитаніи чадъ» на его собственные обличительные труды. Но такъ ли это? Неужели писатель-полемистъ, успѣвшій охватить въ своихъ трудахъ (что удивительно!) широчайшій кругъ темъ: и «осьмый римскій соборъ», и Лютера, и Кальвина, и Сервета, и Чеховича, и Буднаго, и «Ѳродияново злоумное писаніе», и «опрѣсночную римскую службу» и прочее, и прочее,—неужели такой писатель могъ быть заподозрѣнъ въ еретичествѣ и измѣнѣ и, съ другой стороны, могъ остаться намъ неизвѣстенъ по имени?.. Невольно является недовѣріе къ тому, въ чемъ убѣжденъ г. Пѣтуховъ, то-есть, къ тому, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ библіографическимъ перечнемъ трудовъ новаго, намъ неизвѣстнаго полемиста. И самъ г. Пѣтуховъ нѣсколько удивленъ тѣмъ, что этотъ полемистъ не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, помѣстилъ перечень своихъ произведеній: «можно было бы ожидать (пишетъ онъ), что авторъ будетъ говорить о себѣ и о своихъ литературныхъ трудахъ вмѣстѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ

«пространна быша пути мои отбѣгати отъ озлобленія, злати быша стези к дарованію моему» и т. д. должно понимать такъ, что авторъ имѣлъ полную возможность избѣжать (а не: бѣжать отъ) притѣсненій, путемъ отреченія отъ истины и что «сродницы и братія» понуждали его къ отреченію, онъ-же остался твердъ.

О ДВУХЪ ГРАМОТАХЪ 1611 ГОДА.

(1897).

I.

Всѣмъ писавшимъ о Смутномъ времени Московскаго государства приходилось касаться грамоты «отъ смольнянъ или «изъ подъ Смоленска», составленной въ концѣ 1610 или началѣ 1611 года и призывавшей московскихъ людей на борьбу съ поляками. Она сохранилась при отпискѣ нижегородцевъ въ Вологду, причемъ въ отпискѣ сказано, что нижегородцамъ прислалъ эту «смоленскую» грамоту патріархъ Гермогенъ 27 января 1611 года [1]). Содержаніе грамоты многихъ наводило на мысль, что происхожденіе документа не таково, какимъ его признали первые издатели; но, кажется, только одинъ Арцыбышевъ рѣшился сказать, что «подлинность этой грамоты сомнительна» и что «едва ли не *сочинено* это въ Москвѣ» [2]).

---

[1]) А. Э. II, № 176, стр. 299—301 и стр. 297. Также С. Г. Гр. и Д. II, № 226 (здѣсь текстъ неисправенъ) и № 229.

[2]) Повѣствованіе о Россіи, т. III, прим. 1421.

имѣемъ дѣло съ предисловіемъ къ сборнику, заключавшему въ себѣ нѣсколько разновременныхъ полемическихъ статей. Пользу своего сборнаго «доброписанія», авторъ изучаемаго предисловія видитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что оно содѣйствуетъ «утвержденію» «ученія Господня», и въ этомъ «ученіи Господнемъ» онъ совѣтуетъ читателю воспитывать дѣтей своихъ. Такъ очень гладко «предисловіе» переходитъ въ «слововѣщаніе ко читателемъ, имуще нѣчто къ родителемъ о воспитанія чадъ». Это не особый трактатъ о воспитаніи, а только распространенное введеніе, мотивирующее предпринятый авторомъ компиляторскій трудъ.

Если наша догадка вѣрна, то-есть, если въ рукопись F. I. 324 внесено одно предисловіе къ пространному полемическому сборнику, ради его назидательнаго характера, то статья «къ читателю» должна разсматриваться какъ послѣсловіе къ тому же сборнику. Въ этомъ убѣждаютъ первыя строки этой статьи, призывающія «любодушевнаго читателя» исправить, что̀ слѣдуетъ, «въ слозѣхъ и словесѣхъ или въ рѣчеточествѣ» автора, а затѣмъ намеки автора (на стр. 55) на то, что онъ потерпѣлъ гоненіе отъ духовенства—«владыкъ», «властей» и «церковникъ неученыхъ»—именно за труды богословскаго характера: «хотѣхъ мало написати и вразумѣти ово отъ греческихъ и римскихъ писмъ, овогда потребное предложити чтахся (то есть: тщахся), и возбраненъ быхъ..., яко *еретика* вмѣняще мя». Указанія на личность автора въ этомъ послѣсловіи таковы, что невольно приводятъ на память князя Ивана Хворостинина и склоняютъ къ мысли, что г. Пѣтуховъ обнародовалъ вступительную и заключитель-

ской осады, а въ Московскихъ и Троицкихъ воззваніяхъ и посланіяхъ, которыя писали «писцы борзые», въ спокойной «келліи», собирая «отъ божественныхъ писаній учительныя словеса». Однако приведенныя соображенія не имѣли бы рѣшающаго значенія для оцѣнки грамоты, еслибъ въ текстѣ ея не было прямыхъ несообразностей, изобличающихъ ея творцовъ. Одну изъ несообразностей отмѣтилъ Арцыбышевъ. Въ грамотѣ упоминается письмо Салтыкова и Андронова, писанное «послѣ Рождества Христова на пятой недѣлѣ въ субботу», то есть, 26 января 1611 года. Какъ бы ни толковали эту дату—въ томъ ли смыслѣ, что письмо писано въ Москвѣ («писали съ Москвы») 26 января, или же въ томъ смыслѣ, что письмо получено подъ Смоленскомъ 26 января,—все равно дата невѣроятна потому, что смоленская грамота, какъ мы указали выше, была переслана москвичами въ Нижній уже 27 января. Въ одинъ день нельзя было изъ подъ Смоленска подать вѣсть въ Нижній или Москву: самая быстрая обсылка между королевскимъ лагеремъ подъ Смоленскомъ и Москвою требовала недѣли въ одинъ конецъ [1]). Одинаково невѣроятно указаніе грамоты, что Сигизмунду «писали съ Москвы» о смерти Тушинскаго Вора и о радостномъ движеніи по этому поводу въ Москвѣ «за два дня предъ Рожествомъ Христовымъ». Можно установить, что убійство Вора, происшедшее 11 декабря 1610 года, стало уже извѣстно въ Москвѣ 14 декабря, а въ королевскомъ лагерѣ 18 (по новому стилю 28-го) декабря [2]). Такимъ образомъ

---

[1]) С. Г. Гр. и Д. II, стр. 472.

[2]) А. И. II, № 307 и № 308 — Русск. Ист. Библ. I, стр. 709.

номъ случаѣ? Мы думаемъ, что отвѣтъ на этотъ вопросъ лежитъ не на нашей обязанности. Наконецъ, замѣтимъ, что, давая вѣру показанію Строева о содержаніи полемическаго сочиненія Хворостинина, никакъ нельзя приписывать Хворостинину первыхъ 12-ти главъ «Изложенія на лютеры», какъ дѣлаетъ г. Пѣтуховъ (на стр. 21—22): кажется, твердо установлено, что эти главы были переведены съ западно-русскаго нарѣчія на московское въ Великомъ Новгородѣ какимъ то попомъ Стефаномъ, и такимъ образомъ Хворостининъ былъ непричастенъ этому дѣлу[1]).

Надѣемся, что наши бѣглыя замѣтки убѣждаютъ, вопервыхъ, въ томъ, что изданный г. Пѣтуховымъ текстъ представляетъ собою по всей видимости не одно цѣлое, а нѣсколько разнородныхъ статей, и вовторыхъ, въ томъ, что соображенія г. Пѣтухова объ авторствѣ Хворостинина требуютъ бо̀льшаго развитія и обоснованія.

---

[1]) *А. Голубцовъ,* Пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ королевича Вальдемара. М. 1891, стр. 93—95, примѣч. 36.

гадкамъ о ея истинномъ происхожденіи, еслибы не стало извѣстно интереснѣйшее «письмо», относящееся къ тому же самому времени и преслѣдующее тѣ же цѣли, какъ и Смоленская грамота [1]). Это письмо, возбуждающее московское населеніе противъ поляковъ, знакомитъ насъ — и притомъ съ полною достовѣрностью — съ такими пріемами политической борьбы, которые могутъ повергнуть насъ въ изумленіе своею тонкостью и сложностью. Московскіе патріоты распространяли политическія новости и внушенія посредствомъ анонимныхъ литературно-написанныхъ произведеній. Дѣйствуя подъ верховнымъ руководствомъ патріарха Гермогена, они своими писаніями старались внушить народной массѣ его мысли и желанія, но въ то же время ставили его какъ бы въ сторонѣ отъ дѣла вражды и возстанія: санъ и положеніе патріарха вполнѣ объясняютъ такое поведеніе московскихъ людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, соблюдая осторожность и относительно себя самихъ, московскіе патріоты старались скрыть отъ бояръ и поляковъ, владѣвшихъ Москвою, всякіе слѣды своего авторства. Они придавали своимъ произведеніямъ форму или подметныхъ посланій отъ безвѣстнаго лица [2]), или же посланій, составленныхъ «общимъ всѣмъ народомъ Московскаго государства [3]). Къ такому то типу литературныхъ фабрикацій, на нашъ взглядъ, принадлежитъ и Смоленская грамота.

---

[1]) Русск. Ист. Библ., XIII, ст. 187 и слѣд. — Журн. Мин. Нар. Просв., 1886, январь, статья «Новая повѣсть о смутномъ времени XVII в.» — *С. Платоновъ* «Древнерусскія повѣсти и сказанія о смутномъ времени XVII в.», стр. 86 и слѣд.

[2]) Русск. Имп. Библ., XIII, стр. 216—218.

[3]) А. Э. II, № 176, I.

Думаемъ, что Арцыбышевъ былъ совсѣмъ правъ и что мы имѣемъ дѣло съ любопытною поддѣлкою, которая вышла не изъ подъ Смоленска и не отъ смольнянъ, а изъ какого-то политическаго кружка московскихъ патріотовъ, неразборчивыхъ на средства и способы агитаціи. По тексту грамоты выходитъ такъ, будто грамоту писали въ королевскомъ обозѣ русскіе люди, пришедшіе туда «изъ своихъ разоренныхъ городовъ и изъ уѣздовъ» и жившіе тамъ «не мало: иной больше году живетъ, иной мало не годъ». Между тѣмъ о Смоленскихъ, Дорогобужскихъ, Брянскихъ служилыхъ людяхъ у насъ есть свѣдѣнія, что они въ большомъ количествѣ (болѣе 500 человѣкъ) лѣтомъ 1610 года были въ Москвѣ и только въ сентябрѣ были отпущены оттуда съ великимъ посольствомъ (и впереди его) въ королевскій лагерь [1]). Очевидно, что они не могли писать грамоту, ибо жили подъ Смоленскомъ въ обозѣ не «больше году» и далеко не годъ. А кого же другого изъ русскихъ людей, не подчинившихся Сигизмунду, допустили бы поляки жить въ королевскомъ лагерѣ цѣлый годъ съ самаго начала Смоленской осады? Это—съ одной стороны. Съ другой, у насъ есть безспорныя, подлинныя Смоленскія письма, числомъ до десяти; стоитъ сравнить ихъ текстъ, трогательно простой и дѣловитый, съ риторическою манерою грамоты, чтобы почувствовать всю искусственность послѣдней [2]). Аналогіи ей находимъ не въ этихъ скорбныхъ «отпискахъ» и «грамотахъ», вышедшихъ изъ Смолен-

[1]) А. Зап. Россіи, т. IV, стр. 319.—А. И. II, № 290.—Русск. Ист. Библ., I, стр. 686—687.—Записки Жолкевскаго, изд. 2, прилож. № 29 и № 30.

[2]) А. И. II, №№ 265, 267, 354 — Доп. къ А. И. I, № 231.

слава, формально признавался патріархъ. Это было вполнѣ естественно и вѣроятно, но прямыхъ доказательствъ этого очень мало, и потому ничтожная сама по себѣ подорожная получаетъ извѣстную цѣну. Но ея значеніе не только въ имени патріарха. Подорожная заключаетъ въ себѣ маршрутъ гонца, указывающій направленіе той дороги, по которой ѣздили изъ Москвы черезъ Устюгъ въ Чердынь и далѣе въ Сибирь. Однако это указаніе пути, одно изъ древнѣйшихъ, передано въ текстѣ грамоты, къ сожалѣнію неисправно. Печатный текстъ подорожной очень точно передаетъ ея рукописный оригиналъ, писанный позднимъ почеркомъ и находящійся въ сборникѣ Императорской Публичной Библіотеки F. IV. 344 (на л. 32). И тамъ, и здѣсь одинаково читается: «отъ Устюга Великаго до Соли Вычегодскіе и до Богоявленскаго яму и до Паледина и до Каи городка и до Гаечь и до Чердыни». Нѣтъ сомнѣнія, что подъ словомъ «Паледина» скрывается правильная форма «Пыелдына», какъ сокращенно называли Пыелдынскій Спасскій погостъ на р. Сысолѣ; а слово «Гаечь» слѣдуетъ читать «Гаенъ» и разумѣть подъ нимъ Гайны или Гаенскій станъ на р. Камѣ. При такихъ исправленіяхъ обнаружится дѣйствительное направленіе дороги—съ устья Вычегды на р. Виледь, на верхнее теченіе Сысолы до Кайгородка и съ Сысолы къ Гайнамъ на Каму[1]). Города Лальскій на р. Лузѣ и Кай на р. Камѣ, черезъ которые обыкновенно ведутъ эту дорогу, оста-

---

[1]) А. Э. II, № 50.— Доп. къ А. И., т. IV, № 127; т. X, стр. 434.— *А. Дмитріевъ*, Пермская Старина, I, стр. 41. — *Г. С. Лыткинъ*, Зырянскій край. Спб. 1889, стр. 88 (карта).

датировку событій въ грамотѣ слѣдуетъ признать неудачною. Сверхъ того удивляетъ и та особенность въ изложеніи грамоты, что писавшіе ее въ польскомъ станѣ маленькіе и гонимые русскіе люди (если только они ее писали) точно знаютъ содержаніе интимныхъ сообщеній королю со стороны его московскихъ приверженцевъ. Тотчасъ, какъ король узнаетъ о народномъ движеніи въ Москвѣ (раньше конца декабря онъ не могъ этого узнать), тотчасъ, какъ становится ему извѣстною агитація патріарха (о которой онъ также не могъ узнать ранѣе Рождества),—о томъ же самомъ узнаютъ и московскіе люди, «разоренные плѣнные», подъ страхомъ смерти и неволи живущіе въ королевскомъ лагерѣ; мало того, они безъ боязни и препятствій пишутъ объ этомъ въ Москву и съ необыкновенною быстротою пересылаютъ эти свои сообщенія. Все это мало вѣроятно. Если бы мы вздумали безъ оглядки повѣрить этому, то тѣмъ самымъ обязывались бы принять и увѣреніе авторовъ грамоты, что они подъ Смоленскомъ «не мало время» живутъ и потому «подлинно» про все вѣдаютъ. Мы видѣли, что по ихъ показанію они живутъ тамъ съ годъ или «мало не годъ»: столь большое время могли быть въ королевскомъ станѣ лишь бѣглые тушинцы, которые промѣняли Вора на короля въ началѣ 1610 года. Но ихъ могли терпѣть подъ Смоленскомъ только при условіи вѣрной службы королю, и въ ихъ средѣ трудно предположить московскихъ корреспондентовъ: этотъ людъ шелъ за М. Салтыковымъ и порвалъ свои собственно московскія связи.

Однако сомнѣнія относительно Смоленской грамоты не приводили бы ни къ какимъ опредѣленнымъ до-

ПИСЬМА КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА О СМУТНОМЪ ВРЕМЕНИ.

(1898).

Подъ этимъ заглавіемъ напечатаны письма (числомъ 91) покойнаго академика К. Н. Бестужева-Рюмина къ графу С. Д. Шереметеву, писанныя въ 1892—1896 годахъ по поводу предпринятаго графомъ изслѣдованія о личности такъ-называемаго «перваго самозванца». Результаты своихъ изысканій въ матеріалахъ, относящихся къ исторіи Московской смуты, графъ С. Д. Шереметевъ сообщалъ К. Н. Бестужеву въ формѣ писемъ («разсужденій», какъ иногда выражался Бестужевъ), а послѣдній отзывался на сообщенія графа различными критическими замѣчаніями и въ свою очередь указывалъ на ту или иную фактическую подробность, на то или иное научное мнѣніе, которыя должны были быть приняты во вниманіе при изученіи эпохи. Покойный ученый не стѣснялся формою писемъ; въ сжатыхъ фразахъ, иногда намеками, высказывалъ онъ свои мысли о фактахъ и лицахъ смуты, о существующихъ взглядахъ и теоріяхъ. Живой обмѣнъ извѣстій между корреспондентами исключалъ

Она написана тамъ же, гдѣ и прочія произведенія этого рода,—въ какомъ либо хорошо освѣдомленномъ московскомъ кружкѣ, который держался идей и программы патріарха и считалъ себя въ правѣ всякими средствами возбуждать народное движеніе и поднимать народъ на поляковъ. Отъ такого предположенія насъ не можетъ воздержать то обстоятельство, что самъ патріархъ Гермогенъ распространялъ по областямъ Смоленскую грамоту и другія ей подобныя. Это не значитъ, что онъ участвовалъ лично въ составленіи этихъ сомнительныхъ документовъ. Онъ могъ принимать ихъ вполнѣ добросовѣстно за то, за что они выдавались: не даромъ сказалъ о немъ одинъ современникъ, что патріархъ былъ «къ злымъ и благимъ не быстро распрозрителенъ».

II.

Въ примѣчаніи 684-мъ къ XII тому «Исторіи» Карамзина графъ Д. Н. Блудовъ помѣстилъ списокъ подорожной 1611 года, найденной «въ бумагахъ покойнаго исторіографа». Эта подорожная очень любопытна, во 1-хъ, тѣмъ, что дана (2 марта 1611 г.) *по благословенію патріарха Гермогена* гонцу изъ Устюга въ Чердынь «для всей земли *ратнова* скорова дѣла». Патріаршее «благословеніе» замѣнило въ обычномъ текстѣ подорожной «государевъ царевъ и великаго князя указъ», по которому выдавались казенныя подорожныя въ спокойные годы Московской жизни. Эта замѣна очень знаменательна: она показываетъ, что во главѣ временнаго правительства, которому повиновались тогда русскіе люди, отшатнувшіеся отъ Влади-

Годуновыхъ, но и къ тому, чтобы служить русскому дѣлу въ Литвѣ (18, 23). Въ его католичество поэтому корреспонденты не вѣрятъ, полагая, что онъ просто обманывалъ и іезуитовъ и короля (4, 18). Все это, или почти все въ нашей литературѣ высказывалось и прежде, но какъ разъ эти мнѣнія казались наименѣе обоснованными. Теперь же за ними стоитъ новая аргументація, дающая имъ сравнительно бо́льшую силу.

Изслѣдованіе о личности Димитрія, въ той постановкѣ, какую ему даютъ наши корреспонденты, захватываетъ широкій кругъ лицъ и отношеній не только въ самую смутную пору, но много ранѣе и много позже. Это «изслѣдованіе назадъ и впередъ», какъ выражается Бестужевъ (4), на первомъ мѣстѣ ставитъ «взаимныя отношенія дѣятелей, разумѣется, на основаніи общихъ условій времени» (8, 12). Изъ группировки лицъ по родственнымъ связямъ и инымъ отношеніямъ изслѣдователи надѣются узнать составъ и настроеніе партій, придворныхъ и политическихъ, и такимъ образомъ «слѣдить за теченіями жизни» (21). Эти «теченія жизни» интересуютъ ихъ всего болѣе: свойства и взгляды того или другаго лица, программы и симпатіи той или другой семьи или политической группы составляютъ главный предметъ бесѣды. Общія условія, то-есть, «политическое, экономическое, умственное и нравственное состояніе страны» (12)—на второмъ планѣ. Для исторіи массъ изъ «писемъ» нельзя извлечь ничего опредѣленнаго; за то для характеристики отдѣльныхъ дѣятелей и руководящихъ кружковъ есть много интересныхъ частностей. Остановимся на нѣкоторыхъ.

Ѳедора Никитича Романова Бестужевъ считаетъ

ются какъ будто южнѣе этого пути. Но надо помнить, что этотъ путь велъ на Чердынь. Когда же Сибирская дорога съ Устюга пошла на Соликамскъ, южнѣе Чердыни, тогда значеніе Лальска и Кая должно было вырости и дорога черезъ нихъ пролегла параллельно со старою дорогою на Сольвычегодскъ и Пыелдынъ. Въ XVII вѣкѣ пользовались уже обѣими дорогами одинаково. Мы позволили себѣ указать на эти мелочи потому, что онѣ до сихъ поръ, какъ кажется, не останавливали на себѣ въ полной мѣрѣ вниманія изслѣдователей, и обѣ вѣтви Сибирскаго пути между Устюгомъ и верхнею Камою недостаточно различались.

много произвольнаго, но они очень любопытны какъ выраженіе общаго взгляда на отношенія эпохи, взгляда, имѣющаго свои основанія.

Патріархъ Гермогенъ представляется Бестужеву «простымъ русскимъ человѣкомъ» (99), «ревнивымъ оберегателемъ преданій» (27); «это, можетъ быть, человѣкъ былъ неглубокаго ума, но патріотъ несомнѣнно» (21). Онъ поневолѣ «принялъ горькую необходимость признать Владислава, но и то съ его, Гермогена, условіемъ: принять православіе.... Спорить ему было нельзя, но и тутъ онъ сначала защищалъ Шуйскаго, потомъ предлагалъ своихъ кандидатовъ и только по нуждѣ призналъ Владислава» (32—33). Бестужевъ не понимаетъ, почему Гермогенъ стоялъ за В. В. Голицына (37), и ищетъ объясненія въ томъ, что Гермогенъ, если не принадлежалъ къ роду Голицыныхъ, то былъ изъ ихъ дома (21, 28, 31). Такимъ образомъ, онъ не вѣритъ преданію, что Гермогеномъ въ иночествѣ былъ названъ князь Ермолай Голицынъ. Въ этомъ невѣріи его могло бы укрѣпить одно извѣстіе, оставшееся, повидимому, неизвѣстнымъ нашимъ корреспондентамъ. По надписи на одной изъ вятскихъ иконъ, «святѣйшій патріархъ Гермогенъ» благословилъ въ 1607 году образомъ «зятя своего Корнилія Рязанцева». Врядъ ли бы могла княжна Голицына выйдти замужъ за одного изъ обычныхъ посадскихъ людей, какими были «москвитины» Рязанцевы на Вяткѣ.

Князя Д. М. Пожарскаго Бестужевъ считаетъ на сторонѣ В. В. Голицына — на основаніи извѣстныхъ его словъ, сказанныхъ въ 1612 году, что Голицынъ такой «столпъ», за который бы «всѣ держались»,

возможность послѣдовательности въ обсужденіи темъ, дѣлалъ ненужными подробности. Тому, кто будетъ читать письма Бестужева, не зная хорошо эпохи, которой они посвящены, и не зная писемъ графа С. Д. Шереметева (они, къ сожалѣнію, остаются неизданными),— тому многое въ рѣчахъ Бестужева останется темнымъ и непонятнымъ. За то знакомый съ дѣломъ человѣкъ будетъ очень заинтригованъ всѣмъ тѣмъ, о чемъ ведутъ рѣчь корреспонденты. Онъ встрѣтитъ здѣсь много свѣжаго и новаго въ смыслѣ пониманія эпохи, много интереснаго въ намекахъ на добытые графомъ новые матеріалы, много неожиданнаго въ домыслахъ и предположеніяхъ, въ оцѣнкахъ лицъ и вліяній, партій и отношеній Смутной эпохи. Но не одинъ разъ и онъ пожалѣетъ о томъ, что письма оставлены безъ всякихъ поясненій и примѣчаній; вѣдь эти примѣчанія могли бы быть составлены такъ, чтобы объяснять прямой смыслъ писемъ безъ преждевременнаго обнаруженія всего того, что составляетъ детали будущей монографіи.

Оба корреспондента вѣрятъ тому, что «названный царь», «разстрига», царствовавшій въ Москвѣ подъ именемъ Димитрія, былъ настоящій сынъ Грознаго, спасенный изъ Углича куда-то на сѣверъ, а оттуда въ Литву. Руководительство имъ они приписываютъ московскимъ боярамъ, совершенно не принимая теоріи г. Иловайскаго о литовской интригѣ. Кровавое происшествіе въ Угличѣ 15-го мая 1591 года представляется имъ, какъ убійство подмѣненнаго ребенка, допущенное или устроенное Нагими (стр. 14—15, 17 и др.). Спасенный царевичъ предназначался своими руководителями не только къ тому, чтобы свергнуть

много произвольнаго, но они очень любопытны какъ выраженіе общаго взгляда на отношенія эпохи, взгляда, имѣющаго свои основанія.

Патріархъ Гермогенъ представляется Бестужеву «простымъ русскимъ человѣкомъ» (99), «ревнивымъ оберегателемъ преданій» (27); «это, можетъ быть, человѣкъ былъ неглубокаго ума, но патріотъ несомнѣнно» (21). Онъ поневолѣ «принялъ горькую необходимость признать Владислава, но и то съ его, Гермогена, условіемъ: принять православіе.... Спорить ему было нельзя, но и тутъ онъ сначала защищалъ Шуйскаго, потомъ предлагалъ своихъ кандидатовъ и только по нуждѣ призналъ Владислава» (32—33). Бестужевъ не понимаетъ, почему Гермогенъ стоялъ за В. В. Голицына (37), и ищетъ объясненія въ томъ, что Гермогенъ, если не принадлежалъ къ роду Голицыныхъ, то былъ изъ ихъ дома (21, 28, 31). Такимъ образомъ, онъ не вѣритъ преданію, что Гермогеномъ въ иночествѣ былъ названъ князь Ермолай Голицынъ. Въ этомъ невѣріи его могло бы укрѣпить одно извѣстіе, оставшееся, повидимому, неизвѣстнымъ нашимъ корреспондентамъ. По надписи на одной изъ вятскихъ иконъ, «святѣйшій патріархъ Гермогенъ» благословилъ въ 1607 году образомъ «зятя своего Корнилія Рязанцева». Врядъ ли бы могла княжна Голицына выйдти замужъ за одного изъ обычныхъ посадскихъ людей, какими были «москвитины» Рязанцевы на Вяткѣ.

Князя Д. М. Пожарскаго Бестужевъ считаетъ на сторонѣ В. В. Голицына — на основаніи извѣстныхъ его словъ, сказанныхъ въ 1612 году, что Голицынъ такой «столпъ», за который бы «всѣ держались»,

важнѣйшимъ дѣятелемъ смуты. «Да, люди XVI и XVII вѣковъ умѣли вести интригу и, конечно, въ этомъ дѣлѣ самымъ большимъ мастеромъ явился человѣкъ, едва ли не самый умный,—Ѳеодоръ Никитичъ», говорится въ одномъ письмѣ (26). «Первенствующую роль въ событіяхъ Смутнаго времени» — пишетъ Бестужевъ позднѣе — «охотно признаю за Ѳедоромъ Никитичемъ, но не считаю его роль особенно славною» (37). Ѳедоръ Никитичъ — «человѣкъ умный, но безпринципный; онъ жертвовалъ не только людьми, но и правдой» (36, 37). Такъ, въ 1606 году онъ принялъ участіе въ канонизаціи царевича, въ Угличское убіеніе котораго не вѣрилъ (36). По мнѣнію Бестужева, Ѳедоръ Никитичъ былъ посвященъ въ тайну спасенія царевича: «вѣдь безъ Ѳедора Никитича ничего не могло обойтись (пишетъ онъ): мнѣ сдается, что онъ болѣе другихъ дѣятелей замѣшанъ въ событіяхъ» (11); «съ самаго момента событія 1591 года онъ уже слѣдитъ за дѣломъ» (15). И не только въ Угличскомъ дѣлѣ, но и во всѣхъ перипетіяхъ смуты Ѳ. Н. Романовъ принималъ участіе: «во всѣхъ событіяхъ той эпохи, такъ или иначе, сказалась рука *царя Ѳеодора Микитича*», говоритъ Бестужевъ, вспоминая надпись на одномъ изъ портретовъ патріарха Филарета (50, 60, 22). Покойному ученому какъ будто представлялось вѣское возраженіе, что «царь Ѳеодоръ Микитичъ» не могъ вліять непосредственно на ходъ дѣлъ уже потому, что постоянно былъ внѣ Москвы — то въ ссылкѣ, то на митрополіи въ Ростовѣ, то въ плѣну тушинскомъ и польскомъ: въ одномъ изъ писемъ (стр. 33) находимъ замѣчаніе, что Ѳедоръ Никитичъ «и изъ плѣна руководилъ всѣмъ». Во всѣхъ этихъ отзывахъ, конечно,

ются какъ достаточно организованныя партіи, о духовенствѣ, которое называется «сильною партіей», о «торговыхъ людяхъ», которымъ усваивается политическое значеніе (17, 19 и др.). Всего достойнаго упоминанія не перечтешь. Хорошее знакомство съ эпохою, тонкая наблюдательность, живость изложенія придаютъ интересъ каждой строкѣ «Писемъ».

Интересны также отзывы и запросы Бестужева по поводу историческихъ документовъ, о которыхъ заходила рѣчь между корреспондентами. Такъ, о «слѣдственномъ дѣлѣ» 1591 года касательно смерти царя Димитрія, Бестужевъ предлагаетъ рядъ вопросовъ (стр. 29), изъ коихъ ясно, что ему было неизвѣстно дѣйствительное состояніе этого документа. Онъ спрашиваетъ, каково начало этого «дѣла», предполагая, что оно сохранилось, но не напечатано. На самомъ дѣлѣ его нѣтъ, и дѣло напечатано цѣликомъ, какъ уцѣлѣло. Далѣе слѣдуетъ замѣчаніе: «любопытно, что чернякъ (этого дѣла) не истребленъ, когда онъ выдаетъ работу составителей». Поводомъ къ такому замѣчанію послужили «помарки и вставки» въ дѣлѣ. Но эти помарки и вставки никакой «работы составителей» не выдаютъ, потому что онѣ—обычныя помарки и вставки приказныхъ черняковъ: «дѣло» дошло до насъ въ столбцѣ, который склеенъ изъ подлинныхъ «рѣчей», челобитныхъ и другихъ документовъ слѣдствія. Если здѣсь и будетъ обнаруженъ когда-либо подлогъ, то не въ видѣ простыхъ «помарокъ и вставокъ». Такъ же рискованно предположеніе, что «дѣло Романовыхъ» «не такъ ветхо, какъ можно было бы заключить по точкамъ издателя» (29). Павловъ, который пустилъ въ ходъ это заявленіе, ничѣмъ, какъ извѣстно, его и

еслибъ онъ не былъ въ плѣну (9). Бестужевъ «готовъ даже повѣрить, что вопросъ (кто долженъ быть царемъ): Романовъ или Голицынъ? отдѣлялъ бояръ отъ Пожарскаго», такъ какъ бояре въ междоцарствіе «берегли Москву для Романова», а Пожарскій желалъ Голицына (40). Эти рискованныя положенія, впрочемъ, не выдаются за доказанныя. Оцѣнка личныхъ свойствъ Пожарскаго у нашего историка не высока. «Я не считаю Пожарскаго человѣкомъ геніальнымъ (пишетъ онъ) и въ особенности не думаю, чтобы онъ былъ великимъ дипломатомъ... Пожарскій въ крайности и присягнулъ бы Тушинскому вору, ибо онъ признавалъ всѣ установившіяся правительства и никогда не велъ интриги. Это былъ человѣкъ средній, можетъ быть, но весьма почтенный» (18). Въ одномъ мѣстѣ наклонность Пожарскаго «признавать власть, признанную всей Россіей», называется даже «безпринципностью» (37). Университетскимъ слушателямъ Бестужева давно знакомъ этотъ мало благосклонный взглядъ Бестужева на Нижегородскаго воеводу, взглядъ, основанный на отзывахъ Соловьева о Пожарскомъ, какъ о человѣкѣ «мелкочиновномъ» и скромномъ. Теперь, когда мы лучше знаемъ организацію ополченія 1612 года и общественныя отношенія той эпохи, мы не будемъ стоять за этотъ взглядъ: фигура Пожарскаго кажется гораздо крупнѣе съ болѣе правильно взятой точки зрѣнія.

Такъ же опредѣленны, хотя и менѣе подробны и обстоятельны, отзывы «Писемъ» и о другихъ лицахъ смутной эпохи: о В. В. Голицынѣ, Нагихъ, Мининѣ, Д. Т. Трубецкомъ, Шуйскихъ и т. д. Интересны замѣчанія о боярскихъ кружкахъ, которые представля-

вичемъ 24-го апрѣля 1604 г. и заключающее въ себѣ краткій разсказъ о его спасеніи «napred w samem panstwie moskwieskiem miedzy czierncamy do czasu piewniego, potym w granicach polskych». Но этотъ документъ еще не устанавливаетъ подлинно царскаго происхожденія Разстриги, а въ предисловіи къ документу о. Пирлингъ ничѣмъ не обнаруживаетъ, что на основаніи этого письма Разстриги онъ «близокъ къ тому, чтобы признать его настоящимъ».

Для любителей собирать и отмѣчать личныя мнѣнія замѣчу, что на стр. 53-й «Писемъ» не точно передано, будто я «не могу отречься отъ Отрепьева». Въ любомъ литографскомъ изданіи моего курса русской исторіи, начиная съ 1883 года, можно найти ясныя свидѣтельства того, что я не стою за тожество Гришки Отрепьева и царя Дмитрія Ивановича. Въ бесѣдѣ съ покойнымъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ я могъ высказать только ту мысль, что доказывать тожество Разстриги съ настоящимъ царевичемъ труднѣе, чѣмъ доказывать его тожество съ Отрепьевымъ. Пока не получили извѣстности доказательства, убѣдившія нашихъ корреспондентовъ въ спасеніи малютки Дмитрія, до тѣхъ поръ легенда объ Отрепьевѣ будетъ существовать. На стр. 48-й Бестужевъ признаетъ правильною дилемму: «если не Отрепьевъ, то настоящій, а такъ какъ несомнѣнно не Отрепьевъ, то... но для неубѣжденныхъ это все-таки надо доказать». Неубѣжденный же можетъ повернуть дилемму и такъ: если не настоящій (что не доказано), то Отрепьевъ. Третье можетъ быть только одно: неизвѣстно кто. Если не держаться этого третьяго и искать непремѣнно имени, то скорѣе придешь къ Отрепьеву, чѣмъ увѣруешь въ

доказалъ. Очень любопытно указаніе на «синодикъ Макарьевскаго монастыря», въ которомъ встрѣчается имя «инока Леонида» среди, если не ошибаемся, царскихъ именъ конца XVI и начала XVII вѣка (27, 51). Не менѣе интригуютъ и упоминанія объ «свѣдѣніяхъ австрійскихъ» (6). Кое-что указано изъ этихъ свѣдѣній въ *Historisk Tidskrift* за 1883 годъ. Если «Письма» разумѣютъ что либо еще болѣе интересное, то, разумѣется, свѣдѣнія эти важны. Наконецъ, на стр. 45, Бестужевъ сообщаетъ, между прочимъ со словъ пишущаго эти строки, что «Пирлингъ нашелъ нѣсколько документовъ, касающихся Разстриги, и намѣренъ ихъ печатать. Говорятъ, что онъ близокъ къ тому, чтобы признать его настоящимъ. Впрочемъ, Платоновъ, получившій отъ него письмо, говоритъ, что Пирлингъ ставитъ такъ вопросъ, что эти бумаги укажутъ, если не то, кто былъ Разстрига, то по крайней мѣрѣ то, какъ онъ о себѣ говорилъ». Ужъ если сообщеніе отца П. Пирлинга попало въ печать независимо отъ его или моего желанія и вѣдома, то необходимо возстановить его точную форму. Въ письмѣ о. Пирлинга изъ Мантуи отъ $^{28}/_{16}$ марта 1894 г. стоятъ слѣдующія строки: «У меня всего въ виду 2—3 документа. Замѣчательны они тѣмъ, что исходятъ они отъ ближайшихъ сторонниковъ Димитрія. Если это не самая истина, то это по крайней мѣрѣ то, что Димитрій выдавалъ за истину». Только что вышедшее въ Парижѣ изданіе о. Пирлинга «Lettre de Dmitri dit le Faux à Clément VIII» обнародываетъ именно такой документъ, который содержитъ «то, что Димитрій выдавалъ за истину». Это собственноручное письмо («entièrement autographe»), писанное по-польски названнымъ царе-

О ТИТУЛѢ „ДУНМЫЙ ДЬЯКЪ".

(1900).

Въ концѣ XVI вѣка и въ XVII вѣкѣ въ составѣ боярской думы Московскаго государства упоминаются думные дьяки. Это — младшій іерархически думный чинъ, члены котораго, по сообщенію современниковъ, даже не сидятъ, а стоятъ въ думныхъ собраніяхъ, докладываютъ и объясняютъ дѣла, но не участвуютъ на равныхъ правахъ съ боярами въ рѣшеніи дѣлъ. Громадное значеніе и вліяніе думныхъ дьяковъ въ московскихъ служебныхъ кругахъ объясняется не тѣмъ, что они признаются сановниками, а тѣмъ, что они стоятъ во главѣ важнѣйшихъ московскихъ приказовъ, находящихся въ ближайшемъ вѣдѣніи самой думы. Вся текущая дѣятельность московской центральной администраціи направляется думными дьяками; въ этомъ ихъ сила; отсюда ихъ извѣстность.

Однако, несмотря на свою извѣстность, думные дьяки, вмѣстѣ съ учрежденіемъ, въ которомъ они дѣйствовали, стали предметомъ большихъ разногласій въ нашей спеціальной литературѣ. Тому, кто желалъ бы навести краткую справку объ этомъ думномъ чинѣ,

чудесное спасеніе отъ недоказаннаго убійства. Только это и могъ я высказывать, не будучи введенъ въ кругъ тѣхъ доказательствъ, которыми былъ убѣжденъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.

Изданіе писемъ сдѣлано тщательно. Извѣстный по неразборчивости почеркъ покойнаго историка прочтенъ въ общемъ хорошо. Можетъ быть, на стр. 23-й (строка 3 снизу) вмѣсто непонятной «*нерьяной* роли» слѣдуетъ читать «*невидной*», а на стр. 40-й (строка 4 сверху) вмѣсто «*за которыми*» должно быть «*за которымъ*». На стр. 25-й польскій текстъ искаженъ: вмѣсто, напримѣръ, «miasteczkach» стоитъ «mia eczkich», вмѣсто «czerńce»—«czerńu»; было бы нетрудно выписать приводимыя въ письмѣ фразы со стр. 177—178 доступнаго всѣмъ перваго тома изданія г. Прохазки «Archivum domus Sapiehanae». Есть промахи и въ «Указателѣ»: смѣшаны митрополитъ Діонисій и архимандритъ Діонисій; въ цифрахъ у имени кн. Д. М. Пожарскаго пропущена цифра 9. Подъ словомъ «Разстрига» указано «см. Отрепьевъ»; между тѣмъ въ «Письмахъ» терминомъ Разстрига означается именно не Отрепьевъ, а названный царевичъ.

О ТИТУЛѢ „ДУМНЫЙ ДЬЯКЪ".

(1900).

Въ концѣ XVI вѣка и въ XVII вѣкѣ въ составѣ боярской думы Московскаго государства упоминаются думные дьяки. Это — младшій іерархически думный чинъ, члены котораго, по сообщенію современниковъ, даже не сидятъ, а стоятъ въ думныхъ собраніяхъ, докладываютъ и объясняютъ дѣла, но не участвуютъ на равныхъ правахъ съ боярами въ рѣшеніи дѣлъ. Громадное значеніе и вліяніе думныхъ дьяковъ въ московскихъ служебныхъ кругахъ объясняется не тѣмъ, что они признаются сановниками, а тѣмъ, что они стоятъ во главѣ важнѣйшихъ московскихъ приказовъ, находящихся въ ближайшемъ вѣдѣніи самой думы. Вся текущая дѣятельность московской центральной администраціи направляется думными дьяками; въ этомъ ихъ сила; отсюда ихъ извѣстность.

Однако, несмотря на свою извѣстность, думные дьяки, вмѣстѣ съ учрежденіемъ, въ которомъ они дѣйствовали, стали предметомъ большихъ разногласій въ нашей спеціальной литературѣ. Тому, кто желалъ бы навести краткую справку объ этомъ думномъ чинѣ,

придется получить отъ разныхъ изслѣдователей различныя, взаимно несогласимыя показанія. У Н. П. Лихачева онъ найдетъ категорическое, основанное на хорошемъ знакомствѣ съ первоисточниками, утвержденіе, что «точный титулъ *думный дьякъ* появляется лишь въ послѣдней четверти XVI столѣтія, но участіе дьяковъ въ думѣ несомнѣнно даже для XV вѣка». «Титулъ *думный дьякъ*,—продолжаетъ далѣе г. Лихачевъ,—въ документахъ первой половины XVI столѣтія замѣняется другими болѣе или менѣе соотвѣтствующими обозначеніями... такія напримѣръ, названія, какъ *дьякъ введеной, дьяки великіе*, несомнѣнно, относятся къ дьякамъ, введеннымъ въ думу»[1]). Въ приведенныхъ цитатахъ высказана совсѣмъ ясная мысль: новымъ титуломъ въ концѣ XVI вѣка почтена старая должность, искони бывшая въ Москвѣ. Вопросъ о происхожденіи думнаго дьячества есть вопросъ о происхожденіи только титула. Менѣе ясности въ отзывахъ В. И. Сергѣевича. Въ I-мъ томѣ его «Юридическихъ Древностей» читаемъ: «Въ первой половинѣ XVII вѣка, а можетъ быть и ранѣе, появляется и титулъ думнаго дьяка... Дьяки-совѣтники своихъ государей — явленіе очень старинное. Но въ старину это было дѣломъ домашней, кабинетной жизни. Теперь же (то-есть, «въ первой половинѣ XVII вѣка, а можетъ быть и ранѣе»?) дьяки удостоиваются и соотвѣтствующаго титула и такимъ образомъ явно на глазахъ всего Московскаго государства становятся рядомъ съ дѣтьми боярскими, живущими въ думѣ, съ окольничими и боярами введен-

---

[1]) *Н. П. Лихачевъ,* Разрядные дьяки XVI вѣка, Спб. 1888, стр. 166, 180 и слѣд.

ными. Они признанные члены государевой думы, а не тайные совѣтники (стр. 502 — 503). Выходитъ такъ, что удостоеніе титула «думный» было формальнымъ, сравнительно позднимъ, признаніемъ дьяковъ членами государевой думы. Изъ «тайныхъ совѣтниковъ» князя они были сдѣланы думцами. Во II-мъ томѣ того же труда оттѣнки изложенія становятся иными. «До насъ дошли,—пишетъ г. Сергѣевичъ,—указанія на дьяковъ, участниковъ боярской думы, отъ конца XVI вѣка... Но есть основаніе думать, что и думные дьяки могли появиться уже въ царствованіе Ивана Васильевича III... Прилагательное *думный* для обозначенія дьяка-совѣтника могло возникнуть позднѣе, но самое дѣло—приглашеніе дьяковъ въ думу — совершенно согласно съ политикою Ивана III» (стр. 353). Когда же совершилось признаніе дьяковъ членами думы? Въ княженіе великаго князя Ивана III Васильевича, когда дьяковъ пригласили въ думу, или же позднѣе, когда ихъ удостоили соотвѣтствующаго титула? Затрудненіе читателя возрастаетъ еще болѣе при чтеніи страницы 396-й, гдѣ г. Сергѣевичъ говоритъ, что въ постановленіи думцами одного «боярскаго приговора» 1520 года участвовали «3 думныхъ дьяка», между тѣмъ читатель еще не забылъ, что на стр. 353-й самъ авторъ, утверждая, что «до насъ дошли указанія на дьяковъ, участниковъ боярской думы, отъ *конца* XVI вѣка», прибавляетъ: «далѣе этого свидѣтельства памятниковъ, намъ извѣстныя, не восходятъ». Желаніе уразумѣть точно мнѣніе авторитетнаго ученаго ведетъ насъ, можетъ быть, къ мелочности и придирчивости, но и при всемъ томъ оно остается неудовлетвореннымъ. Рѣшаемся впрочемъ думать, что г. Сергѣевичъ въ данномъ вопросѣ

слѣдуетъ г. Лихачеву, не выводя своихъ наблюденій изъ круга матеріаловъ, комбинированныхъ послѣднимъ. Эти матеріалы, повидимому, заставляютъ его признавать, что дьяки появились въ думѣ раньше, чѣмъ получили титулъ *думныхъ*. Если такъ, то и для г. Сергѣевича вопросъ о происхожденіи думнаго дьячества въ концѣ XVI вѣка есть вопросъ только о происхожденіи титула. Иначе стоитъ дѣло у гг. Ключевскаго и Владимірскаго-Буданова: они оба признаютъ должности думныхъ дьяковъ учрежденіемъ, выросшимъ при думѣ въ XVI вѣкѣ благодаря «новымъ потребностямъ администраціи», «усиленію письменнаго дѣлопроизводства» [1]. Думные дьяки стали какъ бы начальниками отдѣленій думной канцеляріи, отдѣленій, которыя разрослись въ цѣлые приказы съ обширнымъ кругомъ дѣлъ. Оставаясь подъ непосредственнымъ руководствомъ боярской думы, эти приказы передавались въ завѣдываніе дьякамъ, «какъ делегатамъ думы» (выраженіе М. Ф. Владимірскаго-Буданова). При такомъ взглядѣ на дѣло, учрежденіе должностей думныхъ дьяковъ должно быть поставлено въ связь съ административною реформою, создавшею кругомъ думы рядъ важнѣйшихъ по значенію приказовъ. Тотъ, кто опредѣлитъ время этой реформы, узнаетъ и время появленія должностей думныхъ дьяковъ. До сихъ поръ, однако, это никѣмъ еще не сдѣлано, хотя въ послѣднія десятилѣтія достигнуты большіе успѣхи въ изученіи той именно эпохи, къ которой относится появле-

---

[1]) *В. О. Ключевскій*, Боярская дума древней Руси. М. 1882, стр. 287—289. *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права. Изд. 3-е, К. 1900, стр. 177—178.

ніе думнаго дьячества, и того именно административнаго строя, въ которомъ это дьячество стало такою вліятельною силою.

Можно думать, что и впредь ученые тщетно будутъ искать момента «учрежденія» новой должности думныхъ дьяковъ, потому что дьяки въ думѣ присутствовали всегда одинаково: и въ XV вѣкѣ, когда ихъ думными не звали, и въ XVI вѣкѣ, когда ихъ привыкли называть думными. Это совершенно ясно доказано г. Лихачевымъ, который оставилъ на долю послѣдующихъ изыскателей лишь одну задачу — объяснить, откуда появился въ XVI вѣкѣ ранѣе не существовавшій обычай именовать дьяковъ, ведущихъ доклады въ боярской думѣ, думными дьяками, не смотря на то, что они по-прежнему стояли во главѣ приказовъ и продолжали называться по имени своихъ приказовъ—разрядными, помѣстными и т. д.[1]). Акты XVI вѣка не даютъ этому готоваго объясненія; мало того— въ актахъ и приказныхъ записяхъ очень рѣдко встрѣчаемъ названіе дьяковъ *думными* вплоть до 1613 года. И въ спискахъ думныхъ чиновъ дьяки XVI вѣка вовсе не записываются[2]). Это—признакъ того, что въ XVI вѣкѣ названіе *думный* скорѣе житейское прозвище, чѣмъ опредѣленное оффиціальное наименованіе. То объясненіе, которое по нашему вопросу мы сейчасъ предложимъ, клонится къ тому же заключенію: назва-

---

[1]) Напримѣръ «думный дьякъ Помѣстныя избы», «думный дьякъ Помѣстного приказу» (*Н. П. Лихачевъ*, Разрядные дьяки, стр. 183).

[2]) Въ Древней Росс. Вивліоѳикѣ, т. XX, думные дьяки впервые приведены подъ 7163 (1654—1655) годомъ (стр. 111); въ Архивѣ Ист.-юр. свѣдѣній *Калачева*, книга 2, I, стр. 132, — подъ 7115 (1606—1607) годомъ.

ніе *думнаго* создалось бытовымъ порядкомъ, такъ сказать, само собою, съ появленіемъ опричнины Грознаго, благодаря тому, что явилась надобность какъ нибудь отличать дьяковъ, по старому докладывавшихъ дѣла думѣ, отъ дьяковъ, имѣвшихъ докладъ помимо старой боярской думы въ новомъ государевѣ «дворѣ» или «опришнинѣ». Первыхъ стали звать дьяками «изъ земскаго» или «думными», вторыхъ — дьяками «изъ опришнины» или «дворовыми». Затѣмъ мало по малу эпитетъ *думныхъ* закрѣпился за тѣми изъ дьяковъ, которые бывали въ думѣ, а прочіе параллельные эпитеты исчезли съ уничтоженіемъ «опричнины» и «двора». Справедливость этого наблюденія откроется всякому, кто дастъ себѣ трудъ просмотрѣть относящіеся къ дѣлу документы XVI вѣка и въ особенности тексты пространныхъ редакцій «разрядовъ» за вторую половину XVI столѣтія. Такимъ образомъ выходитъ, что въ эпоху Грознаго дѣйствительно произведена была перемѣна, но она касалась не столько дьячества, сколько самого правительства, и по отношенію къ дьякамъ сказалась только тѣмъ, что въ порядкѣ подчиненности раздѣлила дьяковъ на двѣ группы: подчиненныхъ, по старому, боярской думѣ и подчиненныхъ вновь устроенному «двору». Новостью оказывался не «думный» дьякъ, который и раньше ходилъ въ думу, а дьякъ *дворовый*, который пересталъ носить дѣла въ думу земскимъ боярамъ, а началъ являться съ ними въ опричнину, къ новой власти.

Мимоходомъ мы высказали эту мысль въ нашихъ «Очеркахъ по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ» [1]) при характеристикѣ того раздвоенія, которое

---

[1]) Въ первомъ изданіи стр. 154; во второмъ стр. 117.

было внесено опричниною въ функціи московской администраціи. По нашему представленію опричнина не создала новыхъ учрежденій, кромѣ новаго «двора особнаго». Этотъ «особной дворъ» пользовался для своихъ цѣлей старыми, до него существовавшими органами управленія, выдѣляя изъ состава приказныхъ людей особый штатъ «дьяковъ изъ опришнины», но оставляя ихъ сидѣть въ ихъ прежнихъ приказахъ и вѣдать дѣла старымъ порядкомъ. Такимъ образомъ въ Разрядѣ, напримѣръ, въ 1574—1576 гг. сидѣли вмѣстѣ дьяки Щелкаловы, Шерефединовъ и Арцыбышевъ. Братья Щелкаловы при этомъ вѣдали дѣла и мѣстности «изъ земскаго», а Шерефединовъ и Арцыбышевъ—дѣла и мѣстности «дворовыя». Щелкаловы докладывали боярской думѣ, а ихъ товарищи — царю въ его «особномъ дворѣ». Но Разрядъ при этомъ оставался по-прежнему единымъ учрежденіемъ, работавшимъ по старой правительственной традиціи; механизмъ его не измѣнился отъ того, что вмѣсто одной высшей инстанціи стало двѣ. Для удобства различенія стали Щелкаловыхъ звать думными дьяками, а ихъ товарищей—дворовыми; но этими названіями не отмѣчалось никакой перемѣны ни въ служебной чести, ни въ служебной практикѣ этихъ лицъ. Существо службы не мѣнялось оттого, что мѣнялся порядокъ подчиненности.

То, что мы теперь говоримъ, есть плодъ личныхъ наблюденій надъ сырымъ историческимъ матеріаломъ; это — только гипотеза. Но ею объясняется такъ много въ исторіи не только самой опричнины, но и вообще московскихъ учрежденій XVI вѣка, что за эту гипотезу стоитъ постоять и надъ ея развитіемъ стоитъ поработать. Мы увѣрены, что историки права и учре-

жденій XVI вѣка въ Московскомъ государствѣ должны будутъ обратиться къ самому внимательному изученію опричнины, которая еще такъ недавно объявлялась нелѣпою и безсмысленною по своей цѣли и которая вовсе не изучалась со стороны ея дѣйствительнаго значенія и результатовъ.

РѢЧИ ГРОЗНАГО НА ЗЕМСКОМЪ СОБОРѢ 1550 ГОДА.

(1900).

Кто не знаетъ той знаменитой рѣчи Іоанна Грознаго, которая была имъ говорена на Лобномъ мѣстѣ первому земскому собору? Кто въ свое время не читалъ искуснаго перевода этой рѣчи, предложеннаго Карамзинымъ въ VIII томѣ его «Исторіи» и повтореннаго покойнымъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ въ его, къ сожалѣнію, не оконченной «Русской исторіи?» Рѣчь Грознаго — одинъ изъ прославленныхъ памятниковъ слова Московской Руси — печаталась дважды. Карамзинъ помѣстилъ текстъ этой рѣчи (и рѣчи Грознаго Адашеву) въ 182-мъ и 184-мъ примѣчаніяхъ къ своему VIII тому, замѣтивъ при этомъ, что «сія любопытная рѣчь находится въ Архивской Степенной Книгѣ Хрущева». Вскорѣ затѣмъ весь разсказъ объ обращеніи молодаго царя къ народу и рѣчь его Адашеву были вторично изданы въ Румянцевскомъ «Собраніи Гос. Грамотъ и Договоровъ» безъ указанія оригинала, съ одною лишь отмѣткою: «въ спискѣ», которая должна была означать, что редакторы изданія не имѣли въ рукахъ оффиціальнаго, «приказнаго», текста памят-

ника. Можно не сомнѣваться, что въ ихъ распоряженіи была та же Степенная книга Хрущова, которую назвалъ Карамзинъ: въ этомъ убѣждаетъ полное тожество напечатаннаго ими текста и текста, который теперь можно читать въ Хрущовской рукописи. Съ тѣхъ поръ (съ 1819 года) не было никакихъ указаній на существованіе иныхъ списковъ занимающаго насъ памятника [1]).

Уже Карамзинъ считалъ возможнымъ сомнѣваться въ точности отдѣльныхъ указаній, какими сопровождалась открытая имъ «рѣчь» въ Степенной книгѣ. Тамъ было сказано, что царь говорилъ рѣчь «въ возрастѣ 20 году»; Карамзинъ поправлялъ: «не 20, а 17». Степенная книга сообщала, что царь въ тотъ же день, когда говорилъ къ народу, пожаловалъ А. Адашева въ окольничіе; Карамзинъ не повѣрилъ этому, имѣя въ виду боярскіе списки въ «Древней Россійской Вивліоѳикѣ» (т. XX), по которымъ Адашеву окольничество сказано было значительно позднѣе. Н. П. Лихачевъ также находилъ это указаніе невѣрнымъ и объяснялъ его «несомнѣнными искаженіями», допущенными въ дошедшихъ до насъ «спискахъ» памятника [2]). Вообще же достовѣрность памятника въ его цѣломъ оставалась до настоящаго времени внѣ сомнѣній, и изслѣдователи скорѣе жалѣли о краткости его и неясности, чѣмъ подозрѣвали его ненадежность. Еще въ недавніе

---

[1]) Слова Н. П. Лихачева (*Ист. Вѣстн*, 1890, май, стр. 382) о томъ, что рѣчь дошла до насъ «въ спискахъ», имѣютъ въ виду не рукописи, а два изданныхъ текста, о которыхъ не предполагалось, что они печатаны съ одной рукописи. (Сравн. тамъ же стр. 391, прим. 2).

[2]) *Ист. Вѣстн.*, 1890, май, стр. 382.

годы на него ссылались, какъ на источникъ для исторіи земскаго собора 1550 года; но уже В. О. Ключевскій призналъ, что нельзя изъ его текста извлечь что-либо вполнѣ опредѣленное, и выразился такъ, что соборъ 1550 года «надобно пока считать потеряннымъ фактомъ въ исторіи устройства соборнаго представительства XVI вѣка»[1]).

Можно опасаться, что смыслъ этой фразы безутѣшнѣе, чѣмъ казалось тогда, когда она была напечатана. Непосредственное знакомство со Степенною книгою Хрущова производитъ неожиданное впечатлѣніе. Хранится эта книга въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (библіотеки Архива № 26—34) и представляетъ собою, насколько можно судить на основаніи общаго обзора, Степенную книгу обычнаго состава, тожественную съ напечатанной въ XVIII столѣтіи. Рукопись письма XVII вѣка, писана скорописью въ листъ, въ ветхомъ переплетѣ; на одномъ изъ послѣднихъ ненумерованныхъ листовъ есть запись: «Книга гранографъ околничаго Семена Семеновича Колтовскаго» (извѣстенъ по боярской книгѣ 7199—1691 года)[2]). Въ XVIII столѣтіи рукопись принадлежала Андрею Ѳедоровичу Хрущову, «конфиденту» Артемія Волынскаго, казненному вмѣстѣ съ Волынскимъ въ 1740 году. Въ числѣ другихъ конфискованныхъ «гисторій» Степенная книга была въ 1742 году сдана въ архивъ Иностранной коллегіи[3]). Изъ этихъ данныхъ

---

[1]) *Русская Мысль,* 1890, январь, стр. 150.

[2]) «Алфавитный указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ», и пр. М. 1853, стр. 197.

[3]) *С. А. Бѣлокуровъ,* О библіотекѣ Московскихъ государей въ XVI столѣтіи. М. 1899, стр. 88—89.

ясно, что мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ, не восходящимъ къ XVI вѣку; далеко не всѣ отнесутъ его даже и къ первой половинѣ XVII столѣтія. Одно это обстоятельство способно внушить нѣкоторую осторожность: не всегда позволительно довѣряться показаніямъ поздней лѣтописи о событіяхъ, о которыхъ нѣтъ современныхъ имъ извѣстій. Въ данномъ же случаѣ дѣло усложняется тѣмъ, что Хрущовская рукопись подверглась интерполяціи какъ разъ въ томъ мѣстѣ, которое насъ интересуетъ, — въ 9-й главѣ 17-й степени, тамъ, гдѣ говорится о «великомъ пожарѣ» и «покаяніи людстѣмъ»[1]). По существующему въ рукописи счету листовъ и страницъ, листъ 518 (стр. 1026) былъ вырѣзанъ и замѣненъ другимъ съ цѣлью дополненія текста. Вырѣзанъ всего одинъ листокъ (то-есть, двѣ страницы) и къ оставшемуся его корешку частью пришитъ, частью приклеенъ сложенный листъ (то-есть, четыре страницы), — и на этомъ-то листѣ находятся знаменитыя «рѣчи» царя Ивана! Именно онѣ[2]) и служили предметомъ вставки: предшествующій имъ и послѣдующій текстъ не отличается отъ обычнаго текста Степенной книги и подогнанъ интерполяторомъ къ основному тексту сосѣднихъ листовъ рукописи. Такую же замѣну листовъ можно наблюдать и въ другомъ мѣстѣ рукописи, именно, въ изложеніи 24-й главы 15-й степени (листъ 469, стр. 928)[3]). Предстоитъ еще опредѣлить количество и тенденцію вставокъ и замѣнъ въ рукописи, на что

---

[1]) Книга Степенная, часть II, стр. 246—249.

[2]) То-есть, какъ разъ все то, что напечатано въ Собраніи Гос. Гр. и Дог., т. II, подъ № 37.

[3]) Книга Степенная, часть II, стр. 159—160.

годы на него ссылались, какъ на источникъ для исторіи земскаго собора 1550 года; но уже В. О. Ключевскій призналъ, что нельзя изъ его текста извлечь что-либо вполнѣ опредѣленное, и выразился такъ, что соборъ 1550 года «надобно пока считать потеряннымъ фактомъ въ исторіи устройства соборнаго представительства XVI вѣка»[1]).

Можно опасаться, что смыслъ этой фразы безутѣшнѣе, чѣмъ казалось тогда, когда она была напечатана. Непосредственное знакомство со Степенною книгою Хрущова производитъ неожиданное впечатлѣніе. Хранится эта книга въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (библіотеки Архива № 26—34) и представляетъ собою, насколько можно судить на основаніи общаго обзора, Степенную книгу обычнаго состава, тожественную съ напечатанной въ XVIII столѣтіи. Рукопись письма XVII вѣка, писана скорописью въ листъ, въ ветхомъ переплетѣ; на одномъ изъ послѣднихъ ненумерованныхъ листовъ есть запись: «Книга гранографъ околничаго Семена Семеновича Колтовскаго» (извѣстенъ по боярской книгѣ 7199—1691 года)[2]). Въ XVIII столѣтіи рукопись принадлежала Андрею Ѳедоровичу Хрущову, «конфиденту» Артемія Волынскаго, казненному вмѣстѣ съ Волынскимъ въ 1740 году. Въ числѣ другихъ конфискованныхъ «гисторій» Степенная книга была въ 1742 году сдана въ архивъ Иностранной коллегіи[3]). Изъ этихъ данныхъ

---

[1]) *Русская Мысль*, 1890, январь, стр. 150.

[2]) «Алфавитный указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ», и пр. М. 1853, стр. 197.

[3]) *С. А. Бѣлокуровъ*, О библіотекѣ Московскихъ государей въ XVI столѣтіи. М. 1899, стр. 88—89.

устахъ Грознаго въ 1550 году; за то въ XVII вѣкѣ, когда происхожденіе Адашевыхъ было забыто, эти слова могли приписать царю, взявъ ихъ изъ письма Грознаго къ Курбскому о «собакѣ» Алексѣѣ Адашевѣ: «взявъ сего отъ гноища и учиних съ вельможами»[1]). И вообще мотивы переписки Ивана IV съ Курбскимъ могли оказать вліяніе на композицію «рѣчей» 1550 года, какъ изъ Стоглава могло быть взято смутившее Карамзина указаніе Хрущовской книги на 20-й годъ возраста Грознаго. Рѣчь Грознаго, приведенная въ Стоглавѣ, о прощеніи бояръ и исправленіи Судебника[2]) указываетъ на «предыдущее лѣто», то-есть, на 1550-й годъ, когда Грозному шелъ дѣйствительно 20-й годъ. А упоминаніе Грознаго въ Стоглавѣ, что онъ боярамъ «заповѣдалъ *со всѣми хрестьяны царствія своего»* помириться, могла возбудить въ умѣ человѣка XVII столѣтія представленіе о томъ, что царь «повелѣлъ собрати свое государство изъ городовъ всякаго чину».

Высказывая эти догадки, мы отнюдь ни на чемъ не настаиваемъ. Важно для насъ лишь то, что подобныя догадки становятся возможны послѣ знакомства съ Хрущовской рукописью. Уничтожить эту возможность можетъ лишь находка новыхъ списковъ «рѣчей» Грознаго, а утвердить ее — тщательное изученіе Степенной книги Хрущова. Не разсчитывая на первое, призываемъ ко второму нашихъ спеціалистовъ-палеографовъ. Настоящая замѣтка имѣетъ цѣлью именно возбудить ихъ интересъ къ любопытному памятнику старой письменности.

---

[1]) *Устряловъ*, Сказанія князя Курбскаго, изд. 3-е, стр. 162.
[2]) Стоглавъ, по Казанскому изданію 1862 г., стр. 46—47.

пишущій эти строки не имѣлъ времени; но въ приложеніи къ интересующему насъ мѣсту возможно и теперь высказать нѣкоторыя соображенія.

Судя по водяному знаку на тѣхъ листахъ, которые вшивалъ интерполяторъ въ Хрущовскую книгу (голова шута), его трудъ могъ быть совершенъ не раньше, какъ во второй половинѣ или даже въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XVII вѣка. Въ томъ же удостовѣряетъ и почеркъ — грубый полууставъ, который всего вѣроятнѣе пріурочивается къ исходу XVII вѣка. Съ другой стороны, нѣтъ основаній относить порчу рукописи ко времени позднѣе 1740 — 1742 года, когда рукопись перешла отъ опальнаго Хрущова «на храненіе» сперва въ Иностранную коллегію, а затѣмъ въ ея архивъ. Достаточно поддѣлокъ, какъ извѣстно, связано съ концомъ XVII вѣка; манипуляціи съ Хрущовскою книгою совершенно соотвѣтствуютъ манерѣ той эпохи. Вотъ почему съ невольною подозрительностью относимся мы и къ «рѣчамъ» Грознаго. Если допустить мысль, что онѣ сфабрикованы лѣтъ полтораста спустя послѣ того времени, къ которому пріурочены, то можно легко объяснить и несоотвѣтствія, которыя указаны были еще Карамзинымъ, и кое-какія мелочи, бросающіяся въ глаза позднѣйшему ихъ читателю. Выраженіе «собрати свое государство *изъ городовъ всякаго чину*», мало понятное въ XVI вѣкѣ, какъ замѣтилъ В. О. Ключевскій [1]), совсѣмъ соотвѣтствуетъ языку и понятіямъ о земскомъ представительствѣ людей XVII столѣтія. Слова Грознаго Адашеву: «взялъ я тебя отъ нищихъ и отъ самыхъ молодыхъ людей» — мало вѣроятны въ

---

[1]) *Русская Мысль*, 1890, январь, стр. 156—157.

нихъ писцовыхъ книгъ или иныхъ описей, и автору этого сообщенія удалось собрать полезныя для его цѣли свѣдѣнія лишь изъ слѣдующихъ памятниковъ:

а) отрывокъ описанія г. Углича 1620 года, напечатанный М. А. Липинскимъ («Временникъ Ярославск. Демид. Лицея, т. L, ст. 78—85)[1]);

б) опись городу Угличу 1665 года («Угличъ. Матеріалы для исторіи города», стр. 87);

в) писцовая книга города Углича 182—184 годовъ (то есть 1674—1676 г. г.), изданная М. А. Липинскимъ (во «Временникѣ Ярославск. Демид. Лицея» и отдѣльно), также А. А. Титовымъ (въ «Трудахъ Яросл. Архивн. Коммиссіи», вып. II);

г) опись городовъ 1678 года («Дополненія къ Актамъ Истор.», т. IX, № 106, стр. 226);

д) переписная книга Углича 1710 года (рукопись библіотеки И. А. Шляпкина[2]).

Изъ текста, «слѣдственнаго дѣла» 1591 года мы извлекаемъ немного топографическихъ указаній. Въ «дѣлѣ» упоминается: «дворъ» дворцовый, «заднії дворъ», «брусяная изба» на дворѣ, куда скрылся отъ толпы дьякъ Битяговскій; «передніяя сѣни», гдѣ были «истобники»; «поставецъ вверху», у котораго стоялъ стряпчій съ слугами во время событія 15-го мая; «кормовой дворецъ», «хлѣбенный дворецъ», «поварня»,

---

[1]) Въ этомъ же изданіи находятся любопытныя указанія на существованіе плана или «чертежа» Углича, составленнаго въ 7138 (1630) году. См. стр. 175—176; срвн. Труды Ярославск. Архивной Комиссіи, выпускъ III, стр. 335.

[2]) Не основываемся на «Угличскомъ лѣтописцѣ», пока историческая критика не оправдаетъ въ немъ того, что намъ представляется полнымъ баснословіемъ.

О ТОПОГРАФІИ УГЛИЧСКАГО „КРЕМЛЯ" ВЪ XVI—XVII ВѢКАХЪ.

(1901).

Изученіе топографіи Угличскаго «кремля» или «города», въ которомъ жилъ и скончался въ 1591 году царевичъ Дмитрій Ивановичъ, можетъ имѣть большую важность для правильнаго пониманія «слѣдственнаго дѣла» о смерти царевича, для оцѣнки свидѣтельскихъ показаній, занесенныхъ въ это «дѣло», для опредѣленія мѣста, гдѣ истекъ кровью царевичъ Дмитрій, и вообще для возстановленія обстановки, въ которой такъ загадочно окончилъ свои короткіе дни «неповинный отрокъ». Посмотримъ, однако, насколько возможна топографія древняго Углича.

Источниками нашихъ свѣдѣній о данномъ предметѣ, кромѣ самого «слѣдственнаго дѣла» 1591 года (напечатаннаго въ «Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ» графа Н. П. Румянцева, томъ II, № 60), могли бы служить писцовыя книги того времени и имъ подобные документы, заключающіе въ себѣ описи крѣпостныхъ укрѣпленій и зданій внутри «городовъ». Но, къ сожалѣнію, для Углича не сохранилось ран-

есть дворецъ былъ непосредственно около собора («Спаса»), можно видѣть лишь въ словахъ, что «Осипа Волохова привели къ царицѣ *вверхъ къ церкви* къ Спасу» (стр. 105). Но и это указаніе не особенно опредѣленно, благодаря краткости и бѣглости. Затѣмъ «слѣдственное дѣло» за предѣлами «двора» царевича, но внутри «города», помѣщаетъ какую-то «полату», въ которой держали подъ карауломъ Волохову, и «дьячью разрядную избу», а также упоминаетъ «улицу» передъ дворцомъ и «оврагъ», куда метали тѣла побитыхъ «на дворѣ» 15-го мая людей. Этимъ и ограничиваются данныя «дѣла». Упоминается въ «дѣлѣ» церковь «царя Константина», но рѣшительно не видно, чтобы она была въ «городѣ»: позднѣйшіе документы объ Угличѣ не знаютъ этой церкви и вовсе[1]).

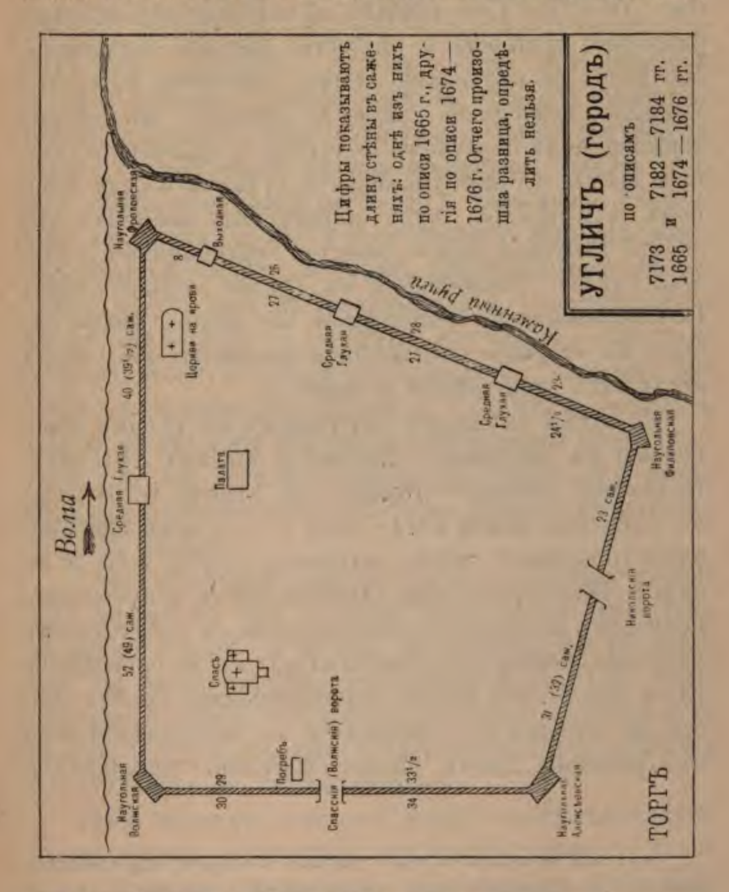
Съ этимъ скуднымъ матеріаломъ въ рукахъ обращаемся къ писцовымъ книгамъ и описямъ XVII вѣка. Подробное описаніе «города» въ Угличѣ встрѣчаемъ въ писцовой книгѣ 1674—1676 г. г., а подробное описаніе городскихъ стѣнъ находимъ, сверхъ того, и въ описи 1665 года. Сводя данныя этихъ документовъ, получаемъ возможность возстановить, съ соблюденіемъ масштаба, чертежъ городской стѣны съ 10 башнями[2]). Но и только. Всѣ прочія топографическія данныя описей на чертежъ не переносятся по неопредѣленности ихъ редакціи. Дворъ, улица, сооруженіе упоминаются

---

[1]) О ней упоминаетъ одно сказаніе о смерти цар. Дмитрія, говоря, что царевичъ былъ убитъ «противу церкви царя Константина» (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. 1864. IV, Смѣсь). Интересно знать, почему она исчезла и гдѣ была?

[2]) Чертежъ прилагается на стр. 227.

«хлѣбня», «конюшня» и другія службы. Все это относится собственно ко двору царевича и упоминается столь бѣгло, что не только отдѣльныхъ частей дворца,

но и всей дворцовой усадьбы нельзя точно пріурочить къ какому-нибудь опредѣленному пункту на планѣ города. Нѣкоторое указаніе на то, что «верхъ», то

оруженій тамъ, гдѣ ихъ нельзя было предполагать по указаніямъ письменныхъ памятниковъ. Можетъ быть, результаты дальнѣйшихъ раскопокъ, освѣщенные справками съ рукописною стариною, скажутъ намъ много новаго и цѣннаго, чего не говоритъ намъ пока одна эта рукописная старина.

и описываются безъ указанія ихъ точнаго мѣстонахожденія. Такъ, въ книгѣ 1675—1676 г. г., кромѣ улицъ и простыхъ дворовъ, въ кремлѣ, между прочимъ названы: «палата за соборною церковью»; «погребъ» и надъ нимъ «амбары»; «колокольница» при соборной церкви; соборная теплая церковь Алексѣя человѣка Божія; съѣзжая изба; караульная изба; воеводскій дворъ; Богоявленскій дѣвичь монастырь. Но ни одно изъ этихъ сооруженій не можетъ быть точно обозначено на планѣ, кромѣ первой палаты, которая, какъ оказывается, была подъ однимъ изъ придѣловъ собора. Точно могутъ быть пріурочены, далѣе, упомянутыя въ книгѣ 1674—1676 гг. «палата каменная» (нынѣшній дворецъ-музей) и церкви деревянныя св. царевича Димитрія и архистратига Михаила. Объ этихъ церквахъ важно то указаніе рукописной переписной книги 1710 года, что обѣ церкви имѣли одинъ причтъ. Изъ нихъ, полагаемъ, образовалась нынѣ единая каменная церковь, что «на крови».

Столь неутѣшительны результаты изученія писцоваго матеріала! Онъ не даетъ почти ничего для плана древняго Углича и ничего не прибавляетъ къ тому, что мы знали изъ «слѣдственнаго дѣла» 1591 года. Другими словами, топографію Угличскаго кремля надо считать потерянною, ибо «слѣдственное дѣло», какъ мы видѣли, намъ ея не разъясняетъ.

Тѣмъ большую важность могутъ имѣть правильно поставленныя раскопки на территоріи древняго Угличскаго «города». Начало имъ положено въ 1900 году трудами К. Н. Евреинова и И. А. Тихомірова, и уже добыты доказательства существованія каменныхъ со-

историческаго доказательства и должны служить основанiемъ для провѣрки существующихъ преданiй о происхожденiи и родствѣ знаменитаго патрiарха. Такихъ преданiй есть два. Одно относится къ 1710 году: въ записи, существующей на одной изъ иконъ Вятскаго Богоявленскаго собора, упоминается, что у Гермогена былъ зять Корнилiй Рязанцевъ; а Рязанцевы на Вяткѣ были извѣстными посадскими людьми. Очень легко повѣрить, что, согласно обычаямъ того времени, тесть былъ того же общественнаго положенiя, что и зять, то есть принадлежалъ къ «чину» посадскихъ тяглыхъ людей или къ посадскому духовенству. Напротивъ, совсѣмъ невозможно повѣрить тому, что нѣсколько разъ печатно заявлялъ П. И. Бартеневъ. По словамъ будто бы С. М. Соловьева (который самъ однако же этого не напечаталъ), Гермогенъ былъ изъ рода князей Голицыныхъ и въ мiру до постриженiя звался Ермолаемъ. Это преданiе противорѣчитъ всему тому, что слѣдуетъ считать наиболѣе вѣроподобнымъ въ отношенiи Гермогена. Вполнѣ понятно, что заявленiе г. Бартенева не встрѣтило ученаго сочувствiя ни въ князѣ Н. Н. Голицынѣ, давшемъ обстоятельную монографiю о родѣ князей Голицыныхъ, ни въ Н. П. Лихачевѣ, котораго должно считать однимъ изъ наилучшихъ у насъ генеалоговъ. Они не приняли сообщенiя г. Бартенева.

Все это было кратко указано въ 1899 году пищущимъ настоящiя строки въ его книгѣ «Очерки по исторiи смуты въ Московскомъ государствѣ» (примѣчанiе 198). Въ послѣдней же книгѣ «Русскаго Архива» (№ 9 за 1901 годъ) помѣщена «Краткая замѣтка на мнѣнiе С. Ѳ. Платонова о происхожденiи патрiарха Гермогена», принадлежащая г. Д. М. Глаголеву (стр. 125).

О ПРОИСХОЖДЕНІИ ПАТРІАРХА ГЕРМОГЕНА.

(1901).

Происхожденіе патріарха Гермогена въ точности неизвѣстно. Современникъ его Гонсѣвскій, будучи въ Москвѣ въ 1610—1611 годахъ, добылъ какія-то (Богъ вѣсть, насколько вѣрныя) свѣдѣнія о пребываніи Гермогена «въ казакахъ донскихъ, а послѣ попомъ въ Казани». Мы не можемъ провѣрить этихъ свѣдѣній. Но изъ того, что Гермогенъ никогда не присоединялъ своей фамиліи къ монашескому имени,— какъ это дѣлали въ старину иноки «съ отечествомъ», служилаго, боярскаго или княжескаго рода, — имѣемъ поводъ заключать, согласно съ Гонсѣвскимъ, что Гермогенъ былъ незнатнаго происхожденія. Если бы онъ былъ человѣкомъ знатнымъ или родовитымъ, его внесли бы въ родословцы; но ни въ родословцахъ, ни въ синодикахъ среди старой знати имени Гермогена нѣтъ. Приведенныя соображенія суть только соображенія, а не положительные факты; они шатки, потому что ихъ легко опровергнетъ всякое новое историческое извѣстіе, если его достовѣрный смыслъ съ ними не совпадетъ. Но пока этого не случилось, эти соображенія имѣютъ силу

Шуйскаго». «Съ этимъ прямымъ указаніемъ современника о происхожденіи патріарха Гермогена во всякомъ случаѣ нужно считаться (продолжаетъ г. Глаголевъ), и оно въ рѣшеніи вопроса должно имѣть большее значеніе, чѣмъ шаткія указанія». Въ послѣднихъ словахъ заключенъ урокъ тѣмъ, кто, подобно мнѣ въ данномъ случаѣ, высказываетъ твердое мнѣніе на шаткомъ основаніи.

Немного надо было труда, чтобы провѣрить справедливость указанія г. Глаголева и почувствовать силу преподаннаго урока.

Обращаемся къ «дневнику Марины» и видимъ, что взятая г. Глаголевымъ фраза не принадлежитъ автору дневника, а находится въ приводимомъ имъ письмѣ «каплана Николая де Мело». Стало быть, мѣрку точности сообщеній этого письма слѣдуетъ установить особо отъ прочихъ извѣстій дневника[1]), и не слѣдуетъ того, что говоритъ Николай де Мело, приписывать автору дневника.

Далѣе. Устряловъ даетъ только переводъ дневника, и не всегда близкій и точный. Оригиналъ его изданъ А. И. Тургеневымъ[2]), и въ оригиналѣ приведенное г. Глаголевымъ мѣсто читается такъ: «Szuyski, uczyniwszy radę z swemi, przez Patryarchą Stolecznego a *powinnego swego* dekret takowy i edykt wydał» (стр. 193). Здѣсь, оказывается, нѣтъ ни «клевретовъ», ни «родственника», находящихся въ переводѣ Устрялова. Патріархъ называется словомъ «powinny», то-есть «обя-

---

[1]) О Николаѣ де Мело (Nicolas de Mello) см. о. *П. Пирлинга* «La Russie et le Saint-Siège, t. III, Paris, 1900, p. 235 sqq.

[2]) Historica Russiae Monumenta, tomus II, p. 155 sqq. Сравн. «Polska a Moskwa» г. А. Гиршберга (Львовъ, 1901), стр. 113.

«Замѣтка» имѣетъ цѣлью меня опровергнуть. Приводя мое мнѣніе и при томъ не совсѣмъ услѣдивъ за оттѣнками моей мысли, г. Глаголевъ думаетъ, что я самъ признаю всѣ тѣ основанія, на которыхъ строю свое заключеніе, безотносительно шаткими; а потому г. Глаголевъ и замѣчаетъ: «*тѣмъ не менѣе* онъ (Платоновъ) полагаетъ, что въ происхожденіи патріарха Гермогена отъ высокаго рода *можно* не сомнѣваться». Г. Глаголевъ хотѣлъ, конечно, здѣсь сказать совсѣмъ иное: я именно сомнѣваюсь въ происхожденіи Гермогена отъ высокаго рода. Г. Глаголевъ это понимаетъ, именно за это мною недоволенъ; но или онъ самъ, или его корректоръ немного не справились съ требованіями стиля и вмѣсто «нельзя» напечатали «можно».

Итакъ г. Глаголевъ, вопреки мнѣ, желаетъ показать, что Гермогенъ былъ высокаго рода. Доказательство имъ приводится одно, какъ разъ такое, которое я дѣйствительно совсѣмъ упустилъ изъ виду. Это— «мѣсто изъ *дневника Марины*, гдѣ прямо сказано, что Шуйскій, по совѣту клевретовъ, составилъ отъ имени патріарха, *своего родственника*, опредѣленіе». Г. Глаголевъ цитируетъ это мѣсто изъ книги Н. Г. Устрялова «Сказанія современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ», ч. II, стр. 194 (по изд. 1859 года), и отъ себя добавляетъ: «нужно сказать, что свѣдѣнія, сообщаемыя въ такъ называемомъ «дневникѣ Марины», отличаются вообще значительною точностью, и въ данномъ случаѣ тотъ, кто писалъ этотъ дневникъ, какъ современникъ, не могъ (?) сдѣлать невѣрное указаніе на такое событіе, которое онъ письменно приводитъ въ доказательство, почему патріархъ допустилъ Шуйскаго составить такое опредѣленіе отъ его имени: онъ былъ родственникъ

КЪ ВОПРОСУ О НИКОНОВСКОМЪ СВОДѢ.

(1902).

Въ послѣдніе годы произошелъ очень любопытный обмѣнъ ученыхъ мнѣній по вопросу о времени составленія такъ называемой Никоновской лѣтописи. Выяснилось, что знатоки нашей рукописной старины А. А. Шахматовъ и Н. П. Лихачевъ согласно относятъ эту лѣтопись къ серединѣ XVI вѣка, что давній изслѣдователь лицевого лѣтописнаго свода А. Е. Прѣсняковъ вполнѣ раздѣляетъ ихъ мнѣніе и что одинъ лишь академикъ А. И. Соболевскій держится, повидимому, стараго предположенія о болѣе позднемъ происхожденіи не только лицевого свода, но и его основнаго источника—Никоновской лѣтописи[1]).

---

[1]) *А. А. Шахматовъ.* Отзывъ о трудѣ И. А. Тихомірова «Обозрѣніе лѣтописныхъ сводовъ Руси Сѣверо-восточной» въ «Отчетѣ о XL присужденіи наградъ гр. Уварова».—*Н. П. Лихачевъ.* Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ, I.—*А. А. Шахматовъ.* Рецензія на трудъ Н. П. Лихачева въ «Извѣстіяхъ Отд. Русск. яз. и Слов. Имп. Акад. Наукъ», т. IV, кн. 4.—Статьи *А. Е. Прѣснякова* и *А. И. Соболевскаго* о лицевыхъ лѣтописяхъ въ тѣхъ же «Извѣстіяхъ», т. VI, кн. 4.

занный», «зависимый». Таково первое значеніе этого слова, и лишь иногда можетъ оно значить тоже, что powinowaty — сватъ, свойственникъ. Заимствованное г. Глаголевымъ изъ письма испанскаго монаха де Мелло мѣсто должно быть переведено такъ: «Шуйскій, посовѣтовавшись со своими (близкими), чрезъ посредство Московскаго патріарха, ему обязаннаго, издалъ грамоту». Указаніе на зависимость патріарха отъ царя особенно понятно въ устахъ августинскаго монаха, хорошо знавшаго иное положеніе на западѣ папскаго авторитета. Думать же, что заѣзжій испанецъ говоритъ о родствѣ патріарха съ царемъ, о чемъ не говоритъ ни одинъ туземный памятникъ, никакъ нельзя: Устряловъ просто допустилъ ошибку въ переводѣ, и жертвою ея сталъ г. Глаголевъ.

Кому же въ данномъ дѣлѣ принадлежатъ «шаткія указанія?» И есть ли нужда съ ними считаться въ вопросѣ о происхожденіи патріарха Гермогена? Урокъ, данный въ вышеприведенныхъ словахъ г. Глаголева, надѣюсь, будетъ полезенъ не мнѣ одному.

къ 1471—1488 годамъ. Здѣсь мы наблюдаемъ, напримѣръ, что случайное сплетеніе штриховъ буквы ѕ и буквы ѿ въ спискѣ О дало поводъ писавшему текстъ списка П прочесть вмѣсто ѿ слово *бѣ*; наблюдаемъ, далѣе, въ П рядъ пропусковъ такихъ мѣстъ, которыя въ спискѣ О составляютъ въ каждомъ случаѣ цѣлыя *строки*[1]). Эти пропуски, часто безсмысленные, именно *строкъ*, характеризующіе своеобразный порокъ зрѣнія писавшихъ или диктовавшихъ, особенно убѣдительно говорятъ намъ, что переписчики П имѣли предъ собою списокъ О, а не другую какую-либо рукопись. Убѣдившись на этихъ примѣрахъ во взаимной близости изучаемыхъ списковъ, мы придадимъ значеніе и тому обстоятельству, что текстъ списковъ П и О подъ 1453 годомъ отличается отъ текста всѣхъ прочихъ списковъ составомъ своихъ статей. Въ ПО есть «иной переводъ» повѣсти о взятіи Царьграда, отсутствующій въ спискахъ НАБТГ, и нѣтъ перечня греческихъ царей и сказанія И. Пересвѣтова, находящихся въ спискахъ НАБТ[2]). Такъ текстъ средней части свода въ спискахъ П и О приводитъ насъ къ мысли, что списокъ О предшествовалъ списку П, потому что иногда служилъ ему оригиналомъ. Иначе выражается взаимное отношеніе этихъ рукописей въ ихъ послѣднихъ частяхъ. Роли мѣняются, и списокъ П, повидимому, обращается, въ нѣкоторой своей части, въ оригиналъ для О.

---

[1]) См. «Полное Собраніе Р. Лѣтописей», т. XII, стр. 135, 168, 176, 177, 201, 202 и 219 (здѣсь отмѣчено *восемь* случаевъ пропуска строкъ списка О переписчикомъ П; въ другихъ спискахъ подобныхъ пропусковъ нѣтъ).

[2]) Полн. Собр. Р. Лѣт., т. XII, стр. 81—97—100.

Думаемъ, что будущее принадлежитъ мнѣнію гг. Шахматова и Лихачева. Оно основано на пристальномъ изученіи всѣхъ *списковъ* Никоновской лѣтописи и не только опирается на соображеніяхъ палеографическаго характера, но поддерживается и изученіемъ литературной исторіи памятника, причемъ эта послѣдняя возстановляется на основаніи непосредственнаго знакомства съ рукописями, содержащими данный лѣтописный сводъ. Нельзя не признать, что такое непосредственное знакомство съ рукописнымъ текстомъ есть непремѣнное условіе правильности и плодотворности всякаго вывода о памятникѣ, и нельзя не пожалѣть, что не всегда это условіе осуществимо. Можно быть увѣреннымъ, что и въ данномъ случаѣ многія частныя разногласія между изслѣдователями Никоновскаго свода были бы устранены, если бы имъ представилась возможность прямого и точнаго знакомства съ различными мелочными отличіями списковъ свода. Настоящая замѣтка имѣетъ цѣлью обратить вниманіе интересующихся вопросомъ именно на такія особенности старѣйшихъ списковъ Никоновской лѣтописи (П и О), которыя ведутъ насъ къ заключеніямъ объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ о времени и способахъ ихъ составленія.

Мы признаемъ совершенно доказаннымъ, что списки П (Академическ. XIV) и О (Оболенск.) суть старѣйшіе списки Никоновскаго свода, и полагаемъ, что они въ окончательномъ своемъ видѣ вышли такъ сказать изъ однихъ рукъ и въ различныхъ своихъ частяхъ служили другъ другу оригиналами. Тѣсная близость этихъ списковъ и зависимость П отъ О всего яснѣе обнаруживается въ той части лѣтописи, которая относится

серединою 634-го листа и началомъ листа 635-го. На листѣ 634 послѣднія извѣстія: отъ 22 апрѣля 1490 г. о казни лекаря Леона и, отъ 9 іюля 1490 г., о приходѣ въ Москву изъ Рима Юрія Траханіота. На листѣ 635 первое извѣстіе отъ 5 августа *того же года*—о рожденіи у великаго князя Ивана сына Андрея. Предъ этимъ извѣстіемъ въ строкѣ киноварью написаны слова: «въ лѣто 6998». Они излишни, такъ какъ выше, на л. 633 об., уже было написано: «въ лѣто 6998». Поэтому въ спискахъ ОНАБТ они вынесены на поля, а лицевой списокъ ихъ не воспроизвелъ вовсе[1]). Съ листа 635-го въ П начинается новая 86-я тетрадь и идетъ новый почеркъ, отличный отъ предшествующихъ листовъ; съ этихъ же приблизительно мѣстъ прекращаются признаки, указывавшіе на зависимость списка П отъ списка О (за годы 1471—1488, какъ мы отмѣтили выше). Совокупность этихъ внѣшнихъ признаковъ даетъ поводъ заключить, что въ работѣ надъ спискомъ П произошелъ какой то перерывъ на 1490 годѣ. Цѣнное указаніе (Новгородской IV и Софійской лѣтописей), приведенное Н. П. Лихачевымъ и говорящее подъ 1490 годомъ о смерти дьяка Василія Мамырева, помогаетъ уразумѣть, отъ чего зависѣлъ этотъ перерывъ. По догадкѣ Н. П. Лихачева, Мамыревъ былъ лѣтописцемъ: съ его смертью въ лѣтописной работѣ произошла остановка, какъ разъ на извѣстіи о казни лекаря Леона,—и списокъ П отразилъ на себѣ явственнѣе всѣхъ прочихъ эту остановку[2]). Въ немъ по кончинѣ (5-го іюня) Мамырева

---

[1]) Полн. Собр. Р. Лѣт., т. XII, стр. 223.

[2]) *Н. П. Лихачевъ.* «Палеографич. значеніе бумажн. вод. знаковъ», I, стр. CLXIII—CLXIV, примѣчаніе.—Полн. Собр. Р. Лѣт., т. IV, стр. 157, и т. VI, стр. 239.

Чтобы выяснить это обстоятельство, обратимся къ внѣшнему обзору списковъ П и О въ тѣхъ частяхъ ихъ, которыя насъ теперь интересуютъ.

О спискѣ П. г. Лихачевъ замѣтилъ: «замѣчательную особенность рукописи представляетъ чередованіе многихъ почерковъ, указывающее, по моему мнѣнію, на совмѣстную работу нѣсколькихъ писцовъ[1]). Дѣйствительно, смѣна почерковъ въ П наблюдается часто, но въ такой подчасъ обстановкѣ, которая показываетъ, что работа не переходила послѣдовательно изъ рукъ одного писца въ руки другого, а исполнялась независимыми одинъ отъ другого нѣсколькими писцами. Иногда одинъ почеркъ смѣняетъ другой среди страницы и среди фразы (напримѣръ, л. 624 обл., л. 667); въ иныхъ же случаяхъ новый почеркъ является съ новаго листа, тогда какъ предшествующій листъ не дописанъ до своего конца,—знакъ, что писавшій послѣдующее не ждалъ окончанія переписки предшествующаго, а почему то началъ новый листъ (напримѣръ, листы 634 и 635, 678 и 679). Въ одномъ случаѣ такой перерывъ текста посреди одного листа и продолженіе его послѣ пробѣла съ начала слѣдующаго листа не сопровождается даже перемѣною почерка: одинъ и тотъ же писецъ, не дописавъ до конца листъ 793-й, началъ листъ 794-й. Невозможно для всѣхъ такихъ случаевъ представить точное объясненіе; но на нѣкоторыхъ изъ нихъ необходимо остановиться: даже и не вполнѣ объясненные, они даютъ рядъ намековъ на то, какъ шла работа надъ сводомъ.

Прежде всего очень любопытенъ пробѣлъ между

---

[1]) «Палеографич. значеніе бумажн. вод. знаковъ», I, стр. 321

кресенскою лѣтописью[1]). Очевидно, что въ данномъ случаѣ, разъ случайная приписка въ П усвоена спискомъ О, первый списокъ послужилъ второму оригиналомъ.

Наконецъ, отмѣтимъ еще то обстоятельство, что хотя въ спискѣ П и нѣтъ никакого пробѣла предъ началомъ «лѣтописца», посвященнаго царствованію Грознаго, но листъ 690-ой, съ котораго начинается этотъ лѣтописецъ, писанъ инымъ почеркомъ и на иной бумагѣ, чѣмъ предыдущіе листы. Можно сдѣлать предположеніе (котораго мы лично и держимся), что въ данномъ случаѣ, начиная писать новый «лѣтописецъ», отошедшій отъ обычной редакціи Воскресенской лѣтописи, переписали заново и предшествующій ему конецъ стараго текста, взявъ для этой послѣдней части труда новый сортъ бумаги[2]).

Итакъ, основываясь на данныхъ, представляемыхъ спискомъ П, приходимъ къ заключенію, что онъ, во второй своей половинѣ, сложился изъ разновременныхъ тетрадей. Однѣ изъ нихъ, по всей видимости, были списаны съ списка О, другія же въ свою очередь послужили оригиналомъ для списка О.

Посмотримъ, что даетъ намъ наблюденіе надъ особенностями списка О.

Н. П. Лихачевымъ выяснено, что первая часть этого списка (листы 1—939) отличается большею древностью и заводитъ насъ «очень далеко вглубь первой половины XVI столѣтія». Вся эта часть писана

---

[1]) Полн. Собр. Р. Лѣт. т. XIII, стр. 36—37; ср. т. VIII, стр. 268, 269.—*Н. П. Лихачевъ*, тамъ же, I, стр. 321.

[2]) *Н. П. Лихачевъ*, I, стр. 321.

слѣдуетъ всего лишь одно извѣстіе о Траханіотѣ, а затѣмъ начинается какъ бы новая часть—съ повторенія словъ «въ лѣто 6998». Очевидно, у лицъ, писавшихъ списокъ П, въ данномъ случаѣ оказался иной оригиналъ, чѣмъ былъ ранѣе (ранѣе мы предполагали оригиналомъ списокъ О).

Другой любопытный пробѣлъ наблюдаемъ между листами 678 и 679 списка П. На л. 678-мъ текстъ оканчивался извѣстіемъ, относящимся къ 7028 (1520) г., о построеніи каменной крѣпости Тулы. Послѣ заключительныхъ словъ этого извѣстія «а рѣка подъ нимъ Тула же» сдѣлана другимъ почеркомъ и другими, болѣе блѣдными, чернилами приписка: «Тоѣ же зимы постави Варлаамъ митрополитъ Іоанна архіепископа Ростову. Того же мѣсяца 16 на Вологду епископомъ Пимина постави». Эта приписка, дословно находящаяся и въ Воскресенской лѣтописи, плохо редактирована (не сказано, какого «мѣсяца 16») и въ Никоновскомъ сводѣ излишня, ибо оба извѣстія въ лучшей формѣ уже были помѣщены въ началѣ того же 678 листа (съ указаніемъ «того же мѣсяца февраля въ 16»). Тѣмъ не менѣе эта позднѣйшая и небрежная приписка вошла цѣликомъ, безо всякихъ оговорокъ и отмѣтокъ, въ текстъ списковъ ОНБТ (списокъ А не доходитъ до 7028 года) и опущена лишь въ лицевомъ спискѣ. За этою припискою въ П слѣдуетъ чистая страница; идущій же за нею 679 листъ начинаетъ собою новую 92-ю тетрадь отличной отъ предшествующихъ листовъ бумаги. Онъ писанъ уже инымъ почеркомъ и на немъ, съ надписью «глава 59», начинается текстъ, совершенно тожественный съ Вос-

(смерть Максимиліана); второе повторяетъ слова «въ лѣто 7027»» и относится къ *ноябрю* (посылка князя Ю. Пронскаго); слѣдующіе два относятся къ *августу*, а послѣ нихъ снова слѣдуютъ слова «въ лѣто 7027». Словомъ, хронологическая постепенность утрачена, и это обстоятельство совпадаетъ съ тѣмъ, что почеркъ и чернила въ данномъ мѣстѣ замѣтно мѣняются. Переписчикъ остановился на имени Юрья Пронскаго и вернулся къ своей работѣ явно съ другимъ перомъ и другими чернилами, то есть чрезъ извѣстный промежутокъ времени. Невольно возникаетъ вопросъ, не здѣсь ли окончилась систематическая обработка Никонова свода, и не составляетъ ли все послѣдующее содержаніе свода лишь рядъ различныхъ дополненій къ своду, наросшихъ позднѣе? Предвидимъ возраженіе, что всѣ указанныя здѣсь извѣстія есть въ Воскресенской лѣтописи и, очевидно, оттуда взяты въ Никоновъ сводъ, какъ и все послѣдующее. Но сила этого возраженія ослабляется такими соображеніями: во 1-хъ, въ этой части Никоновской лѣтописи еще нѣтъ дѣленія на главы, которое является тогда, когда Никоновская лѣтопись начинаетъ дословно брать изъ Воскресенской свое продолженіе (съ 7029 года); во 2-хъ, при общепринятомъ способѣ пополненія сводовъ неоднократными приписками, обнимавшими всего лишь по нѣскольку лѣтъ, возможно и повернуть вопросъ: не изъ списка ли О перешли въ Воскресенскій сводъ разбираемыя мѣста? Если принять такую мысль и смотрѣть на списокъ О, какъ на протографъ, въ данной части, Никонова свода, то получится интереснѣйшій выводъ. До 7027 года изложеніе Никоновскаго свода касается дѣлъ правительственныхъ по

однимъ почеркомъ, за весьма малыми исключеніями; текстъ весьма исправенъ и имѣетъ характеръ бѣловаго, окончательнаго: въ немъ не замѣтно редакторской работы, поправокъ на-черно, оставленныхъ безъ переписки на-бѣло, незаполненныхъ пробѣловъ и т. п. Лишь въ одномъ мѣстѣ встрѣчаемъ мы мало понятную частность. На оборотѣ л. 913, внизу, переписчикъ подъ 7017 годомъ началъ писать разсказъ о жалобѣ игумена Іосифа Волоцкаго великому князю на князя Ѳеодора Борисовича, въ редакціи дословно сходной съ находящейся въ Полномъ Собраніи Лѣтописей, т. VI, стр. 249. До конца страницы онъ не окончилъ этого разсказа, но и не перенесъ его на 914-й листъ: написанное имъ начало было зачеркнуто, заклеено листкомъ бумаги, а на этомъ листкѣ кто-то другою рукою написалъ въ двухъ строкахъ начало извѣстія объ отпускѣ крымскихъ пословъ. Переписчикъ, писавшій 913-й листъ, на 914 листѣ продолжилъ не свой зачеркнутый разсказъ, а чужую запись[1]). Стало быть, поправка была сдѣлана какимъ то редакторомъ во время самого писанія рукописи. Если будемъ имѣть въ виду, что подобная поправка представляется совершенно исключительною, можно сказать, единичною въ данной части рукописи, то убѣдимся, что первая часть списка О отличается большою выдержанностью и цѣльностью.

Тѣмъ знаменательнѣе слѣдующее наблюденіе. Листъ 933-й списка О хранитъ на себѣ слѣды нѣкотораго перерыва работы въ извѣстіяхъ о началѣ 7027 года Первое извѣстіе этого года относится къ *январю*

---

[1]) Полн. Собр. Р. Лѣт., т. XIII, стр. 11.

списка П, изъ котораго была заимствована при этомъ и случайная приписка объ Іоаннѣ и Пименѣ.

Къ какому же общему заключенію приводятъ насъ всѣ изложенныя нами мелкія наблюденія?

Для списка О выводъ довольно простъ. Первая часть его, т. е. листы 1—939, есть бѣловая копія съ неизвѣстнаго намъ оригинала, совершенно независимая отъ списка П. Вторая же часть списка О, т. е. листы 940 — 1165, представляютъ собою позднѣйшее дополненіе, которое, по всей видимости, имѣло оригиналомъ прежде всего списокъ П, именно листы его 678—689. Близость П и О, быть можетъ, возможно бы было наблюдать и дальше, еслибы въ самомъ спискѣ П съ листа 690-го не произведено было рѣзкаго измѣненія текста и, въ зависимости отъ этого, перемѣны бумаги и почерка. Списокъ П перешелъ здѣсь отъ Воскресенской лѣтописи къ Львовской, выражаясь наглядно. Говоря такъ, мы не поддерживаемъ мысли Н. П. Лихачева, что П есть «бѣловая копія» съ списка О и съ другого еще черняка. Напротивъ, вторую часть списка О мы рѣшительно не склонны считать старѣйшею, чѣмъ соотвѣтствующія части списка П.

Что касается до списка П, то его внѣшній составъ представляется намъ трудно объяснимымъ. Онъ сложенъ изъ разновременныхъ частей, написанныхъ отдѣльно другъ отъ друга и при томъ съ разныхъ оригиналовъ. Эти части сведены въ одинъ переплетъ и согласованы одна съ другою такъ, что остались мѣстами пробѣлы, а мѣстами и вычеркнутъ дважды написанный текстъ (напримѣръ, на л. 66, въ извѣстіи о смерти Ярослава подъ 1054 годомъ). Однѣ изъ этихъ

однимъ почеркомъ, за весьма малыми исключеніями; текстъ весьма исправенъ и имѣетъ характеръ бѣловаго, окончательнаго: въ немъ не замѣтно редакторской работы, поправокъ на-черно, оставленныхъ безъ переписки на-бѣло, незаполненныхъ пробѣловъ и т. п. Лишь въ одномъ мѣстѣ встрѣчаемъ мы мало понятную частность. На оборотѣ л. 913, внизу, переписчикъ подъ 7017 годомъ началъ писать разсказъ о жалобѣ игумена Іосифа Волоцкаго великому князю на князя Ѳеодора Борисовича, въ редакціи дословно сходной съ находящейся въ Полномъ Собраніи Лѣтописей, т. VI, стр. 249. До конца страницы онъ не окончилъ этого разсказа, но и не перенесъ его на 914-й листъ: написанное имъ начало было зачеркнуто, заклеено листкомъ бумаги, а на этомъ листкѣ кто-то другою рукою написалъ въ двухъ строкахъ начало извѣстія объ отпускѣ крымскихъ пословъ. Переписчикъ, писавшій 913-й листъ, на 914 листѣ продолжилъ не свой зачеркнутый разсказъ, а чужую запись[1]). Стало быть, поправка была сдѣлана какимъ то редакторомъ во время самого писанія рукописи. Если будемъ имѣть въ виду, что подобная поправка представляется совершенно исключительною, можно сказать, единичною въ данной части рукописи, то убѣдимся, что первая часть списка О отличается большою выдержанностью и цѣльностью.

Тѣмъ знаменательнѣе слѣдующее наблюденіе. Листъ 933-й списка О хранитъ на себѣ слѣды нѣкотораго перерыва работы въ извѣстіяхъ о началѣ 7027 года. Первое извѣстіе этого года относится къ *январю*

---

[1]) Полн. Собр. Р. Лѣт., т. XIII, стр. 11.

КЪ ВОПРОСУ О ТАЙНОМЪ ПРИКАЗѢ [1].

(1902).

Книга г. Гурлянда — интересная книга. Авторъ предлагаетъ постановку и рѣшеніе вопроса о Тайномъ приказѣ, о которомъ до сихъ поръ больше разсуждали, чѣмъ знали. На первыхъ страницахъ труда г. Гурлянда сдѣланъ сводъ ученыхъ мнѣній о цѣляхъ и функціяхъ этого приказа, отмѣчена ихъ «рѣдкая разноголосица» и указана причина такой разноголосицы — въ томъ, что Тайный приказъ отличался случайнымъ и разнообразнымъ подборомъ дѣлъ и къ тому же не оставилъ по себѣ опредѣленнаго архива. Его дѣла тотчасъ послѣ кончины царя Алексѣя Михайловича были ликвидированы и переданы въ другіе приказы. Раздѣливъ дальнѣйшую судьбу дѣлъ этихъ приказовъ, документы Тайнаго приказа въ настоящее время оказались въ различныхъ архивахъ. Г. Гурлянду принадлежитъ та заслуга, что онъ, опредѣливъ по «описямъ» дѣлъ приказа, куда именно передавались дѣла

---

[1]) И. Я. Гурляндъ. Приказъ Великаго Государя Тайныхъ Дѣлъ. Ярославль. 1902.

въ XVII вѣкѣ, не отступилъ передъ задачею систематическаго поиска ихъ въ современныхъ древнехранилищахъ и дѣйствительно нашелъ много дѣлъ и книгъ Тайнаго приказа, сверхъ давно извѣстныхъ, въ Государственномъ архивѣ, архивѣ Оружейной палаты и московскихъ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ и юстиціи. Ближайшему опредѣленію взятаго для изученія матеріала и посвящена вторая половина «введенія» г. Гурлянда. Изложеніе темы у нашего изслѣдователя опирается такимъ образомъ на самостоятельномъ знакомствѣ съ широкимъ кругомъ первоисточниковъ.

Первая глава книги г. Гурлянда посвящена рѣшенію вопроса о времени и причинахъ происхожденія Тайнаго приказа. По мнѣнію г. Гурлянда, приказъ возникъ въ концѣ 1654 или въ началѣ 1655 года въ видѣ личной канцеляріи государя; царь образовалъ около себя опредѣленный штатъ дьяковъ, потому что былъ недоволенъ общею медленностью дворцовыхъ приказовъ и во время своихъ частыхъ «походовъ» изъ Москвы убѣдился въ удобствѣ имѣть около себя особыхъ дьяковъ. Образованный въ цѣляхъ личнаго удобства внѣ соображеній о какой бы то ни было реформѣ, Тайный приказъ «весьма быстро» получилъ «путемъ крутого поворота» новое, болѣе широкое значеніе. Какое именно,—выясняетъ вторая глава, посвященная «вопросу объ условіяхъ времени, въ которое появился Приказъ». Въ этой главѣ авторъ указываетъ на то обстоятельство, что съ конца 1656 или съ начала 1657 года «приказъ значительно и быстро расширяетъ кругъ своихъ занятій, пріобрѣтая все больше и больше значеніе одного изъ важнѣйшихъ общегосударственныхъ

учрежденій». Раньше однако, чѣмъ опредѣлить новую компетенцію приказа, авторъ останавливается на вопросѣ объ условіяхъ, вызвавшихъ эту перемѣну, и разсуждаетъ такъ: «Приказъ явился въ такой моментъ, когда населеніе имѣло основаніе особенно желать возможности непосредственно обращаться къ царю, какъ къ источнику высшей правды и справедливости. Тайный приказъ поэтому явился центромъ, куда стали стекаться челобитья, жалобы и извѣты, искавшіе особаго вниманія къ себѣ и недовѣрявшіе общимъ учрежденіямъ. Въ силу особенностей своей натуры царь не только не оттолкнулъ отъ своего приказа этой новой, самою жизнью предложенной задачи, но дѣятельно, сколько хватало его энергіи, взялся за ея разрѣшеніе» (стр. 115). Вниманіе автора остановилось на тѣхъ злоупотребленіяхъ администраціи первой половины XVII вѣка, о которыхъ московскіе люди съ такою силою били челомъ своему правительству въ челобитьяхъ и въ соборныхъ «сказкахъ»; въ этихъ злоупотребленіяхъ была первая бѣда того времени. Вторая, по мнѣнію автора, заключалась въ рѣзкомъ экономическомъ кризисѣ, постигшемъ населеніе въ 40-хъ и 50-хъ годахъ XVII столѣтія. Обижаемое и разоряемое, обнищавшее и оголодавшее, населеніе должно было жаловаться и не могло не жаловаться на свое положеніе. Новый приказъ былъ мѣстомъ, куда всего удобнѣе могъ идти челобитчикъ и доноситель, искавшій прямого пути къ царской защитѣ. Еще раньше царя Алексѣя при патріархѣ Филаретѣ населеніе просило, а правительство пыталось ему дать учрежденіе, которое служило бы защитою слабыхъ отъ сильныхъ и во всемъ доискивалось бы «только правды, одной правды».

Г. Гурляндъ думаетъ, что такимъ учрежденіемъ былъ «приказъ, что на сильныхъ бьютъ челомъ», или «приказъ приказныхъ дѣлъ», или «приказъ сыскныхъ дѣлъ»: авторъ колеблется, признать ли ему эти приказы за одно или за различныя учрежденія, но онъ твердо держится того мнѣнія, что идея подобнаго учрежденія была усвоена лично патріархомъ Филаретомъ, имъ была проводима въ практику и съ его смертью была оставлена. Въ Тайномъ же приказѣ царь Алексѣй какъ бы возстановилъ это учрежденіе «высшей справедливости», какъ только выяснилъ себѣ его необходимость подъ давленіемъ житейскихъ указаній и челобитенной докуки. Итакъ личная канцелярія царя превратилась въ организованный «приказъ тайныхъ дѣлъ», имѣвшій цѣлью осуществить «особыя начала управленія: начало непосредственнаго царскаго руководительства, начало высшей справедливости, начало надзора» (стр. 116). Третья глава труда г. Гурлянда выясняетъ организацію приказа, его составъ, степень личнаго вмѣшательства царя въ дѣла приказа. Личное участіе царя въ дѣлахъ приказа было такъ постоянно, что даже въ «совершенно обыденныхъ вопросахъ требовался докладъ царю» (123). Можно сказать, что царь былъ прямымъ начальникомъ приказа и «фактически вѣдалъ его», какъ выражается г. Гурляндъ. Компетенцію приказа авторъ дѣлитъ на два отдѣла: «отдѣлъ первый—производство по дѣламъ и исполненіе порученій по предметамъ, которые вѣдалъ Приказъ тайныхъ дѣлъ; отдѣлъ второй—производство по дѣламъ и исполненіе порученій по предметамъ, которые непремѣнно относились къ компетенціи какого-нибудь другого учрежденія, но по

отношенію къ которымъ (то есть, дѣламъ и порученіямъ) приказъ выступалъ въ роли органа, выражавшаго или начало непосредственнаго царскаго руководительства, или начало высшей справедливости, или начало надзора» (161). Первый отдѣлъ обнимаетъ «функціи, которыя вели свое начало отъ причинъ, приведшихъ къ возникновенію приказа» (какъ личной канцеляріи царя); второй отдѣлъ обнимаетъ «функціи, которыя вели свое начало отъ причинъ, сказавшихся уже тогда, когда приказъ образовался». Разсмотрѣнію перваго отдѣла компетенціи посвящена четвертая глава книги г. Гурлянда; разсмотрѣнію второго отдѣла — глава пятая. Въ четвертой главѣ авторъ устанавливаетъ, что приказъ вѣдалъ: а) личную переписку царя, б) имѣнія его и разныя хозяйственныя учрежденія, въ нихъ находившіяся, в) различныя промышленныя заведенія и промыслы, принадлежавшіе царю, г) Аптекарскій, Гранатный и Потѣшный дворы, д) торговыя операціи царя, е) малую казенную палатку, гдѣ хранились особенно цѣнные «товары», ж) дѣло сыска всякой руды и залежей, з) раздачу церковныхъ книгъ, и) дѣла Саввина Сторожевскаго монастыря, і) царскую благотворительность, к) личную кассу царя и пр. и пр. Въ главѣ пятой г. Гурляндъ особенно внимательно останавливается на проявленіи начала высшей справедливости въ дѣятельности Тайнаго приказа и снова возвращается къ оцѣнкѣ правительственныхъ пріемовъ патріарха Филарета, въ которомъ видитъ какъ бы предшественника царя Алексѣя въ «процессѣ возвращенія царя къ фактическому управленію» (257—261). Много любопытнаго указывается какъ относительно способовъ надзора, явнаго

и тайнаго, за должностными лицами, такъ и относительно вмѣшательства царя въ дѣла управленія помимо общаго порядка производства. Если укажемъ, что въ шестой главѣ («заключеніи») авторъ сводитъ въ общемъ очеркѣ все то, что уже намѣтилъ въ формѣ частнаго вывода въ предшествующемъ изложеніи, то исчерпаемъ главное содержаніе любопытной книги г. Гурлянда.

Дѣло историковъ-юристовъ опредѣлить, что именно новаго и полезнаго даетъ трудъ г. Гурлянда для исторіи права и администраціи въ древней Руси. Мы не будемъ останавливаться на поставленномъ юристами вопросѣ о томъ, доказалъ, или нѣтъ, г. Гурляндъ свою мысль, что Тайный приказъ изъ безформенной личной канцеляріи царя сталъ государственнымъ «учрежденіемъ» съ опредѣленнымъ составомъ и компетенціей. Для насъ не достаточно ясно, можно ли вообще переносить современныя намъ понятія объ «учрежденіяхъ» въ Московскую пору и примѣнять ихъ къ приказамъ, относительно которыхъ и до сихъ поръ ученые не столковались, чѣмъ ихъ считать: коллегіями или органами управленія единоличнаго. Въ книгѣ г. Гурлянда историка прежде всего можетъ интересовать вопросъ о тѣхъ «условіяхъ времени», при которыхъ Тайный приказъ расширилъ свое вѣдомство и получилъ видъ чрезвычайно вліятельнаго и дѣятельнаго приказа. По связи съ этимъ вопросомъ и взглядъ г. Гурлянда на принципы и цѣли дѣятельности патріарха Филарета получаетъ значительный интересъ, особенно въ томъ случаѣ, если бы удалось доказать внутреннее преемство между дѣятельностью дѣда-патріарха и внука-царя.

Какъ было указано, «условія времени», въ которое возникли перемѣны въ Приказѣ и обнаружился ростъ его компетенціи, г. Гурляндъ опредѣляетъ такъ: административный произволъ и злоупотребленія, съ одной стороны, и экономическій кризисъ, съ другой, вызывали въ населеніи жалобы и протесты; населеніе искало «той отдушины, черезъ которую его голосъ могъ бы доходить до царя безъ посредства промежуточныхъ инстанцій» (83); Тайный приказъ сталъ такою «отдушиною», потому что царь не уклонился отъ обращенія къ нему населенія, и по этой причинѣ дѣятельность Приказа получила новый характеръ. Это объясненіе стройно, но, можетъ быть, слишкомъ просто. Злоупотребленія, произволъ и экономическое недовольство дѣйствительно «опредѣляли моментъ», какъ выражается г. Гурляндъ о 50-хъ годахъ XVII столѣтія. Но они же опредѣляли и всѣ прочіе моменты съ 1613 года. Какъ бы чувствуя силу такого возраженія, г. Гурляндъ указываетъ на то, что въ свое время съ административнымъ злоупотребленіемъ и экономическимъ бѣдствіемъ тою же мѣрою пробовалъ бороться патріархъ Филаретъ. При немъ было создано стоящее внѣ общаго административнаго порядка учрежденіе, «что на сильныхъ челомъ бьютъ», съ помощью котораго царь получалъ возможность «фактическаго управленія», понемногу ускользавшую изъ его рукъ съ развитіемъ приказныхъ формъ. Эта тенденція къ «фактическому управленію» отличала всю дѣятельность «владительнаго» патріарха; она была оставлена съ его кончиною и возстановлена царемъ Алексѣемъ въ Тайномъ приказѣ. Однако, характеризуя «программу» патріарха Филарета, г. Гурляндъ не разъ огова-

ривается, что эта «программа» скорѣе чувствуется, чѣмъ доказывается: такъ мало оставила она слѣда въ документахъ.

Но, можетъ быть, ея и ненадобно доказывать, если объясненіе «момента», въ который возникъ Тайный приказъ, поставить иначе. Послѣ смуты правительственный московскій порядокъ былъ осложненъ постояннымъ дѣйствіемъ такого органа, какого не знало или почти не знало Московское государство XVI вѣка,—земскаго собора съ выборными представителями отъ мѣстныхъ служилыхъ и тяглыхъ организацій. Этихъ представителей правительство держало при себѣ, кажется, непрерывно, вызывая ихъ въ Москву «для великаго государева и земскаго дѣла» на продолжительные сроки. Насколько можно догадываться, нормальнымъ срокомъ было трехлѣтіе — срокъ, на который, по сообщенію Маржерета, вызывался въ Москву «изъ городовъ выборъ» для московской службы. Въ первое время существованія постоянныхъ соборовъ, при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, ихъ роль была очень опредѣленной: соборы были органомъ тѣхъ общественныхъ классовъ, которые возстановили государственный порядокъ и избрали царя и на которыхъ поэтому лежала обязанность охраны порядка и власти, ими же созданныхъ. Соборы были поддержкою царской власти, ея союзниками и политическими единомышленниками, за-одно дѣйствовавшими противъ общихъ имъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Понятна тѣсная солидарность власти и собора, при которой царь всякое свое дѣйствіе стремился опереть на авторитетъ собора, а соборъ дорожилъ государемъ, какъ внѣшнимъ символомъ только что возродившагося порядка, и при

томъ возродившагося именно въ интересахъ среднихъ классовъ общества, представленныхъ на соборахъ. Понятна и та особенность отношеній власти къ земскимъ представителямъ, что власть желала въ выборныхъ видѣть людей, «которые бъ умѣли разсказать обиды, и насильства, разоренье и чѣмъ Московскому государству полнитца»... Соборы играли роль той «отдушины», по выраженію г. Гурлянда, чрезъ которую населеніе имѣло возможность непосредственно сноситься съ властью. Широкая практика сословныхъ ходатайствъ, челобитій, заявленій объ общественныхъ нуждахъ, связанная съ дѣятельностью соборовъ 1642 и 1648—1649 годовъ, служитъ яркимъ тому примѣромъ. Она помогаетъ осуществленію правительственнаго надзора, содѣйствуетъ ему и служитъ средствомъ борьбы противъ административнаго злоупотребленія и произвола и средствомъ защиты сословнаго интереса передъ властью. Такъ обстояло дѣло до той поры, когда обнаружилось нѣкоторое ослабленіе солидарности между властью и ея основаніемъ—соборами. Случилось это въ эпоху составленія Уложенія и было послѣдствіемъ того, что представители среднихъ классовъ на соборѣ провели въ законъ нѣкоторыя мѣры, направленныя противъ духовенства и боярства, главнымъ образомъ въ сферѣ ихъ землевладѣльческихъ правъ. Здѣсь нѣтъ мѣста объяснять, въ чемъ состояли эти мѣры; достаточно отмѣтить, что онѣ существенно затрагивали тѣхъ, кто отъ нихъ терпѣлъ. Патріархъ Никонъ вооружился противъ Уложенія и звалъ его «проклятой книгой»; такъ называемые «закладчики» грозили уличной смутою. По современному выраженію, тогда «міръ весь качался», было «въ міру великое смятеніе». Прави-

тельство, поставленное лицомъ къ лицу съ многократнымъ уличнымъ «гилемъ», увидѣло и въ земскомъ соборѣ тенденцію противъ своихъ ближайшихъ органовъ, бояръ и высшаго духовенства, и поняло, что оно расходится и съ соборами. Слова Никона, что соборъ 1648—1649 годовъ былъ «не по воли, боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей» исполнены большого смысла: они указываютъ, что власть потеряла довѣріе къ собору, уразумѣвъ, что съ ея точки зрѣнія онъ можетъ быть и «не истинныя правды ради». Со вступленіемъ Никона въ патріаршество соборная практика и вовсе прекращается. Въ 1652 году сталъ онъ патріархомъ, въ 1653 году былъ послѣдній соборъ, въ 1662 году населеніе Москвы уже тщетно напоминаетъ правительству объ оставленной имъ привычкѣ совѣщаться со «всею землею». Все это даетъ намъ поводъ сказать, что «смутное время» 1648—1650 годовъ развело до тѣхъ поръ дружныя политическія силы, то-есть, власть и соборы, и заставило власть искать дальнѣйшей опоры не въ соборахъ, а въ собственныхъ исполнительныхъ органахъ: началась бюрократизація управленія, и на мѣсто соборнаго начала выдвинуто было приказное. А съ тѣмъ вмѣстѣ исчезла та «отдушина», о которой говоритъ г. Гурляндъ и которую мы видѣли въ соборахъ. Потерявъ возможность общенія съ властью на соборахъ, населеніе ждетъ осуществленія этой возможности отъ своего обращенія прямо къ государю чрезъ его личную канцелярію или Тайный приказъ. Съ своей стороны и государь находитъ въ Тайномъ приказѣ удобный органъ надзора, чтобы развѣдать ту правду, которая раньше обнаруживалась чрезъ соборныхъ представителей.

Конечно, это только предположеніе, и мы его лишь намѣчаемъ, а не развиваемъ. Какъ бы ни было оно шатко, его можно высказывать не съ меньшимъ правомъ, чѣмъ взглядъ г. Гурлянда. Оно даже удобнѣе въ томъ отношеніи, что не связываетъ вопроса о возникновеніи Тайнаго приказа съ вопросомъ объ административныхъ мѣропріятіяхъ патріарха Филарета и не заставляетъ искать между ними ни преемства, ни противоположности. Говоря такъ, мы однако находимъ, что замѣчанія г. Гурлянда о личности и системѣ Филарета любопытны и оригинальны и что г. Гурлянду принадлежитъ даже нѣкоторая заслуга въ томъ, что онъ пустилъ въ научный оборотъ забытую всѣми переписку патріарха Филарета съ царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ и извлекъ изъ нея цѣнныя наблюденія надъ тѣмъ, каково было отношеніе «великихъ государей» къ боярскому совѣту ихъ времени. Вообще въ книгѣ г. Гурлянда мимоходомъ затронуто нѣсколько такихъ вопросовъ изъ исторіи нашего XVII вѣка (о приказахъ Приказныхъ дѣлъ и Сыскномъ, объ идеѣ общаго блага въ указахъ второй четверти XVII вѣка, о взаимоотношеніи «комнатной», «тайной» и «ближней» думы и пр.), которые возбуждаютъ интересъ и заслуживали бы особаго изслѣдованія. Позволимъ высказать надежду, что г. Гурляндъ не оставилъ ихъ навсегда.

СТОЛѢТІЕ КОНЧИНЫ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II [1].

Сто лѣтъ назадъ, вечеромъ 6-го ноября 1796 года, скончалась императрица Екатерина II-я, послѣ двухдневной болѣзни, на 68 году жизни и на 35 году царствованія. «Екатеринино царствованіе, 34 года продолжавшееся (говоритъ въ своихъ запискахъ извѣстный А. С. Шишковъ), такъ всѣхъ усыпило, что, казалось, оно, какъ бы какому благому и безсмертному божеству порученное, никогда не кончится. Страшная вѣсть о смерти ея, не предупрежденная никакою угрожающею опасностью, вдругъ разнеслась и поразила сперва столицу, а потомъ и всю обширную Россію.» Шишкову и всѣмъ сотрудникамъ и поклонникамъ дѣлъ почившей государыни казалось, что «Россійское солнце погасло» въ тотъ самый мигъ, когда «Екатерина вздохнула въ послѣдній разъ и, на ряду съ прочими, предстала предъ судъ Всевышняго».

Но такъ говорили и писали о своей «матушкѣ императрицѣ» лишь тѣ люди, сердца которыхъ дро-

---

[1]) Читано на торжественномъ актѣ С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ 1 декабря 1896 года.

жали отъ восторга и патріотической гордости при шумѣ Екатерининскихъ побѣдъ и умы которыхъ нѣмѣли подъ впечатлѣніемъ широкихъ и блестящихъ преобразованій Екатерины въ административномъ и сословномъ устройствѣ. Наступившее со смертью императрицы новое царствованіе, — «царство власти, силы и страха», какъ его звали современники,—иначе отнеслось къ дѣятельности предшествующаго правительства. Оно не только осудило прежніе порядки громко, рѣшительно и даже грубо; болѣе, — оно принялось суетливо и торопливо раздѣлывать все то, что было сдѣлано въ Екатерининское время. Отъ мелочей придворнаго быта до существеннѣйшихъ сторонъ общественной жизни, все терпѣло измѣненія, потому что признавалось негоднымъ, вреднымъ, распущеннымъ и даже развращеннымъ. Прошло всего около 4 лѣтъ, настало 12 марта 1801 года, на русскій престолъ вступилъ императоръ Александръ — тотъ самый, котораго императрица Екатерина называла «мой Александръ», — и вотъ Россія читала первый манифестъ юнаго императора о томъ, что онъ, воспріемля престолъ послѣ отца своего, принимаетъ вмѣстѣ «и обязанность управлять народъ по законамъ и по сердцу... Августѣйшей Бабки нашей Государыни Императрицы Екатерины Великія». Государь давалъ обѣтъ «шествовать по ея премудрымъ намѣреніямъ» и этимъ торжественно возстановлялъ попранныя преданія Екатерининской эпохи.

Такова была по-истинѣ превратная судьба Екатерининой славы въ ближайшемъ потомствѣ. На императрицу смотрѣли то какъ на «благое божество», то какъ на слабую женщину, не умѣвшую поддержать порядокъ не только въ Имперіи, но даже и въ соб-

ственномъ дворцѣ. Надобно признаться, что подобная двойственность отношенія передалась и въ послѣдующія поколѣнія — вплоть до нашего времени. Вѣдь и мы можемъ расходиться въ нашихъ взглядахъ на личность и дѣятельность «просвѣщенной» императрицы и можемъ различно цѣнить историческія послѣдствія ея политики. Не слышимъ ли мы въ современной намъ литературѣ восторженныхъ похвалъ уму и знаніямъ Екатерины, ея умѣнью угадывать и поддерживать талантливыхъ людей, которымъ Пушкинъ далъ такое звучное названіе «славной стаи Екатерининскихъ орловъ»? Не кружатся ли и теперь впечатлительныя головы при описаніи военныхъ побѣдъ и дипломатическихъ успѣховъ Екатерининскаго царствованія, при характеристикѣ той перемѣны въ настроеніи и пріемахъ русской дипломатіи, когда она высоко подняла голову и стала говорить увѣреннымъ и твердымъ тономъ, повинуясь внушеніямъ самой императрицы стойко блюсти народные интересы и свою самостоятельность? И въ то же время не слышимъ ли мы горькихъ сѣтованій на то, что при Екатеринѣ случайное придворное вліяніе могло господствовать надъ существеннымъ государственнымъ интересомъ, какъ въ темную эпоху предшествующихъ Екатеринѣ временщиковъ? Не указываютъ ли на то, что наши колоссальныя пріобрѣтенія отъ Польши и Турціи все-таки «отзывались горечью»: во 1-хъ, въ то же самое время прусскіе, а особенно австрійскіе нѣмцы захватили не только славянскія, но прямо русскія земли, а во 2-хъ, благодаря этимъ захватамъ «скоропостижный прусскій король» выросъ до значенія первокласснаго европейскаго монарха, чего не хотѣли допускать наши старые политики? Наконецъ,

не доказываютъ ли намъ, что громъ побѣдъ потрясъ хозяйственное благосостояніе страны и что ростъ политическаго могущества Россіи при императрицѣ Екатеринѣ сопровождался окончательнымъ нарушеніемъ того стариннаго равновѣсія, въ какое приведены были сословныя отношенія въ старой Московской Руси? Въ старой Руси надъ всѣми сословіями тяготѣла одинаково правительственная рука, равномѣрно распредѣлявшая государственныя повинности между отдѣльными группами населенія. При Екатеринѣ II послѣдняя тѣнь этой государственной тяготы была снята съ дворянства, на крестьянство же окончательно, рядомъ съ государственными обязанностями, надѣто было ярмо частной крѣпостной зависимости.

Вотъ сколько можетъ быть указано различныхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ цѣнили и до сихъ поръ цѣнятъ дѣятельность императрицы Екатерины II-й.

Я не думаю, чтобы возможно было разрѣшить въ созвучіе весь этотъ нестройный шумъ противорѣчій и соединить въ одну внутренне-цѣльную характеристику рядъ не соотвѣтствующихъ одинъ другому отзывовъ. Возможна и болѣе правильна задача — объяснить причины существующихъ разнорѣчій и уловить ихъ существенныя черты. Мнѣ кажется, что эта задача не только исполнима вообще, но уже и исполнена въ спеціальной литературѣ, и намъ остается собрать ея указанія въ одинъ общій очеркъ.

Мы не будемъ останавливаться на томъ общемъ соображеніи, что дѣятельность императрицы Екатерины II обнимаетъ собою болѣе трети столѣтія и настолько богата историческимъ содержаніемъ, что уже самая количественная его сложность затрудняетъ дѣло его оцѣнки

и систематическаго изученія. Это — общая причина, выступающая съ одинаковою силою при изслѣдованіи каждаго крупнаго историческаго факта или процесса: синтезъ изслѣдователя не охватываетъ эпохи во всей совокупности ея явленій, а господствуетъ лишь надъ отдѣльными группами ихъ, и только долгія усилія въ одномъ направленіи идущихъ умовъ приводятъ насъ къ желанному успѣху — правильному пониманію изучаемаго сложнаго факта. Для такъ называемой «эпохи преобразованій» Петра В. уже наступила, напримѣръ, пора правильнаго объясненія, не смотря на всю сложность преобразовательнаго движенія XVII — XVIII вв. На такой же ученый успѣхъ должны мы надѣяться и въ отношеніи Екатерининскаго царствованія, сколь ни великъ историческій матеріалъ, къ нему относящійся. Однако, если мы достигнемъ здѣсь точнаго знанія, оно врядъ ли представитъ намъ дѣятельность «просвѣщенной» императрицы принципіально цѣльною и согласованною во всѣхъ ея частяхъ. Вотъ почему мы рѣшаемся высказать мнѣніе, что разнорѣчія во взглядахъ на дѣятельность императрицы Екатерины зависятъ не отъ однихъ лишь субъективно взятыхъ точекъ зрѣнія, но и отъ обстоятельствъ, данныхъ самою дѣятельностью императрицы.

Какія же это обстоятельства?

Для того, чтобы правильно отвѣтить на этотъ вопросъ, слѣдуетъ прежде всего усвоить ту безспорную мысль, что вся дѣятельность императрицы Екатерины была въ сущности направлена на борьбу съ окружающею политическою дѣйствительностью. Менѣе всего желала императрица мириться съ тѣмъ положеніемъ вещей, которое она застала, вступая во власть; менѣе

всего была способна жить день за день, покорно слѣдуя за случайностями текущей жизни. Превосходя образованіемъ почти весь Петербургскій дворъ, принадлежа по уму къ избраннѣйшимъ его людямъ, твердо вѣря и громко говоря, что «на этомъ свѣтѣ препятствія созданы для того, чтобы достойные люди ихъ уничтожали и тѣмъ умножали свою репутацію», — молодая государыня страстно желала «умножить свою репутацію», взять въ свои руки политическое положеніе и господствовать надъ нимъ. Свѣтлая вѣра въ неограниченную мощь человѣческаго разсудка, вѣра, свойственная тому вѣку вообще, придавала бодрости въ борьбѣ и указывала цѣль борьбы — дать счастіе милліонамъ людей согласно съ велѣніями просвѣщеннаго разума. Сильный умъ, давно привыкшій къ критикѣ окружающей жизни, легко отыскивалъ слабыя ея стороны; тактъ и житейское чутье указывали безошибочно на лучшихъ помощниковъ и сотрудниковъ. Торжество надъ препятствіями казалось легко. Но прошли года и стало ясно, что побѣда одержана не по всей линіи боя и что кое-гдѣ пришлось уступить поле битвы, кое-гдѣ — даже капитулировать. Тамъ, гдѣ императрица могла поймать прочную историческую традицію и дѣйствовала въ духѣ вѣковыхъ національныхъ стремленій, ее ждалъ блистательный успѣхъ. Тамъ, гдѣ сила ума и знанія покоряла себѣ невѣжественную косность, правительство императрицы выступало въ привлекательной роли просвѣщенной и благодѣтельной власти. За то въ тѣхъ случаяхъ, когда императрица рѣшалась идти противъ нѣкоторыхъ господствовавшихъ тогда въ русскомъ обществѣ теченій, потокъ общественной жизни несъ ее не въ ту

сторону, куда она сама хотѣла плыть, и далеко уносилъ отъ нея даже близкихъ ей помощниковъ, не желавшихъ, какъ она, бороться съ силою влекущаго потока. Уступая этой могучей силѣ, Екатерина однако никогда не мирилась съ неудачей и вмѣсто сломаннаго въ борьбѣ оружія искала новаго.

Никто не будетъ спорить, что наибольшимъ блескомъ отличалась внѣшняя политика Екатерининскаго царствованія. Въ самомъ дѣлѣ при императрицѣ Екатеринѣ II-й, Россія пріобрѣла всю Литву, Курляндію, Крымъ и Кубань — громадныя пространства земли, обладаніе которыми поставило Россію на берегахъ Чернаго моря, возвратило Руси ея западныя области, взятыя когда-то Литвою, и, наконецъ, навсегда избавило насъ отъ возмутительныхъ татарскихъ набѣговъ. Еслибы во дни этихъ пріобрѣтеній могли возстать изъ гробовъ старые Московскіе люди, всѣ помыслы которыхъ въ XVI и XVII вѣкахъ устремлены были на ляховъ, литву и татаръ, они въ побѣдахъ Екатерины II-й увидали бы торжество завѣтныхъ русскихъ мечтаній, завершеніе того великаго дѣла, за которое они ложились костьми на западныхъ и южныхъ рубежахъ Московскаго государства. Съ самаго XIII вѣка, когда русская народность сразу подверглась натиску татаръ, литвы, нѣмцевъ и шведовъ, вопросъ народной обороны становится на первомъ мѣстѣ въ народной жизни и княжеской политикѣ. Сначала вопросъ этотъ заключался въ томъ, чтобы возвратить себѣ политическую независимость, отнятую татарами. Затѣмъ, когда это было достигнуто и татары изъ господъ стали трусливыми хищниками, приходившими къ намъ не за данью, а по-волчьи — за воровскимъ полономъ, тогда вопросъ

измѣнился: заботились о томъ, чтобы достигнуть безопасной границы на югѣ, отъ татаръ, вернуть въ составъ государства русскія волости, взятыя Литвою и Польшею, и Новгородскій берегъ Финскаго залива, отнятый шведами. Столѣтія прошли раньше, чѣмъ вопросъ о прямомъ сохраненіи гибнувшей народности естественно перешелъ въ вопросъ о достиженіи для этой спасенной и окрѣпшей народности правильныхъ и естественныхъ границъ. Столѣтія прошли раньше, чѣмъ смиренное наставленіе Московскаго князя Симеона братьямъ жить въ мирѣ, «чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша и свѣча бы не угасла» народной жизни,—смѣнилось горделивымъ заявленіемъ великаго князя Ивана III, что *вся* русская земля (и та, которою онъ еще не завладѣлъ) «отъ нашихъ прародителей изъ старины наша вотчина». И опять столѣтія прошли раньше, чѣмъ разгромъ Швеціи при Петрѣ Великомъ доказалъ Европѣ, что у «Московита» выросла грозная сила и что Москва, рѣшая свои вѣковыя задачи, можетъ осуществить, вслѣдъ за пріобрѣтеніемъ Балтійскаго побережья, и другія свои притязанія на Литву и Черноморье. Петръ Великій былъ прямымъ ученикомъ и продолжателемъ дореформенныхъ дипломатовъ Московской Руси, которые вели русскую политику по старымъ завѣтамъ и по старымъ же завѣтамъ въ маститой старости мѣняли дьячій кафтанъ на монашескую рясу. Но эти старые завѣты были забыты, когда со смертью Петра у русскаго кормила стали случайные люди и вовсе чуждые Россіи фавориты, которые, вмѣсто монашескаго сана, за дипломатическую покладливость принимали титулъ графа отъ германскаго императора. Одинъ только изъ

такихъ графовъ канцлеръ А. П. Бестужевъ-Рюминъ помнилъ Петровскіе завѣты, хотя и осложнялъ ихъ собственными заботами о поддержаніи въ Европѣ политическаго равновѣсія, о которомъ такъ мало заботился самъ Петръ. Тѣмъ не менѣе именно Бестужевъ былъ первымъ политическимъ наставникомъ Екатерины II, и именно черезъ него Екатерина могла войти въ разумѣніе насущныхъ дѣлъ русской политики. И вотъ вѣковая старина оживаетъ въ дѣлахъ Екатерины. Черезъ головы своихъ близорукихъ предшественниковъ Екатерина оглядывается назадъ на Петра Великаго, справляется о томъ, какъ онъ *поступалъ* въ томъ или иномъ случаѣ, и соображаетъ, какъ онъ *поступилъ бы,* еслибы былъ на ея мѣстѣ. Не даромъ она похваляется, что носитъ табакерку съ портретомъ Петра Великаго, чтобы всегда о немъ помнить: въ шутливой формѣ сказывается серьезная мысль, дѣлающая большую честь политическому чутью императрицы. Рѣшая польскій и турецко-татарскій вопросы, Екатерина чувствовала себя прямою продолжательницею Петра, а за нимъ и всей старорусской традиціи, и мы обязаны признать за ней эту высокую честь. Въ исторіи нашего національнаго объединенія Екатерина была такимъ же народнымъ бойцомъ, какъ и «добрый страдалецъ за землю русскую» Екатерининскій солдатъ, полагавшій душу свою на поляхъ Литвы и Польши, на Карпатскихъ нагорьяхъ и въ Дунайскихъ камышахъ. Они привели къ концу — каждый по своему — то вѣковое дѣло, которое одинаково лежало на сердцѣ и большихъ и малыхъ людей Московской эпохи, и разрѣшили, наконецъ, ту задачу, надъ которою тру-

дились лучшіе московскіе умы до самого Петра Великаго включительно.

Итакъ, въ политикѣ внѣшней Екатерина съумѣла и смогла стать на высоту строго историческаго пониманія предстоявшихъ ей дѣлъ, и блестящій успѣхъ былъ здѣсь наградою, заслуженною и взятой прямо съ боя.

Сложнѣе и труднѣе для оцѣнки характеръ внутренней государственной дѣятельности императрицы. Русское общественное устройство терпѣло существенныя измѣненія въ ту пору, когда Екатерина вступала въ дѣла. Рушился окончательно тотъ старо-московскій порядокъ, по которому всякое лицо и всякая личная собственность разсматривались какъ орудіе правительственной дѣятельности, употребляемое для служенія государственному интересу. Въ Московской Руси не было ни личной слободы, ни сословнаго права; были вмѣсто нихъ только личныя привилегіи и временныя льготы. Все общество было построено на началахъ государственной крѣпости: каждый былъ прикрѣпленъ къ какой-либо государственной повинности, а по этой повинности былъ прикрѣпленъ къ тому мѣсту, гдѣ жилъ, и къ тому обществу, съ которымъ былъ связанъ круговою порукою въ отправленіи службъ или платежей. Въ этомъ государственно-крѣпостномъ порядкѣ была извѣстная своеобразная справедливость; она выражалась во всеобщемъ равенствѣ предъ государствомъ, равенствѣ безправія. И Петръ Великій не только не измѣнилъ этому старому началу, но еще и подчеркнулъ его, самого себя называя неизмѣнно слугою государства. Служилые люди всѣхъ чиновъ были слиты при Петрѣ Великомъ въ одинъ классъ, «шля-

хетство», и поставлены въ тяжелый служебный режимъ. Всѣ уклонявшіеся отъ государственной тяготы и частнозависимые люди (такъ называемые гулящіе люди и холопы) были введены въ непосредственныя отношенія къ государству и прикрѣплены къ государственнымъ повинностямъ. Государственная опека при Петрѣ Великомъ стала систематичнѣе, бдительнѣе и тяжелѣе. Тѣмъ съ большею силою сказалась реакція противъ Петровскихъ порядковъ, когда послѣ смерти Петра Великаго «шляхетство» получило возможность вмѣшиваться въ борьбу придворныхъ лицъ и партій въ знаменитую печальной памяти эпоху временщиковъ. Быстрая и частая смѣна правительствъ и правителей, вызываемая отсутствіемъ въ династіи правоспособныхъ представителей власти, совершалась иногда въ формѣ прямыхъ переворотовъ. Вполнѣ доказано, что эти перевороты производились гвардейскими полками, имѣвшими однородный, именно дворянскій, составъ и дѣйствовавшими за все «благородное россійское шляхетство» въ интересахъ цѣлаго сословія. Именно такимъ шляхетскимъ движеніемъ была поставлена на престолъ и императрица Екатерина. Естественно, что шляхетское вліяніе на политическія дѣла должно было обратиться въ пользу самого шляхетскаго сословія. Императрица Анна облегчила шляхетскую службу, обратила помѣстныя земли, дотолѣ признаваемыя государственными, въ наслѣдственную собственность дворянъ, ихъ владѣльцевъ, и вообще расширила права дворянъ въ ихъ недвижимыхъ имуществахъ. При Елизаветѣ дворянство превратилось уже въ замкнутое привиллегированное сословіе и громко мечтало объ освобожденіи своемъ отъ обязательной службы государству. Импе-

раторъ Петръ III, слышавшій эти мечтанія, осуществилъ ихъ въ манифестѣ 18 февраля 1762 года. Императрицѣ Екатеринѣ осталось или подтвердить вольность раскрѣпощеннаго дворянства, и тогда во имя справедливости раскрѣпостить и прочія сословія, или, если этого нельзя было сдѣлать, то вернуть государство къ Петровскимъ формамъ и отнять у дворянства преждевременно усвоенную свободу. Такъ ставился вопросъ для Екатерины; что выберетъ она? послѣдуетъ ли Петру? продолжитъ ли дворянскую политику своихъ ближайшихъ предшественниковъ?

Вернуть государство къ Петровскимъ формамъ было невозможно, еслибы Екатерина этого и желала: давать права и льготы болѣе легко, чѣмъ отнимать ихъ, да къ тому же отнимать у сословія, которое 20 лѣтъ уже стояло у власти и трона. Врядъ ли впрочемъ Екатерина и желала идти противъ правъ и льготъ: по ея собственнымъ словамъ, она поставила себѣ цѣлью «понравиться націи»; «съ республиканскою душою и добрымъ сердцемъ», «она старалась доставить своимъ подданнымъ счастіе, свободу и собственность». Могла ли государыня, такъ судившая о самой себѣ, усвоить себѣ политику порабощенія и реакціи? Разумѣется, нѣтъ. Напротивъ, широкіе освободительные планы витали въ умѣ государыни, воспитанной на либеральнѣйшихъ идеяхъ вѣка. Не только сохраненія шляхетской вольности хотѣла она, но она искреннѣйшимъ образомъ мечтала и о вольности крестьянской. И время было подумать о судьбѣ тѣхъ крестьянъ и дворовыхъ людей, которыхъ, подъ общимъ названіемъ «помѣщичьихъ подданныхъ», административная практика отдавала въ полное распоряженіе землевладѣльца,

а законъ опредѣлялъ какъ сословіе государственныхъ плательщиковъ. Всѣ знали — отъ крестьянской избы до дворца,—что крестьянскій трудъ былъ данъ помѣщику за то, что помѣщикъ служилъ конемъ и мечемъ государству, и всѣ чувствовали, что разъ помѣщикъ получалъ право отвязать мечь и снять доспѣхи, то и крестьянинъ могъ съ одинаковымъ правомъ оставить помѣщичью соху и съ барской запашки перейти на свою. Но въ то же самое время выходило такъ, что правительство могло обходиться безъ шляхетской службы, а шляхетство не могло устроить своего хозяйства безъ принудительнаго крестьянскаго труда, и никто не умѣлъ въ то время удовлетворительно разрѣшить эту хозяйственную задачу. Съ одинаковой роковою неизбѣжностью тяготѣли надъ сознаніемъ Екатерины двѣ непримиримыя идеи: ея собственная идея—о необходимости освобожденія помѣщичьихъ подданныхъ, и шляхетская идея—о необходимости удержать на шляхетскихъ земляхъ даровую рабочую силу, какъ незамѣнимое основаніе хозяйства. Отъ своей идеи Екатерина не отказывалась никогда — до послѣдняго 10-лѣтія своей жизни. Даже и тогда, когда ей приходилось оффиціально держаться иныхъ точекъ зрѣнія, она оставалась въ душѣ вѣрною себѣ и мучительно раздражалась отъ противорѣчія, въ которое попадала и изъ котораго ей не по силамъ было выйти. Обыкновенно осмотрительная въ выборѣ своихъ выраженій, она однако не сдерживалась въ отзывахъ о людяхъ съ крѣпостническимъ направленіемъ и даже давала имъ названіе «скотинъ». Но тѣмъ не менѣе сила вещей была сильнѣе единичной воли, и отъ благороднаго протеста противъ рабства Екатерина скло-

нялась къ его признанію и регламентаціи съ тѣмъ, чтобы при первой возможности снова воспрянуть для протеста и освободительныхъ мечтаній. Вотъ почему отношеніе Екатерининскаго правительства къ крестьянскому дѣлу исполнено такихъ рѣзкихъ противорѣчій, отражающихъ на себѣ борьбу стремленій самой императрицы съ вожделѣніями господствовавшаго тогда въ общественной жизни шляхетства. Вотъ почему мы видимъ, какъ Екатерина выводитъ изъ частной зависимости такъ называемыхъ «экономическихъ» крестьянъ, принадлежавшихъ церковнымъ владѣльцамъ, и запрещаетъ вступать въ крестьянскую зависимость свободнымъ и вольноотпущеннымъ людямъ, но въ то же время закрѣпощаетъ малороссійскихъ крестьянъ; какъ она запрещаетъ крестьянамъ жаловаться на своего владѣльца, но въ то же время не соглашается называть крестьянина рабомъ, упорно утверждая, что «между крѣпостнымъ и невольникомъ разность» и что смѣшеніе крестьянской и рабской зависимости есть «великое злоупотребленіе»; какъ она по грамотѣ дворянству 1785 года признаетъ крестьянъ одною изъ статей хозяйственнаго инвентаря въ недвижимомъ дворянскомъ имуществѣ, и въ то же время составляетъ проектъ освобожденія крестьянъ, родившихся послѣ грамоты 1785 года. Полная противоположность и непримиримость всѣхъ этихъ дѣйствій и взглядовъ указываетъ на коренной разладъ въ правительственной средѣ, и при томъ разладъ длящійся цѣлую четверть вѣка — знакъ, по которому мы можемъ представить себѣ, съ какимъ упорнымъ постоянствомъ императрица держалась своихъ идей, несмотря на рѣшительное несогласіе съ ними прочихъ правительственныхъ

силъ. Въ этомъ разладѣ дѣйствій и словъ видятъ иногда двуличіе Екатерины, усвоившей якобы крѣпостническую политику вмѣстѣ съ привычкою щеголять либеральными рѣчами. Будемъ осторожнѣе и признаемъ за Екатериною искреннее желаніе бороться съ господствовавшимъ тогда теченіемъ, желаніе безуспѣшное, но не безполезное. Заслугою Екатерины была уже та рѣшимость, съ какою она отдала на общественный судъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, рѣшимость, какую не всегда находимъ и въ первой половинѣ XIX вѣка.

Можно ручаться, что крестьянское дѣло было больнымъ мѣстомъ для Екатерины, чувствовавшей въ этомъ дѣлѣ свое безсиліе не только справиться съ крѣпостническими тенденціями общества, но и просто представить себѣ тотъ порядокъ общественной жизни, который явился бы результатомъ освобожденія крестьянскаго труда. Сразу перейти къ этому порядку было для нея страшно, что она и выражала въ «Наказѣ» словами 260-й статьи: «не должно вдругъ и черезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ». И этотъ страхъ раздѣляли съ Императрицею и другіе очень умные и знающіе люди ея времени, напримѣръ Болтинъ, рекомендовавшій осторожность и постепенность въ этомъ великомъ дѣлѣ, противникомъ котораго онъ отнюдь не былъ. Еслибы Екатерина и надѣялась легко сломить враждебное эмансипаціи шляхетство и сокрушить крѣпостной порядокъ, то этимъ самымъ, по ея представленію, попадала она еще въ большую трудность справиться съ общественнымъ хаосомъ и образовать новый общественный строй изъ элементовъ, предугадать которые она не могла. По

своей знаменитой Коммиссіи 1767 года могла она судить, какъ трудно, даже невозможно распоряжаться умонастроеніемъ и работою общественныхъ силъ. Такого рода мысли и опасенія, конечно, еще больше лишали Екатерину бодрости и увѣренности, чѣмъ прямая оппозиція крѣпостниковъ.

За то тамъ, гдѣ путь былъ ясенъ и гдѣ не было противодѣйствій, правительство Екатерины дѣйствовало съ величайшимъ блескомъ. Новыя формы мѣстнаго управленія съ большимъ искусствомъ были сотканы изъ элементовъ бюрократическихъ и сословно-земскихъ; въ вопросахъ финансовыхъ правительство держалось освободительной политики; народное образованіе вызывало систематическія заботы правительства и разсматривалось какъ важнѣйшая потребность населенія; въ заботахъ о вновь пріобрѣтенныхъ на югѣ земляхъ, о такъ называемой Новороссіи, сказалась очень большая чуткость и дальновидность, какъ будто бы уже тогда прозрѣвали всю силу и быстроту экономическаго роста русскаго юга, расцвѣтающаго на нашихъ глазахъ. И во всемъ, что ни дѣлало Екатерининское правительство, оно выступало какъ просвѣщенная сила, не просто умудренная политическимъ опытомъ, но способная возвышаться до принципіальной постановки вопроса и знакомая съ теоретическими успѣхами современнаго ей знанія. Помѣщенная исторіею между Петромъ III и Павломъ I, Екатерина неизмѣримо лучше ихъ обоихъ оказалась подготовленною къ государственной дѣятельности, къ которой оба они готовились и на которую она, казалось, вовсе не могла и расчитывать.

Такъ двоится наше впечатлѣніе отъ внутренней

дѣятельности императрицы Екатерины II. Въ основномъ вопросѣ тогдашней русской общественной жизни—въ устройствѣ отношеній между землевладѣльческимъ и земледѣльческимъ классами — императрица была увлечена по тому направленію, по которому увлекались событіями и всѣ ея предшественники, въ сторону укрѣпленія и нарощенія шляхетскихъ правъ. Но подчиняясь дворянскому режиму, сочувствуя и содѣйствуя организаціи дворянства въ видѣ привилегированнаго сословія, Екатерина давала подобную же организацію и городскому населенію, мечтала о соотвѣтствующемъ подъемѣ правъ и крестьянства, — и здѣсь то потерпѣла неудачу, столкнувшись съ интересами ею же поддержаннаго россійскаго шляхетства. Обратить это шляхетство въ прежнее безправное положеніе и отнять у него крестьянскій трудъ было невозможно или же чрезвычайно трудно. По крайней мѣрѣ, ни Екатерина, ни кто иной не могли себѣ представить государственнаго строя безъ крѣпостнаго труда. И здѣсь Екатерина поступается своими идеальными стремленіями ко всеобщей «свободѣ и собственности» и сохраняетъ крѣпостное право во всей его житейской цѣльности и безусловности. Но это не значитъ, чтобы Императрица вообще отказалась отъ своего либеральнаго міросозерцанія; напротивъ, либерализмъ государыни царитъ вездѣ, гдѣ проявляется творческій духъ правительства и личное вліяніе Екатерины отъ образованія государственнаго управленія до воспитанія внучатъ императрицы.

Вспомнимъ, что мы въ началѣ нашей рѣчи усомнились въ томъ, чтобы дѣятельность Екатерины можно было представить принципіально цѣльною и со-

гласованною во всѣхъ ея частяхъ. Теперь мы можемъ оправдать такое сомнѣніе. Во внѣшней своей политикѣ Екатерина была ученицею старой Руси и Петра Великаго; во внутренней государственной дѣятельности, тамъ, гдѣ она дѣйствовала свободно, она проводила въ жизнь философскіе и публицистическіе принципы, которыми жили въ то время передовые теоретическіе умы; въ сферѣ же хозяйственно-крѣпостныхъ отношеній она подчинилась господствовавшей въ обществѣ тенденціи не только изъ политической осторожности, но также изъ страха предъ невѣдомыми послѣдствіями соціальнаго переворота. Таковы разнообразные мотивы, руководившіе умомъ императрицы. Во 1-хъ, вѣрно понятый вѣковой инстинктъ народной обороны, во 2-хъ, лишенные всякаго національнаго оттѣнка принципы либеральнаго раціонализма и, въ 3-хъ, узкія утилитарныя вожделѣнія землевладѣльческаго класса, ничего общаго не имѣющія ни съ истиннымъ патріотизмомъ, ни съ благородными порывами освободительной мысли, — что общаго между этими историческими двигателями, влекшими Екатерину одновременно по разнымъ путямъ?

Конечно, менѣе всего можно негодовать лично противъ историческаго дѣятеля, которому суждено было въ вихрѣ событій и вліяній вращаться въ различныя стороны и терять единство дѣйствій. Дѣло вѣдь идетъ не о цѣльности личныхъ взглядовъ, которымъ Екатерина всегда была вѣрна, а о правительственной дѣятельности, которая всегда представляетъ собою равнодѣйствующую всѣхъ вліяній и усилій состоящихъ въ правительствѣ людей. Вдумавшись въ это обстоятельство, оцѣнивъ личность Екатерины въ обстановкѣ,

которая на нее дѣйствовала, мы скорѣе подивимся тому, что, при тысячѣ возможностей успокоиться на достигнутомъ успѣхѣ, Екатерина почти до конца своихъ дней продолжаетъ бороться за то, что считаетъ правымъ, продолжаетъ свѣтить русскому обществу яснымъ національнымъ сознаніемъ, неизмѣнною преданностью просвѣщенію, блескомъ прогрессивной европейской мысли. Въ исторіи нашего общества Екатерина одинъ изъ виднѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ культурныхъ дѣятелей, память о которомъ связана неразрывно со всякимъ успѣхомъ нашей гражданственности.

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БЕСТУЖЕВЪ-РЮМИНЪ.

(1897).

Утромъ 2-го января 1897 года не стало Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. Онъ скончался отъ болѣзни легкихъ, которая удручала его еще съ начала 80-хъ годовъ и медленно подтачивала и безъ того не крѣпкое его здоровье. Уже съ весны прошедшаго года можно было предчувствовать близость роковой развязки, и однако теперь очень трудно освоиться съ мыслью, что его уже нѣтъ между нами и что живы только наши воспоминанія о немъ.

Покойному было еще далеко до глубокой старости. Родился онъ въ маѣ 1829 года въ Горбатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, росъ въ деревнѣ, учился въ семьѣ, — «подъ вліяніемъ отца и матери», какъ онъ самъ о себѣ замѣтилъ,—и вынесъ изъ семьи хорошее знакомство съ французскимъ и нѣмецкимъ языками. Позднѣе научился онъ по-англійски и по-итальянски; въ гимназіи узналъ латинскій языкъ, но не могъ выучиться по-гречески, хотя и пробовалъ учиться приватно греческому языку у М. Ф. Грацинскаго, «отличавшагося даромъ не умѣть ничего передать». Любовь

къ чтенію возникла въ К-нѣ Н-чѣ еще дома, благодаря хорошей библіотекѣ его отца, ставшей впослѣдствіи основаніемъ его собственнаго обширнаго книжнаго собранія. Окрѣпла же эта любовь къ серьезной книгѣ въ Нижегородской гимназіи, въ которую К-нъ Н-чъ поступилъ въ 1840 году и въ которой (за исключеніемъ одного 1844—1845 года, проведеннаго въ дворянскомъ институтѣ) онъ оставался до 1847 года, до окончанія курса. Съ теплымъ чувствомъ вспоминалъ онъ свою гимназію, справедливо замѣчая, что въ его время она «считалась если не лучшимъ, то однимъ изъ лучшихъ заведеній въ Казанскомъ округѣ». Въ то время, когда въ ней учились К-нъ Н-чъ и его близкій другъ, извѣстный Ст. В. Ешевскій, гимназія переживала пору обновленія и отъ ветхихъ порядковъ патріархальной педагогіи переходила къ болѣе живому преподаванію. Съ большою живостью вспоминалъ К-нъ Н-чъ свое гимназическое время и въ извѣстной своей статьѣ о Ешевскомъ, и въ устныхъ своихъ бесѣдахъ. Изъ всѣхъ преподавателей гимназіи наибольшее вліяніе на умственную жизнь учениковъ, и въ частности на К-на Н-ча, имѣлъ Павелъ Ивановичъ Мельниковъ (онъ же «Андрей Печерскій»), преподаватель исторіи и одинъ изъ руководителей «литературныхъ бесѣдъ», существовавшихъ тогда въ гимназіи. Не одинъ разъ К-нъ Н-чъ пользовался случаемъ печатно высказать свою любовь и признательность бывшему учителю, къ которому онъ былъ близокъ до самой кончины Мельникова въ 1883 году. Откровенно свидѣтельствуя, что въ обыденномъ классномъ преподаваніи Мельниковъ впадалъ въ рутину, К-нъ Н-чъ въ то же время очень ярко рисуетъ ту увлекательную живость, съ какою

Мельниковъ относился къ каждому ученику, въ которомъ замѣчалъ интересъ къ исторіи, то чуткое умѣнье, съ какимъ онъ поддерживалъ въ немъ и развивалъ склонность къ чтенію и литературнымъ занятіямъ. Подъ руководствомъ Мельникова К-нъ Н-чъ началъ и свои историческіе опыты, читанные въ «литературныхъ бесѣдахъ», и сотрудничество въ *Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* 1847 года, выходившихъ тогда подъ редакціею Мельникова; тамъ К-нъ Н-чъ печаталъ отзывы о новыхъ книгахъ. Вспоминая мелькомъ, въ біографіи Ешевскаго, о своихъ личныхъ занятіяхъ въ гимназіи, К-нъ Н-чъ говоритъ, что онъ въ тѣ годы «предался чтенію литературному почти исключительно, перечитывалъ старыхъ и новыхъ русскихъ писателей, читалъ Жоржъ-Занда, Гюго, Гете»; «былъ въ обаяніи отъ Бѣлинскаго и отъ Григорьева (странное сопоставленіе, — прибавляетъ онъ,—возможное только въ молодые года!)». Принимая такое заявленіе о преобладаніи склонности къ изящной литературѣ и литературной критикѣ, не слѣдуетъ однако забывать, что рядомъ съ литературнымъ чтеніемъ шло и историческое: К. Н-чъ писалъ въ гимназіи сочиненіе о Борисѣ Петр. Шереметевѣ; въ первое время университетскаго ученія у него уже было привезено изъ деревни въ Москву «довольно большое (для студента) собраніе книгъ по русской исторіи». Это указываетъ уже на ту широту умственныхъ интересовъ и на то разнообразіе занятій, какія всегда отличали покойнаго—какъ въ пору юношескихъ начинаній, такъ и на закатѣ дней. Имѣя въ виду именно это разнообразіе, даже разбросанность, К-нъ Н-чъ съполнымъ основаніемъ могъ сказать о своемъ гимназическомъ

времени то, что сказалъ онъ въ біографіи Ешевскаго: «Оглядываясь назадъ на это давно минувшее время, конечно, можно быть недовольнымъ многимъ въ нашемъ первоначальномъ образованіи; можно сказать, что въ занятіяхъ нашихъ не было методы, что, узнавая много, мы узнавали какъ-то случайно и безсвязно: мы были всѣ—какъ часто любилъ говорить Ешевскій—самоучки. Тѣмъ не менѣе мы многое знали, хотя отъ случайности пріобрѣтенія между нужнымъ много было и ненужнаго; а, главное, мы получили любовь къ знанію, стремленіе къ труду и уваженіе къ наукѣ; прониклись тѣмъ вначалѣ смутнымъ благоговѣніемъ къ ея высшему вмѣстилищу, университету, которое сопровождало насъ во всю жизнь. Думаю, что этимъ благомъ съ избыткомъ выкупается безпорядочность нашего образованія, бывшая естественнымъ слѣдствіемъ того состоянія науки и общества, при которомъ совершалось наше развитіе».

Съ такою подготовкою, сообщившею вкусъ и уваженіе къ знанію, а вмѣстѣ и возможность многое понимать и на многое отзываться, пріѣхалъ К. Н-чъ въ іюлѣ 1847 года въ Московскій университетъ и выдержалъ въ немъ существовавшіе тогда вступительные экзамены. Вмѣстѣ съ Ешевскимъ онъ поступилъ на 1-е отдѣленіе философскаго факультета (теперь—факультетъ историко-филологическій) съ тѣмъ, чтобы скоро, въ томъ же 1847 году, перейти на юридическій факультетъ, оставивъ своего друга на философскомъ. Очень интересны воспоминанія К-на Н-ча о первыхъ его московскихъ впечатлѣніяхъ. Подъ вліяніемъ Мельникова, и онъ и Ешевскій съ чувствомъ восторга и благоговѣнія къ старинѣ смотрѣли на Москву и Кремль,

собрались къ Троицѣ и тамъ знакомились «впервые» съ памятниками церковной древности. И въ то же время оба они нетерпѣливо ждали открытія лекцій, не только изъ простаго чувства любопытства, но и потому, что они уже были пріобщены къ университетской жизни. Отъ Мельникова получили они магистерскую диссертацію С. М. Соловьева, изъ газетъ узнали о его докторскомъ диспутѣ; оба «чуть не наизусть знали» статью К. Д. Кавелина о юридическомъ бытѣ древней Россіи (въ *Современникѣ* 1847 г.), читали статьи Грановскаго, книги Шевырева и Буслаева, переводы и статьи Каткова; слышали они и о Кудрявцевѣ и Леонтьевѣ. Словомъ они оба были достойны войти подъ кровъ той almae matris, о которой съ такимъ трепетнымъ умиленіемъ всегда говорилъ и писалъ К-нъ Н-чъ. Въ жизни Московскаго университета то былъ его золотой вѣкъ, время его расцвѣта и наибольшаго блеска, когда его высокій ученый авторитетъ сочетался съ благороднѣйшимъ гуманизирующимъ вліяніемъ на все русское общество. «Всѣ мы—говорилъ о себѣ К-нъ Н-чъ—повиты и взлелѣяны духомъ этого высоко-нравственнаго времени въ жизни Московскаго университета!» «Едва ли много найдется людей нашего поколѣнія — прибавлялъ онъ о людяхъ, не бывшихъ въ Московскомъ университетѣ,—которые были бы свободны отъ прямаго или косвеннаго вліянія Московскаго университета». Трудно теперь раскрыть съ полнотою и опредѣленностью ходъ занятій К. Н-ча въ его университетскую пору и тотъ строй отношеній и вліяній, въ которомъ опредѣлились его общественные и ученые взгляды и вкусы. Быть можетъ, въ бумагахъ покойнаго отыщутся матеріалы для изученія и

его личной юности, и всей той эпохи, а пока приходится руководиться его бѣглыми указаніями и воспоминаніями. Покойный всегда придавалъ большое значеніе въ біографіяхъ указаніямъ на тѣхъ, у кого тотъ или другой дѣятель учился, и самъ указывалъ въ числѣ своихъ профессоровъ,—очевидно, разумѣя наиболѣе вліявшихъ на него, — на Рѣдкина, Кавелина, Н. Крылова, Грановскаго, Кудрявцева, Соловьева. Къ этимъ именамъ онъ прибавлялъ неизмѣнно Погодина; послѣдняго онъ уже не засталъ въ университетѣ, но, представленный ему съ наилучшей стороны П. И. Мельниковымъ и А. И. Мессингомъ, бывалъ у Погодина и руководствомъ его пользовался съ перваго же года жизни въ Москвѣ. Насколько можно догадываться, на первыхъ порахъ университетской жизни К. Н-чъ дѣлился именно между вліяніемъ бесѣдъ Погодина и обаяніемъ лекцій Соловьева и Кавелина. Къ Погодину, еще будучи на I курсѣ, Бестужевъ съ Ешевскимъ обратились за совѣтомъ, «какъ начать занятія?» Вѣрный себѣ, Погодинъ назвалъ имъ Шлецера: «читайте Шлецера», сказалъ онъ, и они «читали его мѣсяца три»; а затѣмъ они по его совѣту взяли на себя трудъ сличить въ спискахъ лѣтописей «извѣстія первыхъ двадцати лѣтъ послѣ 1111 года» и много работали безъ всякаго успѣха, потому что для нихъ «самые пріемы были неясны», а пріемы были неясны уже потому, что работа имѣла цѣлью разъяснить вопросъ, который «занималъ» Погодина, и не клонилась къ собственной пользѣ учащихся. Рядомъ съ этими упражненіями, которыя въ лучшемъ случаѣ вели къ технической выучкѣ, шли простыя бесѣды съ Погодинымъ, и въ нихъ К. Н-ча поражалъ, какъ онъ говаривалъ

«русскій инстинктъ» Погодина, его яркій умъ и быстрая смѣтка, близость къ народному созерцанію и въ то же время рѣзко выраженная своеобычность, удивлявшая всегда «лица не общимъ выраженьемъ». Послѣ Мельникова именно Погодинъ, и главнымъ образомъ Погодинъ воспиталъ въ К-нѣ Н-чѣ русское чувство, подготовилъ его сближеніе съ людьми славянофильскаго оттѣнка и съ поборниками идеи славянства. Но въ первые университетскіе годы вліяніе Погодина на К. Н-ча парализовалось лекціями болѣе молодыхъ профессоровъ русской исторіи и права, особенно Кавелина, подъ вліяніемъ чтеній котораго К. Н-чъ даже перемѣнилъ факультетъ. Въ изложеніи Кавелина теорія такъ называемой «школы родоваго быта» отличалась особенною стройностью и завлекательностью; смѣна однихъ гражданскихъ состояній другими представлялась главнымъ содержаніемъ исторіи Руси, изученіе права и его развитія само собою ставилось на первый планъ. Для этого изученія К-ну Н-чу казалось необходимымъ перейти на юридическій факультетъ. Переходъ и совершился, несмотря на несочувствіе Погодина, который не вѣрилъ въ «юридическій характеръ» русской исторіи и спрашивалъ у К. Н-ча: «а святаго Сергія куда вы дѣнете съ вашимъ юридическимъ характеромъ?». Когда въ 1848 году Кавелинъ перешелъ въ Петербургъ, представителемъ историко-юридической теоріи въ Московскомъ университетѣ остался Соловьевъ. Чтенія его не могли въ глазахъ К. Н-ча равняться по блеску съ изложеніемъ Кавелина, «одного изъ самыхъ изящныхъ профессоровъ, котораго ему случалось слышать»; но ученое вліяніе Соловьева на К-на Н-ча было очень глубоко и прочно;

оно росло съ годами и перешло впослѣдствіи въ крѣпкую привязанность ученика къ учителю, силою своею удивлявшую тѣхъ, предъ кѣмъ она обнаруживалась. Помню два университетскихъ чтенія К. Н-ча о Соловьевѣ: одно въ 1879 году послѣ кончины Соловьева (напечатанное въ «Біографіяхъ и характеристикахъ»), другое—въ курсѣ исторіографіи 1880—1881 года. Они произвели глубокое впечатлѣніе на слушавшихъ, даже потрясли ихъ сильнѣйшимъ волненіемъ лектора. Помню и то, какъ не одинъ разъ К. Н-чъ разсказывалъ намъ о послѣднемъ пріѣздѣ Соловьва въ Петербургъ и всегда съ особымъ чувствомъ упоминалъ, что Соловьевъ, уѣзжая, дружески благословилъ его, какъ бы провидя свой близкій конецъ. Не берусь указывать мѣру вліянія на К. Н-ча другихъ его профессоровъ, но укажу на ту мастерскую и чрезвычайно сочувственную характеристику Грановскаго и Кудрявцева, какую онъ представилъ въ біографіи Ешевскаго: только живая любовь можетъ диктовать такія строки.

Между Погодинымъ, съ одной стороны, Кавелинымъ и Грановскимъ, съ другой, было такъ мало общаго, что у человѣка, внимательно относившагося и къ той и къ другой сторонѣ, «мысль привыкала къ работѣ (говоря словами самого К. Н-ча), смотрѣла съ разныхъ сторонъ на одно и то же явленіе, и вырабатывалось убѣжденіе въ томъ, что только разностороннее воззрѣніе можетъ привести къ истинѣ». К. Н-чъ остался между двумя вліяніями на средней дорогѣ и бралъ отъ каждой стороны то, что считалъ ея правдой. Два міросозерцанія, дѣлившія людей сороковыхъ годовъ на кружки и лагери, разумѣется, очень знакомы были К. Н-чу, но можно думать, что они отражались въ его

сознаніи скорѣе въ видѣ научныхъ направленій, чѣмъ въ качествѣ практическихъ программъ, и оттого онъ могъ отнестись къ нимъ спокойно, безъ предвзятости, такъ сказать, со стороны, и могъ своимъ сильнымъ критическимъ умомъ поймать положительныя черты обоихъ направленій. Всю жизнь отличала его широта пониманія, это умѣнье уразумѣть и истолковать самыя разнообразныя точки зрѣнія, умѣнье найти зерно истины и въ томъ, что̀, казалось бы, ему совершенно чуждо, даже враждебно. Какъ нельзя болѣе примѣнимы къ нему слова гр. А. Толстаго:

«Не купленный никѣмъ, подъ чье-бъ ни сталъ я знамя,—
Пристрастной ревности друзей не въ силахъ снесть,
Я знамени врага отстаивалъ бы честь».

Это свойство, которое должно назвать ученымъ безпристрастіемъ (но не безстрастіемъ), воспитано было всѣмъ складомъ московской жизни и занятій К. Н-ча. Они съ Ешевскимъ были преданы своимъ учебнымъ интересамъ и далеко стояли отъ вопросовъ текущей общественной жизни. Имъ было извѣстно, но шло мимо нихъ «тогдашнее волненіе умовъ, котораго, особенно въ качествѣ запретнаго плода, никто изъ насъ (молодежи) хорошенько не понималъ», говоритъ о своемъ кружкѣ 1848 — 1849 годовъ К. Н-чъ: «самое начало 1848 года ошеломило насъ, и мы ровно ничего не понимали: въ эту эпоху мы даже газетъ не читали постоянно». Ничто, такимъ образомъ, изнутри не влекло молодыхъ друзей къ общественнымъ вопросамъ, а обстановка, въ которой они жили тогда, отпугивала отъ всякаго проявленія общественныхъ интересовъ и мнѣній. Именно въ ихъ студенческое время закрыты были кафедры

философіи, увеличена плата за слушаніе лекцій, число студентовъ въ Московскомъ университетѣ упало съ 1198 въ 1848 году до 821 въ 1850 г. При такихъ условіяхъ жизни между университетской молодежью интересъ къ современности становился дѣйствительно «запретнымъ плодомъ», и тѣ, кто не имѣлъ къ нему особаго влеченія, съ тѣмъ большимъ усердіемъ уходили въ кабинетную жизнь, привыкали къ созерцанію и спокойному анализу того, что для другихъ составляло боевую программу...

Курсъ университета К. Н-чъ окончилъ въ 1851 г. кандидатомъ и тогда же уѣхалъ изъ Москвы въ деревню Чичериныхъ домашнимъ учителемъ. Въ 1854 г. онъ возвратился въ Москву и до 1856 г. былъ учителемъ въ Московскихъ кадетскихъ корпусахъ. Однако преподаваніе въ то время не привязывало къ себѣ К. Н-ча; по его собственнымъ воспоминаніямъ, онъ не былъ идеально аккуратнымъ въ своихъ учительскихъ обязанностяхъ. Его болѣе привлекала къ себѣ историческая наука и журнальная дѣятельность, и съ 1856 года онъ становится формально въ ряды московскихъ литераторовъ, принимая на себя обязанности помощника редактора *Московскихъ Вѣдомостей* при редакторѣ В. Ѳ. Коршѣ. Въ 1859 г. онъ принялъ участіе въ основаніи критическаго *Московскаго Обозрѣнія* и въ первой его книжкѣ по поводу первыхъ восьми томовъ «Исторіи Россіи» Соловьева помѣстилъ безъ подписи большой очеркъ «современнаго состоянія русской исторіи, какъ науки». Это, былъ, по словамъ самого К. Н-ча, «опытъ русской исторіографіи въ ея главныхъ чертахъ». Послѣ рецензій и переводовъ, помѣщенныхъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, опытомъ этимъ

К. Н-чъ началъ свою ученую дѣятельность въ сферѣ русской исторіи. Позднѣйшія статьи К. Н-ча, касавшіяся явленій нашей исторіографіи, закрыли собою эту первую статью, не подписанную авторомъ, заброшенную въ неудавшійся, на второй книжкѣ прекратившійся журналъ; но еще и теперь статья эта читается съ интересомъ, и теперь не потеряли всего своего значенія страницы, посвященныя «Исторіи русскаго народа» Полеваго и направленныя къ тому, чтобы отдать должное уваженіе попыткѣ Н. Полеваго. Только статья о Полевомъ въ новомъ, еще не законченномъ обзорѣ нашей исторіографіи П. Н. Милюкова можетъ замѣнить собою давнишнія строки о Полевомъ К. Н-ча Въ этой же статьѣ своей К. Н-чъ въ первый разъ выступилъ истолкователемъ и критикомъ той «новой школы» родоваго быта, у основателей которой самъ учился и къ которой самъ близко стоялъ. Переѣхавъ въ томъ же 1859 году въ Петербургъ и вступивъ въ составъ редакціи *Отечественныхъ Записокъ* А. А. Краевскаго, К. Н-чъ уже окончательно усвоилъ себѣ роль ученаго критика, имѣвшаго цѣлью «сближеніе науки съ обществомъ». Въ большихъ статьяхъ, писанныхъ по поводу сочиненій Кавелина, Соловьева, Б. Н. Чичерина, И. Кирѣевскаго, К. Аксакова, Хомякова, онъ толковалъ и обсуждалъ результаты ихъ ученыхъ трудовъ, основанія ихъ философіи, сущность ихъ общественныхъ стремленій. Этимъ онъ оказывалъ существенную услугу и тѣмъ, для кого писалъ, и тѣмъ, о комъ писалъ. Онъ знакомилъ публику съ лучшими представителями нашей исторической и общественной мысли въ тѣхъ ихъ работахъ, которыя не предназначались для широкаго

круга читателей; онъ популяризировалъ идеи и знанія, возбуждалъ въ обществѣ интересъ къ исторіи, въ которой видѣлъ лучшее средство достигнуть «народнаго самосознанія». Такой взглядъ на исторію вынесъ онъ изъ той школы, которою былъ воспитанъ, и всегда высказывалъ его съ особеннымъ удареніемъ. Съ высоты этого взгляда онъ относился съ осужденіемъ къ мнѣніямъ литературныхъ дѣятелей 50-хъ и 60-хъ годовъ, не дорожившихъ связью съ умственными интересами и культурною работою предшествовавшихъ имъ поколѣній. Именно въ сохраненіи этой связи видя залогъ прочнаго и правильнаго развитія народной жизни, К. Н-чъ выступалъ на защиту болѣе старыхъ ученій и направленій, считая долгомъ литературной и общественной порядочности не глумиться надъ тѣмъ, что̀ кажется ветхимъ и отжившимъ, а изучить и «объяснить со стороны» каждое изъ замѣтныхъ и важныхъ явленій въ исторіи умственнаго развитія въ Россіи. Убѣжденный защитникъ, но въ то же время не слѣпой сторонникъ славянофиловъ, онъ первый «со стороны» показалъ, какъ серьезно это направленіе и сколь многое въ этомъ направленіи заслуживало благодарнаго признанія отъ историковъ и этнографовъ. Ученикъ историко-юридической школы, вѣрный ея основному положенію о закономѣрности историческаго развитія, онъ едва ли не первый съ такою тонкостью различилъ индувидуальныя особенности ея главныхъ представителей и съ большимъ сочувствіемъ, «со стороны» же, опредѣлилъ ея значеніе въ русской исторической наукѣ. Но отмѣченная нами широта пониманія и здѣсь помѣшала К. Н-чу обратитъся въ простого апологета излюбленныхъ теорій и лицъ; онъ выступилъ критикомъ даже въ отно-

шеніи своего учителя Соловьева, а въ отношеніи г. Чичерина обмолвился однажды, въ 1861 г., раздражительною статьею, хотя въ общемъ всегда высоко его ставилъ, и какъ мыслителя, и какъ изслѣдователя, и писалъ впослѣдствіи: «только съ почтеніемъ можно говорить о такихъ людяхъ».

Критическія статьи обнаружили и широкое общее образованіе К. Н-ча, и отличную подготовку его въ области собственно русской исторіи. Репутація спеціалиста была создана, ученыя связи крѣпли, и К. Н-чъ, не оставляя круга чисто журнальнаго, понемногу входитъ въ спеціально-ученую среду. Въ 1863 году выдержалъ онъ экзаменъ на степень магистра русской исторіи, для чего потребовалось особое разрѣшеніе, такъ какъ онъ былъ кандидатомъ не историко-филологическаго, а юридическаго факультета. Въ 1864 году избранъ онъ былъ въ члены Археографической коммиссіи. Въ томъ же году онъ былъ призванъ къ высокой обязанности преподавать русскую исторію Государю Наслѣднику Цесаревичу Александру Александровичу и его Августѣйшимъ братьямъ и сестрѣ Великой Княжнѣ Маріи Александровнѣ. (Впослѣдствіи въ числѣ его учениковъ былъ и нынѣшній президентъ Императорской академіи наукъ Его Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ). Въ тѣ же годы 1863—1864 К-нъ Н-чъ редактировалъ «Записки» Географическаго общества. Наконецъ, въ 1865 году совѣтъ С.-Петербургскаго университета избралъ К. Н-ча исправляющимъ должность доцента по каѳедрѣ русской исторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ насталъ новый періодъ въ жизни и дѣятельности К. Н-ча.

На каѳедрѣ русской исторіи въ С.-Петербургскомъ

университетѣ, съ его основанія, К. Н-чъ былъ четвертымъ преподавателемъ послѣ Тр. О. Рогова, Н. Г. Устрялова и Н. И. Костомарова. Если Устряловъ въ тридцать почти лѣтъ преподаванія своего (1831—1859) успѣлъ остыть къ дѣлу и въ послѣдніе годы не читалъ даже общаго курса, то, напротивъ, Костомаровъ за короткое время своей дѣятельности въ университетѣ (1859—1862) поднялъ преподаваніе предмета, привлекая аудиторію не только блескомъ изложенія, но и свѣжестью научнаго содержанія. Послѣ Костомарова нельзя было читать кое-какъ, и это именно составляло главную трудность положенія К. Н-ча. Что онъ съ нею справился блестяще, кажется, нѣтъ нужды доказывать. Въ 1868 году онъ получилъ степень доктора honoris causa за трудъ «О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка», а вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1869 году и званіе ординарнаго профессора. А спустя всего два года вышелъ въ свѣтъ и первый томъ его «Русской исторіи», выросшей изъ университетскихъ чтеній К. Н-ча. Такимъ образомъ, и ученый цензъ и яркое доказательство преподавательскихъ способностей и рвенія послѣдовали очень скоро послѣ избранія его на каѳедру, какъ оправданіе этого избранія. К. Н-чъ сталъ сразу на одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ и въ средѣ университетскихъ преподавателей, и въ средѣ ученыхъ представителей его предмета. Труды, на которыхъ основалась въ тѣ годы его репутація, заслуживаютъ названія первокласныхъ и до сихъ поръ, особенно «Исторія», не утратили своего значенія; рѣдкій даръ изложенія дѣлалъ его лекціи одними изъ самыхъ увлекательныхъ. Въ первые годы преподаванія онъ одинъ велъ и общій и спеціальные курсы; съ 1871 года

когда доцентомъ по каѳедрѣ русской исторіи былъ избранъ Е. Е. Замысловскій, К. Н-чъ чередовался съ нимъ въ чтеніи общаго курса, такъ что одинъ курсъ студентовъ въ теченіе двухъ лѣтъ слушалъ общій курсъ у К. Н-ча, другой, также въ теченіе двухъ лѣтъ, у Е. Е. Замысловскаго; для студентовъ же старшихъ курсовъ, избравшихъ спеціальностью русскую исторію, читалъ постоянно К. Н-чъ. Сводя III и IV курсы въ одну аудиторію, онъ въ одинъ годъ прочитывалъ обзоръ русской исторіографіи, въ другой — критическое обозрѣніе какого-либо вида источниковъ русской исторіи. Практическихъ упражненій К. Н-чъ обыкновенно не велъ, но требовалъ, чтобы каждый студентъ III курса избралъ себѣ тему для сочиненія къ выпускному экзамену, и самый экзаменъ на IV курсѣ состоялъ въ бесѣдѣ по поводу представленнаго сочиненія.

Помню, какъ лѣтомъ 1878 года, записавшись въ число студентовъ историко-филологическаго факультета Петербургскаго университета, я получилъ отъ своего преподавателя русскаго языка, нынѣ уже покойнаго В. Ѳ. Кеневича, списокъ профессоровъ, которые должны были читать І-му курсу, и вмѣстѣ поздравленіе съ тѣмъ, что въ этомъ спискѣ было имя К. Н-ча. Понятно, съ какимъ чувствомъ ждалъ я первой лекціи русской исторіи; оказалось, что подобное моему ожиданіе было и у всей аудиторіи. Лекція между тѣмъ состоялась только въ октябрѣ: К. Н-чъ былъ въ отпуску. За мѣсяцъ ожиданія мы уже успѣли освоиться съ прочими лекторами, заглянули на лекціи другихъ курсовъ и факультетовъ и уже обладали нѣкоторыми данными для сравнительной оцѣнки. Говорю за себя: то, что я услышалъ на лекціи К. Н-ча, не сразу стало

понятнымъ, но сразу плѣнило и увлекло. Передъ нами былъ не лекторъ, не учитель, а собесѣдникъ, простой, изящный, остроумный и серьезный; онъ не «читалъ», а просто разговаривалъ о своемъ дѣлѣ, какъ говорятъ съ равными и близкими людьми. Чтобы понимать его быструю и живую рѣчь, съ отступленіями отъ главной темы, съ личными воспоминаніями, съ живыми характеристиками кружковъ и лицъ, съ мѣткими оцѣнками трудовъ, о которыхъ заходила рѣчь, — надобно было нѣкоторое напряженіе и нѣкоторая подготовленность; ее давала «Русская Исторія», которая въ свою очередь становилась доступнѣе послѣ лекцій. Казалось страннымъ, какъ мало соотвѣтствовалъ спокойный и сдержанный тонъ книги живости и субъективности устнаго изложенія, но тѣмъ привлекательнѣе и цѣннѣе казалось это изложеніе. Оно вводило слушателей въ самую жизнь ученыхъ круговъ и кружковъ, давало плоть и кровь каждому лицу, упомянутому въ бесѣдѣ, каждое ученое мнѣніе ставило въ ту жизненную обстановку, которая его воспитала и направила. Это умѣнье, даже, можно сказать, потребность К. Н-ча излагать каждый вопросъ исторіографически, пользуясь при этомъ не одною книжною справкою, но и личными воспоминаніями, сочеталась съ чрезвычайной живостью рѣчи, блиставшей умомъ и въ то же время изящною простотою, и производила тогда по-истинѣ огромное впечатлѣніе. Если припомнить, что самое построеніе курса съ широкимъ руководящимъ введеніемъ, вызывало особый къ нему интересъ, то можно объяснить себѣ секретъ того обаянія, которое умѣлъ производить этотъ болѣзненный человѣкъ съ слабымъ голосомъ и худымъ смуглымъ лицомъ.

Мнѣ кажется (можетъ быть, я и ошибаюсь), что семидесятые годы были лучшимъ временемъ въ дѣятельности К. Н-ча, когда она снискала общее признаніе и уваженіе, когда К. Н-чъ занялъ видное мѣсто въ Петербургскомъ обществѣ, и вокругъ него собирался, на его «вторникахъ», широкій кругъ его знакомыхъ и учениковъ. Въ то время (1878—1882 гг.) онъ былъ предсѣдателемъ С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества. Въ эту же пору онъ былъ призванъ къ одному изъ самыхъ живыхъ и громкихъ дѣлъ, связанныхъ съ его именемъ, къ учрежденію высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ. Задуманные кружкомъ дамъ и профессоровъ, ревновавшихъ идеѣ женскаго образованія въ Россіи, курсы могли быть осуществлены, какъ правильно организованное учебное учрежденіе, только подъ условіемъ, что руководство курсами приметъ на себя лицо, облеченное довѣріемъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ качествѣ такого лица К. Н-чъ и сталъ въ 1878 году учредителемъ курсовъ, получившихъ въ просторѣчіи названіе «Бестужевскихъ». Онъ далъ имъ не одно свое имя и не одно свое сочувствіе, но явился ихъ дѣйствительнымъ руководителемъ и охранителемъ. До своей болѣзни въ 1882 г. онъ читалъ на курсахъ русскую исторію и, будучи предсѣдателемъ совѣта преподавателей, слѣдилъ за ходомъ преподаванія вообще. Много времени, труда и спокойствія отнимало у него это новое дѣло, отвлекая его отъ ученыхъ работъ; за то онъ могъ утѣшаться сознаніемъ, что много сдѣлалъ для молодого учрежденія; отсутствіе его особенно тяжело здѣсь чувствовалось тогда, когда, вслѣдъ за его отказомъ въ 1884 г., по возвращеніи изъ-за границы, взять

на себя управленіе курсами, въ 1885 году былъ временно прекращенъ пріемъ учащихся на курсы. Но и не входя уже въ это дѣло своимъ личнымъ участіемъ, онъ продолжалъ ему сочувствовать и не разъ посѣщалъ курсы въ качествѣ почетнаго гостя, вызывая своимъ появленіемъ оваціи со стороны молодежи.

Практическая дѣятельность К. Н-ча въ Славянскомъ благотворительномъ обществѣ и на курсахъ остановила его ученыя работы. Въ 1875 году онъ напечаталъ большую статью о В. Н. Татищевѣ; но второй томъ его «Исторіи» замедлилъ, работы надъ изученіемъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ были оставлены. Здоровье, вообще некрѣпкое, начало измѣнять К. Н-чу: его спеціальный курсъ, читанный намъ въ 1881—1882 г. (о запискахъ русскихъ людей XVIII вѣка), отражалъ на себѣ явный упадокъ силъ лектора. Весною 1882 года К. Н-чъ захворалъ воспаленіемъ легкихъ, и его увезли въ Италію. Два года жилъ онъ тамъ, отдыхая и увлекаясь изученіемъ классической старины древняго Рима. «Я теперь на немъ помѣшанъ», писалъ онъ оттуда въ 1883 году; онъ даже думалъ по возвращеніи, при удобныхъ обстоятельствахъ, прочитать на своихъ курсахъ исторію Рима: «можетъ быть, когда нибудь исполню свою фантазію и прочту Римъ»... Однако этому не суждено было быть. Вернулся онъ, хотя и бодрымъ, но слабымъ, и долженъ былъ выйти въ отставку, при чемъ былъ почтенъ избраніемъ въ почетные члены университета; не остался онъ и на курсахъ. Многія отношенія и связи, ослабѣвшія съ отъѣздомъ за границу, имъ не были возобновлены, и въ жизни его настало затишье. Единственнымъ дѣломъ, живымъ и волновавшимъ его, было

редактированіе *Извѣстій* Славянскаго благотворительнаго общества въ 1885—1887 годахъ. Жилъ онъ въ тѣсномъ кругу близкихъ знакомыхъ и учениковъ, возобновившихъ въ маломъ видѣ его «вторники», и имѣлъ утѣшеніе убѣдиться въ томъ, что къ нему съ наилучшими чувствами шла не только та молодежь, которая у него училась, но и та, которая о немъ только слышала отъ старшихъ товарищей по факультету. Называя себя полу-шутя, полу-печально «отставнымъ человѣкомъ», онъ однако возобновилъ ученыя работы: въ 1885 году выпустилъ въ свѣтъ давно уже отпечатанные листы II-го тома «Исторіи», доведя изложеніе до смерти Іоанна Грознаго; въ 1887 году въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* напечаталъ и заключительный этюдъ этой «Исторіи» — обзоръ событій Смутнаго времени. Съ лѣтописями онъ покончилъ тѣмъ, что выпустилъ въ свѣтъ «лѣтопись Авраамки» въ XVI томѣ «Полнаго Собранія Лѣтописей» и раздарилъ ученикамъ свои листки со своднымъ текстомъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ редакцій. А затѣмъ—онъ много читалъ и отзывался (обыкновенно въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*) рецензіями на всѣ труды, его интересовавшіе, при чемъ не избѣгалъ вносить въ рецензіи свои воспоминанія— тѣ самыя, какія придавали такой интересъ и колоритность его лекціямъ.

Казалось, для слабаго и больного ученаго уже не было будущаго, а между тѣмъ судьба готовила ему послѣдній тріумфъ. Въ 1890 году, когда онъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Крымъ, состоялось его избраніе въ ординарные академики по отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Онъ не скрывалъ своей глубокой радости и высказывалъ особое удовольствіе по тому поводу, что ему пришлось по академическому креслу быть замѣстителемъ Карамзина и Соловьева, которыхъ онъ такъ высоко ставилъ и почиталъ. Вступивъ въ составъ Академіи, онъ замѣтно оживился, посѣщалъ засѣданія, писалъ отчеты, рѣчи и рецензіи, интересовался всѣми мелочами въ жизни и дѣятельности Академіи. Какъ кажется, онъ мечталъ написать монографію о Карамзинѣ, но не собрался, ограничившись небольшимъ и сравнительно блѣднымъ очеркомъ для «Біографическаго словаря русскихъ дѣятелей» (вышелъ отдѣльною брошюрой въ 1895 году). Съ весны 1896 года болѣзнь окончательно завладѣла К. Н-чемъ и медленнымъ путемъ страданій привела его къ могилѣ.

Въ своемъ бѣгломъ очеркѣ я имѣлъ цѣлью напомнить знавшимъ К-на Н-ча и разсказать его не знавшимъ лишь главнѣйшіе моменты въ жизни покойнаго, не болѣе. Оцѣнка его ученыхъ трудовъ давно уже сдѣлана; мѣсто его въ русской исторической наукѣ укажутъ тѣ, отъ кого мы ждемъ полнаго обзора русской исторіографіи; изображеніе сложнаго характера почившаго, всего своеобразнаго строя его умственныхъ интересовъ и душевныхъ свойствъ, конечно, дадутъ намъ люди, ближе, чѣмъ я, стоявшіе къ нашему учителю. Но какъ ученикъ почившаго, я не могу, кончая свою рѣчь о немъ, не сказать, что въ его лицѣ ушелъ отъ насъ, говоря его же словами, «большой» человѣкъ. Какъ ни будемъ мы смотрѣть на его направленіе, на свойства его ума и характера, на особенности его педагогическаго дара, мы должны будемъ признать его исключительныя силы и знанія, его ис-

ключительныя достоинства. Въ исторіи русской и всеобщей, въ этикѣ и правѣ, въ исторіи искусства, въ поэзіи Шекспира и Пушкина, вездѣ онъ находилъ интересъ и удовлетвореніе, на все имѣлъ свой взглядъ, все зналъ и помнилъ. Обыкновенно сдержанный, мягкій и осторожный, онъ однако не желалъ и по живости натуры не могъ скрывать своего отношенія къ дѣлу и лицамъ и высказывался, хотя и деликатно, но съ неизмѣнною опредѣленностью. Самъ пройдя въ юности чрезъ различныя, совершенно разнородныя вліянія и не отдавшись слѣпо ни одному, онъ не заставлялъ своихъ учениковъ jurare in verba magistri, напротивъ, стремился охранить въ каждомъ свободное развитіе личности и никогда не дѣлалъ вопроса изъ разницы личныхъ взглядовъ (единственное исключеніе, извѣстное намъ, способно только подтвердить общее правило). За то у него не образовалось школы, хотя и было много учениковъ. Недавно высказано было мнѣніе, что такая школа въ С.-Петербургскомъ университетѣ была и есть; указывался и ея признакъ— наклонность къ изслѣдованію не историческихъ явленій, а историческихъ источниковъ. Мы думаемъ однако, что всѣ возможные изъ такого наблюденія выводы не могутъ быть связаны съ преподаваніемъ одного К. Н-ча и не могутъ быть признаны достаточными для характеристики «школы». К. Н-чъ по одному случаю дѣйствительно писалъ (въ 1883 году): «я вообще того мнѣнія, что изслѣдованіе источниковъ—лучшая тема магистерскихъ диссертацій и даже докторскихъ»; но онъ здѣсь же прибавлялъ, что не указывалъ подобныхъ задачъ тѣмъ, чьи «симпатіи не туда направлены». Эта оговорка лично для меня кажется очень зна-

менательною: К. Н-чъ дѣйствительно сообразовался съ «симпатіями» учениковъ и полагалъ свой долгъ именно въ томъ, чтобы создать юношѣ обстановку для работы, не стѣсняя его личныхъ взглядовъ и способностей. Оттого среди его учениковъ есть и археологи, и историки самыхъ различныхъ оттѣнковъ; одинъ изъ работавшихъ у него на старшихъ курсахъ университета занимаетъ теперь каѳедру философіи, другой—каѳедру исторіи искусствъ. И каждый изъ насъ, какимъ бы путемъ онъ ни шелъ, навѣрное, хранитъ въ своей душѣ благодарнѣйшее воспоминаніе о многихъ минутахъ чистаго и глубокаго увлеченія наукою и прошлымъ родной страны, минутахъ драгоцѣнныхъ, которыми мы обязаны нашему почившему учителю. Надо ли указывать на то, что въ воспоминаніи о немъ заключается для насъ ободряющій примѣръ дѣятельности въ настоящемъ? И надо ли говорить о томъ, что общеніе съ нимъ и самое о немъ воспоминаніе есть одно изъ цѣннѣйшихъ стяжаній нашей юности?

ВАСИЛІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ВАСИЛЬЕВСКІЙ [1].

Уже полгода прошло со времени кончины почетнаго члена нашего Общества, академика В. Г. Васильевскаго, этого «удивительнаго человѣка по качествамъ ума и сердца». Такъ назвалъ почившаго, подъ первымъ впечатлѣніемъ утраты, одинъ изъ близкихъ къ нему людей—и сказалъ глубокую правду [2]). Васильевскій былъ удивительный человѣкъ по необыкновенно счастливому сочетанію умственной силы съ моральною красотою. Исключительно одаренный природою, онъ не скрылъ даннаго ему таланта, но всѣ свои благородныя способности всецѣло отдалъ на служеніе наукѣ и русскому просвѣщенію. Проведенная въ кабинетѣ, аудиторіяхъ и библіотекахъ, его жизнь не изобиловала внѣшними событіями, но отличалась такимъ богатствомъ внутренняго содержанія, что было бы излишне смѣлымъ намѣреніе охватить въ минутной характеристикѣ весь кругъ ученыхъ работъ и умствен-

---

[1]) Читано въ общемъ собраніи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 9 ноября 1899 года. В. Гр. Васильевскій скончался во Флоренціи 13 мая 1899 года.

[2]) См. «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1899 г., іюнь, стр. 1 (Некрологъ).

ныхъ интересовъ почившаго. Мое о немъ слово не имѣетъ такого намѣренія: оно должно служить лишь къ тому, чтобы въ самыхъ общихъ чертахъ возстановить въ вашей памяти всѣмъ намъ знакомый образъ покойнаго товарища, сотрудника и учителя.

В. Гр. Васильевскій получилъ свое первое образованіе въ Ярославской семинаріи; оттуда въ 1856 году онъ поступилъ въ Главный Педагогическій Институтъ, а изъ Института, по случаю его закрытія въ 1859 году, былъ переведенъ въ С.-Петербургскій университетъ, въ которомъ и окончилъ курсъ съ званіемъ «старшаго учителя» въ 1860 году. Черезъ два года В. Гр. Васильевскій, въ числѣ многихъ другихъ сверстниковъ, посланъ былъ за границу для приготовленія къ профессурѣ. Въ Берлинѣ слушалъ онъ Момзена и Дройзена, въ Іенѣ—Адольфа Шмидта. Самъ онъ говаривалъ не разъ, что, отправляясь за границу, онъ вовсе не имѣлъ подготовки къ спеціальнымъ научнымъ занятіямъ; тѣмъ съ большимъ правомъ можно полагать, что онъ успѣлъ многому научиться въ Германіи. Назначенный по возвращеніи изъ путешествія преподавателемъ исторіи въ Виленскую гимназію, В. Гр. Васильевскій не отдалъ всѣхъ своихъ силъ педагогической практикѣ, но продолжалъ занятіе избранною имъ для спеціальнаго изученія исторіею древней Греціи. Въ 1866 году, во II-мъ томѣ «Вѣстника Европы», выступилъ онъ съ обширною и солидною критическою статьею по поводу ученыхъ «изслѣдованій, относящихся къ древнѣйшему періоду исторіи Сициліи». А въ 1868 году началось печатаніе его магистерской диссертаціи о «политической реформѣ и соціальномъ движеніи въ древней Греціи въ періодъ

ея упадка». По защитѣ диссертаціи, съ 1870 года, насталъ новый періодъ въ жизни В. Гр. Васильевскаго. Молодой ученый былъ приглашенъ на каѳедру исторіи въ С.-Петербургскій университетъ и съ тѣхъ поръ сосредоточился на изученіи среднихъ вѣковъ. По исторіи Западной Европы въ средніе вѣка читалъ онъ свои общіе курсы; Византія сама по себѣ и въ ея отношеніяхъ къ древней Руси была предметомъ его собственныхъ занятій и любимою темою спеціальныхъ курсовъ. Двадцать лѣтъ принадлежалъ В. Гр. Васильевскій университету и вообще дѣлу высшаго преподаванія, и въ эту пору создана была его слава первостепеннаго преподавателя и ученаго. Въ 1890 году, не покинувъ университета, сталъ онъ академикомъ Императорской Академіи Наукъ, этимъ самымъ достигнувъ, по собственному его признанію, исполненія единственной его честолюбивой мечты. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ назначенъ редакторомъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», а немного позднѣе (1894 г.) и редакторомъ «Византійскаго Временника». Послѣднее десятилѣтіе его жизни отличалось такимъ образомъ большею сложностью обязанностей и болѣе широкимъ кругомъ сношеній. Несмотря на упадокъ здоровья и силъ въ эти годы, покойный съ изумительною бодростью и энергіею отдавался дѣлу и любимымъ занятіямъ. До самаго конца, измученный страданіями, не покидалъ онъ пера, и его послѣдняя статья была напечатана уже послѣ его смерти по рукописи, полученной въ редакціи журнала «за нѣсколько дней до его кончины» [1]).

---

[1]) «Журналъ Мин. Нар. Просв.», 1899, іюнь, стр. 471.

Двумя особенностями отличалась умственная дѣятельность нашего ученаго: во-первыхъ, чрезвычайною широтою и живостью ученаго интереса и, во-вторыхъ, необыкновенною тонкостью и чуткостью критики. Въ самомъ дѣлѣ, началъ онъ свои занятія въ области изученія античной жизни; затѣмъ перешелъ къ темамъ литовско-русскимъ (1869—1874), одновременно началъ работы по изученію Византіи (съ 1872 г.); естественнымъ образомъ пришелъ отъ вопросовъ византійской исторіи къ вопросамъ исторіи русской и западно-европейской; въ то же время, и независимо отъ византійскихъ занятій, слѣдилъ онъ за литературою западно-европейской исторіи и былъ ея глубокимъ знатокомъ; Палестиновѣдѣніе нашло себѣ въ немъ дѣятельнаго поборника и работника; наконецъ, арабскіе писатели не разъ обращали на себя его вниманіе, какъ источникъ для возстановленія событій, входившихъ въ исторію Византіи и древней Руси. Съ другой стороны, В. Гр. Васильевскаго интересовали не только судьбы различныхъ народностей и разныхъ эпохъ, но и самые разнородные виды историческаго изученія. Онъ былъ не только знатокомъ историческихъ фактовъ, но и мастеромъ во многихъ сферахъ историческаго творчества. Изученіе текстовъ и ихъ критика, возстановленіе фактовъ и опредѣленія хронологическія, вопросы права и политики, соціальныя явленія, психологическія настроенія и всякія иныя стороны историческаго процесса,—все находило свое мѣсто въ изслѣдованіяхъ покойнаго историка и ко всему онъ относился съ полною компетентностью и въ то же время съ остфрожностью и сдержанностью глубокаго ученаго.

Такая разносторонняя ученость и широта умственнаго кругозора заслуженно ставили В. Гр. Васильевскаго во главѣ цѣлой ученой дисциплины — византіевѣдѣнія. Хотя покойный съ обычною скромностью и заявилъ однажды, что онъ «никогда не счелъ бы безчестіемъ для себя быть и считаться ученикомъ А. А. Куника» [1]), однако нѣтъ сомнѣнія, что отъ Куника могъ исходить лишь первый толчекъ въ сторону изученія Византіи, лишь самая идея необходимости такого изученія; научное же движеніе въ этой области руководилось не Куникомъ, а именно Васильевскимъ. Первому принадлежали, по удачному выраженію. Ѳ. И. Успенскаго, «старшинство и авторитетъ»; второму же—«боевая сила и вліяніе» [2]). Въ этомъ руководящемъ вліяніи была, думаемъ, главная роль В. Гр. Васильевскаго, съ которою онъ перейдетъ въ исторію нашей науки и общественности. Центральное и главенствующее положеніе въ средѣ нашихъ византинистовъ давала В. Гр. Васильевскому не только сила первенствующаго таланта, но и почетныя особенности его личности, «вносившей во всѣ отношенія согласіе и ясность» [3]).

Что касается до ученой критики В. Гр. Васильевскаго, то она была исключительною по сочетанію сознательно выработаннаго метода съ непосредственною чуткостью и тончайшей наблюдательностью. По выраженію одного изъ его учениковъ и послѣдователей

---

[1]) «Журналъ Мин. Нар. Просв.», 1883, апрѣль, стр 391.

[2]) Ѳ. И. Успенскій, «Русь и Византія въ X вѣкѣ». Одесса. 1888, стр. 5.

[3]) «Журналъ Мин. Нар. Просв.», 1899, іюнь, стр. 4 (Некрологъ).

по спеціальности, «онъ обладалъ удивительнымъ талантомъ вычитывать въ сухихъ лѣтописяхъ то, чего другіе не замѣчали»; «не разъ (продолжаетъ этотъ ученый) случалось мнѣ провѣрять работы дорогого учителя, и я всегда убѣждался, что источники использованы имъ до послѣдней мелочи и ни единой черточкой нельзя пополнить его изложеніе» [1]). Эта сторона ученаго таланта В. Гр. Васильевскаго, можно сказать, сверкала, какъ грань алмаза, и предъ тѣми, кто вчитывался въ его статьи, и предъ тѣми, кто имѣлъ завидную долю слушать его спеціальные курсы въ университетѣ. Не владѣя гладкою фразою, онъ однако покорялъ себѣ аудиторію и увлекалъ ее великолѣпными образцами ученаго анализа. Не заботясь о доступности изложенія въ статьяхъ, онъ однако достигалъ того, что онѣ читались съ интересомъ и даже съ увлеченіемъ. Неизмѣнная оригинальность сюжета, изящество построенія, стройность и сила аргументаціи, своеобразная красота языка, какъ будто умѣвшаго переносить въ современность достоинства архаическаго краснорѣчія и даже его манерность; наконецъ, безподобный юморъ, которымъ былъ такъ богатъ этотъ строгій ученый,—вотъ всѣмъ извѣстныя свойства его статей.

Обаяніе личности покойнаго можно уже было чувствовать и не зная его близко, а только видя его со скамьи аудиторіи, или же знакомясь съ его произведеніями. Личныя отношенія съ нимъ вызывали чув-

[1]) Слова П. В. Безобразова (Некрологъ В. Гр. Васильевскаго въ «Византійскомъ Временникѣ», 1899, № 3—4, стр. 5). Срвн. такой же отзывъ въ статьѣ о В. Гр. Васильевскомъ Ѳ. И. Успенскаго въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.», 1899, октябрь, стр. 291—292.

ство живой симпатіи къ нему. Близкое же знакомство порождало непреходящее чувство удивленія предъ душевными качествами этого человѣка и крѣпкую привязанность къ нему. Казалось, сердце его, отзывчивое и мягкое, отличалось свойствами, подобными тѣмъ, какими украшался его умъ, — чуткостью и широтою чувства. Тонкій наблюдатель историческихъ фактовъ, В. Гр. Васильевскій былъ не менѣе тонкимъ наблюдателемъ и цѣнителемъ людей и современности. Онъ хорошо понималъ характеры, чутко опредѣлялъ способности ума и достоинства душевныя. Съ неменьшею чуткостью цѣнилъ онъ явленія общественной жизни и безъ колебаній опредѣлялъ свое къ нимъ отношеніе, всегда исполненное нравственнаго достоинства и спокойной терпимости. Его благодушіе, миролюбіе и доброжелательность были поистинѣ безмѣрны. Онъ не умѣлъ враждовать и всегда старался отыскать объясненіе, оправданіе или извиненіе всякому направленному противъ него поступку. Добру онъ всегда умѣлъ сочувствовать, а зло его никогда не озлобляло. Всѣми силами служилъ онъ тому, что считалъ справедливымъ, и въ этомъ дѣлѣ не признавалъ ни партій, ни сторонъ. Это была одна изъ самыхъ благородныхъ, чистыхъ и возвышенныхъ натуръ. Ея достоинства, воспитанныя беззавѣтнымъ служеніемъ наукѣ и просвѣщенію, блистательно показываютъ намъ вѣчную и неизмѣнную справедливость давно высказанной поэтомъ мысли о томъ, что тамъ, «гдѣ высоко стоитъ наука, стоитъ высоко человѣкъ»...

ПРИМѢЧАНІЯ.

— *Къ стр. 1.* Статья о земскихъ соборахъ была первоначально помѣщена въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за мартъ 1883 года и въ томъ же году вышла безъ измѣненій отдѣльною брошюрою.

— *Къ стр. 3.* О достовѣрности извѣстій Степенной книги Хрущева см. ниже, на стр. 219—224, статью «Рѣчи Грознаго на земскомъ соборѣ 1550 года», а также статью П. Г. Васенка о Хрущевской книгѣ въ «Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія» за апрѣль 1903 года.

— *Къ стр. 28—29.* Дата 25 мая основательно заподозрѣна покойнымъ И. И. Дитятинымъ («Русская Мысль», 1883, декабрь, стр. 91). Самый документъ, ее заключающій, напечатанъ г. Латкинымъ, къ сожалѣнію, неудовлетворительно: «въ исправленномъ рукою современника видѣ» («Земскіе соборы древней Руси», Спб. 1885, стр. 434—440). Въ документѣ важно было бы изучить исправленія сравнительно съ *первоначальнымъ* текстомъ.

— *Къ стр. 32.* Статья о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ была написана для прочтенія въ видѣ рѣчи на актѣ С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ 22 октября 1885 года и затѣмъ была напечатана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за май 1886 года. Сверхъ указанныхъ авторомъ печатныхъ характеристикъ царя Алексѣя, онъ имѣлъ въ виду цѣльный очеркъ личности «гораздо тихаго» царя, находящійся въ литографическихъ изданіяхъ курса В. О. Ключевскаго.

— *Къ стр. 38.* Кромѣ стараго сборника писаній царя Алексѣя, изданнаго П. И. Бартеневымъ въ 1856 году, въ послѣдніе годы появились «Письма царя Алексѣя Михайловича» въ изданіи Московскаго Архива Министерства Ино-

странныхъ Дѣлъ (М. 1896), а также нѣкоторыя резолюціи и замѣтки царя изъ дѣлъ Тайнаго приказа въ трудѣ И. Я. Гурлянда «Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ» (Ярославль. 1902).

— *Къ стр. 50.* Статья о «Новой повѣсти» была напечатана въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» за январь 1886 г. Позднѣе авторъ далъ вторично отзывъ объ этомъ памятникѣ въ своей книгѣ «Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени» (Спб. 1888, стр. 86 и слѣд.), а самый текстъ «Новой повѣсти» издалъ цѣликомъ въ XIII-мъ томѣ «Русской Исторической Библіотеки» (Спб. 1892, стр. 187—218). Здѣсь настоящая статья перепечатывается потому, что не все ея содержаніе вошло въ книгу «Древнерусскія сказанія и повѣсти», и въ этой книгѣ не разъ дѣлаются ссылки на статью.

— *Къ стр. 75.* Вопросъ объ авторѣ повѣсти имѣетъ свою «литературу». Рецензентъ «Русской Мысли» (П. Н. Милюковъ?), не соглашаясь со мною, говорилъ, что повѣсть составлена не въ Москвѣ, а въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, по тому признаку, что въ повѣсти дважды встрѣчаются слова: «иже *у насъ* въ Троицѣ» («Русская Мысль», 1888, мартъ, библіографич. отдѣла стр. 161). На то же указывалъ и г. Скворцовъ въ своей книгѣ «Діонисій Зобниновскій» (Тверь. 1890, стр. 70—71). Я съ своей стороны въ «Очеркахъ по исторіи Смуты» (примѣч. 200) позволилъ себѣ высказать догадку, что авторомъ повѣсти былъ дьякъ Григорій Елизаровъ, ушедшій изъ Москвы отъ поляковъ въ Троицкій монастырь: на немъ сходятся всѣ признаки, по какимъ строились до сихъ поръ заключенія объ авторѣ повѣсти.

— *Къ стр. 77.* Статья напечатана въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за іюнь 1888 года.

— *Къ стр. 94.* Замѣтка о началѣ Москвы была напечатана въ журналѣ «Библіографъ» № 5—6 за 1890 годъ. Въ новомъ трудѣ г. Забѣлина «Исторія города Москвы» (часть первая, М. 1902) можно читать на первыхъ страницахъ то же самое, что докладывалъ И. Е. Забѣлинъ на Московскомъ съѣздѣ.

— *Къ стр. 104.* Рецензія на трудъ Н. Д. Чечулина была помѣщена въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за май 1890 года. Позднѣе въ «Отчетѣ о 33-мъ присужденіи наградъ графа Уварова (Спб. 1892) появился обстоятельный отзывъ В. О. Ключевскаго о томъ же трудѣ Н. Д. Чечулина, и въ немъ были освѣщены нѣкоторыя изъ темъ, затронутыхъ въ настоящей статьѣ.

— *Къ стр. 127.* Рецензія на третій томъ «исторіографическаго» сочиненія г. Иловайскаго была помѣщена въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» за мартъ 1891 года.

— *Къ стр. 156.* Замѣтка о матеріалахъ, публикованныхъ г. Зерцаловымъ, была напечатана въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» за май 1891 года. Въ настоящемъ изданіи опущенъ конецъ замѣтки, заключавшій въ себѣ нѣсколько словъ pro domo. Самая же замѣтка печатается потому, что въ ней дано указаніе на значеніе «земскихъ сказокъ» 1662 года, до сихъ поръ мало еще оцѣненныхъ. Насколько знаемъ, лишь г. Алексѣевъ обратилъ на эти сказки должное вниманіе въ своей статьѣ о земскихъ соборахъ («Журналъ для всѣхъ» за 1902 годъ).

— *Къ стр. 164.* Статья «Какъ возникли чети?» была напечатана въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» за май 1892 года. Часть ея вошла въ мой отзывъ о книгѣ С. М. Середонина: «Сочиненіе Дж. Флетчера Of the Russe Common Wealth, какъ историческій источникъ» (см. Отчетъ о 34-мъ присужденіи наградъ графа Уварова).

— *Къ стр. 165.* Въ третьемъ изданіи «Обзора» М. Ф. Владимірскаго-Буданова (стр. 206 — 207) находимъ разборъ мнѣній о происхожденіи четей съ неожиданнымъ заключеніемъ, что всѣ труды «новыхъ изслѣдователей» имѣютъ лишь тотъ результатъ, что «возвращаютъ вопросъ къ прежнему его состоянію». Поэтому самъ г. Владимірскій - Будановъ остается при старомъ взглядѣ, согласно осужденномъ «новыми изслѣдователями».

— *Къ стр. 179.* Слова: «четверти существовали одновременно съ опричниной и внѣ ея» авторъ теперь замѣнилъ бы словами: «четверти существовали одновременно съ опричниной, но независимо отъ нея».

— *Къ стр. 180 — 181.* Авторъ остается и теперь при прежней мысли, что четвертные доходы дума вѣдала сначала чрезъ одного разряднаго дьяка (и тогда чети были подчинены Разряду), а за тѣмъ черезъ всѣхъ думныхъ дьяковъ (и тогда чети стали въ соединеніи, кромѣ Разряда, съ приказами Посольскимъ, Помѣстнымъ и Казанскаго дворца). Эта мысль не была принята проф. М. А. Дьяконовымъ, который, указавъ, что Большой приходъ упоминается въ 1555—1556 гг., а Четвертная изба въ 1561—1562 г., выразилъ мнѣніе, что чети возникли «изъ вѣдомства казначеевъ» и очень рано отъ него обособились («Дополнительныя свѣдѣнія о Московскихъ реформахъ половины XVI вѣка» въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» за апрѣль 1894 года). Можно думать, что только спеціальное изученіе реформъ Грознаго во всей ихъ совокупности покажетъ, гдѣ тутъ истина.

— *Къ стр. 182—185.* Вопросъ о взаимномъ отношеніи учрежденій «въ опричнинѣ» и «въ земскомъ» очень интересенъ. Авторъ имѣлъ случай высказаться по этому вопросу въ «Очеркахъ по исторіи Смуты» (глава вторая, отд. III).

— *Къ стр. 186.* Эта замѣтка напечатана была въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» за май 1893 года.

— *Къ стр. 193.* Замѣтка «о двухъ грамотахъ 1611 года» была помѣщена въ изданіи «Commentationes Philologicae. Сборникъ статей въ честь И. В. Помяловскаго» (Спб. 1897).

— *Къ стр. 201.* Рецензія на сборникъ писемъ К. Н. Бестужева-Рюмина была напечатана въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» за май 1898 года. Нѣкоторое освѣщеніе перепискѣ нашего историка съ графомъ С. Д. Шереметевымъ можно найти въ трудѣ графа «Царевна Ѳеодосія Ѳеодоровна. 1592—1594» (въ сборникѣ «Старина и Новизна», книга V. Спб. 1902).

— *Къ стр. 211.* Статья напечатана въ «Вѣстникѣ Всемірной Исторіи» за 1900 годъ, № 12.

— *Къ стр. 219.* Статья напечатана въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» за мартъ 1900 года. Той же Степенной книгѣ А. Ѳ. Хрущева посвящено изслѣдованіе П. Г. Васенка въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» за апрѣль 1903 года.

— *Къ стр. 225.* Замѣтка объ Угличскомъ кремлѣ составляетъ сокращенное изложеніе доклада на Ярославскомъ областномъ съѣздѣ 1901 года и помѣщена въ «Трудахъ» этого съѣзда (М. 1902).

— *Къ стр. 231.* Напечатано въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» за октябрь 1901 года.

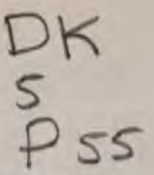
— *Къ стр. 236.* Статья о Никоновомъ сводѣ была помѣщена въ томѣ VII (1902 г.), книжкѣ 3-й «Извѣстій Отдѣленія русск. яз. и словесности Имп. Академіи Наукъ».

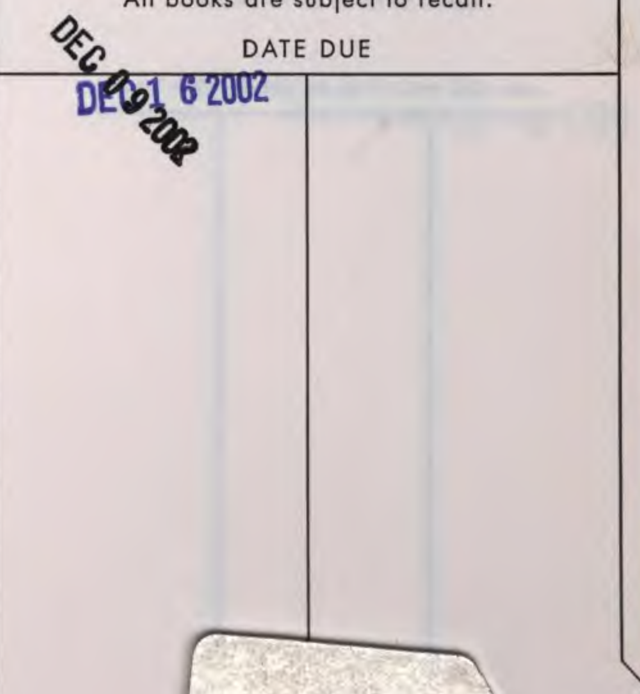
— *Къ стр. 248.* Напечатано въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» за декабрь 1902 года. Авторъ надѣется возвратиться къ вопросу о концѣ земскихъ соборовъ въ особой статьѣ.

— *Къ стр. 278.* Напечатано въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» за февраль 1897 года.

— *Къ стр. 300.* Напечатано въ «Запискахъ Имп. Русскаго Археологическаго Общества», т. XI, вып. 1—2 (Спб. 1899).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

DK
5
P55

DEC 0 9 2002
DEC 1 6 2002